

Люсьен
МЮССЕ

Варварские нашествия
на Западную Европу:
волна вторая

*«Благодаря этим нашествиям
Запад обрел свое плодотворное разнообразие».*

Историческая библиотека

•

Люсьен
МЮССЕ

Варварские нашествия
на Западную Европу:
волна вторая

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2006

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)4
М98

Серия «Историческая библиотека» основана в 2001 году

Перевод с французского А.П. Саниной

Научный редактор А.Ю. Карачинский

Серийное оформление С.Е. Власова

Компьютерный дизайн Ю.М. Мардановой

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 13.06.06.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 3000 экз. Заказ 2053.

Мюссе, Л.

М98 Варварские нашествия на Западную Европу: волна вторая / Люсьен Мюссе; пер. с фр. А.П. Саниной. — СПб.: Евразия, 2006. — 337, [15] с. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-8071-0211-8

Варварские нашествия на Западную Европу не раз меняли ее облик. В кровавых столкновениях рождались новые цивилизации.

В книге известного французского историка Люсьена Мюссе на основе многочисленных исторических источников подробно анализируются проникновение в VIII — X веках викингов, сарацин, славян в Европу и зарождение новых государств, окруживших варварские королевства.

УДК 94(4)

ББК 63.3(4)4

© Санина А. П., перевод, 2001

© Карачинский А. Ю., вступительная
статья и глоссарий, 2001

© Издательство «Евразия», 2006

ISBN 985-13-8469-0
(ООО «Харвест»)

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Российский читатель получил возможность познакомиться с главным трудом известного французского историка Люсьена Мюссе «Варварские нашествия на Европу: волна вторая». При первом знакомстве название этой книги может вызвать вполне понятное изумление, поскольку под варварскими нашествиями в нашей стране долгое время подразумевались вторжения германских народов на территорию Римской империи — Великое переселение народов в IV–V вв. Но Л. Мюссе посвящает свой труд не менее значительным событиям, в ходе которого Европа претерпела важные социальные и экономические изменения, а ее политическая карта приобрела совершенно иной вид. Речь идет о проникновении в VIII–X вв. в Европу различных народов — викингов, сарацин, славян — и зарождение новых государств, которые плотным кольцом окружили уже сформировавшиеся к этому времени в Западной Европе варварские королевства. В ходе этого процесса, по большей части сопровождавшегося насилием и разрушением, экономическая, общественная, культурная жизнь Запада резко изменилась. Старые институты были сметены с лица земли, и захватчики, часто в сотрудничестве со своими жертвами, создали новые принципы существования. В различных местах взаимодействие нападавших и населения Западной Европы строилось по-разному: как показывает Л. Мюссе, вторжения извне далеко не всегда имели только негативные последствия — в Анг-

лии, наводненной викингами, в результате слияния англосаксов и датчан зародилась оригинальная культурная и политическая система; были открыты новые пространства и торговые пути, оживившие западноевропейскую экономику; увеличение роли монетного оборота также следует отнести в актив викингов. В Нормандии герцоги из Норвегии, заимствовав элементы политической структуры каролингской империи, создали могущественное государство с мощным экономическим потенциалом. Отметим, исследуя возникновение новых государств в Восточной Европе — Руси, Польши, Венгрии, — автор с благодарностью упоминает, что именно на долю этих народов выпала тяжкая участь защитить Европу от третьей волны нашествий — вторжения татаро-монголов в XIII в. В своей книге Л. Мюссе очищает историю нашествий VIII–X вв. от многочисленных штампов и наслоений, часто приводивших к их одностороннему восприятию. Автор смело разрешает самые спорные вопросы, широко используя данные археологии и лингвистики, тщательно аргументируя свою точку зрения. В результате его анализа ряд событий принимает совершенно иной вид: так, например, поход нормандского герцога Вильгельма Завоевателя в 1066 г. в Англию с целью завладеть ее короной, Л. Мюссе рассматривает с точки зрения соперничества между норманнами, осевшими на землях Франции, и датчанами, посадившими на английский престол своего представителя. Для удобства читателя книга разделена на две части: в первой Мюссе повествует о ходе нашествий на Европу и образовании новых государств, во второй же кропотливо распутывает вопросы, по которым до сих пор историки не могут прийти к единому мнению, и предлагает свой вариант разрешения задачи.

Автор представленной читателю книги Л. Мюссе до сих пор является одним из ведущих историков Франции, чьим призванием было изучать средневековую Нормандию и Скандинавию. В предисловии к сборнику, выпущенному в его честь, Мюссе включен «в первые ряды французских медиевистов». Ученый всегда отличался такой любовью к Нормандии и ее истории, что

его коллега и друг П. Шоню пошутил, что Мюссе лишь единожды изменил своему пристрастию — родившись в Бретани. Начав свое преподавание в 1943 г., Мюссе в 1954 г. пошел в Канский университет, где в 1972 г. получил звание профессора. Но к этому времени он уже опубликовал в 1951 г. свою первую книгу — «Скандинавские народы в средние века». В 1965 г. в издательстве «Обье» появляется его новый труд — «Введение в рунологию», где автор еще раз показал себя тщательным и вдумчивым исследователем. Вслед за этими работами последовал длинный ряд книг и статей (чье число достигает 298), среди которых можно назвать «Ковер из Байе», «Нормандцы, Гастингс и скандинавский мир», «Римская Нормандия», издание актов Вильгельма Завоевателя и др. Но все они так или иначе затрагивают любимый предмет исследования автора — мир Скандинавии и Нормандии во всем его многообразии.

Карачинский А. Ю.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель данной книги — представить общий обзор последних великих завоеваний, затронувших Европу, — не вмещается в те рамки, которые традиционно устанавливаются при изложении истории Средних веков. Автор вынужден бросить вызов: исходя из своих личных соображений, расположить массив событий и понятий, которые до сих пор изучались независимо друг от друга, порвав со столь привычной схемой, применявшейся в предшествующих работах. Стало быть, заранее предупредим читателя, что настоящий том содержит в себе попытки более чем одного обобщения, и что в его основных главах присутствует фактор субъективности. Само нынешнее состояние исследования допускает достаточно немалую долю рабочих гипотез, главным образом, когда речь идет о викингах. Следует ожидать обширного и глубокого пересмотра предлагаемых положений еще до ближайшей смены поколений.

Для того чтобы облик этих завоеваний, имевших своим источником все стороны света и самые разные общества, не получился путаным, важно проследить их дальше того момента, когда перед нашим взором их наиболее явный, захватнический аспект начинает постепенно заволакиваться дымкой. Почти все они вылились в возникновение государств, созданных по образцу, предложенному латинской или греческой христианской цивилизацией, и обнаруживают существенное сходство. Все они образуют второе поколение средневековых государств. Перед Венгрией, Польшей и Норвегией зарождение новых монархий ставит схожие вопросы. На этом уровне становится очевидным, что второй натиск на христианскую Европу привел к единому результату. Наше изложение должно прийти к этой цели, даже если нам и не удастся сколько-нибудь разобраться во внутренней истории Северной и Восточной Европы.

КНИГА ПЕРВАЯ

**НАШИ
ПОЗНАНИЯ**

ВВЕДЕНИЕ

После событий конца VI в. — вступления лангобардов в Италию¹, а затем авар в Паннонию² — в могучем потоке переселения народов I тысячелетия³ наступило относительное затишье. С 570 г. до начала VIII в. Западной Европы не коснулось ни одно серьезное нападение извне. Только Восточной Европе по-прежнему не давали покоя сменяющие друг друга потрясения: VII в., который принес Западу полную безмятежность, для Востока стал эпохой, когда, после первых разрозненных шагов, продвижение славян стало постоянным и приобрело лавинообразный характер. Это был сигнал к началу второго кризиса, которому вскоре предстояло охватить всю Европу.

Этот второй кризис не так сильно повлиял на судьбы континента, как первый. За исключением славян, заселивших почти треть Европы, и, в меньшей степени, венгров, участвовавшие в нем народы не считали захват и освоение земель своей первостепенной задачей. Арабы и берберы времен первого натиска, в период после 711 г., в принципе стремились приобщить Южную Европу, вслед за Ближним Востоком и Северной Африкой, к учению ислама и подчинить ее Дамасскому халифату. Только они намеренно угрожали структурам, воссозданным после распада Римской империи, стремясь заменить их на сообщество правоверных. Другие захватчики, венгры и сарацины, участвовавшие во второй волне, думали главным образом о богатой добыче. Если они и соблазнялись какими-нибудь невозделанными земля-

³ См. предыдущий том, *Les invasions: les vagues germaniques* (87; 43-46).

ми или иногда брали в свои руки управление территориями, которые, на их взгляд, больше не приносили им достаточной прибыли, то это было лишь второстепенным делом. Теперь уже понятно, почему на последующих страницах экономическим проблемам будет уделено особое внимание: в этом приключении Запад рисковал в большей степени кошельком, нежели жизнью.

Несмотря на это Западная Европа была сильно разорена нападавшими. Если разместить на карте Европы значки, отмечающие области, обращенные в руины различными набегами времен второй волны, то чистой не останется почти ни одна страна. Побережью Германии посчастливилось избежать венгров, но у викингов стало обыкновением систематически направлять на них свои атаки. В Италии все равнины опустошили венгры, а сарацины — почти все горы; в прибрежной полосе сменяли друг друга мусульманские и скандинавские пираты, не говоря уж о славянах на склонах Адриатики. На некоторые области, например, низовья Роны, последовательно обрушились четыре лавины завоевателей: арабы, пришедшие из Испании, викинги, на короткое время закрепившиеся в Камарге, мадьяры, хлынувшие в приронский коридор, и сарацинские пираты, постоянно приглядывавшиеся к побережьям. В то время как нашествия на Византийскую империю, даже в VI в., были, в общих чертах, похожими друг на друга, исходя почти всегда из одного и того же сектора горизонта — что долгое время благоприятствовало обороне, — те, которыми займемся мы, сходятся в одну точку. Они отовсюду разом накатывают на ошеломленную Европу, которая не знает с какой стороны защищаться. Особенно ощутимой эта особенность оказывается в Галлии: в 870–900 гг., на памяти всего одного поколения, там появляются викинги, в основном с северо-запада и запада, но зачастую также с севера или юга, венгры, которые приходят либо с востока, через Рейн, либо с юго-востока, пересекая Альпы, и сарацины, наведывающиеся на средиземноморское побережье. Это наложение и совпадение объясняет то, почему, несмотря на небольшую численность нападавших и часто очень стре-

мительный и кратковременный характер походов, потрясение было колоссальным. Но когда новые варвары утихомирились, Запад, оставшийся наедине со своими руинами, постепенно вновь обрел равновесие.

Для того чтобы выдержать это испытание, у Европы уже не было таких ресурсов, как в V веке. Римская империя выжила лишь на Востоке, где она еще раз продемонстрировала свою действенность. Ей удалось одновременно отразить наступления, которые на Балканах вели против нее болгары и степные народы, а в Азии — иранцы и арабы; после тяжелых времен, когда, как, например, в 626 и 718 гг., врагам с востока и запада удалось взять в свои руки Босфор, она смогла пережить новый расцвет^а. Основную славу приносит ей многовековая дисциплина, унаследованная от Поздней Римской империи, хотя более непосредственным образом эти победы связаны с серьезными преобразованиями, вроде создания фем^б. Однако на Западе ничего подобного не существовало. Христианское сообщество там было глубоко разобщено. То немногое, что от него еще сохранялось в Испании, было охвачено раздробленностью, порожденной рядом географических причин и усиленной ностальгией по готскому королевству в Толедо^в. После разгрома остготов^г Италия не вернула себе ни духовного, ни политического единства даже тогда, когда франки энергично прибирали к рукам древнее лангобардское королевство. Великобритания достигла единения в вере, но в областях, заселенных кельтами и германцами, так и не были созданы прочные политические структуры или существенные оборонительные средства.

Краеугольным камнем Запада служила империя Каролингов. Однако это было недавнее строение шаткой архитектуры. С самого начала нацеленная на наступление, она никогда не сталкивалась с по-настоящему серьезными проблемами обороны. Ее правящий класс

^а В 728 г. болгары, в качестве союзников империи, с запада подошли к Константинополю, в то время как с востока этот город осаждали арабы. От этого совпадение не стало менее тревожным.

не испытывал недостатка ни в энергии, ни в средствах, но у него было мало опыта, и его наиболее выдающаяся часть, высшее духовенство, питала горячую страсть к программам, настолько обширным, что рассчитывать на их практическое осуществление было почти невозможно. Строению, столь быстро возведенному Карлом Великим⁶, не хватило зрелости, когда начался натиск, которого оно никак не ожидало. Поэтому необходимо снова подчеркнуть это отличие: к тому моменту, когда в 406 г. был прорван лимес⁷ на Рейне, проблема варваров уже более четырех веков на давала покоя чиновникам и императорам Рима, в то время как при Людовике Благочестивом⁸ франкская аристократия, в своих неосуществимых мечтах о братском согласии, христианской солидарности и чуть ли не разоружении, дала застигнуть себя врасплох. Никакой науки о враге, выработанной в Риме поколениями ветеранов, у них не было⁹. Отсюда размах катастрофы, которая была в равной мере интеллектуальной и политической.

* * *

Несмотря на все отличия, которые мы только что подчеркнули, второй подъем завоеваний не столь радикально отличается от первого, как можно было бы предположить. Разумеется, у исламского и славянского феноменов практически не было прецедентов. Однако процесс, который вывел на арену мадьяр, а затем вслед за ними хазар, печенегов и куманов (половцев), идентичен тому, который пятью веками раньше воодушевлял гуннов, так же, как и другие степные народы; все — социологическая мотивация, военная тактика, экономические характеристики, вплоть до пункта назначения —

⁹ Каролингский мир приобрел сопоставимый опыт при встречах только с двумя противниками, мусульманами Испании и славянами, и именно на этих двух участках он допустил минимум просчетов. Там, даже в самые мрачные моменты распрей по поводу престолонаследия, франки не переставали выступать весьма достойно, хотя повсюду в других местах росло число тяжелейших поражений.

паннонского бассейна, — демонстрирует поразительное сходство. Притязания средневековой венгерской историографии на наследие Атиллы не случайны. Сами масштабы исторического феномена могли бы быть сопоставимы, если бы в конце концов мадьярам не удалась та трансформация, которой пренебрегали все их предшественники, и которая превратила лихих кочевников в прочно осевших на земле крестьян.

У викингов также были свои предтечи, однако они кроются в закоулках истории великих германских завоеваний. Речь идет прежде всего о герулах, датском народе, ветвь которого попробовала свои силы в крупномасштабных путешествиях по рекам и морю^а: в III в. — по будущему маршруту варягов через Россию, Понт Евксинский и Эгейское море, а затем, в V в., — по пути викингов, который привел их к западным берегам Галлии и Испании^б. Однако, в первую очередь, мы должны припомнить саксонских пиратов III–V вв., предвосхитивших викингов в том, что касается не только морских путешествий, но еще и многочисленных поселений: например, в восточной Англии, Бессене, на нижней Луаре. Сходство настолько заметно, что следует предположить наличие непрерывной традиции, связывающей два этих движения. Впрочем, эти два народа так близки друг к другу, что на колонизованных ими землях, особенно в Нормандии, лишь с трудом можно распознать долю участия каждого из них.

Связь между саксонскими и скандинавскими миграциями — это больше чем просто гипотеза. Она засвидетельствована как археологией, так и историографией. После обнаружения королевского захоронения в Саттон-Хуф, сходство которого со скандинавскими погребениями очевидно, не осталось никаких сомнений

^а Les vagues germaniques (87; 149–150).

^б Некоторые филологи полагают, что в Скандинавии герулы оставили по себе прочную память; их название положило начало наименованию ярл, «граф, местный правитель». Однако эта гипотеза остается чрезвычайно спорной.

^с Les vagues germaniques (87; 306–309).

в существовании контактов между Англией и Скандинавией даже после конца англосаксонской миграции. Письменная история приносит другой весомый аргумент: английский эпос о Беовульфе, сюжет которого является датским в своей основе, доказывает, что островное общество сохраняло неослабный интерес к делам Скандинавии. Наконец, вспомним, что между концом англосаксонских миграций (незадолго до 500 г.) и первым датским походом во Фрисландию (около 520 г.) нет никакого, если так можно выразиться, зазора.

Присутствие саксов на земле будущей Нормандии ставит множество почти неразрешимых проблем. Оно подтверждено в VI в. двумя высказываниями Григория Турского⁹, называющего среди союзников армии Меровингов¹⁰ в борьбе против бретонцев, *Saxones Bajocassini*, «саксов из Байе» или «из Бессена»^а. Нет никакой возможности узнать, прибыли ли они по суше или по морю. Тремя веками позже тексты IX в. помещают в прибрежный район Бессена область, называемую *Otlinga Saxonia*: обязана ли она своим названием самим саксам, или побежденным, депортированным из родных мест Карлом Великим? Нам это неизвестно. Наконец, с XI в. мы находим в районе Кана некоторое количество топонимов (на *-tun* и *-ham*), которые можно было бы объяснить, исходя из древнесаксонского языка, если только они не являются скандинавскими, что также вполне вероятно. Трудно построить из этих обрывков систему, которая бы все объясняла. Однако отдельные авторы без колебаний приписывают саксам некоторые из наиболее распространенных в Нормандии топонимических основ (например, названия, заканчивающиеся на *-fleur*). Эта гипотеза остается филологически спорной и исторически невероятной, хотя скандинависты еще не внесли в этот вопрос желаемой ясности.

Итак, между двумя кризисами имеется некоторая преемственность, о которой следует постоянно помнить. Если Каролингская империя почти не смогла извлечь выгоды из несчастий, пережитых в свое время Римом,

^а Gregoire de Tours, Hist. Franc., V, 26 и X, 9.

то некоторые из агрессоров бессознательно восприняли богатый опыт, накопленный их предшественниками. Морское строительство и навигационные навыки викингов, в их удивительном совершенстве, развивают и продолжают опыт «народов моря» III–V века. И Арнад¹¹, убегая от печенегов на запад через карпатские перевалы, без сомнения, знал, что до него многие другие предводители кочевников нашли нечто вроде «земли обетованной» в Паннонии.

* * *

Хронология этого второго кризиса не обладает такой ясностью и простотой как «Великие нашествия» на Позднюю Римскую империю. Каждый агрессор следовал своему собственному ритму. В течение всего периода на заднем плане продолжались два процесса: затопление Восточной Европы славянским приливом, который на первых порах, до начала VIII в., разливался пространственно, а затем вглубь, образуя все более и более густую заселенность; и биение прибоя, бросавшего на запад стальных конников. Что касается последнего, то он не закончился в XI в.: если говорить только о латинской Европе, то, чтобы этот поток полностью иссяк, еще нужно было дожидаться монгольского нашествия во времена Людовика Святого¹²; а в Восточной Европе визиты азиатских кочевников не прекращались до XVIII в. (калмыки).

Несмотря на наличие общего религиозного знаменателя, мусульманские операции VIII в., с одной стороны, и IX–XI вв., с другой, полностью различны. Сухопутные экспедиции из Испании были всего лишь кратким эпизодом, финальную точку в котором поставил Карл Великий. Ответные рейды сарацинских пиратов и покорителей гор стали незаживающей раной, которая продолжала болеть до самых Крестовых походов, и от которой уже в новое время приняли эстафету набеги берберов.

Феномен викингов, если взглянуть на него в целом^a, имеет самые четкие временные рамки: начавшись в

^a По поводу его сложности см. ниже, стр. 209–211.

конце VIII в., он продолжался, по сути, почти до середины XI в., когда Англия окончательно выскользнула из объятий Дании. Безусловно, именно набеги викингов стали самым ярким событием, характеризующим наш период. Поскольку он оставил глубокую отметину на нашей западной цивилизации, не следует удивляться тому, что мы выбрали его ведущей темой данной работы. Впрочем, не будь его, другие перемещения новых варваров, непоследовательные и разобщенные, не заслуживали бы отдельного рассмотрения. Смысл и единство второму натиску на христианскую Европу придала именно атака викингов.

Остается задаться вопросом, существовало ли когда-нибудь это единство где-либо помимо воображения историков, жадных до обобщений и периодизаций. Мы, со своей стороны, в этом твердо убеждены, по крайней мере в том, что касается Западной Европы. Несомненно, в синхронности некоторых нападений немалой была роль случая, в основном на первых порах: между агрессивными поползновениями Омейядов¹³ в Галлии и первыми высадками норвежцев на шотландских островах не было ничего общего, хотя они и произошли в одно и то же время. Но, начиная со второй трети IX в., все уже обстояло иначе. Совпадение стало слишком разительным, чтобы отрицать наличие, по крайней мере, нескольких общих факторов. Мы найдем их, скорее, у жертв нападения, чем у нападающих. Христианская Европа была соблазнительной добычей для всех, относительной богатой, плохо защищенной и легкодоступной (настоящей приманкой для варваров повсюду становились монастырские сокровищницы). При всей своей спорности, тезисы Пиренна по крайней мере привлекли внимание к главному — диспропорции, которая существовала между экономическими базами Каролингской империи и ее политическими и экономическими амбициями¹⁴. Империя начинала постепенно слабеть, о чем, как кажется, соседи франков смутно догадывались. С самого начала нападений сама их многочисленность, парализуя франкскую оборону, стала мощным залогом успеха. Невольно, разумеется, варвары помогали друг другу, и их операции совпадали во времени, потому что так они оказывались более успешными.

Глава первая

СТЕПНОЙ МИР в VII—XI вв.

Начиная с IV в., евразийская степь превратилась в огромный коридор, по которому в своем движении на запад проносились дикие кочевники^а. Вслед за гуннами, в Паннонию пришли авары и мгновенно обосновались там. Однако набегали все новые волны, и VII век не ознаменовался подлинным затишьем. Натиск прибоев, бившегося в самые двери средиземноморского мира, не ослабевал. Сначала это были народы тюркской группы, болгары и хазары, не дерзнувшие продвинуться слишком далеко на запад; они остановились на берегах Черного моря и основали две могущественные империи, культурное значение которых, по своей величине, было необычным для данной среды. Затем, в тот момент, когда эти народы осели, на сцену выступили мадьяры, принадлежавшие к финно-угорской группе, пришедшие, скорее, с севера, чем с востока, но, несмотря на это, в совершенстве освоившие степной образ жизни. В течение приблизительно полувека они прошли через всю Европу, пользуясь смятением, уже посеянным там викингами и сарацинами. Когда же венгры, в свою очередь, остепенелись, Запад смог перевести дух. У ворот Европы ожидали своей очереди другие тюркские народы, печенег и куманы, однако они не смогли проникнуть достаточно далеко: их история имела лишь локальное значение, ограниченное территорией Причерноморья. Так, в преддверии монгольского нашествия XIII в., окончательно исчерпала себя вторая мощная волна движения, приведшего степных кочевников на Запад.

^а См. предыдущий том этой серии, *Les invasions: les vagues germaniques* (87; 58–65).

БОЛГАРЫ И ХАЗАРЫ

История болгар распадается на несколько периодов, между которыми не всегда легко обнаружить связь. С V до начала VII века это всего лишь малоизвестный степной народ где-то на заднем плане. В VII–XI вв. первая Болгарская империя¹⁵ на севере Балканского полуострова становится одним из наиболее значительных европейских государств; около 1019 г. его уничтожают византийцы. После интервала более века длиной, в конце XII столетия, возникает вторая Болгарская империя и существует вплоть до османского завоевания XIV века. Но за это время все уже стало иным — язык, религия, политическая структура. О некоторой преемственности свидетельствует лишь сохранение названия народа.

В своей исходной («протоболгарской») форме болгарский народ принадлежал к тюркской группе; по-видимому, он был очень близок к утигурам и кутригурам, двум племенам, обитавшим на Дону около 500 г.; нет сомнения, что он унаследовал от них некоторые свои составные элементы. Возможно, что кое-чем он был обязан и гуннам, рассеявшимся и утратившим свое этническое название столь скоро после смерти Аттилы¹⁶; во всяком случае, болгарская традиция включает в перечень своих ханов одного из сыновей Аттилы. Имеется несколько упоминаний о присутствии болгар в низовьях Дуная в правление императоров Зенона и Анастасия¹⁷, то в качестве союзников Империи в борьбе против готов, то в качестве инициаторов глубоких вторжений на Балканы; однако представляется, что первоначальное место обитания этого народа лежало гораздо дальше к востоку, вблизи северного берега Каспийского моря.

После 502 г. начинается затишье, хотя греческие источники еще время от времени упоминают о болгарских пленниках или наемниках (Юстиниан¹⁸ посылал их на границу с Арменией). Продолжалось оно в течение приблизительно века. Около 600 г. один болгарский правитель даже прибыл в Константинополь, чтобы при-

пять крещение: по-видимому, процесс «приручения» варваров шел своим обычным путем.

То немногое, что нам известно о происхождении болгар, протекает либо из лингвистических документов (несколько тюркских слов в греческих текстах), либо из любопытного списка правителей, интерпретация которого встречается с немалыми трудностями (он претендует на то, чтобы охватывать период со II по VIII вв.). Однако этого достаточно, чтобы с относительной уверенностью классифицировать протоболгарский язык и обнаружить достаточно оригинальную культуру. Список ханов доказывает, что этническое сознание болгар имело более древние и прочные корни, чем у большинства степных народов. Внушительные царские надписи языческого периода свидетельствуют об уровне представлений, напоминающем знаменитые «рунические» надписи тюрков из долины реки Орхон VII в.; они предоставляют замечательно развитый набор терминов социальной и военной иерархии. Его элементы, несомненно, свидетельствуют о долговременном характере политических учреждений у болгар^а.

Около конца VI или начала VII в. болгарская экспансия возобновилась. Одна группа — «черные болгары» — начала движение на восток и закрепилась в степях Кубани; другие углубились на север, остановившись в бассейне Камы, на границе тайги¹⁹, и еще в XIII в. мы встречаем упоминания о существовании здесь «Великой Булгарии». В конце концов эти элементы, покоренные монголами и исламизированные, смешались с другими тюркскими народами Поволжья. Небольшой отряд направился на запад, принял участие в покорении Италии лангобардами и осел в районе Беневента, где упоминания о нем встречаются вплоть до IX века. Однако большая часть этого народа обосновалась в низовьях Дуная и вернулась к мысли об

^а Что касается самого названия «болгары», то, хотя его этимология и остается спорной, его происхождение представляется тюркским.

экспансии в направлении Балкан. При императоре Ираклии они осадили Фессалоники и Константинополь в союзе с аварами и славянами.

Именно в это время на сцене появляется истинный основоположник политического могущества болгар, хан Кубрат^а. Ему приписывают три фундаментальных решения: освобождение от сюзеренитета авар, союз со славянами, соглашение (сопровожаемое символическим и несколько преждевременным крещением) с греками. Скоро натиск хазар сделал невозможным дальнейшее обитание болгар на территории к северу от Дуная. Около 680 г. сын Кубрата Аспарух, опрокинув остатки византийских гарнизонов, повел свой народ на южный берег реки. На территории, где он закрепился, древней Мезии, уже давно забыли о римском устройстве и церковной иерархии; население, достаточно немногочисленное, по-видимому, было славянским: такова отправная точка симбиоза, приведшего в будущем к полной славянизации болгар.

На завоеванной территории, которую Константин IV Погонат вынужден был официально уступить им в 681 г., ханы очень скоро создали настоящее государство. Сам верховный хан (в надписях «кашнас убиге»), чья власть происходила от Бога (речь идет не о христианском Боге, а о небесном Божестве палеотюрков), размещает свою резиденцию в Плиске (в настоящее время Абоба, недалеко от Шумена) в огромном лагере размером 3 на 5 км, где он строит укрепленный дворец с тронным залом; в IX в. появляются второстепенные резиденции в Тутракане на Дунае и, особенно, в Преславе, к юго-востоку от Плиски. Дворец этот возводится руками многочисленных пленников, они же выбивают исторические надписи на разговорном греческом, не чуждом эпического вдохновения, вперемешку с тюркскими словами, высекают грандиозные каменные рель-

^а Некоторые ученые (А. Грегуар) пожелали усмотреть в этом имени эпоним хорватского происхождения; это очень сомнительно. Сведения, которые предоставляет об этом персонаже традиция (список ханов, Никифор, «Чудеса св. Димитрия»), сложно совместить и точно датировать.

сфы, изображающие хана верхом на коне, пронзающего хищников. Все это напоминает иранский мир, скорее, царский двор Ктесифона, нежели Византии. Хан стоял во главе целой придворной иерархии, носившей достаточно загадочные для нас тюркские титулы: *багатур*, *тархан*, *кавкан*; затем следовала военная знать (которую греческие надписи обозначают термином «боляры», что представляется идентичным русскому «бояре»), подразделяющаяся на три класса. Замечательная организованность и дисциплинированность, по-видимому, являлись отличительным признаком болгар. Византия вынуждена была это признать: в 705 г. хан Тервел, первым из всех варварских правителей, принял титул кесаря. О массе населения, в большинстве своем славянского, состоявшего из крестьян, главным образом, конечно, скотоводов, нам известно лишь очень немногое.

Выделить этапы славянизации болгар на основании лишь греческих источников трудно. Ханы носили тюркские имена вплоть до Персиана (831–852), имевшего также и славянское имя Маламир, и до этого же времени исключительно тюркскими остаются «варварские» слова, встречающиеся в греческих надписях. Только в X в. доля славянских слов становится внушительной. Но несмотря на то, что тюркское наречие отходит на второй план, болгарское государство остается многоязычным: крупные меньшинства говорят на греческом и латыни (валахи), а в более поздний период необходимо учитывать и куманские (стало быть, снова тюркские) и даже армянские элементы.

Должно быть, империя Аспаруха и Тервела не выдавалась на юг дальше Балканского хребта; прибрежный регион, к северу от Бургаса, подчинился ей (за исключением портов) в начале VIII века. Эти границы удовлетворяли болгар приблизительно до середины VIII века. Однако грозные ханы IX в. значительно расширили их. Крум (808–814) овладел Средецем (София) в 809 г., затем, в 811 г., победил и убил императора Никифора (первый император, погибший в бою после Валента (уб. в 378 г.) и дошел до Эгейского моря. Льву Армянину едва удалось спасти Византию. В 816 г. Омуртаг, наследник Крума, заключил с греками

перемирие на 30 лет; использовал он его для того, чтобы укрепить свое владычество над землями к югу от Балканского хребта, построив «великую фракийскую стену» от залива Бургаса до Марицы; кроме того, он столкнулся с франками в Хорватии. Кажется, что до этого момента ханы, в большинстве своем, были близорукими политиками; предпринимавшиеся ими попытки объединиться в своих нападениях на «град, хранимый Богом» (Константинополь. — *Прим. ред.*) с мусульманами были редкими и не имели особых результатов. Правда, византийцы поддерживали контакты со степью через Херсонскую фему: в соответствии с одной из их наиболее обычных дипломатических уловок, им не раз удавалось удержать болгар от продвижения на юг, натравив на них врагов с тыла.

Важное изменение произошло тогда, когда в 864 г. хан Борис вместе со своим народом принял крещение. По окончании внутренней борьбы, в которой *боляре* потерпели поражение, Болгария стала первым в славянском мире великим христианским государством. Император Михаил III стал названным крестным отцом Бориса, однако последний только и ждал момента, чтобы ускользнуть из-под его духовного протектората, обратившись к папе Николаю I с просьбой прислать латинское духовенство. Попытка не имела успеха, однако побудила Византию предоставить Болгарии значительную церковную автономию (869–870).

Войдя в христианский мир, болгары скоро решили дать волю своим амбициям. Они пожелали потягаться с греками за саму Империю. Однако в наши задачи не входит детальное изучение дальнейшей истории этого государства, для которого фаза завоеваний бесповоротно миновала. Скажем только, что ее апогеем стала коронация в 913 г. сына Бориса, Симеона, с титулом императора-соправителя Константина VII. Этот эпизод не получил продолжения, однако его плодом стала Болгарская империя, управляемая царем (= кесарем), и болгарский патриархат, основанный в 926 г. в Преславе. Эта империя, которой, начиная с 934 г., угрожали венгерские набеги с тыла, а затем растущее освободительное движение славян (сербы добились автономии незадолго

до 930 г.), в конце концов была уничтожена в ходе повторного византийского завоевания, начатого Никифором Фокой и продолженного Иоанном Цимисхием²⁰. В 972 г. национальная болгарская династия прервалась (царь Борис II стал сановником византийской иерархии), а патриархат был упразднен. Самуил, выходец из македонской семьи, возможно, армянского происхождения, возглавил последний, отчаянный рывок, который после с 976 г. обеспечил возможность частичной реставрации, однако при этом были затронуты только славянские элементы. Окончательное поражение последовало после 1001 г. под страшными ударами Василия II Болгаробойцы. Последние осколки былого величия Болгарии растаяли между 1014 и 1019 гг., и после более чем трехвекового отсутствия византийские гарнизоны снова заняли позиции вдоль Дуная.

В последний период своей истории, при Самуиле, Болгарская империя уже не имела ничего общего с тюркским ханством в Плиске. Ее центр тяжести переместился к западу, в верхнюю Македонию, в окрестности Орхида и Преспа. Тем, что она оставила славные воспоминания о себе на этих землях, объясняется тот факт, что в 1185 г. имя «болгары» было принято предводителями антивизантийского восстания Петром и Ассеном, создавшими из славянских и валахских элементов «вторую Болгарскую империю», которой суждено было просуществовать чуть более двух веков. Между этими двумя болгарскими империями почти нет ничего общего, кроме вышеописанных отношений «усыновления» и некоторого совпадения территориальных владений. Что же касается интеллектуального наследия государства Бориса и Симеона, то оно, в определенной мере, было воспринято Киевской Русью. Оно уже не содержало ничего, что связывало бы его напрямую с племенем Кубрата и Аспаруха.

За болгарам последовали хазары, другой тюркский народ, который, обойдя Каспийское море с севера, к концу VII столетия занял позицию на нижней Волге. В противоположность всем предшественникам, они не стали двигаться дальше. Между тайгой, Кавказом, Доном и рекой Урал они основали государство, которое

в течение трех веков сохраняло удивительную стабильность.

Из всех степных народов этот, безусловно, наименее типичный. Амплитуда его миграций очень незначительна, склонность к оседлой жизни проявилась весьма рано; влечение к караванной торговле и городам скоро одержало верх над привычкой к кочевому скотоводству. Если в течение VII в. хазары — это дикие кочевники, частые союзники Византии в борьбе против мусульман, то в VIII в. мы можем наблюдать у них появление крупных торговых городов. По описаниям арабских путешественников, они состояли из еврейских, христианских и мусульманских кварталов, управляемых независимо друг от друга, по восточному образцу; главными были Итиль, недалеко от Астрахани, на пересечении путей Иран — Русь, Византия — Центральная Азия, Хамлидж, стоявший севернее на Волге, Самандар на побережье Каспия, и прекрасная крепость Саркел, построенная на Дону на византийский манер для защиты от венгров.

Хазарское государство принадлежало к восточному типу, однако обладало уникальной структурой. Во главе его стояли два правителя, один из которых назывался *каганом*, а другой *бегом*; финансовая и военная организация отличалась высоким уровнем развития. Несомненно, что тюркский элемент играл там лишь роль правящего слоя, господствовавшего над чрезвычайно разношерстным населением (кавказцы, иранцы, финно-угры и др.). Основное своеобразие этого государства было связано с религиозным строем: хазары — это единственный народ в истории, который около конца VIII века в массовом порядке, однако не полностью, обратился в иудаизм; чуть позже меньшинство примкнуло к исламу.

Оставшись в изоляции из-за своей иудейской веры, хазарское государство в конце IX в. оказалось в критической ситуации: на восточной границе появилась новая волна тюрков, печенегов, и, двигаясь с востока на запад, пересекла ее, в то время как русичи, вышедшие из тайги, начали продвижение с севера на юг с целью достичь Черного моря. Наконец, в 963 г. великий князь

Киевский Святослав уничтожил Саркел, а в 968 г. истребил последние остатки хазар — не слишком благоразумный поступок, основным результатом которого стало то, что вместо мирного торгового государства Киевская Русь по всей своей южной границе вошла в соприкосновение с необузданным и жестоким племенем печенегов. Таким образом, гибель Хазарской империи совпала с прибытием новой волны степных народов. Предполагается, что первое русское государство позаимствовало у нее некоторые политические идеи, и, в частности, титул кагана, который часто носили его князья. Таково оказалось единственное прочное наследство, оставленное этим народом.

ВЕНГРЫ

После того как болгары переправились через Дунай, мир степи, казалось, успокоился. Идущие в нем процессы перестали привлекать внимание Запада, после того как в 796 г. Карл Великий расправился с аварами. Началось даже обратное завоевание Паннонии оседлыми народами: стремясь занять пустующую территорию, германские элементы двигались на северо-запад, а славянские — главным образом, на север (Великая Моравия Моймира и Ростислава в середине IX в.) и юг (Хорватия). В 850 г. архиепископ Зальцбурга заложил церковь к северу от озера Балатон, и в это же время там, от имени германских Каролингов, шло внедрение зачатков управления. Но в 895 г., спустя одно поколение, через Карпаты переправились передовые отряды нового кочевого народа — и мадьяры почти мгновенно смели все, что было сделано в течение века. В течение шестидесяти лет они наводили ужас на континентальную Европу, а затем осели в ее центральной части. Волна кочевников, начало которой они ознакомили, не спадала еще долгое время: печенеги, гузы и куманы следовали друг за другом одними и теми же путями, однако венгры стали щитом между ними и латинской Европой. И не успело еще спокойствие вновь воца-

ряться в степи, как ее захлестнула новая волна — монгольское нашествие XIII века.

История венгров представляет собой лишь одно звено длинной цепи, но отличается явным своеобразием. Это единственный случай нашествия, виновниками которого были представители финно-угорской группы, единственный случай, прямые последствия которого ощущаются еще и в наши дни, наконец, единственный, со времен Атилы, случай, когда Запад испытал столь глубокое потрясение.

По очевидным причинам, ни один степной народ не привлек такого внимания к изучению своего происхождения как венгры. Подобно всем остальным кочующим группам, которые смогли добиться успеха, мадьяры сформировались в результате добавления различных страт к более гомогенному первичному ядру. Ядро это, определенно, было угорским, то есть оно восходило к этнической ветви, очень близкой к финской; самыми прямыми родственными узами венгерский язык связан с двумя диалектами восточной части России, на которых говорят вогулы и остяки. Должно быть, древнейшая территория обитания венгров находилась в среднем течении р. Камы, левого притока Волги; вероятно, там они занимались разведением оленей до тех пор, пока на рубеже нашей эры не предпочли им лошадь. Чуть позже, как свидетельствуют некоторые лексические заимствования, они вошли в контакт со степняками иранской группы, особенно с аланами. Затем они долгое время находились в общении с тюркскими племенами. Название «венгры», под которым этот народ сделался известным христианскому миру, обязано своим появлением бесспорному факту слияния мадьяров с оногурами. У других тюрков, близких к чувашам, мадьяры позаимствовали порядка девяти процентов своего словаря, причем почти вся эта лексика имеет отношение к сельскому хозяйству и животноводству, а также многие личные имена. Во времена завоеваний некоторые венгерские племена обозначались тюркскими наименованиями. Тем не менее не похоже, чтобы в результате смешения с тюрками видоизменился физический тип

венгров, который всегда оставался отчетливо европеоидным.

Около VII или VIII вв. мадьяры покинули Прикамье и переместились на земли восточной Украины, между Волгой и Донцом, ведя все более и более кочевой образ жизни, который придавал этому сложному по составу народу глубокое единство. В 889 г. на мадьяр Украины обрушились удары печенегов, и они рассеялись. Основная группа избрала своим королем Арпада и вскоре направилась к Паннонии, в которую вторглась в 895 г., перейдя Карпаты, несомненно, сразу через северо-восточный и юго-западный проходы. В это движение был вовлечен и тюркский клан каваров.

Эта схема строится на лингвистических документах, собранных и проанализированных венгерскими историками^а; в том, что касается двух последних веков, ее уточняет повествование Константина Багрянородного^б 21. Этот текст называет в качестве последнего местопребывания венгров до начала миграции на запад Леведию и Ателькузу (венгр. — Леведи, Этелькоз), термины, которые стали предметом ожесточенных споров; первый, без сомнения, относится к востоку Украины, второй (который означает «междуречье») означает либо западную Украину, либо современную Молдавию. Именно оттуда Арпад начал свой путь в Паннонию.

Проблема происхождения венгров усложняется еще и существованием «Великой Венгрии», располагавшейся на Волге и говорившей на мадьярском языке, которую в 1235 г., незадолго до того как она рухнула под ударами монголов, обнаружили доминиканские миссионеры. Безусловно, речь идет об ответвлении венгерского народа, которое в VII или VIII в. отказалось продолжить миграцию на юго-запад.

Возможно, что само по себе исходное название венгров, мадьяры, является комбинацией из первого

^а E. Moór. Ausbildung (100) и G. Vernadsky, M. de Ferdinandy. Studien zur ungarischen Frühgeschichte. Munich, 1957.

^б De administrando imperio (2; гл. 37–42).

угорского и второго тюркского слова с одинаковым значением «человек». Греки и латиняне называли их тюрками-оногурами, для арабов они были тюрками-башкирами, наконец, для прочих они были просто «тюрками» или «сабирами».

Переход через Карпаты не был бездумным поступком загнанного в тупик племени. В значительной мере это был результат ловкой политики греческого императора Льва VI. Находясь под угрозой со стороны болгарского хана Симеона, он искал способ напасть на него с тыла. Посол Никита Склир убедил мадьярских королей Арпада и Курсана взять эту роль на себя. Они согласились, переправились через Дунай вблизи Силистрии и достигли Преслава. Однако этот слишком быстрый успех взволновал Льва VI, который вовсе не желал, чтобы на месте наконец христианизированной Болгарии возникло новое варварское государство. Он бросил мадьяр на произвол судьбы, и те, будучи зажаты между болгарами и печенегами, оказались в сложной ситуации. Оставался единственный способ вырваться из нее — отгородиться от врагов Карпатами.

В Паннонии мадьяры быстро вынудили не слишком многочисленное население, которое занимало эту равнину, сняться с насиженных мест. Великая Моравия рухнула. Оставив за собой скотоводство и пастбища, венгерские племена оставили жить, главным образом в горных регионах и в наполовину рабском состоянии, некоторые оседлые народы. Каждое племя имело своего выборного вождя, потомки Арпада обладали лишь достаточно неопределенным главенством. Руководство военными экспедициями принадлежало собранию воинов и вождям, которых оно назначало.

Подробности оккупации плохо известны, к тому же средневековые хронисты излишне поусердствовали, восполняя нехватку источников того времени. По-видимому, Арпад сначала захватил Трансильванию, затем сделал центром своей державы Эстергом на излучине Дуная. Около 899 г. он заключил перемирие с моравами. До 907 г. в западном направлении завоева-

тели не выходили за границу р. Рабы; однако чуть позже разгром моравского королевства позволил завоевать Словакию и территорию современной западной Венгрии.

Мадьяры быстро осознали, что их новые земли представляют собой исключительно удобный перекресток всевозможных путей, что позволяло им выбрать в качестве объекта своих вторжений почти любое государство Европы, и не наудачу, а пользуясь его минутной слабостью, о которой они всегда бывали прекрасно осведомлены (их жертвы были уверены, что их предавали). Все государства, расположенные в пределах досягаемости из паннонской равнине, поочередно «принимали» у себя мадьярских всадников. Не привлекали их лишь лесистые регионы Севера.

Интерес венгров к Германии, главной цели их рейдов, возник еще до их укоренения в Паннонии: в 862 г. *Анналы Сен-Бертена* отмечают, что на королевство Людовика Германского напали враги, «доселе неведомые для этих народов и называемые венграми»^a. В 898 г. венгры открыли Италию: они прозондировали оборонительные рубежи у р. Brenta, а на следующий год пришли снова, преодолели их и оказались под Павией. Вскоре, через Германию и Италию, они нашли и путь в Галлию: начиная с 911 г. они добрались до Бургундии, в 917 г. — Лотарингии, в 919 г. — самого сердца *Франции* (Francia). В конце концов их привлекло последнее, более традиционное для степных народов направление — путь на юг, на византийские земли, уже прощупанные во время неудачного похода 894 года. Они наведывались туда несколько раз (последний — в 961 г.), но натолкнулись на крепкую организацию Болгарской Империи, отныне стиснутой между мадьярами и греками. К тому же Балканы, уже разоренные столькими завоевателями, не сулили сопоставимых с латинским Западом перспектив для грабежа.

^a *Annales Bertiniani*, (30; 93).

В целом, между 899 и 955 гг., венгры предприняли 33 похода на Запад, достигая таких удаленных пунктов как Бремен (915), Орлеан (937), Манд (924) или Отранто (947). Разграблен был весь континент, за исключением Испании и приатлантических регионов, уже изрядно обобранных викингами. Больше всего венгров привлекали две страны: Бавария, куда они совершили одиннадцать походов, и Ломбардия, где их видели тринадцать раз; но даже далекая Апулия удостоилась их посещения трижды. Было бы утомительно проследивать все эти экспедиции: обратим внимание лишь на некоторые примеры.

Прежде всего коснемся первого большого похода, имевшего место в 899 году. В предыдущем сезоне передовые отряды венгров установили отсутствие на северо-востоке Италии какой бы то ни было серьезной системы обороны (лимес Фриуля был заброшен со времен разрушения его аварами). В августе 899 г. венгерская армия прошла через Аквилею и Верону, а затем появилась под Павией, столицей короля Беренгария. Он выступил им навстречу; тогда венгры, развернувшись, пустились прочь в восточном направлении (разумеется, это было традиционное «бегство» конных кочевников). Битва произошла 24 сентября 899 г. у переправы через Бренту вблизи Падуи; для короля Италии она закончилась полным и чрезвычайно кровопролитным разгромом. Затем венгры снова направились на запад, дойдя до самого Пьемонта и Валле-д'Аоста, в то время как другие пошли в Эмилию, Модену и Венецию, которую попытались захватить при помощи кожаных лодок. Наконец, летом 900 г. они возвратились в Паннонию.

Теперь проследим первые крупные экспедиции в Германию. В марте 907 г. венгры переправились через Рабу; пятого июля вблизи Братиславы они разгромили маркграфа Баварии Луттпольда, вместе с которым пали архиепископ Зальцбурга, епископы Фрейзинга и Бриксена и бесчисленная баварская знать. Отделившийся легкий отряд переправился через Энс и разграбил, в числе многих других, аббатство Тегернзе. С 908 г. венгры приходят снова: они нападают на Тюрингию и

9 июля убивают маркграфа Бурхарда вместе с архиепископом Вюрцбургским. В 909 г. они разоряют Швабию и Рецию. 12 июля 910 г. они сражаются со швабами и убивают их графа; 2 июня, около Аугсбурга, от их рук погибают два других, затем венгры берут Регенсбург. В 911 г. они впервые проходят через всю Германию от края до края и достигают Бургундии. Первый переход через Альпы, в направлении с запада на восток, происходит в 924 году.

Быстро, с безукоризненной систематичностью, свидетельствующей о соответствии между средствами и целью, венгерская кавалерия каждую весну отправляется в поход, как только травы становится достаточно для коней. На десять или двенадцать лет едва ли приходится хоть один год передышки. Что бы ни утверждали некоторые современные венгерские историки, во всем этом не было ни общего плана, ни особых политических мотивов, но лишь замечательное умение извлекать выгоду из местных обстоятельств. С годами эти походы становились все более и более далекими, так как близлежащие страны, слишком разоренные, доставляли все меньше и меньше добычи. К концу этого периода венгры иногда зимовали во вражеской стране, как, например, в 937–938 гг. в центральной Италии, или начинали свои операции еще до наступления весны.

Эти походы разоряли в основном сельскохозяйственные зоны, а также уединенные монастыри, сулившие самую богатую добычу. Для осады укрепленных городов у венгров не было ни времени, ни средств; штурмом были взяты лишь очень немногие (основное исключение — это Павия, захваченная 12 марта 924 г.), а разрушена была, кажется, только Конкордия вблизи Аквилена^a. Цель состояла в как можно более быстром захвате добычи, включавшей ценности и многочисленных рабов; часто венгры перепродавали их по пути, но по своим коммерческим способностям они сильно уступали викингам. Должно быть, ужас, который наводили

^a Schiaparelli, I diplomati di Ugo (25; 34, No XI, 928).

эти походы, сознательно поощрялся — как это в дальнейшем имело место с монголами — чтобы заранее парализовать всякий дух сопротивления. Вместе с внезапностью именно это и составляло главные козыри нападавших.

Так же, как и викингов, западные ученые окружают венгров пугающим ореолом. Некоторые рассказы развивают тему легенды об Александре Великом: якобы Карл Великий запер венгров за неприступной крепостной стеной, но Арнульф Каринтийский, желая заручиться их помощью против Святополка Моравского, неосторожно освободил их. Этот фантастический рассказ встречается уже во времена Оттона I у Видукинда Корвейского²³. Широкое распространение также получило представление о том, что пользоваться слабостью Запада венгры могли лишь в результате гнусных измен со стороны христиан: Флодоард²⁴ обвиняет короля Беренгария в том, что именно он явился вдохновителем и организатором экспедиций венгерских 922 и 924 гг.^b; Бенедикт из Монте-Соратто ставит в вину римскому роду, возглавлявшемуся маркграфом Петром, набег венгров 928 г. на Тоскану^c. Истинная правда то, что перед лицом венгров, так же, как и викингов, аристократия оказалась катастрофически не способна выполнить свой долг, и местные правители неоднократно пытались из соображений личной мести подстрекать венгерские банды (однако мадьяры были гораздо менее падки на эти предложения, чем сарацины).

О венграх охотно говорят «в апокалиптическом тоне»^d; их приход возвещается знамениями, кометами, метеорами, и почти нет таких зверств, которых бы им не приписывали. Тот набор терминов, которыми их обозначают, весьма поучителен. Их называют именами самых страшных варваров всех эпох: *скифов, гуннов,*

^a Widukind, *Chronica Saxonum* (10; 1, 19).

^b *Annales*, ed. Lauer (36; 7 и 24).

^c *Chronique*, ed. Zuchetti (18; 160).

^d Fasoli, *Incursions* (109).

аваров, агарян и даже ариан! Впрочем, как оказалось, незаслуженное уподобление гуннам вызывало у мадьяров большую гордость: в XII и XIII вв. они воспользовались им, чтобы обогатить свою национальную историю древним прошлым, которого ей недоставало.

Венгры почти не встречали отпора. Для этого требовалась конница, такая же стремительная, как у них, а каролингская система мобилизации была тяжеловесной и медлительной; к тому же перед лицом венгров, как и норманнов, мужество часто покидало воинов Запада^а. До 955 г. почти любое столкновение с ними для христиан означало кровопролитное поражение, в результате чего в рядах западной аристократии погиб каждый десятый (именно в этом кроется одна из главных причин быстрой смены правящего класса в IX–XI вв.). Никто и не помышлял перекрыть пути, что могло бы оказаться действенным: в Италии, например, передвижение венгерской кавалерии и повозок с добычей оставалось привязанным к римским дорогам. Однако чтобы ограничить убытки, от венгров защищались так же, как и от норманнов, — сооружая укрепления, что в этом случае явно приносило наилучшие результаты. Венгерская угроза была одним из основных факторов увеличения количества укрепленных городов и замков в Южной Германии и Северной Италии. После 901 г., чтобы преградить переправу через Энс, баварцы сооружают замок Энсбург; в 908 г. Арнульф восстанавливает стены Регенсбурга; монастыри окружают себя стенами (Санкт-Флориан в Пассау в 901, Санкт-Максимин в Трире в 926 г.). Начиная с 915 г. в Ломбардии, особенно на церковных землях, множатся сельские замки^б; восстанавливаются стены Павии и Бергамо. В Германии в 924 г. король Генрих I осуществляет методичный план фортификации в Тюрингии и Южной

^а В 919 г., во время венгерского вторжения в Лотарингию, Карл Простоватый призвал в войско всех своих вельмож; на его клич ответил только Геривей, архиепископ Реймский: Flodoard, *Historia Remensis Ecclesiae*, IV, 14, éd. Lejeune, II, p. 510.

^б См., например, *I Diplomi di Berengario I*, éd. L. Schiaparelli (24; 133, 177, 209, 249, 263, 266, и др.).

Саксонии, а именно, в Мерзебурге, Кведлинбурге, Гандерхейме. Самым надежным было бы предпринять контрнаступление в Паннонию, или, еще лучше, склонить венгров к оседлости и принятию христианства. Но до середины X столетия об этом нельзя было и подумать.

В какой мере венгры повинны во всем том, за что их упрекают? Они не являются единственной причиной общей нестабильности, и грамоты итальянских королей указывают, что укрепленные замки строятся не только «для защиты от язычников», но также и «из-за неистовства недобрых христиан»^а. С другой стороны, как это недавно показал один бельгийский автор^б, венгерские набеги уж слишком часто становятся будничной темой монастырской историографии, давая возможность объяснить пропажу архивов и владений или подчеркнуть чудесные свойства почитаемых святынь. Наконец, в некоторых прибрежных областях (например, в Северной Франции) нередко имеет место неопределенность относительно истинной национальной принадлежности «язычников»: венгры это или викинги? А когда речь идет о Провансе — венгры или сарацины?

Очень ограниченные в пространстве и времени, очень несогласованные, венгерские набеги не произвели результатов, сопоставимых с теми, которыми увенчались походы викингов. Бегство населения и даже святынь имели небольшую амплитуду и короткую продолжительность: монахи из Горца ушли в Мец, а из Сен-Баля в Реймс; мощи из Ребэ в 937 г. нашли пристанище в Марсильи-сюр-Ор. Случаи продолжительного запустения, даже в церковной жизни, редки: даже во Фриуле, через который венгры проходили столько раз, процесс создания монастырей во второй половине X в. бесконечно более заметен, чем убытки, которые можно отнести за счет этих набегов. Безусловно, много людей стало жертвами венгров, наподобие рассказанной Фло-

^а Ibid, p. 209 и 266, (LXXVI и CI).

^б D'Haenens, Incursions (110).

доардом истории священника из Шампани, вывезенного в Берри, откуда он бежал, или девицы благородного происхождения из окрестностей Вормса, проданной в рабство, — им почти нет числа. Что касается археологических следов венгерских экспедиций, то они выглядят мимолетными: принадлежность венграм нескольких предметов из бронзы и оленьего рога, найденных в двух местах на востоке Франции, в Иль-Омоне (Об) и Блено-ле-Понт-а-Музоне (Мерт и Мозель), остается в области догадок^a.

Вероятно, натиск венгров стал ослабевать в середине X века: шел процесс оседания на земле, выгода экспедиций снижалась, по всей Австрии, преграждая дунайский маршрут, разместились крупные германские гарнизоны; мадьярские всадники потерпели несколько поражений, например, в 938 г. в Саксонии и в 948 г. в Баварии; в 950 г. германцам впервые удалось проникнуть в Паннонию и жестоко отомстить венграм, дойдя до Тиссы и захватив богатую добычу, женщин и детей. Но, разумеется, всех этих факторов было бы недостаточно, чтобы заставить венгров «остепениться», если бы не решающая победа при Лехфельде, недалеко от Аугсбурга, которую в 955 г. одержал над ними Оттон I — одно из наиболее важных событий европейской истории.

В 954 г., воспользовавшись мятежом в Баварии, венгры еще смогли совершить одно из своих самых глубоких вторжений: переправившись через Рейн недалеко от Вормса, они разграбили Рейнскую область и Лотарингию, задержавшись на некоторое время в окрестностях Меца; затем они быстро прошли Кельн, Маастрихт, Намюр, Вермандуа, Шампань, Бургундию, переправились через Альпы и возвратились к себе через Италию. В 955 г. они, под руководством своего вождя Булксу, хотели возобновить этот поход; однако мятеж в Ба-

^a J. Scapula, Habitats succesifs sur la butte d'Isle-Aumont, Revue archéologique de l'Est, VII, 1956, p. 275-284; G. Poirot, Foyers de l'invasion hongroise à Blénod-lès-Pont-à-Mousson, ibid., XII, 1961, p. 335-338.

вари закончился, и Оттон I решил остановить их. Когда венгры вторглись в Баварию, Оттон поспешил из Саксонии им навстречу. Он нашел их занятыми подготовкой к осаде Аугсбурга и имел время для того, чтобы собрать против них войска со всего своего государства, включая Богемию (только Лотарингия опоздала с присылкой своих воинов). Битва, состоявшаяся 10 августа 955 г., закончилась кровавым разгромом венгров, лагерь которых был захвачен, а вся добыча отобрана, и в ходе преследования были взяты в плен два венгерских вождя, Булксу и Лель. Оттон казнил их в Регенсбурге^а.

Победа при Лехфельде одним ударом положила конец венгерским набегам на Запад. Имели место и другие успехи, второстепенного значения, но только на Балканах. До самого появления монголов, то есть в течение приблизительно трех веков, латинский христианский мир смог забыть об угрозе со стороны степных народов.

Венгры пришли к оседлости, но минуло еще около века, прежде чем этот процесс завершился. Вероятно, из-за нескончаемых войн и финальных поражений прослойка воинов тюрков (или тюркизированных позднее), поредела, освободив тем самым место для более мирных скотоводов, которые по своему происхождению оставались наиболее близкими к финнам. С другой стороны, окончание походов, которые всегда вели «вожди» (duces), и никогда короли, позволило королевской власти укрепиться и держать в узде наиболее беспокойные роды. Наконец, и это самое главное, появилась возможность для развития миссионерской деятельности.

Еще с середины X в. среди венгров имелось какое-то количество христиан, крестившихся в частном порядке под влиянием Византии или темных моравских церквей, которые уцелели на севере этой страны; с другой стороны, возросло количество пленных христиан. Катастрофический исход кампании 955 г. должен был

^а Ср. Karl Leyser, The battle at the Lech 955. A Study in tenth century warfare // History, L, 1965, p. 1-25.

убедить мадьярскую аристократию в бессилии их древней религии, о которой нам почти ничего не известно. Во всяком случае, христианизация скоро сделала примечательный шаг вперед. Около 950 г. в Константинополе приняли крещение два вождя восточных племен; дочь одного из них вышла замуж за Гезу, главу рода Арпада. Нет сомнения, что на юго-востоке, в Чанаде, был основан греческий монастырь. Одновременно на Западе действовали германские миссии, которые направлялись из Регенсбурга и Пассау, начиная приблизительно с 970 года, в основном епископом Пилигримом. Наконец, на северо-западе начало чувствоваться влияние молодой чешской церкви и святого Адальберта. Князь Вайк, сын Гезы, принял крещение и в 996-м или 997 г. женился на сестре герцога Баварии Генриха. Возможно, встревоженный монопольным влиянием германского духовенства, он радушно принял итальянских миссионеров — в числе прочих тех, которых тогда готовил для Восточной Европы знаменитый равеннский подвижник святой Ромуальд, — и вошел в сношения с папским престолом. В тысячном году папа Сильвестр II с согласия императора Оттона III возвел Вайка на корабельский трон под именем Стефана (Иштвана). Мы знаем о том огромном значении, которое последующая венгерская традиция придала этому событию: из «венца святого Стефана» она сделала мистический символ венгерского государства. Фактически именно при Стефане Венгрия вошла в сообщество европейских королевств.

Вскоре, приблизительно в 1001 г., было основано архиепископство венгерское; около 1010 г. оно обосновалось в Эстергоме на Дунае. К 1002 г. за ним последовал бенедиктинский монастырь св. Мартина в Паннонхальме, в 1014 г. — вторая митрополия для Юга, в Калоче, а затем сеть епископств, которых к концу XI в. было уже десять. К северо-востоку от озера Балатон была основана политическая столица, Секешфехервар, «город белого трона» (лат. — *Alba Regia*). После смерти Стефана (1038 г.) вся западная Венгрия, возникшая на месте римской Паннонии, начала приобщаться к европейской цивилизации; в соответст-

вии с каролингской моделью, король разделил страну на графства, в которых снова стали постепенно появляться города. Землям к востоку от Дуная, и, главным образом, в бассейне Тиссы, удавалось с большим трудом следовать по этому пути, и они долгое время оставались прибежищем кочевого образа жизни. Династические неурядицы в середине XI в. часто ставили под сомнение заданное св. Стефаном направление, однако в конце концов оно получило поддержку и восторжествовало при королях Ладиславе (1077–1095) и Коломане (1095–1119).

После своего обращения в христианство Венгрия перестала быть отрицательным полюсом Европы. Когда около 1020 г., после уничтожения первой Болгарской Империи, византийская реконкиста достигла окрестностей Белграда и Дуная, появилась возможность проложить через паннонскую равнину трансевропейский маршрут с северо-запада на юго-восток. По нему тотчас же потянулся поток латинских паломников, направлявшихся на Восток. Впервые со времен появления авар регион среднего течения Дуная снова стал одним из оживленных дорожных перекрестков. Языческая реакция в 1049 г., а затем последовательное прибытие осколков других кочевых народов (печенегов и куманов-половцев) уже ничего не могли изменить.

Переход племени мадьяров к оседлому образу жизни содействовал полному видоизменению облика Центральной Европы. Южные славяне были окончательно отделены от северных и западных. Связь между осколками балканской и адриатической части римского мира (фриульцы, далматы, аромуны, валахи, румыны) была полностью прервана. Юго-восточная Германия пережила стремительный подъем: хроника Бенедиктберена заявляет, чуть-чуть слишком категорично, что «после разгрома венгров баварцами эта провинция снова начала заселяться»^a. Фактически именно тогда появилась на свет Австрийская марка, окончательно сформированная Оттоном III в 976 году. Наконец, косвенным образом

^a M.G.H., S.S., IX, 218.

разгром венгров лежит в основе реставрации империи Оттонами²⁵: упрочив свое могущество этой победой, Оттон I отныне мог быть спокойным по поводу востока, и стал уделять больше внимания делам в Италии.

Несмотря на обращение в христианство, Венгрия по своему языку и культуре осталась страной, отрезанной от остальной Европы. Ее короли окружили ее укрепленным гласисом (гуери), в прочной конструкции которого неоднократно могли убедиться крестоносцы. Вливание в христианскую Европу началось в XII в. с Запада, с окрестностей столиц Эстергома и Секешфехервара; ко времени появления монголов в середине XIII столетия оно едва достигло Альфельда.

АРЬБЕРГАРД ДИКИХ КОЧЕВНИКОВ: ПЕЧЕНЕГИ И КУМАНЫ

Печенеги (для греков — *пацинаки*) появились на горизонте христианского мира около 880 г., в степи между реками Урал и Волга; вероятно, пришли они из лесостепных областей Севера; во всяком случае, они были тюрками^a. Под напором других тюркских племен, волжских хазар и гузов, они начали перемещение на Запад, которое первоначально привело их на Украину. Чтобы освободить там для себя место, им пришлось вытеснить оттуда мадьяров вначале в Румынию, а затем в Паннонию. Таким образом, около конца IX в. территория их кочевий лежит между устьем Дуная и нижней Волгой; приблизительно до 950 г. они занимают преимущественно восточную часть; затем их центр тяготения перемещается к западу, в район между Черным морем и зарождающимся Киевским государством, куда их оттеснили вновь прибывшие тюрки и куманы.

В течение X в. печенеги были одним из главных объектов деятельности византийской дипломатии. Будучи поочередно союзниками и противниками мадьяр,

^a См. Macartney, The Petchenegs (119).

болгар и русов, они то открывали, то закрывали перед киевскими князьями путь к нижнему Днепру и прибыльным набегам на Византию. Став в XI в., после уничтожения Болгарии, непосредственными и опасными соседями Византийской Империи, они оказались в фокусе всевозможных маневров, направленных на то, чтобы заставить их рухнуть, осесть или принять христианство. Перед этим нажимом печенегии не устояли. В первых годах XI века некоторые из них ушли в Венгрию; тогда же, около 1008 г., немецкий миссионер Бруно Керфуртский даже надеялся обратить их всех к христианству, но без особого успеха. Другие, более многочисленные, нанялись на службу к грекам и венграм. Гузы, следовавшие позади них, скоро оттеснили их с Украины в Молдавию, а затем на север Болгарии. Последний контакт печенегов с Киевом имел место в 1036 г.; впоследствии они безнадежно силятся выкроить себе место на Балканах, терпят крах, и, после середины XI в., рассеиваются. Банды, искавшие наживы на территории Византийской Империи, были в 1091 г. разгромлены Алексеем Комнином²⁶ и влились в византийскую армию, в которой след этих действенных, но непокорных помощников можно проследить почти на каждом поле битвы вплоть до середины XII века. Приблизительно до этого же времени менее значительные группы печенегов сделали несколько более неясную карьеру в Венгрии^а.

^а Нам ничего не известно о внутренней истории печенегов. Помимо своего занятия скотоводством, они, по-видимому, играли определенную роль в торговле, выступая в качестве посредников между хазарами, греками и славянами, а также сами продавали рабов и коней. Переход к оседлости, который наметился у них в начале XI в., так и не завершился. Даже в Венгрии они до конца оставались кочевниками. Похоже, что там они были радушно встречены, главным образом на территории горного массива Матра к северо-востоку от Будапешта, где память о них хранят топонимы (названия в *Бесеньо*), и на австрийской границе, где еще в 1222 г. имеется упоминание о некоем «*comes Bissenorum*», «графе печенегов»; возможно, именно они положили начало мадьярорычному населению Бургенланда.

В 1064 г. гузы, шедшие по пятам печенегов, переправились через нижний Дунай и устремились в Македонию; после того как они были разбиты, часть их утвердилась на Балканах, а остальные отправились в Анатолию на службу в византийской армии. Их появление было не более чем мимолетным эпизодом. Иначе обстояло дело с пришедшими им на смену куманами (по-русски — *половцы*), последним степным народом, появившимся до монгольского нашествия. Это была очень смешанная публика; говоря на тюркском языке, они, по-видимому, были блондинами с голубыми глазами. Придя из Центральной Азии в начале XI в., они кочевали в Поднепровье и после 1080 г. установили свое господство над всеми землями между Карпатами и озером Балхаш. Дальше они не продвинулись до самого монгольского нашествия, которое уничтожило их в 1239 году. Для византийцев они были неудобными соседями, которые в конце XI в. совершили несколько походов на Фракию, а для венгров — естественными союзниками. В XIII в. их осколки рассеялись по Венгрии и Болгарии, однако большая часть смешалась с новыми степными народами, в особенности, с кипчаками.

Их главная историческая роль состояла в окончательном закрытии южных подступов к Киевской Руси; однако они также имели определенное значение в качестве торговых посредников между Европой и Азией. В XIII в. в странах Причерноморья куманский был языком делового общения и, с легкой руки миссионеров, даже чуть не обрел письменность. Но для полного развития Кумании не хватило времени. Заметная часть побежденных в 1239 г. закончила свой путь в качестве рабов в Италии и Египте (мамлюки²⁷) или наемных солдат на службе у Никейских императоров²⁸ и второй Болгарский Империи.

Обустройство куманов в Венгрии при Беле IV имело место в центральной части, Альфельде, между Дунаем и Тиссой. Автономные районы Великой и Малой Кумании существовали вплоть до 1848 года.

Таким образом, до самых времен Людовика Святого степной мир на восточных подходах к Европе оставался беспокойным, образуя непрерывную цепь практически от Аттилы до Чингисхана и способствуя сохранению у венгров в большей степени, чем у болгар, памяти о своем кочевническом происхождении.

Глава II

РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯН

Расселение славян на север, запад и юг в период раннего Средневековья — историческое событие первостепенной важности, не менее весомое по своим последствиям для будущего Европы, чем нашествия германцев. В течение двух или трех веков группа племен, до того населявших территорию современных Западной Украины и Белоруссии, наводнили половину континента, достигнув таких неблизких к своим исходным рубежам точек, как Киль, Бамберг, Линц и Коринф. К несчастью, нам недоступны детали этих чрезвычайно важных событий: движение славян происходит почти исключительно вне полосы, освещаемой латинскими и греческими текстами. Несмотря на недавние и очень заметные успехи, археология, сама по себе, не в состоянии заставить заговорить этот безмолвный мир. Можно назвать почти изученными только последние стадии этого поступательного движения, приведшие славян в непосредственный контакт с германскими и романскими народами и византийским миром.

Некую определенность в проблему происхождения славян вносит лишь лингвистика: славянский язык принадлежал к восточно-индоевропейской группе. Его ближайшие родственники — балтийские языки. Само название «славяне» мало о чем говорит нам: нет сомнений, что оно восходит к слову (*slovo*) и означает «людей, говорящих на понятном языке» в противоположность чужакам; свое имя славяне приобрели не ранее VI века. Несмотря на огромное пространство, на котором укоренились славянские диалекты, они разнятся между

собой значительно меньше, чем германские или романские языки. И это расхождение возникло лишь в достаточно поздний период: история св. Кирилла и Мефодия показывает, что в IX в. славяне Македонии и Моравии еще прекрасно понимали друг друга, пользуясь диалектом, по-прежнему очень близким к общеславянскому. Решающим фактором этой дифференциации стало укрепление в начале X в. барьера между северными и южными славянами, воздвигнутого венграми и румынами. Болгарский и македонский языки оказались на противоположных полюсах.

Вполне вероятно, что во времена Ранней Римской Империи предки славян занимали, главным образом, верхний бассейн Днепра и его притоков, особенно Припяти, а также, безусловно, часть бассейнов Вислы, Днестра и Донца. Русские археологи полагают, что смогли выделить археологический тип, а именно Зарубинецкий и Черняховский, который соотносится с этой областью распространения славян. Пытаться заглядывать глубже уже рискованно. Однако ряд авторов, преимущественно польских, предлагает приобщить к славянскому прошлому всю известную своей характерной керамикой «лужицкую культуру», которая в середине I тысячелетия до н. э. простиралась от Одера до Припяти. Позднее, под двойным натиском степняков-иранцев и германцев, двигавшихся с берегов Балтики, этот обширный ареал сместился к востоку. Признать это предположение частью истории пока невозможно. Так или иначе, протославянское население было недостаточно густым, чтобы преградить путь иранским, а затем германским племенам, особенно готам, во время их великого переселения от Балтики к Черному морю.

Как впервые называются эти протославяне в классических источниках? Может быть, именно они выступают под именем антов, малоизвестного народа, населявшего внутренние понтийские земли, упоминаемого в V и VII вв. и явным образом соотнесенного со славянами в тексте Прокопия²⁹? Так считают многие

^a De bello gothico, III, 14, 21–30.

русские историки, хотя довольно часто анты изображались как враги «склавинов». Эти анты, по-видимому, имели тесные контакты с эллино-иранской степной средой, в то время как почти нельзя обнаружить следов их общения со славянами исторической эпохи. Следовательно, разумнее связывать со славянами «склавинов» греческих текстов и *Sclavi*, или *Winidi*, латинских. Уровень цивилизации протославян вызывает не меньше споров; для того чтобы приписывать антам наличие политического устройства и городов, предвосхищающих таковые в Киевской Руси, нет достаточных оснований: документы отсутствуют.

ПРОДВИЖЕНИЕ СЛАВЯН В IV–VIII вв. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ

Первым с определенностью говорит о славянах текст Иордана³⁰, который, в середине VI в., помещает их между южным Дунаем, Днестром и Вислой (анты занимали территорию между Черным морем, Днестром и Днестром). Следовательно, именно это время стало началом экспансии славян на юг. Почти сразу же информации становится больше. Продвижение шло по трем направлениям: на северо-восток, в тайгу; на запад, через германо-польскую равнину; на юг, в сторону Балкан. Степи, окаймляющие Черное море, и лесистые берега Балтики к востоку от Вислы, находившиеся в руках тюркских или балтийских народов, славяне поначалу не трогали.

В период правления Юстина I³¹ византийцы впервые вступили в прямой контакт со славянами в нижнем течении Дуная. И с этих пор им постоянно приходилось сталкиваться со славянской проблемой; однако им была известна лишь одна ее сторона — обращенная к югу. Латиняне, которые с конца VI в. встречались со славянами на п-ове Истрия, а затем, в VII в., — в Тюрингии, были озабочены этим гораздо меньше. Основные этапы этого движения разворачивались за преде-

лами досягаемости тех источников, из которых они черпали свои сведения, в регионах, доселе не имевших истории. Поэтому вплоть до того момента, когда в конце IX в. христианские миссионеры, а также еврейские и арабские купцы, начали пересекать славянские владения из конца в конец, общая картина для нас недоступна.

Итак, нам неизвестно очень многое. Например, изучение социального положения славянской массы только-только начинается. Базовой единицей являлось племя, но многие из них имеют названия чисто географического происхождения. Северяне Центральной Руси — это просто «люди с Севера», поляне из окрестностей Киева — «люди равнины». Другие же несут имена, которые встречаются по всему славянскому миру. Словене есть и на Руси, в окрестностях Новгорода Великого, и в восточных Альпах; хорваты встречаются в Галиции, Силезии, Богемии и Иллирии; сербы — на Балканах и на р. Шпрее. Все это вовсе не указывает на существование древних и достаточно упорядоченных общностей; по-видимому, среди славян частыми были расколы и перегруппировки. Выявить наличие настоящей наследственной знати мы не можем. Во главе некоторых из этих племен — но не всех, до этого пока далеко — стояли князья, чья власть, впрочем, была весьма неустойчивой. Старославянское название такого правителя, *knyaz*, *князь* (если взять его русскую форму), отдаленно родственное германскому *kuningaz*, «король», подразумевает, скорее, старшинство внутри расширенной семьи, нежели подлинную королевскую власть^а. Иноплеменные искатели приключений не раз с успехом навязывали себя в качестве военачальников славянам на первых порах их политического развития. Однако некоторые народы, например, сербы в Лужице, или нарентане в Южной Далмации, довольно долго сохра-

^а Впоследствии многие диалекты почерпнули понятие королевской власти у Каролингского Запада. Известно, что имя самого Карла Великого стало нарицательным для обозначения правителя «на франкский лад» (напр. по-польски — *krol*).

няли «республиканский», или, точнее, олигархический, строй.

Религиозные верования не были ориентированы на поддержку политических структур. До IX в. все славяне были язычниками, но об их вере очень мало известно. Только в достаточно поздний период и в очень ограниченных регионах, где имело место соприкосновение с иноплеменниками, тюрками, или, преимущественно, скандинавами, можно заметить у некоторых из них хорошо структурированное язычество, обладающее пантеоном, представленным деревянными идолами: в X в. вокруг варяжских князей Киева, и особенно в XI и XII вв. у вендов Мекленбурга и Померании. Большинство авторов полагает, что для масс эти рафинированные формы язычества оставались чуждыми. Для южных славян сведения о развитых формах религиозности полностью отсутствуют.

Расселение славян нельзя объяснить одной потребностью в жизненном пространстве, ведь после ухода восточных германцев в Средиземноморье оно было направлено исключительно на запад. В качестве необходимой гипотезы предстает непомерный демографический взрыв. Он, так сказать, заступил бы на смену аналогичному росту населения, которое, как считают, произошло в II–V вв. чуть западнее, в германском мире. Однако нет смысла и говорить, что у нас нет никакого объяснения для этой волны повышения рождаемости, или падения смертности, катящейся с запада на восток. Тайна остается непроницаемой, тем более что политические объяснения, за которыми нам обычно так удобно прятать свое незнание, здесь не имеют силы: в эпоху великого переселения у славян не существовало государства, и ни о каком, собственно говоря, завоевании речь не шла. Там же, где оно имело место, как, например, на Балканах, оно являлось лишь побочным результатом движения, которое прежде всего имело в виду захват пахотных земель и пастбищ для скота.

ПРИХОД СЛАВЯН В ЦЕНТРАЛЬНУЮ И ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ

Труднее всего проследить продвижение на северо-восток, в современную Россию. Его напор испытывали на себе в основном финно-угорские племена, не имевшие истории, и все, что оно по себе оставило, — это археологические следы, прежде всего курганные захоронения. В особенном изобилии они встречаются на землях кривичей между верховьями Дуная и Волги, около Смоленска, а также вятичей — между истоком Дона и Окой, вблизи Орла и Воронежа; датировка их очень приблизительна — между IV и X веками. Около VIII в. славяне начали выходить из тайги, двигаясь в восточном направлении и достигая Волги, Оки и Дона. В этот период их путь отмечен укрепленными поселениями, связанными с оседлым земледелием, однако вскоре он был прегражден степными кочевниками. Мы не слишком много знаем о том, каким образом передовой отряд славян смог достичь низовий Дона, рек бассейна Азовского моря и в конце концов Таманского полуострова, на восточном берегу Керченского пролива, где в X в. основал княжество Тмутаракань, в большей степени знаменитое, чем действительно изученное. Независимо от мнения большинства русских историков, представляется, что движение вниз по Волге до самого Каспия, предположительно, имело место только в IX в. под руководством скандинавов-варягов и то, от случая к случаю. Равным образом, именно скандинавы установили прочную связь, через степь, между славянами Украины и Черным морем^а.

По-видимому, движение на запад началось в IV в., когда славяне на довольно почтительном расстоянии последовали за отходившими германцами. Оно должно было происходить на почти незаселенных территориях, во всяком случае, совершенно беспорядочно, а значит,

^а См. гл. III, стр. 102.

поначалу мирным путем. После VI в. славяне должны были достигнуть восточной Прибалтики, безусловно, Эльбы и, совершенно определенно, Богемии и Восточных Альп. По всему этому фронту они наткнулись на германцев, остававшихся на месте, после чего совершали только незначительные шаги вперед. Последний прорыв до Заале и Майна, похоже, производился в VII и VIII веках из Богемии. Дальнейшая экспансия приняла форму роста численности населения внутри существующих границ.

Западная граница расселения славян хорошо известна по источникам и топонимам. Она начиналась на Балтийском побережье к западу от Любека, соединялась с Эльбой в пятидесяти километрах к востоку от Гамбурга^а, затем шла вверх по течению этой реки и Заале до местности к югу от Йены, иногда образуя значительные выступы в западном направлении, как, например, в окрестностях Люнебурга. Далее к югу лингвистическая граница прихотливо извивалась, пересекая долину Майна между Бамбергом и Байрейтом, а затем поворачивала к востоку на полпути между Богемским лесом и Дунаем, который перерезала между Линцем и Пассау. В Восточных Альпах пограничная линия была более неопределенной в результате перемещений, вызванных каролингскими завоеваниями, а впоследствии венгерским нашествием; она тянулась от восточных подступов Зальцбурга до прибрежных районов Триеста, а затем упиралась в Адриатику вблизи основания залива Кварнер, если не учитывать нескольких отклонений на территорию Фриуля (ср. карту № 3).

Без учета нескольких самых незначительных отклонений, до конца X в. эта граница если и перемещалась, то лишь в сторону восточной Австрии. Затем она была сметена мощной волной немецкой колониза-

^а В конце VIII в. на этом участке будет достигнут еще кое-какой успех, благодаря союзу славян-ободритов с Карлом Великим против саксонцев; они останутся у Саксонской границы, которая шла с севера на юг, от Киля до Лауенбурга.

ции^a. Однако некоторые наиболее западные племена оказались из числа самых жизнестойких: полабские славяне с левого берега Эльбы, жившие к юго-востоку от Люнебурга, прекратили свое существование только в 1789 году! Что касается лужицких сербов, то они до сих пор образуют достаточно компактную группу к югу от Берлина.

Это широкомасштабное расселение больше напоминает освоение свободных земель, чем завоевание. Славянам не приходилось вытеснять предыдущих хозяев; там же, где, в виде исключения, последние еще жили в значительном количестве, пришельцы довольствовались тем, чтобы обосноваться вокруг них (прибалтийцы в Пруссии). При отсутствии жителей, способных к самообороне, рушились ономастические традиции; сохранялись только названия некоторых крупных рек (Днепр, Висла, Эльба, и др.) и горных массивов (Карпаты)^b. Чуть ли не в одной Силезии можно заметить кое-какие следы преемственности между германской и славянской эпохами — это прежде всего факт сохранения самого названия этой территории, которое, похоже, было заимствовано у вандалов-салингов. Однородный слой славянских топонимов, чаще всего, вполне прозрачных, покрывает всю Восточную Европу: повсюду к востоку от Эльбы можно распознать и другие, под немецкой лакировкой. В числе славянских названий Берлин, Лейпциг, Шемниц. Археологи подтверждают эти данные: горизонты разом становятся чисто славянскими, без примеси предыдущих элементов.

^a Оставшиеся на месте славянские элементы участвовали в этой колонизации в гораздо большем количестве, чем считалось в недавнем прошлом.

^b Название Богемии старше прихода славян, но сохранилось оно только в немецком языке. Славянское наименование — Чехия. Некоторые до-славянские топонимы сохранились в восточной Австрии, отчасти, бесспорно, благодаря латиноязычному населению, и среди них прежде всего Вена — слово кельтского происхождения (*Vindobona*).

Иногда решающая роль в разрушении последних германских элементов к востоку от Эльбы приписывалась аварам. Однако на то, что авары предвосхитили расселение славян на запад, не указывает ничто; они играли эту роль только юго-западнее или южнее. В своем движении на запад славяне не имели союзников и останавливались, как только встречали населенные и организованные территории — Тюрингию под протекторатом Австразии³², независимую Саксонию, Баварию, или лангобардское королевство.

Что касается северного направления, то славяне, по-видимому, не помышляли о том, чтобы переправиться через Балтийское море, до XI или XII вв., когда взоры предприимчивых пиратов из Мекленбурга и Померании обратились к южной Скандинавии; это не привело ни к чему, кроме возникновения редких поселений (на датских островах Фальстер и Лолланн). Германизация земель между Эльбой и Одером быстро положила им конец.

Славяне северо-запада внутри четырехугольника, образованного Богемией и Прибалтикой, в большинстве латинских источников известны под названием вендов (*veñdi* уже у Фредегара). Однако еще римские географы I в. н. э. описывая занимавшие этот регион народы, именовали их *venethi* или *venedi*. Это сходство до крайности заинтриговало историков. Скорее всего, германцы распространили на новых обитателей польской равнины название их предшественников^а.

СЛАВЯНИЗАЦИЯ БАЛКАН

В римскую эпоху гражданское население Балкан за дунайским лимесом было исключительно разнообразным. Однородная римская культура, подобно лаку, покрывала западные регионы и долину Дуная до самого

^а Этим именем, всегда остававшимся чуждым славянским языкам, финны стали называть славян (по-фински *Venäjä* — «Россия»).

морья, в то время как эллинизмом был окрашен юг и восток полуострова, однако ассимиляция коренного населения была очень неравномерной. Если оставить в стороне собственно Грецию, то она была тотальной на побережье Далмации, некоторых равнинах Македонии, а также вдоль побережья Проливов и Черного моря. Но с IV в. многочисленные варварские племена, прорвав границу по Дунаю, проникли на север полуострова. Византия, верная своей традиции, побеждала одних руками других, никогда полностью их не устрояя. Каждый большой прорыв приносил византийцам некоторую пользу и много разрушений. Затем Балканы оказались в орбите политики, которая, в подражание иранскому миру, состояла в перемещении в один конец Империи населения, ставшего неудобным в другом^а. Мозаика становилась все более и более сложной, но не создавала опасного для порядка в Империи положения^б.

Но, начиная с Юстиниана, все стало меняться. Колоссальные усилия, приложенные этим римлянином из верхней Македонии, чтобы вновь завоевать Запад, в то же время обороняясь от персов, привели к тому, что Балканы оказались без войск. Византийскому флоту долгое время удавалось преграждать доступ в Дунай большим армиям, но он не препятствовал просачиванию через *лимес*, например, вдоль долины р. Тимок, многочисленных славян, которых поначалу возглавляли вожди-тюрки. После 548 г., в ходе одного из набегов, славяне достигли побережья Адриатического моря, а на следующий год в значительном количестве впервые перезимовали внутри границ Империи. Единожды проникнув вовнутрь, эти славяне, не затрагивая городов,

^а Эта политика, которая проявлялась во все времена византийской истории, достигла своего апогея в VIII–XII веках. Именно так, вместе с павликианами, депортировавшимися со времен Константина V до Иоанна Цимисхия из верхней Месопотамии, попала во Фракию ересь богомилов, и именно так в XI в. появились на Балканах первые турки-вардариоты.

^б Некоторые авторы допускают, что славяне присутствовали в числе варваров, обосновавшихся на Балканах до конца V в.; их аргументы не кажутся полностью убедительными.

которые они были не в силах взять, устремились на поиски наживы, полностью опустошая местность, где крестьяне оказывали им сопротивление. Некоторые из них обосновывались на землях в плохо контролируемых районах, однако мы не располагаем данными, чтобы проследить их расселение, которое остается в тени масштабных войн между Византией и аварами^а. Очень скоро отдельные отряды достигли стен Андрианополя и Константинополя (впервые в 551 г.), Коринфского перешейка (в 578 г.), наконец, побережья Далмации. Большая часть славян, вместе со своими пленниками, пернулась за Дунай, но некоторые остались бродить по полуострову.

При Маврикии (582–602) это явление приняло масштабы наводнения. Компактные славянские поселения образуются в Македонии и теснятся почти у самых Фессалоник, заняв регионы, обезлюдившие в результате налетов авар. Происходит их встреча с морем; с начала правления Ираклия (610–641) они уже спускают в Эгейское море свои лодки, сделанные из выдолбленного древесного ствола (моноксилы). Некоторые из них помогали аварам, которые в 626 г. осадили Константинополь, в то время как другие грабили побережье Греции, не создавая поселений. Приблизительно в ту же эпоху многочисленные сербы и хорваты, избавившись от опеки авар, захватили внутреннюю Иллирию. С 600 г. Григорий Великий говорит об их натиске на Салону и намерении проникнуть в Италию через Истрию. Здесь же они вскоре знакомятся с морем: около 641 г. славянский флот пытается произвести высадку в Апулии вблизи Сипонта. В VII–IX вв. низовья Неретвы стали логовом наводящих ужас пиратов.

Самый неясный вопрос — это судьба собственно Греции. Историки выдвигают теории, прямо противоречащие друг другу, в то время как источники почти безмолвствуют^б. По крайней мере два региона, Фессалия и внутренний Пелопоннес, были колонизированы сла-

^а Мы вкратце излагаем весьма здравые взгляды Лемерля, *Invasions* (147; 284–297). Наш основной информатор, Прокопий, называет балканских славян «склафинами».

^б См. ниже, гл. VI, стр. 186–190.

вянскими племенами в конце VI и начале VII века. Некоторые из них задержались там на очень долгое время: эзериты и милинги Лаконии сохраняли свою индивидуальность почти до самого оттоманского завоевания. В 623 г. группа славян даже попыталась завоевать Крит.

Наконец, славянская колонизация не миновала и азиатской стороны Пролива. Сначала это были военные поселенцы на службе у Империи, особенно с середины VII века. Около 688 г. Юстиниан II приумножил их за счет депортаций, которые возобновлялись в VIII и даже XII веках. Однако после битвы при Манцикерт³³ все они исчезли в хаосе тюркских войн.

Всем этим «Склавиниям», если воспользоваться термином византийских историков, была присуща одна и та же особенность: они еще очень долго не превращались в настоящие государства, довольствуясь племенными структурами. Благодаря «Чудесам св. Димитрия» нам достаточно хорошо известны сущность и занятия славян на территории Македонии^a. Все эти группы живут исключительно в сельской местности (в то время как города, для них по-прежнему недоступные, например, Христовполис и Фессалоники, остаются полностью греческими); у них имеются свои княжеские династии и земельные владения, но мало что или вовсе ничего от политических институтов. Славяне ничего не строят, и их единственный археологический след — негативный: прекращение всякой архитектурной деятельности у византийцев. Их ратная сила значительна, но, кроме тех случаев когда их возглавляют авары или болгары, они малоспособны к крупным операциям. Это отсутствие политических и военных структур вкупе с язычеством ставит их на низшую в византийском мире социальную ступень; симптоматично, что константинопольская аристократия, обычно столь открытая к пришлым элементам, долгое время не имела славян в своем составе. Наконец, их язык остается лишенным письменности вплоть до ее создания, на основе глаголицы, св. Кириллом и

^a *Miracula sancti Demetrii* (7) и комментарий П. Лемерля, *La composition* (146).

Мефодием около 860 г.^а, и, в отличие от болгар, они никогда не пользовались греческим как языком делового общения или эпиграфики.

Острая практическая сметка греческих императоров быстро обнаружила выгоду, которую можно было извлечь из этого положения. Устранить славян было нельзя — да и чему бы послужило опустение земель? — так же, как и ассимилировать их. Со времен Юстиниана II (685–695) за склавинами признается автономия, но зависимая от Византии, и теоретически они обязаны нести определенную военную службу. До самого XI в. в большинстве славянизированных регионов не ступала нога византийских чиновников, там были нередки мелкие бунты, однако, за исключением болгарских земель, политическая опасность со стороны славян не грозила, и прибрежные города без особых помех могли оставаться греческими. Как и всегда, надежду на постепенное усмирение «варварства» новоприбывших вселяло проповедывание христианства.

Какова была участь древнейших жителей в этих землях? Мы располагаем только очень расплывчатыми сведениями; современные националистические течения на Балканах с легкостью толкуют их в противоположных смыслах. О возможности сохранения значительных до-славянских меньшинств, пусть низведенных до низшего социального уровня, говорит факт существования в наши дни албанцев, безусловных потомков коренных иллирийцев, и македонских румын, последних отпрысков романизированного населения *Иллирикума*. Похоже, во внутренних областях не сохранилось никакого городского населения, ни греческого, ни латинского; беженцы стекались в прибрежные города, Салону, Фессалоники или Константинополь.

В связи с Фессалониками один очень любопытный текст, относящийся к правлению Ираклия («Чудеса

^а Письменность, называемая кириллической, в действительности не связана со св. Кириллом; это чуть более поздняя адаптация греческого алфавита к звукам славянского языка, в то время как глаголица была полностью новым алфавитом.

св. Димитрия»), упоминает о «всех беженцах из дунайских областей, из Паннонии, Дакии и Дардании, и других провинций и городов». Греческая традиция очень неопределенного характера перечисляет места, куда прибывали беженцы из Пелопоннеса: восточная Сицилия, Калабрия, остров Эгина (Хроника Монемвасии, XIV–XV вв.). Однако часть греческого населения укрепила на месте, например, в горах Лаконии, Цаконах, диалект в которых, безусловно, сохраняет некоторые дорические особенности. В Иллирии папа Иоанн IV (640–642), далматинец по происхождению, осуществил массовый выкуп своих соотечественников, захваченных язычниками^а.

Помимо островов и портов, по-видимому, для беженцев существовало еще два основных пристанища, оба бедные и труднодоступные: горы Пинд на западе, в Албании, и некоторые горные цепи по берегам Эгейского моря: Лакония, Олимп, Халкидики. Уцелевшие латиняне (румыны с п-ова Истрия, далматинцы, македонские румыны) представляли собой всего лишь меньшинства, которым было не под силу осуществить серьезные действия, направленные на ассимиляцию своих славянских соседей. Зато на юге греки остались достаточно многочисленными для того, чтобы, начиная с X в., вести обратное завоевание, которое было энергичным, хотя так никогда и не увенчалось полным успехом.

Наиболее верный способ изучения этих сложных проблем представляет топонимия^б. На Балканах она только в редких случаях позволяет провести точную датировку. Прежде всего можно констатировать массовое исчезновение названий древних поселений, не только в сельской местности, но очень часто и городов — примером в случае Пелопоннеса служат Микены, Мантине, Теже; уцелевшие же, в большинстве

^а Liber Pontificalis, ред. L. Duchesne (21; I, 330).

^б См. прежде всего Vasmer, Die Slaven in Griechenland (152) и Bon, Péloponnèse byzantin (137; 50 и далее).

своем, локализируются на побережьях. Внутри страны изобилуют славянские названия: на Пелопоннесе их порядка четырехсот; ими обозначаются даже некоторые морские пункты: например, порт Пилос превращается в Наварин.

Археологические данные очень скудны и, в еще большей степени, спорны. Наиболее достоверным считается прежде всего факт разрушения всех строений, находившихся вне стен крупных городов около VII или VIII вв., затем прекращение всякого строительства между этой эпохой и концом IX века. Наблюдается некоторый перерыв в нумизматических находках в Коринфе (это происходит при Константине IV, 668–685) и на афинской агоре, где они пресекаются, по-видимому, около 583 года. Это, без сомнения, свидетельствует о серьезных кризисах в истории этих городов, вызванных славянами или, отчасти, аварами, однако отнюдь не продолжительной славянской оккупацией (Афины избежали подобной участи). До настоящего времени в Греции не выделен археологический горизонт, который можно было бы с уверенностью соотнести с великим переселением славян^а.

Ход восстановления византийского порядка на периферии Балканского полуострова становится легче понять, если, как предлагает Г. Острогорский^б, рассмотреть этапы распространения фемного устройства в европейской части Империи. Первая в Европе фема была создана около 680 г. в восточной Фракии, охватывая непосредственные подступы к столице; около 690 г. за ней последовала Элладская фема, которая включала в себя, главным образом, Аттику и Беотию, являвшиеся двумя главными прибежищами эллинизма. Затем деятельность в этом направлении прекратилась почти на два века. Она была возобновлена в конце VIII в. созданием Македонской фемы, которая, несмотря на

^а Захоронения в Коринфе поочередно объявлялись болгарскими, аварскими и чисто греческими!

^б Ostrogorsky, Byzantium and the South Slaves (149).

свое название, имела своим центром Адрианополь и охватывала в основном западную Фракию. Настоящая Македония еще не была возвращена, но никто не отваживался это обнародовать. С начала IX в. на Адриатическом побережье фемой становится Диррахий, на Эгейском море — Фессалоники, а также Пелопоннес и Кефалиния. Во второй половине IX в. настал черед Эпира и побережья Далмации. Мы видим, что хотя все побережье и было снова подчинено византийцам, внутренние области оставались в руках болгар и, в основном на северо-западе, нескольких Склавиний, идущих по пути превращения в княжества, а затем в государства.

ЗАРОЖДЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Древнейшим славянам, вплоть до VI в. лишенным прямых контактов со средиземноморским миром, по видимому, почти не была знакома организация, которую можно было бы назвать государственной. Они пришли к ней лишь с опозданием и различными путями. На юге, на Балканах, влияние болгарской, византийской и каролингской империй на общество, которое до наших дней остается полностью аграрным, было решающим. На землях вдоль Дуная к франкскому влиянию примешивались спонтанные тенденции к объединению вокруг нескольких оборонительных центров. На обширной европейской равнине, от Дона до Одера, начало этому созреванию положили города и их замечательный подъем после IX в.; в Польше государство было создано без постороннего участия, в то время как в России заметную роль в решающий момент сыграло вмешательство варягов. Однако последний штрих всегда добавляло обращение в греческое или латинское христианство, освящавшее вступление новых образований в сообщество европейских королевств.

Возникновение политических институтов у славян на Балканах было медленным и началось довольно поздно. На востоке полуострова тюркский народ, болгары, с успехом прошли по этому пути^а. На юге же этот процесс всегда оставался в зачаточном состоянии; все, что нам известно, — это, что в южной Фессалии около конца VIII в. правил князь Акамир; восстановление власти Византии задушило эти тенденции. Первые ощутимые результаты становления государства были отмечены на Западе, на своего рода нейтральной полосе между франками, венграми, болгарами и византийцами, у хорватов.

Этот народ, название которого появилось на Балканах в IX в. (его носят и другие славянские племена в Силезии, Саксонии, Богемии и Галиции), по-видимому, принадлежит к последней волне иммиграции. До вторжения мадьяров он был поделен на две группы, одна из которых обитала в Паннонии, к северу от Дравы, а другая — в Иллирии. В начале IX в. каждая из них имела своего собственного главу (жупана), более или менее зависимого от восточно-франкских королей. Около 818 г. Людевит, князь паннонских хорватов, взбунтовался против франков и попытался реализовать объединение своего народа с его ближайшими соседями, словенцами и сербами: эта «первая Югославская империя» (Ф. Дворник), простиравшаяся от Тимока до Исонцы и от Штирии до Адриатики, имела своим центром Сисак, около современного Загреба; она просуществовала всего несколько лет. После ее разрушения Людовиком Благочестивым^б, хорваты Паннонии в большинстве своем перешли под болгарский протекторат, в то время как хорваты Далмации, уже отчасти христианизированные, оставались подверженными франкскому влиянию до 877 года. Именно у этих последних

^а См. выше, гл. I, стр. 22–23.

^б *Bellum Luidewiticum* («Война с Людевитом») было одним из самых важных событий, часто недооцениваемым, периода правления Людовика Благочестивого, в этом можно убедиться, увидев, какое значительное место отводят ему «*Королевские Анналы*» между 818 и 823 гг.

и возникло, наконец, хорватское государство. Имея столицей Нин, находившийся на побережье к северу от Задара, оно вобрало в себя многие далматинско-латинские элементы, постепенно отторгавшиеся от византийской фемы Далмация. Туда был назначен епископ (первое упоминание о нем относится к 852 г.), и мало-помалу эта территория была приобщена к латинскому католицизму.

Хорватское государство достигло расцвета в начале X в. при Томиславе (910–928), который в 925 году получил королевский венец от папы Иоанна X. Он распространил свою власть на то, что осталось после венгерского завоевания от паннонской группы, а вскоре и на часть сербов, которым угрожала могущественная Болгария; но его преемники до середины X в. довольствовались более ограниченной территорией. Хорватская культура восприняла некоторые романо-далматинские элементы, особенно в сфере искусства (существует целая хорватская школа каменной скульптуры, довольно оригинальная), но ее ореол совсем померк в лучах Болгарской империи.

Прибрежные города, в теории остававшиеся византийскими, в 986 г. на какое-то время перешли под власть хорватского короля Држислава, фиктивно ставшего их епархом³¹, правившим от лица императора. Однако Венеция, наследница Византии на Адриатике, энергично протестовала, и в 1000 г. дож Пьетро II Орсеоло оккупировал побережье Далмации. Весь XI в. сюзеренитет над Хорватией оспаривали друг у друга Венеция, хорваты и греки.

Славяне-нарентане (жители берегов Перетвы) образовывали между Хорватией и Сербией своего рода пиратскую аристократическую республику, которая долгое время сохраняла свою автономию, лишая покоя Византию и Венецию, часто сотрудничая с сарацинами. Только в середине XI в. они окончательно перешли под власть хорватских королей.

Сербия не выказывала серьезных поползновений к независимости до того момента, пока после смерти

Симеона Болгарская империя не начала клониться к упадку. Их первым князем стал около 931 г. некий Чеслав. Но эта свобода продлилась приблизительно лишь одно поколение, и в конце концов Василий II заставил сербов вернуться под греческую опеку; вне всякого сомнения он создал сербскую фему. Около 1035 г. сербы снова обрели независимость; в то время их основным центром была современная Босния, а не то, что мы сегодня называем Сербией, так как коридор Морава-Вардар имел слишком большое стратегическое значение для того, чтобы Византия позволила себе его упустить. Национальный сербский епископ, находившийся в зависимости от болгарского патриархата, был поставлен около 925 г. в Раше, современный Нови-Пазар, в центре труднодоступной области.

Для славян Центральной Европы первым историческим эпизодом, имеющим отношение к государству, стало загадочное во многих отношениях приобретение королевской власти около 625 г. в Богемии неким Само. Этот персонаж, известный почти исключительно по хронике Фредегара³⁵, был франкским торговцем, уроженцем Сансской области, прибывшим к вендам по своим торговым делам (возможно, это была работоторговля) в момент, когда этот народ начал бунт против аварского кагана. Он возглавил эту борьбу, победил и правил 35 лет; впоследствии он отразил экспедицию Дагоберта в Богемию и руководил несколькими походами в Тюрингию; от 12 вендских жен у него было 22 сына и 15 дочерей. Для нас его история, немного романтическая, лишена как контекста, так и завтрашнего дня. Можно полагать, что она была связана с упадком могущества авар после их разгрома в 626 г. у Константинополя. Должно быть, Само правил на территории, почти сходной с современной Чехословакией.

Подобное предоставление власти иноплеменному авантюристу не является у славян уникальным случаем: именно таким образом сербы приняли в IX в. поль-

^a Frédégaire (4; IV, 48, 68) и (75; 39, 56 и 68).

ского князя, балканские славяне — армянскую династию Комитопуло и Самуила, и, самое главное, русские подчинились варяжским князьям. Однако не следует переоценивать эту тенденцию, как поступили многие немецкие авторы, и предполагать а priori у каждой династии, привившейся у славян, чужеродное происхождение. Большая часть этих привнесенных извне тираний просуществовала недолго; лишь русский опыт выходит за рамки частных авантюр.

Второй эпизод, совсем иного плана, представляет зарождение, пышный расцвет и преждевременную гибель Великой Моравии. В данном случае несколько более различим социальный фон^а: существование класса знати, жившей в мощных замках достаточно сложной конструкции, построенных на холмах Моравии и западной Словакии. С начала IX в. этот класс оказывал радушный прием христианским миссионерам, прибывавшим в Баварию; из недавних раскопок стало известно о более чем двенадцати каменных церквях, относящихся к этой эпохе. Около 833 г. архиепископ Зальцбурга заложил церковь в Нитре, далеко на востоке, в Словакии, в то время столице языческого княжества^б. Несколько лет спустя правитель по имени Моймир объединил Моравию; из-за недоверия к франкам он выслал на юг первых новообращенных христиан, которые нашли временное пристанище вблизи озера Балатон. Однако уже его сын Ростислав (846–869) был убежденным христианином; всегда подозрительный по отношению к тому, что приходит из Германии, он решил обратиться к Византии. В 862 г. он направил к императору Михаилу III посольство, на которое тот ответил присылкой просвещенных миссионеров Константина (Кирилла) и Мефодия. Эти два брата, достигшие высочайшего уровня культуры и умудренности, обладали еще и тем преимуществом, что были уроженцами Фес-

^а Graus, *Origines de l'État* (157).

^б Недавно было с большой убедительностью показано, что в этой первичной евангелизации моравов важную роль играли ирландцы: Dittrich, *The Beginning* (154) и *Christianity* (155).

салоник и знали славянский язык с рождения. Они заложили в Моравии основу славянской церкви, построенной по тому же образцу, что и прочие, обязанные своим появлением Византией, то есть обладающие национальным литературным языком и литургией. Здесь мы не предполагаем проследить их религиозную деятельность, которая имела решающее значение для будущего славян. Заметим лишь, что в тот самый момент, когда их труд был завершен, земля в Моравии стала уходить у них из-под ног; Мефодий, проживший дольше, был вынужден покинуть страну в 882 г., оставив латинским миссионерам из Германии свободное поле деятельности.

Моравская экспансия продолжалась. Пользуясь упадком Каролингов из восточно-франкского королевства, преемник Ростислава Святополк установил свой протекторат над славянами Богемии, Паннонии и, без сомнения, даже южной Польши. Но после его смерти эта слишком обширная империя, в свою очередь, оказалась разрушена гражданской войной, а очень скоро приход венгров поставил моравов в безнадёжную ситуацию. Их последний князь был убит в 906 году. Несмотря на свою недолговечность, моравский опыт не был бесплодным в религиозном плане: он послужил прецедентом для всех византийских миссионерств в славянских землях — Болгарии и Руси. Однако с политической точки зрения он не оставил по себе ничего.

Здесь же, в безвестности, на протяжении большей части X и XI вв. в горных убежищах, куда редко навывались венгры, продолжала существовать церковь славянского обряда. Однако укрепленные пункты, на которые опирались моравские вожди, были полностью разрушены.

В Богемии созревание началось чуть позже, амбиции были скромнее, а результаты долговечнее. Первый Пражский князь, которого мы знаем, Борживой, современник Святополка Моравского, уже был христианином; в 890 г. он получил официальное признание от короля Германии Арнульфа, но его власти было далеко

до того, чтобы распространяться на всех чехов. Другие вожди (*duces*), опиравшиеся на свои укрепленные замки, долгое время оказывали сопротивление его роду Пржемысловичей, особенно Славниковчи из Либицы, хозяева восточной и южной Богемии, сильные своими добрыми отношениями с императорами Саксонской династии. Таким образом, до 995 г. в течение века там существовало два почти уравновешивающих друг друга политических образования. Это не помешало ни быстрому экономическому развитию, особенно в Праге, что засвидетельствовали арабские путешественники, ни образованию служилой знати, которая быстро доросла до общения на равных с немецкой аристократией.

Под защитой своих гор Богемия избежала худших последствий венгерского завоевания. Князь Вацлав (св. Венцеслав, 915–929) из рода Пржемысловичей сделал ее обращение к латинскому христианству бесповоротным; его убийство было воспринято как мученичество, и для последующей традиции Богемия стала «землей святого Венцеслава»: это, безусловно, способствовало усилению зарождающегося представления о национальном государстве. Основная проблема состояла в том, чтобы сохранить свою независимость перед лицом немецкой экспансии на восток, начатой Генрихом I. Болеслав I (929–967) достаточно успешно справился с этой задачей, став довольно независимым вассалом восстановленной Империи и заключив сердечное соглашение с Славниковчами. Один из этих Славниковчей, Войтех (св. Адальберт), даже сделался епископом Пражским и стал убежденным сторонником распространения у чехов латинской культуры. Обходительность Болеслава по отношению к Оттону I позволила ему после Лехфельда аннексировать Моравию и отстоять свое право на ее наследование; он даже надеялся быстро распространить свою власть на славян Силезии и верховий Вислы. Эти мечты о могуществе потерпели крах, но в 995 г. Болеслав II завершил процесс объединения чехов, овладев Либицей и уничтожив конкурирующую династию.

Польша смогла пройти почти всю свою политическую эволюцию от племени до государства, избегнув

давления извне. Благодаря замечательным исследованиям, произведенным польскими археологами в 1945 г., мы теперь достаточно хорошо представляем себе ее характерные черты.

В первой половине IX в., когда некоторые тексты начинают проливать на нее слабый свет, будущая Польша предстает разделенной на огромное количество племенных группировок — на одну Силезию их приходится по меньшей мере пять. Большая часть их носит чисто географические наименования. Вскоре во главе этой эволюции встают два таких союза — висляне («люди Вислы») вокруг Кракова и поляне («люди полей») вокруг Гнезно. Еще до 900 г. первые уже оказываются в состоянии играть политическую роль и соперничать с моравским государством. Другие племена уже отмечены некоторым отставанием; им не удастся ни превзойти его, ни превратиться в настоящие государства.

В качестве центра каждая из этих групп имела один или несколько городов. Наиболее древние укрепленные населенные пункты, не предназначенные для сельскохозяйственных функций (*гроды*), по-видимому, вели свое начало с VII, или даже VI века^а. В течение IX и X вв. они переживали настоящий расцвет. Их сердцем являлось укрепленное сооружение, замок (*castrum*), построенный на холме^б, или, чаще, на острове посреди болота^с; во второй половине X в. возле них стали вырастать пригороды (*suburgium*), менее хорошо защищенные и заселенные, главным образом, ремесленниками и торговцами; наконец, в них часто имелся рынок, находившийся вне крепостных стен. В масштабах тогдашней Европы эти поселения уже выглядели весьма внушительными: например, старый Данциг покрывал 2,5, а Ополе в Силезии — 0,75 га. Число их было значительным; даже если учитывать только самые крупные, то еще до тысячного года Польша имела несколько

^а Впрочем, они продолжают доисторическую традицию (Бискупин).

^б Например, краковский замок Вавел.

^с Например, в Гнезно, столице первых польских герцогов.

десятков настоящих городов. Первейшей задачей князей-объединителей было собрать их под свою власть: хозяева Гнезно быстро разместили свои гарнизоны в Познани, Крушвицы и Калиша. Разумеется, огромную роль в этих первых перегруппировках играли экономические интересы; например, государство полян пересекало два торговых пути, один из них шел с юга на север по долине Вислы до самого моря, а второй — с востока на запад вдоль Варты.

До этого момента территории вдоль Вислы еще не слишком глубоко отличались по уровню своего развития от земель между Эльбой и Одером. Около 960–965 гг. их политические пути решительно разошлись, причем в пользу полян, которые дали свое имя новому государству. Их княжеский род Пястов прочно утвердился, без сомнения, после второй половины IX века. Истинным основателем Польши стал современник Оттона I, Мешко I. Еврейский путешественник Ибрагим ибн Якуб, прибывший из арабской Испании и посетивший Краков около 966 (или 973 г.), впервые раскрывает перед нами размах его деятельности: он описывает обширное единое государство, опирающееся на вооруженную армию в 3000 человек, активную торговлю и уже достаточно развитую налоговую систему.

Этому политическому образованию угрожала опасность оказаться совсем недолговечным в том случае, если поляки останутся язычниками. Со всех сторон оно было буквально стиснуто уже христианскими или готовыми к крещению силами. Мешко удалось своевременно предпринять шаг, необходимый для сохранения автономии, одновременно оставаясь в хороших отношениях с Империей, и последними Оттонами, с их стремлением к вселенскому господству. Он совершил его с осторожностью: через посредничество Богемии он сошелся с христианскими кругами, не слишком близкими к имперским прелатам. Около 966 г. он женился на чешской княжне-христианке Добраве, крестился^а, и радушно принял группу клириков, возглавляемую епис-

^а Возможно, с именем Дагоберт.

копом по имени Иордан^а. Именно с этого начинается обращение поляков. Его подробности плохо известны, однако во главе угла при этом было одно — стремление Мешко уклониться от притязаний немецких епископов. Мешко вошел в непосредственный контакт с Римом; в 990 г. его королевская власть была узаконена Святым престолом^б, что обеспечило Польше защиту от слишком бесцеремонного вмешательства извне. Вскоре она приняла миссии, прибывшие из Германии, почти отовсюду, а также из Богемии и даже Италии. Епископальные церкви удобно обосновывались в уже существующих городах: Гнезно, Познань, Краков, Бреслау (Вроцлав).

Что же касается политики, то Мешко удалось воспользоваться благоприятной обстановкой для того, чтобы установить свое главенство над пространством, располагающимся между Балтикой, Одером и Карпатами (восточные границы были более расплывчатыми). Он навязал свою непосредственную власть, или протекторат, как племенам Силезии, доселе политически аморфным, так и более развитым структурам вислян и прибрежных народов. На севере польское господство над Прмеранней, желанное в силу притягательности Балтики и базировавшееся на крупном порте Волине, долгое время было шатким; утвердилось оно только в начале XII века. На северо-востоке недоступной оставалась Пруссия, языческая и чуждая славянскому миру. Вступлению в зарождающееся польское государство племен Одера, определенно, способствовала немецкая угроза^с.

^а По поводу его происхождения имеются сомнения: Лотарингия или Далмация? Вероятно также влияние Бельгии.

^б Именно это является предметом любопытного документа, называемого *Dagome iudex*, хранящегося в Риме, и в искаженном виде дающего первое точное описание польских границ (ред. Wolf von Glanvell, *Die Kanonensammlung des Kardinals Deusdedit*, Paderborn, 1905, s. 359).

^с На востоке можно усмотреть только столкновения с русскими князьями за Галицию (после 981 г. они достигли Пржемысла); дальше Буга польское влияние, безусловно, почти не распространялось.

За исключением нескольких отдельных пунктов, главным из которых был Бранденбург, занятый в 928–929 гг., политическое господство Германии, как христианского государства, еще при воцарении Оттона I оставалось в тех же границах, которые в конце VIII в. установил Карл Великий. В 940-х гг. началась определенная миссионерская деятельность по ту сторону Заале; около 946 г. крестился некий вождь с берегов Гавела, Тугумир. В 948 г., воспользовавшись случаем, Оттон создал первые славянские епархии: Гавелберг, Бранденбург и Ольденбург в Голштинии. В 955 г. он учредил миссионерский центр в Мерзебурге на Заале, а в 962 г. решение папы Иоанна XII сделало столицей славянских земель, как уже обращенных, так и ожидающих евангельской проповеди, город Магдебург. Одновременно немецкие войска перешли в наступление: под предводительством Геро, основавшего северную марку, они бросили вызов ободритам и велетабам; около 963 г. их передовые отряды достигли западной Ниссы и утвердились там примерно на двадцать лет.

Свои успехи Мешко искусно закрепил посредством брачных союзов с германскими маркграфами^{а37}: отныне никто не мог отказать польскому князю в статусе, равном с местными князьями Империи. Умирая (992 г.), он оставил своему сыну Болеславу окончательно сформированную Польшу. В тысячном году, во время паломничества в Гнезно к могиле святого Адальберта, Оттон III торжественно от себя и от лица папского престола основал в Гнезно архиепископство Польское. Вскоре польское общество усвоило феодальные институты Запада.

Залогом быстрого успеха Пястов была вооруженная дружина, описанная арабскими и немецкими авторами, и вполне аналогичная той, которую можно наблюдать в Киевской Руси: дружина или trustis dominica, сопровождала князя или квартировала в крепостях. Раскоп-

^а Мешко вступил во второй брак с дочерью одного из них, а его сын женился на дочери другого.

ки обнаружили места ее расположения в Познани и Колобжеге и даже каменный дворец Мешко в Остров Ледники. До 1939 г. в обычае у немецких историков было искать для этой дружины и даже самого Мешко германских, или, скорее, скандинавских корней. Эта гипотеза ничем не подтвердилась. Развитие городов и возникновение дружины оказались явлениями тесно связанными и собственно славянскими.

В 982 г. немецкое владычество над полоской между Польшей и Германией, ограниченной Эльбой с запада, и Одером с востока, которое еще не опиралось на подлинную колонизацию, разом рухнуло. При известии о том, что Оттон II потерпел поражение на мысе Колонна, разразилось общее восстание; епископские престолы Гавелберга и Бранденбурга были наспех эвакуированы, а граница почти вернулась к своей каролингской линии. Итак, первые шаги Польского государства ограждала буферная зона, за которой ревниво наблюдали маркграфы Лужицы и Мисьны. Она продолжала существовать до второй четверти XII в., когда снова началось продвижение немцев на восток, на этот раз с опорой на аграрную колонизацию, которая осуществлялась с неодолимой энергией.

Самые южные славянские племена почти не воспользовались этой передышкой длиной в сто пятьдесят лет: они так и не преодолели самого примитивного уровня политической организации. Однако севернее, в контакте и под влиянием скандинавского мира, народы восточной Голштинии, Мекленбурга и Рюгена — ободриты, лютичи, цирципаны, ране и др. — вели себя более активно. Если бы в их распоряжении оказался еще один временной период длиной в поколение, они бы превратились в настоящие государства^а.

^а Ободриты играли заметную роль в датской политике, начиная со Свена Вилобородого и кончая Свенном Эстридсеном, вокруг своих портовых городов, Рерика, а затем Старого Любека; их князья заключали многочисленные брачные союзы с династией Кнута. Верхушка быстро сделалась христианской, но масса оставалась верной язычеству до середины XII века. Ране Рюгена, еще более убежденные язычники, в начале XII в. стали опас-

В России, как и в Польше, ключ к проблеме политических корней, похоже, следует искать в исследовании наиболее древних городских поселений. К несчастью, первые стадии их развития остаются очень плохо изученными, несмотря на примерные усилия археологов, предпринимаемые с 1945 года^а. Стояли ли они уже в VIII, даже, как полагают некоторые, в VII в., или возникли только в IX столетии, которым датируются первые археологические слои, свидетельствующие о существовании городской жизни? Этого до сих пор нельзя утверждать даже в отношении Киева и Новгорода Великого, двух городов, являвшихся опорой древней Руси^б. Во всяком случае, начиная с IX в., городские поселения развиваются и множатся с необычайной скоростью: уже устаревшая статистика^с, базирующаяся в основном на историографических источниках, насчитывает их 24 в X в., сотню — в XI в., и более 220 — в XII веке. Невозможно не соотнести это с взрывным развитием первого русского государства, которое начало бросаться в глаза иностранным наблюдателям уже в IX веке.

Этот динамизм, очевидно, связан с глубокими изменениями в экономической жизни, возможно, с развитием постоянного земледелия вместо подсечно-огневого, но особенно, безусловно, с трансформацией товарообмена. Можно полагать, что решающим фактором было открытие трансевропейских маршрутов с севера на юг по крупным рекам: в частности, их наиболее

ными пиратами, которые грабили поочередно все скандинавские столицы. Чтобы положить этому конец, понадобилась серия датских крестовых походов, которые провел между 1147 и 1169 гг. деятельный епископ Роскилле, Абсалон.

^а Особенно в Киеве, Новгороде, Старой Ладогe и Старой Рязани.

^б Само название Новгорода, «новый город», подразумевает существование более древнего поселения; археологи пока не указали его с уверенностью; возможно, это Старая Ладога. Возведение города на его современном месте датируется в основном X веком. Что же касается Киева, то между 400 и 800 гг. н. э. место его современного расположения, по-видимому, пустовало.

^с Ludat, Frühformen (136; 534).

удаленных участков, идущих к северу через прибалтийские и финские земли вдоль рек к востоку от Балтийского моря. С VII в. нижняя и средняя Волга служила торговым путем, что удостоверяется предметами, происходящими из сасанидского Ирана³⁸, но в северном направлении этот путь обрывался, тогда как волоки, соединяющие его с бассейном Волхова, еще не были известны; несомненно, эта последняя задача была разрешена около конца VIII в. шведами, охотившимися за рабами и мехами. Так, даже еще не подойдя вплотную к настоящим славянским землям, шведская экспансия определяла будущее Руси. До середины IX в. путь Нева-Ладога-Волхов-Волга оставался самым важным, затем с ним начал соперничать маршрут Волхов-Днепр; западным путям, Двина-Днепр, Висла-Днестр и Одер-Висла-Днепр, была уготована более скромная участь.

Большая часть этих *городов*, несомненно, носила в себе зачаток политической организации, но больше мы ничего не можем сказать, так как русские летописи не сохранили никаких отчетливых воспоминаний о временах до пришествия варяжских князей. Назовем наиболее важные из них — Новгород, Переяславль, Чернигов, Смоленск, Полоцк, Владимир и Киев, причем этот последний изначально состоял из трех укрепленных центров, соединившихся в конце X века. Эти города всегда включали защитный пояс из срубов, окружавший квартал торговцев, ремесленников и воинов^а, с вымощенными брусчаткой улицами и прямоугольными бревенчатыми домами. Вокруг такого небольшого ядра, начиная с XI в., разрастаются предместья. Раскопки позволили констатировать большое разнообразие экономической деятельности, наперекор тому впечатлению дикости, которое стремятся оставить византийские источники; бытовал обмен продуктов земледелия, охоты и промысла (мехов, меда, воска) на соль и железо; наличествовала обработка металла, кож и кости, изго-

^а Более позднее название — Кремль, слово, безусловно, тюркское.

тавливалось масло и ткани, и, естественно, имела место работорговля.

Нам не слишком хорошо известно, каким образом эти города вклинивались между племенами, которым предстояло иметь долю в будущих владениях Руси: словенами вблизи Новгорода, полянами, древлянами, дреговичами, вятичами, северянами и радимичами в бассейне Днепра. Многие современные российские авторы предполагают, несколько безосновательно, существование с VI в. на северо-западе современной Украины городских союзов, которые уже можно с полным правом назвать государствами. Во всяком случае, вокруг военачальников существовали дружины, которые вскоре сыграли решающую роль. Русские летописи упоминают два-три имени мифического характера, например, славянских князей Киева в этот начальный период, но нельзя подтвердить их какими-либо точными историческими фактами.

В IX в. в городские сообщества торговцев и воинов вливаются и варяги, пришлый элемент из Скандинавии^а. Их вклад ценен вдвойне: как купцы они заново открывали для торговли рынки сбыта к западу от Балтики; как воины они были грозны своим мастерством. Их внезапное появление можно отметить в одно и то же время почти повсеместно, на всех основных рынках, но именно в Киеве и Новгороде они преуспели более всего. Одновременно с этим заметную роль в славянских городах, без сомнения, силились взять на себя тюркские элементы, связанные с хазарами, но они быстро оказались вытесненными необычайно энергичными шведами. Своим предводителям варяги мигом обеспечили политическую власть. Вот так ограниченное этническое меньшинство определило облик русского государства.

Первый известный варяго-русский князь, чьего имени мы не знаем, носивший хазарский титул кагана,

^а По поводу скандинавского аспекта их истории, см. ниже, стр. 265–270. Мы отклоняем как лишнюю археологических оснований мысль об аграрной колонизации со стороны скандинавов, столь дорогую для Стендер-Петерсена.

упоминается в 839 г. франкским источником^а. Далее *Летопись Нестора*, сборник традиционных повествований, составленный в начале XII в., упоминает о двух князьях, Аскольде и Дире, совместно правивших Киевом незадолго до 860 года^б. Их могущество не вызывает сомнений: они созвали своих подданных для того, чтобы повести их в атаку на Константинополь. Однако продержались они недолго: в 882 г. их сменил некий Олег (скандинавское имя *Helgi*). Он пришел с севера, из Новгорода^в, где в предшествующие годы уже имел подобный опыт. Мимоходом он распространил свою власть на несколько промежуточных городов, в числе которых был Смоленск. Так, вдоль оси Волхов-Ловать-Днепр зародилось первое настоящее русское государство. Династии Олега — Рюриковичам, называемой так в память его отца Рюрика (сканд. имя *Hrørekr*), — предстояло править им до XVI века. Одновременно, в верховьях Двины, в Полоцке, установил подобное же владычество, просуществовавшее чуть долее века, другой варяжский род, основанный Рогвольдом (сканд. имя *Rögnvaldr*).

Так впервые русские земли были объединены под властью Рюриковичей. Точная хронология этого процесса нам неизвестна. Киевские князья, всегда державшие в своих руках два крайних звена этой цепи, Новгород и Киев, направляли членов своей семьи править в главные города, например, Чернигов, Смоленск или Переяславль, — практика, которая с самого начала отдалила Русь от того типа монархии, который был присущ славянам и Западу, и Юга^д. Полоцк был

^а *Annales Bertiani* (30; 30). От каких варягов прибыло «русское» посольство, принятое Людовиком Благочестивым, волжских (Стендер-Петерсен), или уже киевских (Stokes, Tmutarakan' (186; 502)? Неизвестно.

^б Это чисто скандинавские имена, *Háskuld u Dyri*.

^в В конечном счете, может быть, даже из Старой Ладogi, для варягов — парадного входа в Русь.

^д Начиная с конца XI в., этот режим выродился в любопытную систему сеньората, согласно которой города располагались в

подчинен св. Владимиром только около тысячного года. Это объединение привело к принятию нового, единого, национального наименования, а именно, Руси. Имеются все основания полагать, что в конечном счете оно имеет скандинавское происхождение, и первыми «русскими» были князья, прибывшие из Швеции в своем окружении из воинов и торговцев^а.

Традиция Рюриковичей, которую воспроизводит Летопись, приписываемая Нестору, которую правильнее называть Повестью временных лет, изображает приход варягов к власти как результат призвания их славянами, не способными к самоуправлению. Этот рассказ, который глубоко травмирует современный русский национализм, вне всякого сомнения, является легендарным и гораздо более поздним толкованием; фольклорный характер некоторых из этих эпизодов давно доказан. Однако, по всей вероятности, русские города ощущали необходимость избежать политической отсталости от хазарского и болгарского государств.

Существовали ли попытки политической организации вне этих таежных (по выражению автора. — Прим. перев.) городов? Этот вопрос заставляет нас обратиться к теме загадочного княжества Тмутаракань на Таманском полуострове (восточный берег Керченского пролива), получившего, возможно, чрезмерную, литературную известность. С какого времени оно существовало? С VIII—IX вв., как некогда считалось, или только с середины X в., как часто думают сегодня?^б Во всяком случае, об автохтонном образовании речь не идет: русские в Тмутаракани были лишь незначительной группкой завоевателей, и та роль, которую им пытаются отвести в русских черноморских экспе-

иерархическом порядке — во главе с Киевом — а старшие представители рода, не хлопоча о престоле своих отцов, занимали наиболее ценившиеся города. Эти обычаи, которые не кажутся ни скандинавскими, ни славянскими, безусловно, являются варяжским новшеством, приистекающим из признания особой роли городов на Руси.

^а См. исследование ниже, стр. 265—266.

^б Stokes, Tmutarakan' (186; 500).

дициях, кажется надуманной. Скорее, Тмутаракань представляла собой плацдарм для операций в направлении Ирана и Каспия.

Ощущали ли себя великие варяжские правители X в. еще шведами или уже русскими? Здесь трудно прийти к какой-то точке зрения. Данные археологии до сих пор обманчивы: продолжают споры по поводу принадлежности предметов с двух наиболее интересных кладбищ, одно из которых, около Десятинной церкви в Киеве, принадлежало княжескому роду, а второе, в Гнездово, — дружине Смоленских князей^а. Ономастический феномен прозрачнее: начиная со Святослава, родившегося около 940 г., великие князья Киевские меняют свои скандинавские имена на чисто славянские. Повидимому, еще до крещения Руси связи между Киевом и Скандинавией сильно ослабли, так как на севере не был перенят ни один из русских культов. Однако сохранялись постоянные отношения между северным городом Новгородом и его аванпостом Старой Ладогой, с одной стороны, и Балтикой — с другой, и они продолжались без перерыва до эпохи Ганзы^б. Большинство скандинавов, проходивших через Киев, не задерживались там: это были искатели приключений, направлявшиеся в сторону Византии. Киев не фигурирует ни в одной рунической надписи, а сагам он известен так плохо, что они в основном называют столицей Руси Повгород. Однако в 1030-х гг., накануне своего окончательного разрыва, русско-шведские связи укрепляются. Саги наперебой прославляют Ярослава Мудрого, зятя одного из шведских королей и тестя великого викинга Харальда Сурового; однако в период после него они практически больше ничего о Руси не знают^б.

Киевское государство долгое время оставалось достаточно нестабильным, а его правители питали непомерные амбиции, очень далекие от осторожной политики славянских князей Запада: это, несомненно, личная

^а См. ниже, стр. 265, и сл.

^б Эти историографические аспекты прекрасно освещены в кн.: Braun, Das historische Russland (348).

заслуга варягов. Еще до своей консолидации русские предпринимают поход против Византии (июнь 860 г.), который был повторен в 941 г., но не более успешно^а. Другие экспедиции, после 880-го и, главным образом, после 910 г., направлялись против северного Ирана. Безостановочно подвергались разорению хазарские земли, а в 968 г., при Святославе, русские довели дело до конца неблагоприятным уничтожением этого довольно безобидного народа. Сам Святослав пал жертвой мести со стороны печенегов, подчинение которых было бы куда более полезным, поскольку от Киева до Черного моря никто не мог двигаться вниз по Днепру без их разрешения: победа над ними была непременным условием для того, чтобы вести последовательную политику по отношению к Византии. Тот же Святослав долгое время желал, потеснив болгар и греков, распространить свою империю на Балканы; около 970 г. он даже несколько лет прожил в Переяславце на нижнем Дунае, но на обратном пути был захвачен врасплох на порогах, разгромлен и убит печенежским ханом. Этот долг остался не уплачен: Киевская Русь так и не смогла расчистить себе свободный выход к степи и морю. Однако, невзирая на все это, в Константинополь, на выручку к дружественным василевсам неоднократно посылались вспомогательные русские силы, как, например, в 911-м и 988 годах. Из русских авантюристов, служивших бок о бок с варягами-шведами, в конце X и в XI вв. в императорской греческой армии образовался элитный корпус: варяго-русская дружина или варяжская гвардия.

Подобно болгарам, русские, еще будучи язычниками, смогли добиться международного признания, которое означал формальный договор с Константинополем: Лев VI заключил его с ними после 911 года. Однако, как и повсеместно, истинная консолидация пришла лишь с принятием христианства. Первые, плохо известные

^а Как показал Да Коста-Луилле, *Y eut-il...* (178), вероятность походов до 860 г., которая долгое время допускалась, очень мала. Кампания 907 г., известная только по русской летописи, единодушно отрицается византинистами.

нам шаги были сделаны заботами знаменитого византийского патриарха Фотия уже около 866 г., во времена Аскольда и Дира. Однако гибель этой первой группы варягов в Киеве почти на век отодвинула прибытие настоящих миссионеров. Около 944 г. в Киеве существовала церковь, предназначенная для обладавшего некоторым значением христианского меньшинства, особенно купцов, имевших связи с Константинополем. В 955 или, скорее, 957 г., Ольга (*Helga*), вдова великого князя Игоря (*Ingvar*) приехала в Константинополь, чтобы принять крещение, и вернулась в Киев с небольшой группой духовенства. Призванным ею западным миссионерам, следовавшим через Польшу или Богемию, удалось добраться до самой Руси, чтобы начать конкурировать с более удачливыми греками, впрочем, без большого успеха. Однако сын Ольги, Святослав, остался язычником. В 988 г. его сын Владимир, после некоторого периода, когда он, несомненно, под влиянием новоприбывших варягов, исповедовал воинствующее язычество, определил всеобщее обращение своего народа: по примеру своего князя, киевляне приняли крещение в водах Днепра^а. Вскоре, несмотря на некоторое сопротивление язычества на Севере и, особенно, на северо-востоке, вблизи Ростова, Суздаля и Мурома, этому образцу последовала остальная Русь. Тут же были организованы семь епархий^б. Русь безоговорочно примкнула к Константинопольской церкви и греко-славянской культуре, сформированной в Болгарской империи. Со всей возможной быстротой она получила местное духовенство: с 1051 г. церковь управлял митрополит Киевский Иларион, русский по происхождению. Найдя выражение в кириллической письменности, славянская культура с удивительной скоростью распро-

^а Место крещения Владимира спорно. Знаменитое летописное повествование о колебаниях Владимира между христианством, иудаизмом и исламом кажется довольно сомнительным.

^б На пять епархий на территории Украины (Киев, Владимир Вольнский, Туров, Чернигов, Белгород) приходилась одна на севере (Новгород) и одна на северо-востоке (Ростов).

странилась в северном направлении, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки^а. Так Русь приготовилась к своей исторической роли наследницы Византии, что должно было столь глубоко отделить ее от славян Запада.

Варяжская Русь полностью утратила свою роль только около 1050 года. Уже в полностью христианскую эпоху, в начале правления Ярослава Мудрого, почти повторилась история языческих князей X века. Ярослав добился успеха в продолжительной войне за право наследования (1015–1036) только благодаря массивному привлечению варягов и союзу с королем Швеции; он воспроизвел традиционные направления варяго-русской экспансии, послав в 1043 г. своего сына в последний поход на Константинополь, а около 1040 г. санкционировав последнюю крупную экспедицию в мусульманскую Азию. После этих финальных аккордов Русь, дружественная и, в общем, союзная Византии, занялась главным образом непосредственными соседями, своим внутренним развитием и династическими спорами, в согласии с наиболее привычной и для остальных славянских народов линией поведения.

^а Например, ваза начала X в. с кладбища в Гнездово вблизи Смоленска, и, главное, множество чуть более поздних текстов на бересте, обнаруженных в ходе недавних раскопок в Новгородском Кремле; ср. Porcé, *Écriture et culture* (182) и М. Н. Тихомиров, *L'écriture urbaine dans l'ancienne Russie des XI–XIII siècles*, *Cahiers d'histoire mondiale*, V, 1960, p. 661–678.

Глава III

СКАНДИНАВЫ: ВИКИНГИ И ВАРЯГИ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

После мощных миграционных толчков в период поздней античности в VI–VIII вв. для Скандинавии настала пора упадка и изоляции. Человеческие ресурсы были истощены; для того чтобы сформировать новые полчища, требовалась передышка. Однако эта пауза не была бесплодной; она создала, главным образом на балтийских склонах, блистательную аристократическую культуру, «цивилизацию Вендель»⁴⁰, специфической чертой которой были удивительные захоронения в кораблях, что подчеркивает ее одновременно военный и морской характер. Фасад, обращенный к Атлантике, оставался более бедным, более раздробленным и не имел культурного очага.

Север добился своего отделения от континентальной Германии, чтобы развиваться на свой лад. Однако контакты с внешним миром отнюдь не прекратились: Швеция периода Вендель поддерживала связи с меровингской Галлией, восточной Англией, даже с Востоком; Норвегия вела кое-какой товарообмен с кельтским Западом. К концу этого периода фризская торговля соткала в Скандинавии сеть довольно прочных отношений. Но поскольку все эти контакты носили исключительно мирный характер, то и в историографии того времени им не уделяется никакого внимания. Если не считать одного незначительного эпизода, миссии св. Виллиброрда в Данию около 700 г., Запад Скандинавией совершенно не интересовался.

Однако в VI в. дважды имели место датские экспедиции во Фрисландию. Около 520 г. св. Григорий Турский отмечает нападение на франкскую территорию, совершенное датским королем Хлохилаихом (Hugleikr); Теодориху из династии Меровингов удалось вырвать у пиратов большую часть их добычи. Как выясняется, герой этого происшествия появляется снова, под именем Хигелак (Hugelac), в качестве одного из главных действующих лиц английского эпоса о Беовульфе. Полвека спустя, около 574 г., Венанций Фортунат¹¹ сообщает о поражении отряда датчан, саксонцев и ютов от франков во Фрисландии. Из-за незнания контекста эти экспедиции остаются окутанными тайной. В VII в. молчание ничем не нарушается; правда, источники, относящиеся к крайнему северу франкского королевства, в этот период весьма скудны.

Для того чтобы составить общую картину скандинавского общества на момент начала эры викингов приблизительно в VIII в., необходимо полагаться, в большей степени, не на традиционные повествования саг, а на археологию и историю государственных институтов.

О создании политического портрета речь не идет. В этом крестьянском обществе, которым правила аристократия, сельская и в то же время военная, понятию государства почти не было места, однако в некоторых областях имелись королевские династии, власть которых освящалась религией. Регионализм был чрезвычайно силен, однако уже ясно вырисовывалось представление о трех скандинавских народностях. Дания рождается, определено в VI в., из союза полуостровных ютов^a и датчан с островов и полуострова Сконе. В Швеции происходит объединение двух народов, свеев на севере и гетов на юге, вокруг экономического и религиозного центра на берегах оз. Меларен^b. Под

^a По крайней мере тех, которые не переселились в Англию в V веке.

^b Готландцы, даже будучи участниками этого союза, долгое время держались особняком, проводя на восточных берегах Балтики собственные торговые и военные операции.

общим названием «Северный путь» (*Nordhrvegr*) начинается сплочение Норвегии, в которой различные очаги активности по-прежнему разделены большими расстояниями.

Правящий класс состоит в основном из богатых сельских собственников, глав своего рода и округа, жителей которого они возглавляли на сходе (*тинг*) и вели на войну на суше и на море. Считаясь равными между собой, они признавали за королями главенство, впрочем, лишённое значительных практических последствий. Обычно они являлись жрецами местных святилищ. В их резиденциях имелись залы, просторные деревянные помещения прямоугольной формы с очагом в центре; там такой вождь восседал на своего рода троне, принимал гостей на пирах или попойках; кроме того, он руководил разработкой своих земель с помощью рабочей силы, частично рабской. В случае войны на море вождь и его люди совместно строили и оснащали один или несколько кораблей, которые участвовали в военных действиях под его командованием^а. В некоторых областях умершего вождя помещали в один из таких кораблей, который вытаскивали на землю, а затем насыпали над ним курган; иногда на пути в мир иной своего господина сопровождали многочисленные рабы^б. Единственной реальной политической властью обладали местные собрания вождей и их приверженцев, происходившие на открытом воздухе по случаю религиозных праздников. Именно им было обязано своим возникновением законодательство, дотошное и сутяжническое, которое сохранялось в устной традиции в среде знати. Независимость вождей, соблюдавших правила игры, была почти полной, особенно в норвежских землях, где собственность, освященная долгим наследственным поль-

^а Однако жесткая организация военного ополчения (*ледунг*), безусловно, появилась только на завершающем этапе эры викингов.

^б Этот обычай засвидетельствован в окрестностях озера Меларен и у норвежской династии Вестфола (происхождение которой считается шведским); в Дании он был единственным. Ахмед ибн Фадлан (11) описывает его у волжских варягов в X веке.

зованием (*одадь*), обладала абсолютной неприкосновенностью.

Как и у всех германцев, король назначался из одного рода на основании выбора в сочетании с правом наследования. Он нес ответственность, в большей степени сверхъестественную, чем материальную, за общественное благо, когда речь шла о качестве урожая или защите от возможных завоевателей. В связи с этим он исполнял особые ритуалы. С политической точки зрения, он был арбитром и примирителем, но ни в коей мере не законодателем; он созывал армию и флот и принимал послов от иноземных правителей. По образу жизни он мало отличался от прочих вождей: как и они, он жил за счет своего имущества, в своем зале, окруженный клевретами и тунеядцами. Так же, как и они, он находил упоение под курганом^а. В Упланде, у *свеев*, и в Южной Норвегии, на землях Вестфоле (западный берег фьорда Осло) особенной стабильностью и авторитетом пользовались две одноименных и считающихся родственными династии *Инглингов*. В Дании королевская власть, по-видимому, была гораздо менее устойчивой, часто раздробленной, и менее привязанной к одной семье или месту. Если не считать литературных традиций, поздних и не поддающихся проверке^б, то до появления в начале X в. в центре Ютландии династии из Йеллинга, нам неизвестна ни королевская столица, ни королевская усыпальница. Мы не знаем, к какому роду принадлежали и откуда правили различные короли, имена которых стремительно сменяют друг друга во франкских хрониках IX века.

Между богатым аграрным собственником (*бондом*) и королем помещался региональный вождь (*ярл*), обычно наследный, власть которого почти равнялась королевской: в пример можно привести *ярла*, жившего в

^а Такие захоронения шведских королей VI в. преобладают также в Гамла Упсала, в нескольких километрах к северу от современного города.

^б В качестве центра древней Дании они указывают место под названием Лейре на острове Зеландия, однако археологи до сих пор не смогли найти ничего в подтверждение этому.

Хладире около Нидароса (Трондхейм) и являвшегося истинным хозяином северной Норвегии.

Представляется, что с этого класса собственников и ярлов и началось движение викингов. До XI в. в Норвегии и Швеции королевская власть принимала в нем лишь косвенное участие. Она видела в нем средство очистить страну от смутьянов, обеспечить мир, направив вовне аппетиты аристократии, и тем самым достичь большей свободы действия. Исландская литературная традиция связывает отбытие за моря основных вождей западной Норвегии с объединительной политикой короля Харальда Прекрасноволосого: после своей морской победы при Хафрсфьорде в конце IX в.^a, он якобы разрушил древние общественные устои, упразднив право одаля. Можно усомниться, что король мог зайти столь далеко; скорее, поселенцами Исландии стали представители родов, оказавших сопротивление политике короля. В Дании же, напротив, от Хигелака до Кнута Великого короли держали морские походы под пристальным наблюдением и часто лично руководили ими; однако этот интерес явно ослабел в течение решающего для экспедиций периода с середины IX до середины X века.

Экономическая жизнь Скандинавии основывалась на сельском хозяйстве, в Дании первое место занимало производство зерновых, а в Норвегии — полукочевое молочное животноводство. До IX в. там не существовало ничего, что бы заслуживало названия города, хотя, как представляется, некоторые вожди уже наполовину перешли к торговле как к основному занятию^b. Появление первых городских поселений, где жили по большей части иностранные торговцы, особенно фризы, по времени точно совпало с первыми походами. В этих городах занимались ремеслом и меновой торговлей, деньги там были неизвестны. В Швеции, в Бирке, к западу от

^a Хотя традиция датирует ее 872 г., она, безусловно, произошла ближе к 890 году.

^b Например, хозяева местности Хельго, к востоку от Стокгольма; в ходе недавних раскопок там было обнаружено большое количество привозных вещей (см. стр. 269).

Стокгольма, и в Норвегии, в Скирингссале, к юго-западу от Осло, эти первые торговые центры, поначалу никак не защищенные, контролировались королем. Хедебю, аналогичному поселению вблизи Шлезвига в Дании, впервые упоминающемуся в 804 г.^а, выпала более сложная политическая судьба: господствуя над границей и посему будучи предметом спора между датскими и немецкими правителями, он был захвачен «третьим лицом» — неким вождем шведских викингов. Раскопки и рассказы латинских и арабских путешественников говорят об оживленности и разнообразии жизни в Хедебю, что для времени их прибытия, безусловно, объясняется распродажей заморской добычи; но мы мало знаем о том, каковы были первоначальные движущие силы этого прогресса, который распространился также и на славянский берег Балтийского моря.

Мы почти не можем представить себе интеллектуальную жизнь Скандинавии до середины эры викингов. Хотя руническая традиция появляется в III в., надписей, могущих быть использованными, становится по-настоящему много только после 950-го и, особенно, 1000 года. Древнейшие образцы поэзии относятся ко второй половине IX в., эпохе, когда жил отец всех скальдов Браги Древний, но только веком позже они появляются в изобилии. Эпиграфические тексты и поэмы предполагают наличие литературного прошлого, продолжительного и относительно изысканного, однако благоприятные условия для их расцвета создало именно движение викингов. Можно даже предположить, что чрезвычайная оригинальность поэм скальдов, не имеющая аналогов нигде в германском мире, сложная метрика, а также присущее им систематическое употребление *кеннингов* (стереотипных образов, основанных на мифологии) является результатом первых контактов с ирландскими придворными бардами.

Скандинавское язычество представлено в различных обликах. Это культы государственные, известные по

^а Во франкских *Королевских Анналах* и под названием *Слиасторт* («порт на Шлее»), которое, несомненно, было присвоено ему фризами и саксами.

нескольким крупным сооружениям, вроде храма в Упсале, в них принимают участие правители и бытуют человеческие жертвоприношения; региональные и локальные, во главе которых стоит сельская аристократия; наконец, семейные, основой которых, вероятно, является жертвоприношение животных и общие возлияния. Пантеон включает незначительное количество великих божеств, популярность которых меняется в зависимости от времени и места. Наиболее популярными фигурами, единственными, чьи скульптурные изображения можно, хотя и изредка, обнаружить, являются Один, одноглазый бог войны и мудрости, Тор, бог грозы, который после IX в. выдвинулся на первое место, Фрейр, бог плодородия, его сестра и женское воплощение Фрейя; другие, например, Тюр, Ньорд и Улль, скорее всего, были забытыми богами, отстраненными от дел с успешным развитием новых культов. Другие известные божества, вроде Бальдра, бога юности, Локи, своеобразного бога зла, или Хеймдалля, который сторожит вход на небо, являются в большей степени объектами мифотворчества, нежели настоящего поклонения. Впрочем, в этом пантеоне и в обширном мире полубожественных существ (дисы, валькирии, тролли) каждый остается свободен осуществлять личный выбор и даже обращаться всякий раз к одному-единственному богу. Среди викингов попадались единицы, которые верили только «в самых себя и свою силу», однако представить себе подобное явление до этой эпохи обостренного индивидуализма почти невозможно.

Возможные соображения по поводу религиозной жизни на заре эры викингов зависят от того, какое избрать решение для одной необычайно сложной проблемы: в какой мере по поводу этого периода можно полагаться на тексты Эдды? Поэтическая Эдда пред-

^а Название *Эдда*, в собственном смысле, принадлежит одному прозаическому тексту, руководству по мифологии, составленному в Исландии около 1215 г. Снорри Стурлусоном⁴² и находившемуся в употреблении у скальдов; в широком смысле оно было применено к поэтическому сборнику, постоянным ком-

ставляет собой собрание мифологических и эпических поэм, переложенных в Исландии около 1270 г. и сохранившихся в единственной рукописи, «Королевском кодексе» (*Codex regius*), в Копенгагене. Лингвистическая и метрическая форма этих текстов показывает, что значительное их число было составлено в одни и те же времена, гораздо более древние, а затем передавалось из уст в уста в норвежской и исландской традициях. Но действительно ли их можно отнести к VIII веку? Может быть, это верно для меньшинства поэм; другие же, из числа наиболее важных, напротив, были составлены или по крайней мере видоизменены в эпоху викингов под влиянием контактов с кельтской средой и христианством. Следовательно, мудрее всего полагаться на факты, которые позволяют с уверенностью датировать археология и ономастика.

Долгое затишье VII в. предвещало взрыв. Продолжительный мир позволил восстановить человеческие ресурсы в некоторых районах, особенно в Норвегии. Торговые контакты подтолкнули скандинавов к развитию парусной навигации, которая во времена англосаксонской миграции, по-видимому, еще не была известна, и Запад сразу осознал ее ценность. Но самое главное — это проявление духа искательства и инициативы во всех сферах, идет ли речь о строительстве кораблей (обшивка со стыком внакрой⁴³, введение киля, использование рулевого весла), о навигационной астрономии или даже рунической письменности, которая пережила обновление и радикальную трансформацию. По-видимому, можно обнаружить и тенденцию к усилению религиозной самобытности Скандинавии, даже принятию ею агрессивной формы. Итак, около VIII в. статичная фаза сменилась динамичной: это и есть начало эры викингов.

Вопреки всяческим невероятным теориям, слово викинг, засвидетельствованное смежными формами в

ментарием к которому, в некотором роде, и является вышеупомянутое руководство.

скандинавских языках, фризском и староанглийском, по-видимому, происходит от основы вик, «залив». Семантически возможно следующее объяснение: человек, живший на заливе, становился пиратом; во всяком случае, таков обычный смысл этого слова в Скандинавии, часто с уничижительным оттенком. Современные историки несколько вольно применяют его ко всем скандинавам, участвовавшим в далеких военных походах, но он не особенно подходит к государственным или колонизаторским операциям. В связи с восточными походами, скорее, сухопутными или речными, нежели морскими, следует предпочесть термин варяги (древнесканд. vaeringi, откуда русск. варяг), который этимологически означает торговцев, но быстро стал применяться к воинам — искателям приключений.

В течение VIII и IX вв. скандинавский динамизм проявлялся в очень разнообразных формах. С одной стороны, он был земледельческим и пастушеским, ненасытным в отношении представляющих ценность земель, которые можно было отыскать в самой Скандинавии или далеко за морями. Чаще всего он был агрессивным и индивидуалистическим, повсюду применялось насилие, из любви к наживе, но также и из любви к искусству, к преодолению трудностей и славным подвигам. Иногда, особенно позднее, он выливался в военные действия с политическими целями упреждения, наказания или завоевания, которые велись регулярными армиями на средства государя. Иногда, но менее часто, чем об этом говорят, он превращал скандинавов в купцов и искателей новых рынков. Это многообразие затрудняет всякое обобщение, сводит на нет всякую классификацию, делает иллюзорными всякие поиски универсальных причин, приложимых ко всем аспектам этого движения.

Другая трудность связана с неравноценностью источников. До 980 или 990 г. имеющиеся у нас документы исходят почти исключительно от жертв, впрочем, осведомленных тем хуже, что одной из важных составляющих тактики викингов всегда была внезапность. Западные хроники предлагают точные временные рамки, но их мозаичность затуманивает общую картину.

Около XI в. к ним присоединяются кое-какие скандинавские свидетельства: рунические надписи, главным образом шведские, которые в лаконичных выражениях повествуют об отдельных авантюрах, и поэмы скальдов, сохранявшиеся в устной традиции, невразумительность которых зачастую приводит нас в замешательство. Позднее, в конце XII в., и в основном в XIII в., появляются достойные восхищения сказания в прозе, *саги*, ясные, прямые и убедительные, но слишком поздние, чтобы предложить нечто большее, чем литературное прочтение исторических событий^а. Придать некоторую связность этим разношерстным источникам можно только систематически обращаясь к археологии — очень совершенной в Скандинавии и еще более бесподобной в ее заморских угодьях — и к ономастическим наукам. Не следует недооценивать роль гипотезы, когда она дополняет картину, которую предстоит нарисовать.

В конце VII в. или, скорее, в начале VIII в. скандинавский мир впервые проявил экспансионистские тенденции в двух противоположных направлениях. Шведы стремились основать торговые фактории на восточном берегу Балтики^б, в то время как норвежские крестьяне незаметно приступили к колонизации архипелагов к северу от Шотландии; об этом нам известно только благодаря археологии. Безусловно, передовые отряды уже устремлялись вперед, но только в самом конце VIII в. произошло, в весьма резкой форме, знакомство скандинавов с народами, умеющими записывать

^а Добавим и еще одну сложность: эти надписи принадлежат, главным образом, шведскому обществу, а поэмы скальдов и *саги* — норвежскому. Дания, столь энергичная, оказывается гораздо более обделенной в отношении источников; ее латинская литература берет начало слишком поздно, чтобы многое поведать о традициях, современной эре викингов; уже Свен Аггесен, около 1185 г. написавший свою *Краткую историю королей Дании* (79), переполнил ее фантастическими баснями по поводу правления Кнута Великого: он, оказывается, завоевал Германию и Италию, посетил Тур и Руан!

^б Самая древняя и наиболее важная из них — Гробина около Лиепаи в Латвии; в IX в. известны другие, в Литве и восточной Пруссии. Особое место занимали там готландцы. Ср. В. Nerman. *Grobin-Seeburg* (341).

свою историю. Между 786 и 796 г. нападению с северо-востока (Линдисфарн) и юго-востока (Дорчестер) подверглась Англия; в 795 г. за ней последовала Ирландия, а после 799 г. настал черед Вандейского побережья Галлии: все эти экспедиции, по-видимому, были норвежскими. Несколько лет спустя в Шлезвиге датчане начали военные действия против франков, только что завоевавших Саксонию; завязавшись на суше, они около 810 г. распространились и на море: так началось второе наступление. Наконец, около 839 г., шведам мало-помалу удалось проникнуть вглубь русской территории и появиться на горизонте Византии. Это было время неслыханного разгула, который не обошел почти ни одной части Европы и даже западной Азии. Эта первая волна движения викингов продолжалась приблизительно до 930 года.

ПЕРВАЯ ВОЛНА И ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВ

У каждого скандинавского народа были свои излюбленные направления и формы экспансии, которые, впрочем, никогда не были исключительными. Норвежцы, действуя небольшими группами, занялись деятельностью двух родов: простым и откровенным грабежом, который преобладал в южной части сектора их появления, и поисками земель для заселения, пригодных для земледельческо-животноводческой жизни, наподобие той, которую они вели у себя дома. Их основной маршрут начинался в районе Бергена и поворачивал прямо на запад, в сторону Шетландских о-вов; там он разветвлялся: второстепенная линия достигала восточного побережья Шотландии и Англии, в то время как основная, через Оркнейские и Гебридские острова, направлялась к водам Ирландии, а оттуда, уже более устойчивая, к западной Галлии, Испании и даже Гибралтару. В IX в. определилась новая путевая магистраль — на северо-запад — начинавшаяся от Шетландских и доходившая до Фарерских о-вов, а впоследствии

Исландии, и, наконец, в начале X в. достигшая Гренландии и Америки.

Датчане, гораздо более организованные и часто возглавляемые принцем из королевского рода, также искали наживы, но в более внушительных масштабах, и земель, но, скорее, в виде крупных уступок, а не отдельных поселений. В своих владениях на Западе они чаще всего выступали в качестве сеньоров, а не крестьян. Их военные акции, достаточно методичные, часто преследовали политическую цель. Их грандиозный маршрут начинался с перешейка Шлезвига или Лимфьорда, шел вдоль южных берегов Северного моря, затем разветвлялся, ведя либо к восточной Англии, либо к Ла-Маншу и атлантическому побережью Галлии. Можно заметить, что по большей части он в точности повторяет путь фризских купцов; по их примеру датчане охотно поднимались вверх по рекам, докуда способны были их доставить корабли с небольшой осадкой; затем, когда в пределах досягаемости оказывалась заманчивая добыча, они превращались в пехотинцев или всадников.

Варяги-шведы, по-видимому, почти не интересовались пахотными землями; их привлекало серебро, и они стремились его добыть либо посредством торговли, либо завербовавшись в наемники, либо попросту грабежом. Но этот последний способ пользовался у них меньшим признанием, чем у датчан. С того момента, когда они высаживаются на восточных берегах Балтийского моря и Вислы у Финского залива, их более всего привлекает торговля; затем они продвигаются вглубь страны, следуя вдоль рек и переходя от одной к другой волоком. Их первые пути пролегают через север и восток: от Двины и Волхова они достигают бассейна Волги, который исследуют до Каспийского моря включительно; затем, в середине IX в., их предпочтение завоевывают западные маршруты от Волхова, Двины и Вислы до Днепра и Черного моря; не позднее 860 г. они добираются до Босфора. В большей степени, чем у норвежцев, и так же, как у датчан, у варягов проявляется призвание к командованию и управлению: именно в этом качестве они навязывают свое присут-

стве русскому обществу и образуют военные поселения в его главных городах.

Запад в основном подвергся ужасному испытанию. Обладая трезвым пониманием психологических механизмов, викинги стремились запугать его население проявлениями зверской жестокости, обезоруживавшей всякое сопротивление, наподобие изуверской казни «кровавого орла», примененной в 867 г. к королю Нортумбрии Элле. Даже когда их жертвам удавалось сохранить боевой дух, их тактика была катастрофически устарелой перед лицом угрозы с моря. Только три правителя смогли предложить план, способный организовать оборону от скандинавов. В Галлии Карл Великий попытался сформировать флотилию для защиты побережья, затем Карл Лысый⁴⁵ возымел желание преградить реки укрепленными мостами; однако знать не поняла их усилий и оставила эти задачи, хотя и осуществимые, без внимания^a. В Англии, после полного бедствий периода длиной в поколение, Альфреду Великому, несмотря на ограниченность в средствах, удалось замечательным образом избавиться от опасности: ценой уступки в 878 г. северо-восточной половины острова (она станет Денло, «Областью датского права») датчанину Гутруму, он укрепил плацдарм англо-саксов на юго-западе, где расцвела своеобразная и динамичная цивилизация; в X в. он станет стартовой площадкой для отвоевания захваченных датчанами территорий. Во всех остальных случаях, после трех или четырех нападений, в ходе которых христиане могли на опыте убедиться в своей слабости, они предавались малодушию, которое оставляло их только тогда, когда враг предпринимал что-либо чересчур жестокое или святотатственное. Их основной целью было добиться отсрочки: они откупались, а после подвергались разгрому. Из этого горького испытания Запад вышел исковерканным, разобщенным, неуправляемым.

Альфред (871–899) — это единственный государственный деятель, достойный этого имени, который начал

^a См. ниже, стр. 212 и 218.

борьбу против викингов. Понимая, что сопротивление потребует одновременно военных и интеллектуальных мер, он предпринял строительство огромного флота, способного противостоять датчанам в открытом море, преобразовал систему пешего ополчения, усилил местную оборону сетью укрепленных пунктов (*бургов*), которые остановили продвижение скандинавов в Мидланде; одновременно, с помощью целого штаба из духовенства, он обновил английскую письменность и постарался создать светскую культуру. В этих достижениях Англия обрела новую силу: первая половина X в., столь плачевная на континенте, здесь стала эрой возрождения, символом которого явилось имя св. Дунстана⁴⁶. Оно не только продемонстрировало последовательность в усилиях, полностью отсутствовавшую у Каролингов (флот, созданный в 896 г., без перерыва существовал до 1066 г.), но также смогло дать новые решения: от Эдуарда Старшего до Этельреда II⁴⁷ Англия представляла собой двухнациональную монархию, объединявшую под одним правительством юго-запад, который оставался чисто английским, и северо-восток, всегда датский до мозга костей, несмотря на свое освобождение.

Тем не менее Англия была гораздо более уязвимой, чем империя Каролингов: протяженность ее берегов, повсюду очень легкодоступных для нападения, не оставляла возможности ни для постоянного наблюдения за морем, ни для быстрого сосредоточения сил с целью воспрепятствовать высадке врагов. На континенте только Германии удавалось с грехом пополам противостоять викингам, благодаря тому, что там королевская власть встречала большее повиновение у подданных. Даже причиняя значительный ущерб портам, особенно Гамбургу в 845 г., вглубь страны датчане почти не проникали^а.

Свободу действий, которой пользовались норманны в Галлии, хорошо иллюстрирует крупномасштабная аг-

^а Германия располагала еще и другим козырем: возможностью нанести ответный удар по самой Дании.

рессия 856–862 годов^а. Около 15 августа 856 г. датский флот вошел в Сену, разграбил Руан и разбил укрепленный лагерь на острове Жефосс вблизи Манта. Уже оттуда, в январе 857 г., они двинулись в сторону Парижа и сожгли его, ограбив также аббатство Сен-Дени; в июне они напали на Шартр, а чуть позже убили епископа Байе. В июле 858 г. Карл Лысый запер грабителей на их острове, но по прошествии трёх месяцев ему пришлось отступить, чтобы отразить атаку своего собственного брата Людовика. В свою очередь, сопротивление попытался организовать своеобразный «народный фронт», но потерпел неудачу⁴⁸. В 859 г. датчане разграбили Пуайон и убили его епископа, а затем повторили то же самое в Бове. В 860 г. Карл за 3000 ливров подрядил норманнов с р. Соммы против их соотечественников на Сене, но за отсутствием денег ничего не добился. В 861 г. шайка с Соммы, которая тем временем действовала в Англии, вернулась и, на более выгодных условиях — 5000 ливров плюс зерно, — осадила остров Жефосс; еще одна кругленькая сумма, в 6000 ливров, убедила осажденных викингов пообещать уйти, однако еще целую зиму пришлось терпеть их присутствие на берегах Сены до самого Мелёна. Весной 862 г. норманны не выказали никакого стремления выполнить свое обещание и даже поднялись по Марне до Мо. Тогда, восстановив мост в Трильбарду, Карл поймал их в ловушку, но, будучи не в силах уничтожить противников, условился с ними об их отходе в сторону Бретани. В течение этих шести лет в стране франков действовали и многие другие отряды: на Рейне, Сомме, Луаре, Гаронне и даже Роне.

Мы не можем и помыслить о том, чтобы проследить военные действия викингов по каждому направлению их агрессии^б. Ограничимся тем, чтобы охарактеризовать более или менее устойчивые последствия этой первой волны для разных народов.

^а Дотошно изученная Лотом: *La grande invasion* (316).

^б Их подробности можно найти в кн.: Vogel, *Die Normannen* (322), которая, к несчастью, заканчивается 911 годом.

* * *

Норвежцы, как правило, устраивали отчаянные операции, зачастую несогласованные, своего рода «разведки боем», в самые разные страны от Марокко до Лабрадора. Дух морской авантюры преобладал над стратегией. Даже когда появлялся шанс осесть на какой-либо земле, норвежцы легко и бездумно им пренебрегали, и всегда противились установлению над ними любой власти. Возникшие в итоге «государства» являлись, когда враг находился в поле зрения, маленькими военными княжествами, цементом для которых служила дружина, сплоченная вокруг вождя присягой. В пустынных землях, где в силу их отдаленности ослабевала опасность внешнего вторжения, давал себе волю индивидуализм и анархизм норвежской знати: так, в X в. в Исландии существовало заботливо организованное государство, не имевшее, однако, ни армии, и флота, ни финансов, ни даже настоящего правительства: оно довольствовалось правосудием, лишенным, впрочем, каких бы то ни было средств для выполнения своих приговоров!

Колонизация Шетландских и Оркадских о-вов в течение VIII в., а затем «земли Юга» (Сатерланд, северная Шотландия) и соседнего Катанеса была делом рук небольших отрядов, которые с легкостью уничтожали или ассимилировали местных пиктов, несмотря на их внушительные фортификации из твердого камня (brochs)^a. Около 860 г. там организовалось княжество с центром на Оркнейских о-вах, под управлением рода *ярлов* из Мёра, местности в западной Норвегии^b. Оно стало очагом энергичной скандинавской культуры с самобытными норвежскими институтами и социальной организацией. Отсюда, двигаясь на юго-запад, норвежцы достигли другой группы островов, Гебридов и Мэна.

^a См. сборник *The Northern Isles*, ред. F. T. Wainwright, Edinburgh, 1962.

^b Согласно норвежской традиции, бесспорно, правдоподобной, именно эта семья произвела на свет Роллона, основателя герцогства Нормандии; ср. Genzmer, *Sage und Wirklichkeit* (290), и Douglas, *Rollo* (325).

Кельтский дух здесь имел слишком большое влияние, чтобы его можно было подавить: так зародилась любопытная смешанная культура, нашедшая выражение, главным образом, в своеобразном искусстве (напр. кресты, высеченные в X в.), которое черпало вдохновение одновременно в ирландском христианстве и Эдде! Густо заселен был только о-в Мэн, прекрасная морская база; около 1050 г. он получил епископа и стал центром маленького норвежского королевства, которое владело также и Гебридами. Основанная в 1079 г. Гудрёдом Крованом правящая династия просуществовала до 1266 г.; остров, формально аннексированный шотландской короной, вновь обрел кельтский облик, но сохранил свои ирландско-норвежские институты почти до наших дней.

Затем норвежцы достигли Ирландии. С течением времени намерения нападавших сильно менялись. Сначала это были простые пиратские вылазки с целью овладеть сокровищами прибрежных монастырей. Затем, около середины IX в., норвежцы, по-видимому, начали руководствоваться грандиозными завосвательными планами, очень необычными для их зоны экспансии. Для этого они вначале создали опорные пункты на побережьях, особенно в Дублине, занятом в 836 г. и без промедления укрепленном, и Лимерике, расположенном в устье Шеннона, важного пути вглубь страны. Вождь по имени Тургейс (норв. *Thorgestr*) около 843 г. заявил права на власть над всем островом, осквернил национальные святыни в Армахе и Клонмакнойсе и насадил там агрессивное язычество. Затем эти амбиции потерпели крах. Тургейс был утоплен одним ирландским королем. Около 850 г. его датские соперники, приплывшие из Галлии, попытались занять его место. Они были быстро изгнаны. Между норвежцами и местными жителями установился *modus vivendi* (общий образ жизни); около 856 г. ирландские хроники впервые указывают на существование группы двуязычных метисов, *Gall Gaidil*, «ирландских чужаков». После 872 г. норвежцы чаще всего довольствовались тем, что крепко держали в своих руках пять или шесть пунктов на побережье, не устанавливая между ними территориального кон-

такта. Там они создавали города-государства, которые и сегодня являются главными городами на острове: Дублин, король которого пользовался определенным главенством, Уэксфорд, Уотерфорд, Корк, Лимерик².

Внутренние земли Ирландии оставались в руках местных королей, в ссоры которых норвежцы часто вмешивались; некоторые скандинавские элементы закрепились там, но указаний на собственно аграрную колонизацию почти нет. Воинственное Дублинское королевство осуществляло своего рода протекторат над норвежскими поселениями Ланкашира, скотоводческими и мирными по своей природе, и долгое время вело спор за владение Йорком с датчанами, прибывшими с востока. В ходе Ирландской освободительной войны, в 902–919 гг., самые буйные норвежцы были отброшены на восточный берег Ирландского моря. Затем положение стабилизировалось; в нескончаемых войнах между ирландскими королями и норвежскими вождями сталкивались представители фактически одного и того же слоя, в равной мере христиане, и часто один род бывал связанным с другим узами *усыновления*, института, обиходного как в Скандинавии, так и в Ирландии. Одни и те же норвежские наемники составляли элитную часть в обеих армиях. В это смутное время главным образом ирландцы обрели нескольких героев: Келлахана из Кашела в X в. и Бриана Боройме (Собирателя скота) в начале XI века. Бриан пользовался равной известностью и в скандинавской традиции. Битва при Клонтарфе, в которой он встретил свою смерть в 1014 г., положила конец экспансии Дублинского королевства и отбила у норвежцев извне охоту вмешиваться в дела островитян.

В 1037 г. окончательно укрощенный Дублин принял викарного епископа из Кентербери, а не Армаха; все его приближенные были ирландцами. Остаточные нор-

² Можно отметить один несколько парадоксальный факт, который иллюстрирует созидательный аспект движения викингов: норвежцы, которым на их родине городская жизнь была незнакома, насадили ее в Ирландии. Скандинавская колония никогда не была простым продолжением метрополии.

вежские государства влачили жалкое существование вплоть до высадки Плантагенетов около 1171 года⁴⁹. Еще в 1283 г. потомки норвежцев, *остмены*, образовывали в Уэксфорде отдельный класс, состоявший в торговых отношениях с Бристолем.

Норвежцы внесли в развитие Ирландии значительный экономический вклад: при них возникла большая часть городов, первые деньги были отчеканены королем Дублина Сигтюгом Шелковая Борода (XI в.), появились совершенно новые познания о мореходстве⁵. Но в культурном плане последствия прихода викингов были катастрофическими. Ирландское монашество утратило свою жизненную энергию и прекратило проповедничество; прервалась деятельность *скрипториев*⁵⁰, и ирландские ученые уже более не играли значительной роли в интеллектуальной жизни Запада.

Топонимия выявляет участие этой ирландско-скандинавской среды в освоении п-ова Котантен в X веке. По свидетельству *саг*, еще более значительную роль она сыграла в обращении Исландии к христианству. Однако она не породила никакой политической идеи. Норвежские рейды к югу от Ла-Манша были обыкновенными вылазками и не оставили устойчивых следов ни на Луаре, ни на Гаронне, ни на побережье Бискайского залива. Отметим лишь несколько важных эпизодов: крупномасштабная экспедиция по Гвадалквивиру в 844 г., в результате которой была разграблена Севилья, рейды 859–862 гг. на марокканское побережье, на Рону и в Италию, наконец, в довершение всего, путешествие будущего короля Олафа Святого в 1013–1015 гг. к берегам Галисии и Аквитании. Несомненно, именно норвежцам принадлежало единственное захоронение в корабле, оставшееся после викингов в Галлии, а именно на о. Груа.

К северу от Шетландских о-вов деятельность норвежцев уже не носила военного характера: Атлантика

⁴⁹ У норвежцев был позаимствован почти весь ирландский словарь, относящийся к этой сфере. Традиции грандиозного кельтского мореходства периода раннего средневековья окончательно пресекались.

была пустынна, если не считать редких ирландских отшельников. Фарерские о-ва были заселены в начале IX века. В 860 г. буря прибила к Исландии первых норвежцев, и заселение началось около 870 года. В глазах норвежских аристократов, над которыми в то время нависла угроза начинавшегося в их стране монархического объединения, этот огромный остров, относительно благоприятный для животноводства, представлял немалую удачу. В течение всего X в. они в больших количествах устремлялись туда вместе с приверженцами, рабами (часто ирландцами) и стадами и построили там республиканское, столь милое их сердцу, и индивидуалистическое (в этом они знали толк) общество. Традиционные повествования, относящиеся к первым поселенцам, были тщательно собраны в конце XII в. в «Книге о заселении Исландии» (Landnámabók), которая позволяет нам решиться дать этому переселению численную оценку: порядка двадцати тысяч жителей за одно столетие. Остров быстро превратился в центр самой утонченной интеллектуальной культуры: исландская литература, безусловно, была самой яркой на всем средневековом Западе.

На всем этом норвежском пространстве, от края до края, не прекращался круговорот людей, подвижность поселенцев была очень большой, но связи с метрополией оставались крепкими. Между ирландцами и норвежцами имело место глубокое взаимное влияние, например, в сфере поэзии, в такой степени, что в отношении Дублина и Мэна можно говорить о смешанной культуре. Экономический обмен играл более неприметную роль; кроме Исландии, которая остро нуждалась в зерне и лесе, различные колонии сами удовлетворяли свои потребности и явно производили те же самые продукты питания, что и метрополия. Отсюда и относительная заброшенность, постигшая эти западные территории с окончанием натиска викингов.

* * *

Деятельность шведов в период этой первой волны очень плохо известна. Мы располагаем довольно ясными сведениями о торговых поселениях в Курляндии,

находившиеся у истоков трансконтинентального маршрута, которые упоминались в одном тексте IX в.; на их месте были проведены тщательные раскопки. С другой стороны, нам хорошо известны первые встречи варягов с греками (в 839 г., вблизи Азовского моря) и мусульманами (около 864–884 гг. в Табаристане). Все остальное почти недоступно для изучения. При каких условиях шведские искатели приключений проникли сначала в среду финно-угорских народов в районе Ладоги, затем в еще малонаселенные славянские земли средней полосы России, и, наконец, к тюркам нижней Волги? Каким образом, в симбиозе с местными жителями, они обосновались в городах (особенно Старой Ладоге/Альдейгьюборг при впадении Волхова в озеро Ладога)? Почему в течение IX в. они предпочли своему первоначальному восточному маршруту более прямой путь по Днепру, где завязали тесные контакты со славянами Украины? Все это практически неразрешимые вопросы.

Вторжение шведов в русский мир оценивается скандинавскими и славянскими учеными с радикально несхожих точек зрения. Если же разрубить гордиев узел этого ожесточенного спора, то, похоже, что именно после контактов с тюрками (безусловно, хазарами), шведы задумались о том, чтобы сделаться политическими вождями. Затем профессиональных шведских воинов наняли на службу славянские города, по большей части уже существовавшие до их прихода, и те без особых затруднений захватили в них власть, основав свои династии во всех крупных центрах. Один из них, Киев, находящийся на важнейшем маршруте, ведущем к Черному морю и Византии, быстро получил первенство и мало-помалу объединил под своей рукой варяжские города. Шведы нигде не образовали компактных поселений, но оказали глубокое влияние на военную и торговую жизнь. Именно их следует считать инициаторами грандиозных русских походов на Константинополь (860, 941 гг.), которые велись с помощью славянского технического средства, лодок-моноксиллов, и в основном силами славян, но с энергией, очень напоминающей викингов.

Не все шведы закрепились в русских городах. Искателей приключений привлекали две более удаленные столицы: Константинополь и Багдад. Будучи не в силах войти в первую в качестве завоевателей, они сделали это как наемники, образовав командный состав «варяжской гвардии», служившей василевсу на всей территории вплоть до Сирии, Сицилии и Апулии в X–XI веках^а. На багдадском направлении сменяли друг друга торговцы и пираты, но их экспедиции в *Серкланд* (скандинавское название мусульманской Азии), по-видимому, никогда не заходили дальше южного берега Каспийского моря или Узбекистана. Только во время великого затишья X в. этот маршрут принес все свои экономические плоды, причем значительные, которые удостоверяются огромным количеством иранских дирхемов⁵¹, найденных в Швеции.

За исключением некоторых технических терминов, происходящих из языка военных лагерей, и нескольких имен собственных, бывших в ходу у правящей династии Киева, Рюриковичей, славяне почти ничем не обязаны скандинавам, практически отсутствуют и заимствования в обратном направлении. Представляется, что в этих восточных владениях культурные контакты между скандинавами и славянами были не очень сильны. Между скандинавами и греками или арабами их вовсе не было^б.

* * *

Датчане всегда действовали в одной и той же последовательности, где бы и когда бы они не находились. Толчком, побудившим их к активности, был страх перед

^а Любопытно отметить, что в Апулии варяги использовались против норманнов Нормандии. В варяжскую гвардию входило достаточно большое количество норвежцев (в их числе будущий король Харальд Суровый), и ее слава достигала Исландии; в конце XI в., после поражения при Гастингсе, в нее в массовом порядке вливались англичане (англы и датчане).

^б Однако в более позднее время в Исландии появилось несколько восточных церковнослужителей (главным образом армян), и исландцы долгое время считали причудой их манеру датировать события годами правления василевса, наряду с германским императором и папой.

завоеваниями Карла Великого в Нордальбингии. За какие-нибудь пятнадцать лет они уже добрались до сердца империи франков, чуть позже — Англии, а затем стали вести себя с почти совершенной закономерностью. В нападениях датчан повсеместно можно видеть смену трех этапов. Первый — это прямой грабеж, который начинается быстрой высадкой на том же берегу, продолжается постепенным освоением внутренней части, начиная с речных эстуариев, чтобы закончиться крупными рейдами на несколько сотен километров от моря, требующими зимовки в укрепленном убежище, на острове, в лагере или городе, поспешно оставленном своими жителями. Когда датчане сталкивались с организованными государствами, начинался второй этап — «датских денег», когда викинги применяли насилие не столько ради непосредственного захвата добычи, сколько с целью запугать население, убедив его откупиться по более высокой цене. При известной сноровке в этом деле одна рядовая кампания могла принести в два или в три раза больше, чем использование предыдущей технологии: перемирие, заключенное на одном берегу Ла Манша с целью пополнить средства, можно было использовать для того, чтобы на другом берегу начать «доводить до кондиции» население, которое предполагалось эксплуатировать в дальнейшем. Однако викинги должны были обеспечивать занятость своему беспредельно разрастающемуся личному составу, и, если у противника хватало ума, чтобы мгновенно организовать действенный отпор, нападавшие могли разочароваться в предпринятом ими походе. Наконец, наступал день, когда атакуемые территории оказывались слишком разоренными, и, главное, слишком разобщенными, чтобы какая бы то ни было власть была в состоянии вытянуть из них значительные суммы; тогда начинался, конечно, вполне произвольно, третий этап — прямая эксплуатация: датские армии брали землю в свои руки, управляли ею и в большем или меньшем количестве поселялись там, образуя государство. Со всей возможной скоростью они стремились заручиться признанием со стороны государственного права, в лице местного правителя. Наиболее обычным условием являлось крещение, которое

датчане принимали без отвращения, но и без убежденности. Нередко имели место и политические условия: принятие феодальной системы, военное сотрудничество, в частности, против конкурирующих отрядов викингов. На эти условия датчане соглашались так же, как и на переход в христианство — с большей или меньшей долей искренности. Однако датские викинги, бесспорно, имели определенный талант к достижению договоренностей.

В разных регионах эти этапы проходили в неодинаковое время. Во Фрисландии второй этап начался с 810 г., а третий, связанный с образованием государств, в устье Везера — в 826 г., в низовьях Шельды — в 841 году. Первые налеты на Сену, бесспорно, датируются приблизительно 820 г.; период «датских денег» начинается в 845 г., а в 911 г. договор в Сен-Клэр-сюр-Эпт, по которому Нормандия доставалась Роллону², отмечает переход к третьему этапу. В Англии первый этап открывается около 834 г. (в том, что касается датчан), второй — приблизительно в 845 г., а третий — в 876 году.

Можно было бы подразделить первый этап на подэтапы, исходя из даты первого разграбления города (на Сене в 841 г.) и первой зимовки (на Сене в 851 г.); в рамках второго этапа следовало бы отделить выкупи с одной области, носившие почти частный характер (841 г.), от значительных по сумме «датских денег», собираемых и выплачиваемых государственной властью (на Сене — в 845 г.). Мы видим, что между концом одного этапа и началом следующего имеют место некоторые наложения.

Первый этап негативен и разрушителен, награбленное быстро растрачивается. В течение второго этапа начинают проявляться некоторые позитивные признаки: снова поступает в обращение большая часть драгоценных металлов, находившихся на Западе в руках у князей и церковных институтов. На третьем этапе движение викингов оказалось конструктивным. Христианская цивилизация обрела новообращенных, поначалу сомнительного свойства, но через два или три поколения уже полных горячей убежденности и энтузиазма: по

этому-то окольному пути и пошло просвещение Севера. Норманны восприняли политическое наследие англо-и, главное, Каролингов и быстро смогли произрастить от него такие плоды, что стали родоначальниками самых совершенных форм средневекового государства. В конце концов все северные моря оказались оживотворены новым экономическим течением.

Это успех, разумеется, не был достигнут одним махом. Датские армии были связаны лишь временным кодексом, «законом об армии», который подчинял их более или менее выборному вождю, «королю моря»^а. Трудно было перейти от этой власти, предоставляемой на время какой-то военной кампании, к устойчивому государству: закон об армии не содержал ни принципа наследования, ни *modus vivendi* (принципов обращения) с местным обществом, ни юридических правил, подходящих для мирных времен. Эти лакуны необходимо было восполнить с помощью заимствований из местной окружающей среды или нововведений. Большинству основанных викингами государств не удалось осуществить этого перехода; единственным исключением было герцогство Нормандия, благодаря доблести своих первых вождей и главным образом тому, что оно смогло просуществовать до момента, когда вместе со второй волной движения викингов к нему из Дании пришло второе дыхание.

В датском секторе викинги создали 7 государств: в 826 г. — в Рюстрингене на нижнем Везере, в 841 г. — вокруг о. Вальхерен и Дорестада, в 876 г. — в Йорке, в 877 г. — в пяти городах восточной Англии (Линкольн, Стэнфорд, Лестер, Ноттингем и Дерби), в 877 г. — в Восточной Англии, в 911 г. — в Руане, в 919 г. — в Нанте. Все они появились на свет законным путем, в результате либо пожалования со стороны местного правителя (четыре государства на франкской территории), либо более позднего урегулирования (три на

^а Это, скорее, предположение, чем известный факт; эта гипотеза опирается на некоторые сведения *саг* и норвежские законы XII и XIII вв., которые часто перемешиваются в рунических текстах XI века.

английской территории). Большинство из них возникло вокруг городов, столиц, которые являлись важными центрами торговли. Почти все они были основаны видными личностями: в Рюстрингене это был Рюрик, бывший король Дании^а, в Англии — чуть ли не легендарные сыновья Рагнара Кожаные штаны; Роллон Нормандский, безусловно, находился в самых близких родственных отношениях с ярлами Оркнейских о-вов. Однако шесть (а точнее шесть с половиной) из этих семи держав потерпели крушение. Рюстринген и Вальхерен продержались лишь по несколько лет (до 852 и 885 г.), в Восточной Англии все рухнуло в 917 г., в Нанте — в 937 г., в пяти городах — в 942 г., в Йорке — в 954 году. Сохранилось только государство в Руане.

Приведем в пример лишь одно, наиболее крупное государство, королевство Йорк. Образовалось оно в 876 г.; в 877 г. его основатель был изгнан собственными воинами. Гутред, сын Хардакнута, который носил корону в этом государстве в течение 15 лет (880–895), сыграл в нем ту же роль, что Роллон в Руане, особенно в примирении датчан с остатками английской церкви, призвав в Йорк архиепископа Вульфхера. Но с 895 г. начинается водоворот королей — датских, норвежских, английских, — почти беспросветный; всего за 60 лет сменилось 12 королей, не считая нескольких междуцарствий и двух английских освободительных движений (925–939 и 944–948): короче говоря, вопиющий случай беспорядка и бессилия. Датская среда Йорка, по большей части торговая, предпочла покориться королю Уэссекса, нежели терпеть дальнейший хаос. Тем не менее государство Йорк не было аморфным: оно имело упорядоченную денежную систему, и его институты, безусловно, послужили образцом для Скандинавии^б.

Почти то же самое, хотя и с меньшими подробностями, можно было бы сказать обо всех остальных датских государствах на Западе, даже о Нормандии, которой, казалось, суждено было рухнуть около 944 г.: 17 декабря 942 г. ее герцог Вильгельм Длинный меч, на-

^а Разумеется, это не более чем тезка основателя Киевской правящей династии.

^б См. ниже, стр. 254.

саждавший франкские институты, был убит в Пикиньи, и несовершеннолетие Ричарда I³ едва не привело к отвоеванию Нормандии франками, что сильно напоминает аналогичную попытку, предпринятую Эдмундом в Йорке. Людовик IV⁴ сделал графом Руана франка, а Гуго Великий⁵ завладел Байе и Эвре. На западе против датчан, присоединившихся к франкскому королю, действовала банда викингов-язычников, безусловно, руководимых датским принцем, играя роль, схожую с той, которую выполняли норвежцы Дублина и Лимерика в Йорке.

Везде, где правили датчане, они оставили глубокий след. В восточной Англии и Нормандии топонимия оказалась в полном беспорядке за счет внесения бесчисленных скандинавских основ (напр. *toft, tot*, «застроящая земля»; *thorpe, torp*, «поселок»; *thwaite, thuit*, «распаханная целина»; *beck, bec*, «ручей», и др.). Скандинавские имена собственные в массовом порядке влились в английскую ономастику, начиная с имен последнего англосаксонского короля Гарольда и его архиепископа Стиганда. Они распространялись, хотя и сдержанно, в Нормандии (напр. Анго, Анкетиль, Осмонд, Тустен, Тюркетиль). Английский позаимствовал у датского настолько мощный пласт лексики, что следует предполагать наличие подлинного двуязычия (на этот счет в некоторых отдаленных районах встречаются, вплоть до начала XI в., этнографические указания). В Нормандии глубокое влияние испытал только слой, связанный с мореплаванием. В современном французском этот след сохраняется до сих пор^а. В Англии успел наметиться настоящий симбиоз в сфере искусства и даже литературы; он возник в англо-скандинавской среде, которая на всем протяжении X–XI вв. вела себя как автономное образование.

Эта тройная экспансия викингов всех национальностей сформировала единое экономическое пространство от Атлантики до Волги, в котором интенсивно пере-

^а Мы вернемся к этим вопросам в гл. М, стр. 156 и в гл. VIII, стр. 261.

мещались люди и блага. Что касается Скандинавии, то там в результате произошла своеобразная революция. До IX в. Север находился в торговом тупике, и городская жизнь там была неизвестна. IX и X вв. ознаменовались небывалым расцветом нескольких торговых пунктов: во взаимодействии домонетарной экономики Севера с монетарной экономикой Запада (Англия, Франция) и в скором времени Востока (Византия, халифат Аббасидов⁵⁶), при наличии колоссальной добычи, множества рабов для продажи и ловких торговцев, отчасти скандинавов и отчасти фризов, скандинавы сколотили состояние. Эта уникальная ситуация, описанная несколькими западными миссионерами и мусульманскими путешественниками, известна главным образом благодаря образцовым раскопкам. Порт Хедебю, или Хайтабу, на балтийском побережье около Шлезвиг, играл исключительную роль, находясь на перешейке, соединяющем Данию с Саксонией и Балтику с Северным морем. Он возник около 804 г., достиг расцвета в конце IX и начале X в., затем пришел в упадок и исчез между 1040 и 1066 годами. Порт Бирка на острове в озере Меларен к западу от Стокгольма процветал во времена визита св. Ангария в 830-х гг. и был забыт до 975 г.; захоронения на его территории свидетельствуют о торговле, распространявшейся почти на весь известный тогда мир: китайские и византийские шелка, шерстяные ткани с Запада, каролингские изделия из стекла, иранская бронза. Более скромные, в Скирингсале, в Норвегии, к юго-востоку от Осло, и в Венделе на п-ове Ютландия вблизи Альборга, ориентировались главным образом на Англию. Эти порты были звеньями одной цепи, которая тянулась как на Запад (Дорестада, Кентовик), так и на Восток (Старая Ладога), отмечая совершенно новый путь с Запада на Восток через моря Севера^а.

^а Здесь мы не будем исследовать структуру этих городов, иногородных включений в скандинавском мире; однако следует подчеркнуть, что их существование подготовило викингов к принятию городского образа жизни в Йорке, Дублине или Руане.

ЗАТИШЬЕ, ВТОРАЯ ВОЛНА И ЕЕ СПАД

Около 930 г. казалось, что мощный натиск викингов ослабел. Имело место еще несколько отдельных вылазок^а, но огромных военных флотилий уже не было, образование колоний прекратилось, некоторые поселения исчезли, большая их часть утратила автономию. В Англии с 954 по 980 гг. нет сведений ни об одной высадке; в Уэльсе — с 918 по 961 гг.; в Ирландии спокойствие продолжается примерно полвека, до 980 года. В Галлии, после окончательного закрепления норманнов на Сене и вытеснения их соотечественников с Луары, всякая реальная опасность исчезла. Даже на востоке варяжская экспансия уже не может похвастаться заметными успехами. Каковы были причины этой продолжительной паузы, тянувшейся почти два поколения? Мы можем усмотреть три: смена экономической системы, начало христианизации, политическая и военная революция в Дании.

** Товарообмен, основывавшийся на предметах роскоши (вина и ткани, меха и рабы) и не знающий денег, уступил место более развитым формам. Серебряные деньги, каролингского или в основном мусульманского происхождения (саманидские дирхемы из Туркестана), получили на Севере такое распространение, что там постепенно принялись чеканить монету. Крупные порты начали клониться к упадку, со сцены сходит даже Бирка. Изменяются транспортные пути: маршрут Дорестад-Хедебю вытесняется другим, ведущим прямо от Йорка, или от Оркнейских о-вов к Скандинавии; русские реки отчасти замещаются польскими.*

Христианизация, начавшаяся около 823 г., на первых порах ориентировалась на балтийские порты. Это было тактической ошибкой: эти слои почти не обща-

^а Например, локальная экспедиция против Англии, которую в 937 г. провели несколько норвежских королей Ирландии и которая закончилась поражением нападающих в битве при Бруннбурге, воспетой в английской поэзии, но место которой остается невыясненным.

лись с правящими классами. В X в., после долгого перерыва, миссионерство возобновилось, обратившись к государям. Короли Дублина Сигтрюг и Олаф Куаран приняли христианство (в 926 и 980 г.). Христианами были; в большинстве своем, короли Йорка и все герцоги Руана. Затем, около 960 г., немецкое духовенство добилось крещения датского короля Харальда Синезубого. До Норвегии дело дошло только поколение спустя, а Швеции — лишь после 1050 года. Даже при том, что воинствующее язычество викингов почти не вдохновляло, очевидно, что христианская атмосфера могла только смягчить их нрав^а.

Военные и политические перемены коснулись только Дании. На месте неустойчивых локальных королевств возникла наследственная монархия с центром в Йеллинге на п-ове Ютландия. В военных лагерях с железной организацией два короля новой династии, Харальд Синезубый (около 940–985 гг.) и его сын Свен Вилобородый (985–1014), выковали войско, более дисциплинированное, чем любая другая европейская армия со времен падения Рима. Открытие этой реформы есть величайшее откровение скандинавской археологии за период после 1936 года^б.

Следовательно, затишье X в. достаточно легко объяснить. Но почему вторая волна викингов нахлынула именно около 980–990 года? Вопрос остается неясным — за исключением того, что датчане желали ввести в бой созданную ими армию, которая обеспечивала им явное преимущество. В демографической и навигационной сфере ничего нового не наблюдалось. Впрочем, второй приступ был несоизмеримо более коротким, чем первый, не затянувшись позднее 1030 года. Он затронул

^а Относительно христианизации Скандинавии, ср. L. Musset, La conversion des Germains, в кн.: Histoire universelle des missions catholiques, I, Paris, 1959, p. 129–141, и ниже, p. 175, 225.

^б Фактически нам известно четыре круглых лагеря с земляными крепостными стенами: Треллеборг (о-в Зеландия), Ноннебакен (о. Фюн), Фиркат и Аггерсборг (Ютландия); возможно, был еще один на южном берегу Балтийского моря. В каждом из них могло проходить обучение от 1000 до 4000 воинов. Основные публикации на эту тему: P. Norlund, Trelleborg (237); C. G. Schultz, Aggersborg (238).

лишь часть сектора, ранее освоенного первыми викингами, в основном северо-запад и юго-восток.

Более всего от датчан пострадала Англия. В 980 г. в Саутгемптоне и на Темзе опять появились пираты; в 991 г. снова подошел большой флот, потребовав «датских денег» в размере 10 000 ливров^а; черед Лондона наступил в 994 году. Сначала английские короли предпринимали здравые ответные меры, но затем Этельред II совершил пагубный промах — поголовное истребление датчан, задуманное, но неудавшееся 13 ноября 1002 г. Теперь война была неизбежна. В то время как наемников, которых во множестве привел датский король Свен, всегда интересовала главным образом добыча, которой они похвалялись, вернувшись домой, сам Свен на этот раз планировал прямое и полное завоевание Англии, о котором никто из его предшественников не смел и мечтать. Он добился этого в 1014 г., но вскоре скончался. Тогда его сын Кнут Великий продолжил его начинание и осуществил его в 1016 году. Это положило начало Датской империи, центром которой являлось Северное море; скоро она вышла за эти пределы, включив в себя, после смерти Олафа Святого в 1030 г., большую часть Норвегии и юг Швеции.

Это государство совсем не напоминало те, которые создавали викинги первой волны. Благодаря замечательной интуиции Кнут осознал, что уровень развития Дании не позволял ей предложить своей империи что-либо помимо военного руководства; политический и культурный идеал, необходимость которого он чувствовал, был им почерпнут у англосаксонской цивилизации и особенно Церкви. Несмотря на очень суровые условия датского завоевания, которому предшествовало десять лет жестокой борьбы, Кнут быстро снискал любовь большинства англичан. Только незначительное ядро непримиримых англосаксов последовало за семьей Этельреда в Руан, в изгнание. Новый строй питал

^а К этой кампании относится битва при Мэлдоне, иллюстрацией к которой служит одна известная английская поэма, превозносящая героизм, выказанный местным вождем Бюрхтнотом в бою с викингами, попытавшимися высадиться в Эссексе.

уважение к личности и собственности; по-видимому, он не сопровождался никакой аграрной колонизацией; из Дании прибыли только некоторые высокопоставленные особы и профессиональные воины, вызванные, чтобы составить королевскую гвардию; ярые викинги были отосланы домой. Область датского права не пользовалась никаким предпочтением; король жил в английских городах Лондоне или Винчестере, а не в Йорке. Однако это талантливое правительство оказалось бесплодным: Кнут умер молодым в 1035 г., а его сыновья были посредственными государями. После 1042 г. на свой трон вернулся Эдуард, сын Этельреда. Но англо-датская аристократия, обязанная своим положением Кнуту, оставалась определяющим фактором английской внутренней политики до 1066 года^а.

Порты Фрисландии и внутреннего Рейна были затронуты достаточно сильно (Ставерен в 991-м, Тил в 1006-м, Утрехт в 1007 г.), однако никакого завоевания не было предпринято. Нормандию события в Дании задели рикошетом в несколько другой форме. Подобно последней, она, начиная с 950-х гг., переживала активное внутреннее переустройство, в начале которого отдельные скандинавские банды пришли к сотрудничеству. Они получали непосредственную выгоду от возобновления грабежей в Англии, так как сбыт добычи часто происходил в Руане. Однако у герцогов Руанских полное завоевание острова Свеном и Кнутом восторга не вызвало, и с этих пор они поддерживали антидатские группировки в Англии; таковы истоки похода 1066 г., который в принципе был направлен в гораздо меньшей степени против англичан, чем против англо-датской аристократии, главой которой был Гарольд⁵⁷. Таким образом, после 1020-х гг. Нормандия перестала смотреть

^а Поражение англичан имеет и внутренние причины. Замечательное возрождение в период жизни св. Дунстана (ок. 909–988) не получило продолжения. Военная организация ослабела: чтобы дать отпор Свену, Этельред II должен был снова прибегнуть к помощи норвежских викингов (в том числе Олафу Святому). Население «Области датского права», хотя и не изменяло, но все же выказывало очень мало рвения.

в сторону Скандинавии, выбрав источником своего политического вдохновения феодальный мир.

Действия норвежцев были более разобщенными. В Ирландии брожение росло, начиная с битвы при Таре в 980 г.⁵⁸ до битвы при Клонтарфе в 1014 г., которая привела к краху последней крупной коалиции норвежцев Запада против «верховного короля» Бриана Боройме (Собирателя скота). В Галлии второй приступ был менее ощутимым, за исключением побережья между Луарой и Жирондой, где в 1000, 1014 и 1018 годах имели место высадки пиратов. Их было куда больше в Испании, где снова отмечается несколько значительных рейдов: на Компостелу в 968 г., на Омейядский халифат в 966 и 971 гг., на Астурию в 1013 году. Но этот последний норвежский натиск ощущался главным образом на крайнем северо-западе. В 981 г. Эйрик Рыжий, изгнанный с Исландии, случайно открыл Гренландию, которую заселил после 985 г., измыслив для нее в пропагандистских целях обманчивое название («зеленая земля»). Свободная ото льдов полоса этого огромного острова использовалась, как и в Исландии, для молочного животноводства, которое стало возможным на короткий срок благодаря временному потеплению климата; некоторые трапперы использовали охотничьи угодья почти до 72 градуса северной широты. Эта отважная колония жила довольно успешно вплоть до XIII в., а затем возвращение морозов довело ее до последней степени физической нищеты; примерно в конце XV века она пришла в запустение, отчасти под ударами эскимосов. Около 1000 г. Лейв, сын того самого Эйрика, открыл землю, лежащую еще дальше к западу, которую он окрестил Винландом («страна вина») и которая, безусловно, представляла собой отрезок канадской прибрежной полосы. Попытка колонизовать эту последнюю страну потерпела неудачу, и даже память о ней была утрачена^a.

^a Этот эпизод известен лишь по *сагам*, переполненным мифическими подробностями. До сих пор мы не имеем для него никаких археологических подтверждений (те, которые были заявлены, представляют собой плод фальсификации или ошибки,

Наконец, в поход за сокровищами Востока снова отправились шведы. Мы знаем, в основном из рунической эпиграфики, о крупной экспедиции, которую около 1040 г. повел на Русь военачальник из Упланда по имени Ингвар. Она направилась в сторону мусульманской Азии (*Серкланд*), но почти полностью погибла при разгроме, который тяжело сказался на шведской аристократии. После этого похода встречаются сведения лишь об отдельных выступлениях наемников в сторону Киева или Византии; они, в свою очередь, прекращаются в последней трети XI века.

Потребовалось долгое время, чтобы это мощное потрясение начала XI в. улеглось; последние викинги исчезли из западных морей только чуть позже 1100 года^а. Тем не менее события в Англии в 1066–1070 гг. знаменуют собой конец эры великих походов, начатой Карлом Великим. После этого рубежа норвежцы и датчане утратили лучшую часть своих военных сил и опору на Западе, так же, как и существенную долю своего престижа, и все это по вине Вильгельма Завоевателя.

Смерть короля Эдуарда Исповедника 5 января 1066 г. оставила Англию, в которой продолжало жить воспоминание об англо-датском соперничестве, без наследника. Свои кандидатуры на роль правителя выдвинули три претендента, все происходившие, в какой-то степени, от вождей викингов. Гарольд, выходец из англо-датской семьи, тесно связанной с династией Кнута Великого, занял трон первым. Его брат Тостиг, эрл Нортумбрии, нашел ему в Норвегии внушительного соперника — короля Харальда Сурового, бывшего вождя константинопольской гвардии варягов и тестя

кроме, может быть, результатов текущих раскопок на севере Новой земли). Тем не менее его историческая реальность правдоподобна. Винланд — это либо еще одно «рекламное» название, либо и, скорее всего, результат путаницы между виноградником и другим растением, производящим похожие ягоды. Нет уверенности в тождественности земель, обследованных Лейвом, с теми, которые были заселены Торфинном Карлсефни.

^а См. ниже, стр. 209–211, и Musset, *Europe de Nord-Ouest* (213).

великого князя Киевского Ярослава, самого настоящего викинга: в сентябре 1066 г. он объявился в устье Хамбера во главе значительного флота, высадился и был убит в Стэмфордбридже, не успев войти в Йорк и возродить традиции норвежских королей X века. Наконец, прибыл и Вильгельм Нормандский; потомок Роллона в пятом колене и кузен Эдуарда по женской линии, он был наименее скандинавом из всех троих. Известно, что 14 октября 1066 г. он одержал полную победу при Гастингсе. Оставался датский король Свен Эстридсен, племянник Кнута Великого; в 1066 г. он не был готов к вмешательству, но после того как гибель Харальда Сурового избавила его от самого опасного соперника, в 1069 г. он снарядил большой флот под командованием двух своих братьев. Но у Вильгельма было достаточно времени, чтобы закрепиться: он нанес удар первым. «Область датского права», подозреваемая в возможном соучастии с датчанами, была жестоко разгромлена в 1070 г. и силой возвращена в английское братство. Флот Свена удалился несолоно хлебавши, а норманнский король приступил к методичному уничтожению наиболее энергичной колонии, созданной викингами. Два века усилий датчан в Англии пошли прахом.

Нормандскую экспедицию 1066 г. трудно вписать в историю викингов. Если судить по историографическим источникам, в ней не было ничего скандинавского. Гобелен из Байе изображает ее как флот викингов. Здесь, безусловно, следует вспомнить, что этот ковер был выткан в Англии, и что на него должны были оказать влияние англо-скандинавские традиции мореплавания. С другой стороны, во французском мире подобная морская экспедиция была бы уникальной и непостижимой, а связанные с ней правовые особенности (морское ополчение) и военное мастерство могли быть только наследием Севера. Так или иначе, но эти средства всегда были поставлены на службу политике, которая как нельзя более остро противоречила общим интересам скандинавов.

Датские короли еще дважды попытались противодействовать этому неумолимому уничтожению англоскандинавского прошлого^а. В 1075 г. две сотни кораблей предприняли тщетное нападение на побережье Йоркшира: Вильгельм воспользовался этим, чтобы с еще большей свирепостью обрушиться на уцелевших представителей англо-датской знати^б. Наконец, в 1085 г. король Кнут Святой пожелал устроить грандиозную экспедицию, разделив расходы между норвежцами и фламандцами; флот, последний из тех, которые созывались во имя идеала викингов, был сосредоточен в Лимфборде, но дело кончилось крахом из-за внутреннего мятежа в Дании.

Норвежские походы продолжались к западу от Британских островов еще в течение одного поколения. Большинство из них были частными, как встарь. Но Магнус Голоногий (1093–1103), сын Харальда Сурового, вернулся к планам, заброшенным в 1066 г.; на конец его правления приходятся две крупные экспедиции в кельтские земли, первая в 1098–1099 гг. на Гебриды, Оркнейские о-ва, Мэн и в Уэльс, вторая в 1102–1103 гг. — на Мэн и в Ирландию. Никаких реальных результатов они не имели.

Распространение власти англо-нормандских королей лишило последних викингов всякой надежды на успех. Уже Магнус Голоногий натолкнулся в Уэльсе на нормандские войска. Когда Плантагенеты начали завоевание Ирландии, это положило конец норвежским королевствам, которые опоясывали остров.

Скандинавский дух был вынужден сменить обличье. В христианском одеянии он смог развернуться в сторону крестовых походов. После 1107 г. Сигурд, сын Магнуса Голоногого, на 60 кораблях направился к Святой земле через Англию, Лиссабон, Гибралтар и Сицилию. Одним поколением позже, датчане и шведы, всегда под лозунгом проповеди веры, устремились в атаку на язычников Балтики, Померании, Эстонии и Финляндии. Значи-

^а См., особенно, Larson, *The Efforts of the Danish Kings* (219).

^б Ее самый примечательный представитель, граф Вальтеоф, кузен Гарольда и короля Дании, был казнен в 1076 г.

тельные силы отвлекла на себя внутренняя колонизация. Но лучшая энергия Севера обратилась на строительство монархических государств и Церкви, достойных на равных войти в сообщество латинской Европы.

ЗАРОЖДЕНИЕ СКАНДИНАВСКИХ ГОСУДАРСТВ

Одновременно с экспансией за моря, скандинавский мир пережил глубокие политические перемены; сначала Норвегия и Дания, и, заметно позже, Швеция. Аристократическая анархия раннего средневековья постепенно уступала место монархии европейского типа, опиравшейся на Церковь. Вдохновение для этого приходило, по большей части, извне. Его источником, безусловно, была не Каролингская империя, как это долгое время считалось, так как у викингов почти не было времени с ней познакомиться, но прежде всего королевство Уэссекс, с которым они поддерживали углубленные отношения, и, в меньшей степени, Германия Оттонов и византийский мир. Однако непосредственных и целостных заимствований было немного. Скандинавские институты просто подправлялись в чуть более западном ключе всякий раз, когда на троне появлялся правитель, предыдущий опыт которого обеспечивал ему большее или меньшее понимание того, как устроены христианские государства. Развитие ускорило, когда контакты с внешним миром стали более насыщенными, то есть в ходе второго этапа движения викингов; оно, напротив, оказывалось почти парализованным, когда эти страны замыкались в себе самих, как это сделала Швеция приблизительно после 1040 года.

В Норвегии объединительная деятельность, начатая в конце IX в. Харальдом Прекрасноволосым, была на длительное время заброшена. Его сыновья долго боролись друг с другом, а наиболее замечательному из них, Эйрику Кровавой секире, было суждено окончить свой жизненный путь в качестве короля-викинга Йорка. При жизни следующего поколения наметились даже начала распада, при этом Север под властью *ярлов* Хладира

стал почти независимым, а Юг подпал под датский протекторат. В череде стремительно сменяющихся друг друга правителей, следует отметить восшествие на трон викинга-христианина Хакона Доброго (ум. ок. 960), крестника английского короля Ательстана, который привез в Норвегию собственного англо-скандинавского капеллана, епископа Сигурда. Более определенного успеха достиг правнук Харальда, король Олаф Трюгвасон (995–1000), бывалый варяг и викинг, также крестившийся в Англии. Благодаря своим морским победам он на короткий срок восстановил единство страны и начал укреплять его, благоприятствуя проповеди христианства, доверенной, преимущественно, духовенству из Области датского права, но принял внезапную смерть в битве при Свёлде.

Его дальний родственник Олаф Харальдссон (Олаф Святой, 1016–1030), также знаменитый викинг, который, несомненно, крестился в Руане на обратном пути из своего последнего крупного похода, взялся за это незавершенное дело сразу с двух сторон, стремясь к монархическому объединению и христианизации. Его планам воспротивилась коалиция вождей Севера с Кнутом Великим. Олаф погиб в сражении при Стикластадире смертью, которая вскоре была сочтена мученической и значила для духовного единства Норвегии больше, чем его собственная деятельность.

Его наследники, и прежде всего его сын Магнус Добрый^а, воспользовались в своих интересах гибелью Олафа, не выказывая особого рвения к консолидации государства. Привлекательность далеких странствий оставалась очень сильной, а причины, связанные с нападением, влекли за собой продолжительные периоды раздробленности, как, например, в течение первой половины XII века. Но короли, безусловно, из фискальных соображений, горячо поддерживали появление городов, ставших мощным фактором трансформации общества; к концу XI в. их насчитывалось уже шесть,

^а Имя Магнус — производное от имени Карла Великого, говорит о наличии у Олафа Святого определенного знакомства с первообразом и примерами западных князей.

три из которых являлись главными королевскими резиденциями: Нидарос, Берген и Осло.

Изучая растущее распространение денег в Норвегии, мы можем проследить и процесс сближения представлений о государстве с западным^а. Первые робкие признаки хождения денег появились при Олафе Трюггвасоне, чеканившем монеты по английскому образцу, но оставалось редкостью при Олафе Святом, затем, при Харальде Суровом (1047–1066), вошло в силу, оставаясь достаточно хаотическим. В этот период хорошо видно разнообразие источников вдохновения: его деньги столько же имитируют английские монеты, сколько и датские образцы, которые сами были копиями византийских. Наконец, около 1090 г. норвежские деньги начали равняться на продукцию монетных дворов северной Германии, но под гораздо более тщательным контролем короля. Административное употребление письменности, почти отсутствовавшее в XI в., если не считать нескольких записей местных законов, становится повсеместным только с середины XII века.

В Дании, после смутного периода неустойчивой и раздробленной королевской власти в IX в., явился, около 935 г., основатель династии, которой суждено было пережить все Средневековье, Горм Старый. Он сделал своей резиденцией Йеллинг, самое сердце Ютландии, где он завещал похоронить себя в обширном языческом святилище под открытым небом. Его жена, возможно, уже была христианкой. Его сын Харальд Синезубый (ок. 940 — ок. 985) стал истинным родоначальником датской Церкви и государства. Около 960 г. в Йеллинге он принял крещение от странствующего немецкого миссионера Поппо, естественно, не без задней мысли лишить Оттона I слишком удобного предлога для вмешательства в датские дела; еще до этого эпизода, в 948 г., в Ютландии существовало три епархии, управляемых немецким духовенством. Вскоре Харальд повелел установить в память о своем отце

^а По Brita Malmer, A contribution to the numismatic history of Norway, в кн.: Commentationes de nummis sæc. IX–XI in Suecia repertis, Stockholm, 1961, p. 223–376.

огромный камень с руническими надписями, украшенный с одной стороны изображением распятия, а с другой — следующим текстом: «Харальд воздвиг этот памятник в честь Горма, своего отца, и Тиры, своей матери, Харальд, который покорил всю Данию и всю Норвегию и сделал датчан христианами». Об окончательном объединении Дании нам доподлинно ничего не известно; протекторат, установленный около 970 г. над южной Норвегией, просуществовал недолго, что же касается церковной деятельности Харальда, то она имела большое значение. Однако обращение в христианство населения было небыстрым делом, завершившимся только к первой трети XI века.

Мы не слишком много знаем о том, каким образом Харальд сохранял датское единство. Его сын Свен Вилобородый (ок. 985–1014 гг.) в течение всего своего правления был викингом, занятым прежде всего балтийскими делами, а уж затем английскими. Это не помешало ему успешно провести замечательную работу по военной организации; именно к его правлению относится организация больших круглых лагерей для обучения воинов, наподобие Треллеборга, которые обеспечили Дании продолжительное ратное превосходство. Именно так стало возможно полное торжество Кнута Великого над англами. Когда центр империи сместился от Балтики к Ирландскому морю, Дания меньше, чем Англия, выиграла от организаторского гения Кнута, всецело занятого упрочением своего престижа в завоеванной стране. Тем не менее Кнут выбрал себе нечто вроде столицы, насколько это было возможно при его почти постоянном отсутствии в Дании: это был Лунд на п-ове Сконе, где имелся монетный двор с английскими работниками и епископ. Урбанистическое развитие было ощутимым в Роскилле, Оденсе и Аросе. Но главное, в течение полувека, с 985 по 1035 гг., страна наслаждалась почти полным внутренним миром.

За смертью Кнута последовали тридцать смутных лет; затем возникла могучая фигура Свена Эстридсена, сына сестры Кнута, которому через двадцать лет борьбы удалось завоевать абсолютное признание. Он оказал на формирование новой датской монархии еще большее

влияние, чем его дядя, старания которого были распылены по его слишком обширной империи. У Дании появилась постоянная столица в Роскилле, где активно шла чеканка монеты^а; около 1060 г. Свен переустроил епископат таким образом, что все королевство оказалось разделенным на 9 епархий; он принял у себя немецкого священника Адама Бременского и через его посредничество предоставил Западу первые серьезные документальные сведения о Северной Европе⁵⁹. Успех Вильгельма Завоевателя в Англии отвратил Свена от внешних авантур, что позволило ему проявить талант организатора. Переписываясь с папой Григорием VII, он обеспечил себе ощутимый престиж. Когда Свен умер, датское государство было достаточно прочным, чтобы благополучно выдержать посредственность его пяти сыновей, сменявших друг друга с 1074 по 1134 год. Один из них, Кнут Святой (1080–1086 гг.) мог даже позволить себе, первым из скандинавских правителей, издавать и скреплять печатью грамоты, полностью соответствующие западным образцам^б. Примерно в ту же самую эпоху латинская культура проложила себе дорогу в Данию, отчасти благодаря английским монахам, которые прибыли в Оденсе около 1095 г., чтобы охранять гробницу Кнута Святого. Венцом всей этой эволюции стало основание Пасхалием II в 1103 г. архиепископства Лундского, возглавившего всех скандинавских христиан.

Политическая эволюция Швеции, даже если проследить ее до конца XII в., еще не приводит нас к упорядоченной монархии. Вопреки блестящим результатам, достигнутым варягами, Швеция сохраняла свое значительное социальное отставание от остальной Скандинавии. Старания первого короля XI в., Олафа Эриксона Шетконунга⁶⁰ вывести королевство Упсальское на уровень его соседей увенчались лишь минимальными

^а Чаще всего, на основе византийских образцов.

^б Его хартия Лундскому собору от 21 мая 1085 г. положила начало скандинавской дипломатике, очень близкой к своим западным истокам.

результатами. Король принял крещение (около 1008 г.)^а, заложил в Скараре, в Вестерготланде, первый собор, начал чеканку монеты и учредил основы государственной налоговой системы. Эти робкие начинания, несколько преждевременные, не получили продолжения; с 1060 по 1250 г. все старания королей срывались в результате непрекращающегося соперничества двух династий, Стенкилей и Сверкеров, главы которых поочередно сменяли друг друга на троне.

Единственным существенным успехом, которого добилась Швеция к XI в., было распространение христианства, заслуга в большей степени единичных английских, немецких и византийских миссионеров, чем рвения королей, которые отважились уничтожить святилище в Упсале только очень поздно, после 1090, может быть, даже 1100 года. Кроме того, в 1060-х гг. имела место жестокая языческая реакция, и структура епархий приняла окончательные очертания только около 1120 года. Сельское язычество полностью исчезло только к середине XII века. Для того же чтобы обрести настоящую столицу и централизованную администрацию, Швеции пришлось ждать основания Стокгольма в середине XIII века.

В XI–XII вв. в трех странах Скандинавии государственный строй представлял собой любопытную переходную форму, очень отличавшуюся как от древнего общества, в котором король был лишь «первым среди равных» (*primus inter pares*), так и от феодальной монархии, которая восторжествует в XIII в. с появлением рыцарства. Своей силой она была обязана двум институтам, морскому ополчению (*ледунг*) и вооруженной княжеской свите (*хирд*). Вот уже полвека считается, что и та и другая возникли в период очень раннего средневековья и играли определяющую роль уже в

^а Возможно, обращение Олафа обусловлено с его связями с Киевскими князьями; сам будучи сыном славянки, он был женат на ободритской княжне. Такова по крайней мере гипотеза, высказываемая в самой свежей работе по этому вопросу: Sven Ulric Palme, *Kristendomens genombroit i Sverige* (372).

военных походах викингов. Сегодня мы склонны полагать, что их повсеместное распространение имело место позднее, уже после решающих контактов с Англией на последнем этапе движения викингов^а.

Главным средством, использовавшимся для того, чтобы связать аристократию монархической дисциплиной, было морское ополчение. Каждый кантон должен был поставить определенное количество кораблей, согласно норме, определяемой местным законом^б; эта область, поставляющая корабль (*skipreidh* в Норвегии, *skipaen* в Дании, *skipslag* в Швеции), стала самым существенным территориальным подразделением; в Швеции прослеживалось и дальнейшее членение вплоть до округа, обязанного обеспечить гребца. Наиболее видный местный род имел наследственное право командования этим кораблем, но созывать *ледунг* мог только король. Эту систему, одинаково хорошо приспособленную как для обороны, так и для нападения, впоследствии можно было с легкостью применить для достижения фискальных целей. В скандинавских монархиях она заняла место «рыцарских ленов»^{в1}, на которых зиждилось англо-норманнское государство, и которые нельзя было механически перенести в страну, еще не знакомую с конными битвами. Некоторые корни ледунга, определенно, упираются чуть ли не в доисторическое прошлое (особенно в *Rodene*, прибрежном районе Упланда), но вот своим точным математическим подсчетом поставляемых в ополчение кораблей и воинов он был обязан исключительно знакомству со сходными предписаниями, введенными в Англии накануне датского завоевания^с. Эта система, безусловно, лучше всего иллюстрирует ту атмосферу самобытности, в которой развивались

^а По поводу истоков *хирда*, см. ниже, стр. 254.

^б Норвежское морское ополчение насчитывало в принципе 318 кораблей и 36910 человек, шведское — 280 кораблей.

^с Которые и сами выглядят производными от тех, которые регулировали *фирд*, англосаксонское пешее ополчение.

скандинавские монархические институты во времена, когда память об эре викингов еще была совсем свежа^а.

Что оставила по себе эта долгая эпоха походов викингов? Скандинавский мир окончательно взял в свои руки Фарерские острова и Исландию. С точки зрения культуры, Исландия стала бесценной сокровищницей. На более короткий срок он приобщил к своей цивилизации Мэн (до XIII в.), Гренландию (до XV в.), Шетландские и Оркнейские о-ва (до XVIII в.). Но, главное, на Севере остались грандиозные воспоминания, вдохновившие значительную часть его средневековой и современной литературы, возросшее благосостояние, новые экономические структуры, наконец, более эффективная политическая система, во многом навеянная образцами, которые викинги обнаружили на Западе.

К тому же викинги стали «крестными отцами» наследников своего дела, которые утратили свой язык и изрядную часть культуры, но бережно сохранили неукротимый дух авантюры и разумной организации. На Востоке это были великие князья Киевские, вдохновители России, а на Западе в основном норманны Франции. Необычайный успех этих последних в течение всего XI в. в Италии, Испании, в византийском мире, Англии, и, наконец, в Антиохии⁶², почти невозможно объяснить, не обращаясь к наследству, которое передал своим подданным Роллон.

^а См. факты, связанные со Скандинавией в кн.: Gerhard Hafström, *Ledung och Marklandsindelning*, Uppsala, 1949, и с Англией в кн.: C. W. Hollister, *Anglo-Saxon military institutions* (235).

САРАЦИНЫ

В наши задачи не входит рассмотрение ни проблем исламского завоевания в целом, ни даже частных проблем, касающихся тех европейских стран — Испании, Сицилии, островов Средиземного моря, — которые в течение более или менее длительного периода принадлежали к мусульманскому миру. В поле нашего зрения окажутся мусульманские набеги исключительно на те территории, которым суждено было остаться христианскими: Галлия в VIII в., Галлия и Италия в IX и X веках. Под одним и тем же религиозным ярлыком скрываются два разнородных движения. Первая волна, начавшаяся сразу после падения государства вестготов в Испании, представляла собой последний рывок великого наступления ислама; и то, что она не привела к исламизации Галлии, не было виной ее инициаторов. В перспективе они ставили перед собой задачу политического подчинения и религиозного обращения. Вторая волна, которую можно назвать сарацинской, напротив, представляла собой не что иное, как сумму несогласованных действий небольших отрядов, искавших, скорее, наживы, нежели покорения неверных, и отдельных операций, которые, если и оборачивались на благо ислама, то лишь в качестве побочного эффекта.

Ни одна из этих операций совершенно не заслуживает того, чтобы называться арабской. Человеческие ресурсы ислама на крайнем Западе всегда отличались исключительной неоднородностью. До XI в. собственно арабы занимали лишь некоторые командные посты. По крайней мере не меньшую роль играли берберы, принявшие ислам испанцы и итальянцы, а также левантийцы.

Эта разношерстность, у арабов еще более усугубляющаяся племенной рознью ('асабийя), оказала определенное влияние на ход военных действий.

ВЕЛИКОЕ МУСУЛЬМАНСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ VIII в. И ЕГО ПРОВАЛ

Наступление ислама развивалось в два этапа. Первый, в I в. по хиджре, распространил религию Аллаха на огромную территорию от Танжера до Герата и от Баку до Адена, затем, в конце нашего VII в., последовало относительное затишье. Второй этап, более короткий и менее драматичный, имел место в VIII в.; на востоке были предприняты завоевание Синда, безуспешный поход на Малую Азию, вторжение в Трансоксиану и Хорезм. На Западе наступление ознаменовалось завоеванием Испании, начатым в 711 г. бербером Тариком бен Зийядом. Известно, с какой молниеносной быстротой государство вестготов, раздираемое внутренними распрями, было сметено завоевателями после победы на р. Гвадалете (июль 711 г.). В августе Тарик был уже в Кордове, а в ноябре он достиг столицы, Толедо. Нет сомнений, что, начиная с 714 г., был захвачен уже весь полуостров, за исключением незначительного очага сопротивления в наиболее недоступной части Астурии, тогда как вожди основных готских кланов отправились в Дамаск, чтобы изъявить свою покорность. Правящий слой королевства Толедо перешел на службу к арабам с беззастенчивостью, аналогов которой мы бы, наверное, не смогли найти ни в одной другой покоренной стране.

Столь быстрый и столь легкий успех не мог не побуждать к тому, чтобы попытаться счастья по ту сторону Пиренеев, тем более что бывшее королевство вестготов, иначе *Испания*, включало в себя часть *Галлии*, между Роной и заливом Сальсэ. Начиная с 718 г. она оказалась во власти мусульман. Они тут же завоевали Нарбонн,

а затем, в 725 г., Ним и Каркассон. В этой территории они видели, главным образом, опорный пункт для глубоких вторжений в Галлию. После 721 г. мусульмане появляются вблизи Тулузы, затем совершают пробные набеги на Руэг, Велей, Прованс; вскоре они дошли до приронского коридора и, пройдя по нему, стремительно ворвались в Бургундию, где в 725 или 731 гг. сожгли Отен. Пассивность франков давала им надежду на быстрый успех. В 732 г. мусульманская армия, возможно, более многочисленная, чем предыдущие, отправляется на разведывательный набег по Аквитании, воспользовавшись тем, что местный герцог Эд оказался замешанным в интригах одного только что устраненного испанского клана. Правитель Испании Абд ар-Рахман эль Гафеки пересекает Гасконь, разграбляет Бордо и, обогнув Пуатье, выступает в направлении Тура, где надеется заполучить богатую добычу, разграбив храм св. Мартина; однако в дело наконец вступает Карл Мартелл, истинный хозяин государства Меровингов⁶³: в октябре 732 г.^a он преграждает путь мусульманской армии недалеко от Пуатье (точное место неизвестно), убивает Абд ар-Рахмана и вынуждает захватчиков отступить в район Нарбонна. Впрочем, они вскоре снова выходят оттуда — в 734 г., чтобы разграбить Арль и Прованс, в 737 (?), чтобы снова вторгнуться в Бургундию и захватить там многочисленных рабов, которых они вывозят в Испанию. Таким образом, поражение у Пуатье их не обескуражило.

Однако мусульмане встретились с не менее решительными силами. События у Пуатье привлекли внимание Карла Мартелла и его австразийского клана к центральной части Галлии, ее богатству и военной слабости. Франкские войска, чей напор был едва ли менее страшный для оказавшихся на их пути территорий, чем сами мусульмане, двинулись в сторону Средиземного моря. С 736 по 739 гг. майордом⁶⁴ и его брат Хильдебрант ежегодно ведут тяжелые военные

^a Или, согласно М. Бодо, Localisation et datation, в 733 г. (375).

кампании против мусульман и их союзников с Юга. Результат их оказался более значительным в моральном плане — было восстановлено единства Галлии, а правоверные лишились всякой надежды насадить на этих землях ислам, — чем в плане территориальном: мусульмане остались хозяевами основной части Лангедока, от Пиренеев до Роны, и какое-то время сохраняли поддержку местного правящего слоя, сформировавшегося в эпоху вестготов^а.

Мусульмане покинули область Нарбонна лишь достаточно не скоро, в правление Пипина Короткого⁶⁵. Он сумел воспользоваться борьбой между кланами, приведшей к разделу Испании, и ссорой Омейядов, восстановленных в Кордове, с аббасидским халифатом; будучи менее жестоким, чем его отец, он находил поддержку на местах. В 752 г. Пипин занял земли до р. Од; в 759 г. Нарбонн сдался ему в обмен на обещание сохранить в нем готское право^б.

Заслуживающих доверия документов об итогах мусульманских походов в Галлию, как и оккупации Септимании, немного. Зачастую набеги завоевателей VIII в. трудно отличить от рейдов пиратов IX в., иногда мусульманам приписывают опустошения, произведенные их врагом Карлом Мартеллом. Для Юга, VIII столетие является «темным веком». Исламские набеги ослабили Юг и нарушили его связи с остальной частью Галлии. Множились разрушения: сожженные пожарами предместья и монастыри, утраченные архивы^с, и т. д. Неко-

^а Нам известно то, какие значительные последствия имели для будущего Франции эти южные операции майордома. Вместе с той экспансионистской политикой, которая параллельно велась в Германии, они побудили Карла к тому, чтобы реорганизовать франкскую армию, сделав ее костяком тяжелую кавалерию, создававшуюся на системе бенефиций⁶⁶, выкроенных частично за счет церковных земельных владений.

^б Местные жители давно ждали воссоединения с франками, поскольку всякая надежда увидеть возрождение готского государства в Испании пропала.

^с Вплоть до Лангра и Отена — чего только, однако, не наговорят об арабах! Более серьезной была утрата южных угодий мона-

торые источники повествуют о захвате «неисчислимого множества людей», угонявшихся в Испанию^a. В Руссилоне, где было небезопасно, поля полностью оказались заброшенными, и эта ситуация была исправлена в IX в. за счет призвания испанских беженцев.

Необходимо решительно отбросить позднейшую традицию, согласно которой в Галлии были созданы сарацинские колонии. В Септимании⁶⁷ мусульмане входили в правящий слой, но их было так мало, что власть над главными городами была оставлена готским графам. Никаких следов мусульманской архитектуры во Франции не сохранилось (те, которые приписываются мусульманам, обязаны влиянию мозарабов⁶⁸ в X в.)^b, археология может внести свой вклад в дискуссию только в виде нескольких монет, найденных в области Нарбонна.

Весьма любопытно, что, когда на горизонте показался Карл Мартелл, знать Юга стала еще активнее поддерживать мусульман, даже за пределами древнего королевства вестготов: в 737 г. «предатели провансальцы» открыли для арабов ворота Авиньона (Мецкие анналы); до 739 г. некий персонаж по имени Рикюльф, владелец многочисленных земель в Диуа, Гапенсе и Грезиводане, перешел на сторону сарацин и «совершил много зла вместе с этим языческим родом» (по словам Аббона). Кажется, что в эти годы Юг склонялся к тому, чтобы повторить ситуацию 711 г. в Испании, когда сторонники Витизы радостно встретили Тарика из ненависти к королю Родриго⁶⁹.

стырями Севера: Сен-Вандриль, с 675 г. владевший областью Донзер в нижнем течении Роны и получавший отсюда елей для своих нужд, в 737 г. потерял ее и, как оказалось, безвозвратно.

^a Свидетельство Аббона, 739: Monumenta Novaliciensia vetustiora (23), ed. С. Cipolla, I, p. 36 (сохранившийся текст).

^b См. острую критику Л. Торреса Бальбы, Al-Andalus, XXIII, 1958, стр. 248–249, по поводу работы Лакама, Vestiges (372).

САРАЦИНСКИЕ БАНДЫ в IX–XI вв.

К IX в. успехи Карла Великого по ту сторону Пиренеев и подчинение Каталонии Каролингам застраховали Галлию от каких бы то ни было мусульманских вторжений с суши. Однако в этот период мусульманские народы уже научились мореплаванию. В Северной Африке, главным образом в Испании (в Пехине, недалеко от Альмерии, а затем в Дении), образуются сообщества морских пиратов, обладающих собственными арсеналами, живущих морским разбоем на полунезависимый, почти республиканский манер, и гораздо более активных, чем официальные флоты халифов. После завоевания мусульманами Туниса (после 827 г.) эти сообщества возникли и на Сицилии, а затем на Балеарских островах после их окончательной оккупации (около 902 г.). Для этих людей проповедь ислама была не более чем второстепенным занятием; прежде всего они искали личной выгоды^а.

В данном случае нас мало интересуют военные столкновения между флотами Каролингов и Аббасидов. Пока Империя франков была сильна, удары, наносимые мусульманами, встречали решительный отпор: имеются упоминания о победах франков на море в 807, 813 и 828 гг., наряду с ответным нападением на Бон в том же году. Тем временем, мало помалу, Корсика и Сардиния оказались изолированными от христианского мира, и, так никогда и не будучи по-настоящему завоеванными неверными, стали «ничейной землей», все подступы к которой контролировались мусульманами; их население отошло во внутренние горы, чтобы там, в примитивных условиях, вести жизнь кочующих скотоводов. Это весьма способствовало изоляции Сардинии. Почти то же самое происходило на Балеарских островах вплоть до мусульманского завоевания в 902 году.

^а См. карту № 2.

Точно определить начало пиратских операций невозможно; в итальянских водах они обращают на себя внимание лишь в первые годы IX в.: около Пантелларии в 806 г., откуда они похищают 60 монахов, которых продают в Испанию, затем, почти тотчас же, вблизи римских областей (в 808 г. Лев III, вместе с Карлом Великим, предпринимает разные оборонительные меры) и Неаполя: около 812 г. подвергаются нападению острова Понца и Искья. В 813 г. мавры, напавшие на Пиццу, уничтожают *Центумцеллу* (Чивитавеккья в Тоскане). Восемьсот двадцать седьмой год, год первых высадок мусульманских завоевателей на Сицилии и Крите, оказался поворотным. Будучи хозяевами ключевых позиций в центральном Средиземноморье, сарацины вскоре овладели всем открытым морем. Когда корабли латинян стали встречаться реже и добыча от морского разбоя уменьшилась, они стали искать наживы на земле и вскоре даже устроили на христианских побережьях базы для хранения награбленного перед вывозом в Испанию. Примечательно, что эти моряки превратились в выдающихся покорителей гор, способных пролагать путь для своих вторжений прямо по таким суровым хребтам как Альпы или Аbruцци.

В Южной Италии первые банды появились между 834 и 839 гг. в качестве наемников герцога Неаполя в войне против герцога Беневента. Около 840 г., одновременно с островом Понца и мысом Ликоза на западном побережье Италии к югу от Салерно, сарацины завладели прекрасной базой в Таренте. В 841 г. они захватили Бари, который контролировал доступ в Адриатику. Чтобы остановить этот отряд, вышедший с Сицилии и получавший жалованье от князя Радельхиса, его противник Сикенольф не нашел ничего лучшего, как призвать другой с Крита! В 846 г. одна из банд достигла Рима: высадившись 23 августа в Остии, сарацины захватили Порто, разграбили собор Св. Петра и церковь Св. Павла, а затем по суше отступили к Фонди и Гаэте. Общій беспорядок на Западе несколько убавил эффект этого скандального нападения; но все же резонанс был значительным. Людовик II, король из династии Каролингов, нанес ответный удар, организовав первую франк-

скую экспедицию в южную Италию, в ходе которой был уничтожен сарацинский гарнизон Беневента (847 г.).

Эти успехи мусульман вызвали оборонительную реакцию. После 846 г. папа Лев IV восстановил в Риме крепостную стену Аврелиана, укрепил оборонительными сооружениями устье Тибра и, главное, построил заграждение вокруг квартала на правом берегу реки, «города Льва», который был торжественно открыт в 852 году. Незадолго до того Остия, чья площадь уменьшилась со времен античности, была окружена более тесным кольцом стен, получив название Григориополис в честь Григория IV. Жители Центумцеллы, уставшие от набегов, отступили на холм в 12 милях от своего порта и в 853 г. основали там недолго просуществовавший город Леополис, названный в честь Льва IV. Эти торжественные церемонии, сопровождавшие закладку поселений, свидетельствуют о вере в судьбы городской жизни на побережьях Италии, которая не оправдалась в реальности.

Франки были слишком далеки, слишком заняты междоусобной борьбой и, главное, слишком непривычны к мореходству, чтобы обеспечить Италии эффективную защиту. Эта важнейшая задача должна была лечь на плечи византийцев, имевших долгую морскую традицию^а. До тех пор пока они не вмешались, Южной Италии угрожала опасность окончательно попасть в руки мусульман: в Бари дело шло к образованию эмирата, наподобие Палермского, а Людовику II не удалось разгромить его ни в 852, ни в 866 году. Тогда этот король обратился за помощью к Василию I, уже, впрочем, встревоженному недавней потерей нескольких сицилийских владений и налетами мусульман на Далмацию: в феврале 871 г., после тридцати лет сарацинского

^а Ср. Lauer, *La cité* (381), и записки Григория IV и Льва IV в *Liber Pontificalis*, ed. L. Duchesne (21; v. II; 81–82 и 131–132).

^б Что иногда побуждало греков подражать сарацинским пиратам в западном Средиземноморье, так, например, в 809 г. они напали на Популонию в Тоскане.

владычества, Бари был взят приступом. И с этих пор «лангобарды», то есть латиноязычные жители Апулии, стали надеяться на греков. В 880 г. освобождается Тарент, и у сарацин в этом регионе остается только несколько самых незначительных «военно-морских баз», последняя, Санта-Северина, около Котрона — до 886 года.

Тогда пираты сосредоточились в Кампании, где местные правители — епископ Капуи, князь Салерно, герцог Неаполя и городские власти Амальфи — предоставили им почти полную свободу перемещения. Папа Иоанн VIII принял решение потеснить их и призвал греческий флот, но лишь с тем результатом, что им пришлось перебраться из Неаполитанского залива в Салернский. Лациум, Кампания и Абруцци ежегодно подвергались разорению, а монастырская жизнь сделалась невозможной вне городских стен. На р. Лири и в Агрополи к югу от Салерно возникли полупостоянные пиратские базы.

*Документы отличаются прискорбным однообразием. В 883 г. убиты монахи в Кассино. Монастырь св. Бенедикта из Целано, вблизи Аквилы, подвергся разорению и был восстановлен только в 941 г.; аббатство св. Михаила в Барре, около Сульмоны, остается заброшенным до 943 года. Более подробное свидетельство исходит из Фарфы в Сабине^a: перед лицом сарацинской угрозы аббат поделил казну и монахов на три группы, которые направились в Рим, Риети и Фермо, так что в монастыре мусульмане ничего не нашли, но зато там поселились *latrunculi christiani* (разбойники-христиане) и сожгли его; группа, эвакуированная в Фермо, скоро возвратилась, но была вынуждена снова бежать еще выше в горы, в Санта-Виттория в Матерано, где и оставалась в течение 35 или 48 лет. Фарфа была восстановлена только в 933 г.; ее хронист поясняет, что «сарацины совершали набеги от Тирренского моря до Адриатического и до самой реки По и беспрестанно*

^a *Destructio monasterii Farfensis*, ed. Balzani, *Chronicon Farfense* (20; т. I; 27–51) (текст составлен в XI в.).

возвращались в эти горы (Сабинские), а оттуда к Лири, где у них были корабли, на которых они всю добычу увозили в свои земли».

Взирая на эту картину разрушений, необходимо упомянуть и о той обширной поддержке, которую сарацины встречали на местном уровне, особенно в Кампании: там никогда не было недостатка в любителях извлекать пользу из беспорядков, и для торговых городов союз с мусульманами означал единственную возможность выживания для их морской торговли. И только из чистого озлобления Бенедикт из Монте-Соратто возлагает ответственность за призвание сарацин на франков.

Византийская реконкиста, которую, начиная с 885 г., вел Никифор Фока, быстро оттеснила сарацин к востоку от линии, соединяющей Гаргано и Салерно; их база в Агрополи исчезла около 890 года. Серьезная борьба разгорелась только за окончательность Калабрии. Тогда силы мусульман сосредоточились севернее, в их опорном пункте на р. Лири и во Фраксинете в Провансе, а также по всему побережью между Неаполем и Генуей, даже в Адриатике, где сарацины стали действовать совместно со славянскими пиратами с р. Неретвы. Боевые действия явно обострились: связано это с тунисским эмиратом Аглабидов⁷⁰, который взял на себя руководство этими операциями. Однако в 916 г. сарацины понесли чувствительную потерю — у них захватили базу на р. Лири. Папа Иоанн X, человек совершенно светский, однако очень энергичный, сумел организовать против этого пиратского логова коалицию, включавшую маркграфа Сполето, князя Капуи и византийцев, которая быстро с ним покончила. Сарацины, лишенные постоянного плацдарма, тем не менее продолжали свои атаки на побережья: в 925 г. в Ории был взят в плен стратег⁷¹ Калабрии, а в 932 г. сарацины неожиданным штурмом взяли Геную.

Около 980 г. в Калабрии обстановка была настолько беспокойной, что вынудила святого Нила Россанского покинуть ее, а в 982 Оттон II потерпел от сарацин эффективное поражение возле мыса Колонны, у залива

Скиллас, правда, не принесшего победителям ощутимой выгоды. Конец нестабильности в Тирренском море был положен только XI в., когда пизанцы перешли в контрнаступление, а норманны чуть позднее завоевали Сицилию.

Таким образом в Италии сарацины последовательно испробовали несколько вариантов деятельности. Они потерпели неудачу в качестве наемных солдат перед лицом внешней солидарности франков и византийцев; они потерпели крах в Бари в качестве основателей государства; единственное, в чем они достигли успеха, было пиратство.

В Галлии, а точнее в Провансе (территории к западу от Роны не играли особой роли), сарацинские набеги начались незадолго до 840 года. По-видимому, Марсель был атакован в 838 и 848 гг., Арль — в 842 и 850 гг. Вероятно, что высадка в Камарге в 869 г. говорила о намерении пиратов создать там опорный пункт; архиепископ Роланд был убит, когда отражал их атаку. Эта неудача или другие мотивы побудили сарацин направить свой основной напор восточнее. Около 890 г. одна банда, прибывшая из Испании, и, как заверяют традиционные повествования, потерпевшая кораблекрушение^a, основала в горах, которые в настоящее время называются Мавританскими, вблизи залива Сен-Троpez, базу *Фраксинет*. Это название относится ко всей западной части графства Фрежюс, а не только к ближайшим окрестностям городка Гард-Френе: этот плацдарм был более протяженным, чем поселение на р. Лири, но играл аналогичную роль. Подобно тому, как пираты, обосновавшиеся на р. Лири, могли свободно перемещаться по Апеннинам, *Фраксинет* почти на целый век открыл сарацинам путь в Альпы. Они преодолевали горы на удивление легко и разбойничали на дорогах, ведущих ко всем перевалам, до самого Гран Сен-Бернара и озера Констанц, при желании спускаясь к Дофине и Пьемонту.

^a Luitrand de Crémone, Antapodosis (22; I; 1).

Благодаря недобросовестным ученым сарацинам отводилась непомерно большая роль в истории Альп^а. Однако и твердо установленные факты достаточно красноречивы. Нам известно главным образом, то, что касается монастыря Новалес в Сузской долине; он подвергся нападению трижды; после первого (около 906 г.?), монахи бежали в Турин. Вернулись они в Сузскую долину только в тысячном году. Источники несут сообщениями о нападениях на пилигримов, направлявшихся в Рим: в 921, 923, 929, 936 и 939 годах. В 940 г. сарацины стоят лагерем в Сен-Морис-д'Агон в Валэ, чтобы подстерегать путников на перевале Гран Сен-Бернар. Ситуация повторилась в 951 г., когда они впервые ограничили сбором дорожной пошлины, и, главным образом, в 972 г., когда похищение за выкуп знаменитого аббата Ключи, святого Майёля наконец привлекло внимание властей к этому постоянному бесчинству^б.

В 931 и 942 гг. Фраксинет стал объектом нескольких нападений византийцев с моря. Оттон I решился атаковать его в 968 г. Но только в 972–973 гг. нападение с суши, предпринятое Рубо, графом Форкалькье, его братом Гильомом, графом Прованса, и Ардуином Лысым, графом Турина, наконец увенчалось успехом. В Альпах сарацины больше не появлялись, но по-прежнему угрожали побережью Прованса. Их налеты даже участились в начале XI века. История монастыря Лерен, напротив Канна, отмечена сарацинскими нападениями в 1003, 1047, 1107 и 1197 годах. Самый серьезный набег произошел в 1047 г., когда было захвачено множество монахов, которые после перепродажи на Сицилию были вывезены в Тортосу и Дению, а затем перепроданы^с. Атмосфера оставалась такой же, как и в XVI в., когда начались нападения берберов. Вплоть до

^а Единственным критическим исследованием остается книга Latouche, *Les idées actuelles* (380); полного доверия заслуживает также более современная работа Luppi, *I Saraceni* (384), удобная благодаря собранным в ней текстам.

^б Odon de Cluny, *Vie de saint Maïeul*, PL, CXLII, col. 960; ср. Amargier, *La capture* (734).

^с *Vita beati Isarni* (26), AA. SS, sept. VI, p. 737–749.

XIII в. встречаются упоминания о десантах в Камарге и на Йерских островах.

Трудно сформулировать точное представление о последствиях этих альпийских рейдов, продолжавшихся в течение почти века. Им, безусловно, благоприятствовало нарушение связей между Галлией и Италией, разорванных в каролингскую эпоху. Так и Новалес утратил свои владения в Галлии. Разрушались церкви. Об опустошениях в Грэзиводане и Эмбрюнэ упоминается в столь общих словах, что иногда это вызывает подозрение. Кажется, что местные жители и сами были причастны к тому прибыльному образу жизни, который вели сарацины^b.

В целом кажется, что этот эпизод имеет большее значение для истории альпийских дорог, чем народов.

Влияние сарацин на прибрежную зону было куда значительнее. Фрежюс и Тулон на короткое время перестали существовать. Списки епископов Ниццы, Антиба, Тулона и Ванса содержат обширные лакуны; в 925 г. епископ Марселя принял решение эвакуировать своих каноников вглубь материка. Все города теперь прежде всего стали военными пунктами. Восстановление спокойствия, которое имело место в последнее десятилетие X в., сопровождалось новым заселением христианами прибрежных равнин и их стремлением вернуть древние вотчины, что в общих чертах можно проследить по некоторым хартиям^c. Следует категорически исключить предположение о сарацинских колониях, которые оставались там, приняв христианство.

^a Как, например, церковь Бург-Сен-Пьер в Валэ, чуть позже заново построенная епископом Гуго Женевским (988–1019 гг.), и, несомненно, церковь Сен-Назер де Фур в Дофинне.

^b Хроника Новалеса рассказывает историю, вероятно, легендарную, о мавре Эмоне, — имя, скорее, пьемонтское, чем мусульманское, — семья которого жила на этой территории уже после разрушения *Фраксинеда*: *Chronicon Novaliciense*, V, 18, ed. Cippolla, *Monumenta Novaliciensia vetustiora* (23; т. II, 1898, 260–262).

^c Ср. документы, цитируемые в кн.: Luppi, *I Saraceni* (384; 45 и 50), и, особенно, *Cartulaire de Saint-Victor de Marseille*, éd. Guérard (19; т. I; 104–106, № 77).

В итоге сарацины остались хозяевами Тирренского моря и его берегов. Побережья были театром постоянной охоты на рабов, которая способствовала запустению прибрежных регионов, особенно на Корсике и Сардинии — начиная с 813 г. испанские мавры вывезли более 500 корсиканцев^а. Роль юга Франции и Южной Италии в жизни латинского христианства уменьшилась по сравнению с северными регионами. Однако по своему масштабу это явление превосходит рамки, о которых мы только что рассказывали: его можно понять только в общем контексте экономической истории.

^а Действительно, для христиан здесь был перевалочный пункт: в XIII в. на итальянских рынках изобиловали рабы с Сардинии.

Глава V

ВЛИЯНИЕ ЗАВОЕВАНИЙ НА ПОСТ-КАРОЛИНГСКИЙ ЗАПАД

ЗАВОЕВАНИЯ IX в. И РАЗРУШЕНИЕ КАРОЛИНГСКОГО ОБЩЕСТВА

Империя Карла Великого, как и уже не похожее на нее государство Людовика Благочестивого, ориентировалась на экспансию и была плохо подготовлена к обороне. Будучи превосходным орудием битвы, франкская кавалерия тем не менее была пригодна лишь в то время года, когда в изобилии был корм, и на короткий срок, поскольку средств государства на ее содержание не хватало. Ее мобилизация требовала много времени и сил, и, чтобы приступить к ней, необходимо было заранее назначить пункт сбора. Австрийская аристократия, связавшая свою участь с судьбой династии, могла удовлетворить свои притязания, только присовокупляя к своим вотчинам и бенефициям на исконно франкских землях должности и доходы от недавно завоеванных областей на периферии. В этой политике принимала участие даже Церковь; монастыри Галлии приобретали угодья по ту сторону Рейна и Альп, и некоторым епархиям тогдашней Франции оказались подчинены саксонские области, в которых велась евангельская проповедь. Прекращение экспансии, начиная со времен Людовика Благочестивого, вызвало разочарование, и наступательная энергия правящих классов не могла не вылиться во внутренние раздоры. Что же касается перехода к обороне, то здесь выявились очень серьезные недостатки.

В течение почти века франкское государство стремилось достичь нравственного объединения Запада. В конце концов оно справилось с неискоренимым партикуляризмом, унаследованным от Меровингов⁷². Нейстрия, Австразия и Бургундия снова обрели ощущение единства. Удалось до некоторой степени укротить даже Аквитанию и Прованс. Колонии королевских вассалов были на полпути к подчинению древнего лангобардского королевства. Зарейнская Германия, которой предшествовавшая династия пренебрегала, приобрела, несмотря на множество завистников^a, совершенно равный с древней Австразией статус. С помощью Церкви и ученых — это было одно и то же — древнее национальное чувство франков мало-помалу вытеснялось идеологией «*populus christianus*» (христианского народа). Сверх того, корона ухитрилась предотвратить появление слишком уж прочной связи «*Reichsaristokratie*» (имперской аристократии), фундамента Империи, с каким-либо клочком земли. Известна история одного графского рода, который судьба играючи забросила из родной Австразии в самую западную часть Нейстрии, а оттуда в Италию. Можно было бы даже задаться вопросом, не слишком ли далеко зашли в этом направлении правители и вдохновлявшие их церковные советники. Благоразумно ли было в обществе, где сохранялись глубокие юридические разногласия, где единый язык существовал только для духовенства, где сообщение оставалось очень замедленным (и где им не занималась никакая государственная служба), полностью опираться на крайне узкую социальную прослойку — графов, епископов и аббатов крупных монастырей — которые одни были в состоянии постичь новую идеологию и извлечь из нее выгоду? Если бы эта прослойка вдруг ослабела, или сочла себя обманутой, могло ли это не привести к краху?

Короче говоря, до тех пор пока имело место продвижение вперед, у имперской власти оставались шансы

^a В числе которых особое место по праву принадлежит Адревальду (Чудеса св. Бенедикта, MGH, SS, XV, стр. 491).

на результативность. Однако она оказалась абсолютно не готова без труда давать отпор при встрече с серьезными невзгодами или неожиданными опасностями. У нее не было ни постоянной армии, ни флота, ни прочных фортификаций^a, ни финансов, достойных этого названия, ни даже, вероятно, подлинной поддержки со стороны народа. Ничто не убедит нас в том, что несколько сот семейств, пользовавшихся благами режима, были в состоянии расположить к себе общество, по крайней мере пока они не имели вотчин, чтобы распределять их между своими самыми преданными друзьями^b. Несомненно, почти до 840 г. ее верхушка была вполне способна реагировать на встававшие перед ней новые задачи. Но позднее эта способность к обновлению быстро угасла: в раздробленной империи правящий класс, целиком погрязший во внутренних конфликтах, утратил возможность предупреждать крупные внешне-политические проблемы^c.

Духовное единство каролингского Запада, далекое от того, чтобы в испытаниях стать крепче, рассыпалось. Оно серьезно опорочило себя еще задолго до того, как была осознана серьезность внешних угроз. Но даже перед лицом опасности единство не было восстановлено. Редкие случаи сопротивления захватчикам со стороны знати содействовали, главным образом, усилению растущих притязаний не-каролингских родов: отпор норманнам, оказанный Робертом Сильным, сыграл на руку Капетингам⁷³, из действий Ричарда Заступника — «*regni maximus defensor*» (главного защитника королевства) — извлек выгоду его брат, король Бургундии Бозон⁷⁴, а

^a Имевшиеся, исключительно в городах, возникли еще в эпоху Поздней Римской империи, и их уже начали разбирать (ср. стр. 233). Фактически более полугодом сердце империи оставалось незащищенным: отсюда и катастрофы, причиной которых стали викинги, когда они начали зимовать на Западе.

^b Все взрослые мужчины — подданные короля — должны были приносить присягу на верность, но чего она стоила, если примеры самой возмутительной неверности при Людовике Благочестивом подавала знать, слой, наиболее тесно связанный с властелином?

^c См. ниже, стр. 221 и сл.

победы над венграми в X в. придали законность власти Оттонов.

Процесс распада государства Карла Великого лишь ускорился из-за того, что в разных регионах империи приходилось бороться с разными врагами. Успокоившись по поводу политики Дании на общей границе, «*Francia orientalis*» (Восточно-Франкское государство) почти потеряло интерес к норманнской агрессии. «*Francia occidentalis*» (Западно-Франкское королевство) практически не знало тревог, связанных со славянами и венграми, и после 848 г. уже не направляла своих сил на восточные рубежи. Что касается Италии, то ее внимание было приковано исключительно к собственным трудностям — сарацинам, а потом венграм. Карл Великий регулярно использовал для решения задач, которые он считал жизненно важными, войска со всех концов своей империи; при этом бургундцы сражались в Чехии, баварцы — в Испании, а фризы — в Паннонии. Но поступать таким образом стало невозможно, когда каждый почувствовал опасность у себя дома. Со стороны Карла Толстого⁷⁵ было настоящим анахронизмом призвать итальянские войска бороться против норманнов на Маас^a.

Солидарность франкских государств перед лицом викингов иногда находила словесное выражение, например, в «Песне о Людвиге», немецкой поэме, прославляющей победу западного короля Людовика III над «огромной армией» викингов при Сокур-ан-Виме в 881 году^b. Однако фактические действия были чрезвычайно редки. Нам известно прежде всего о безрезультатности похода, который в 885 г. предпринял против норманнов, осадивших Париж, Карл Толстый. Тяготение к единству перед лицом опасности — которое выразилось в том, что Людовику III в 882 г. предложили

^a Ср. Н. Fichtenau, *Regionalismo e centralismo, Sicularum Gymnasium*, VII, 1954, p. 181.

^b Еще можно отметить, что основные восточные источники, а именно, анналы Фульды, очень лаконичны по поводу норманнской угрозы, начиная с 838 г., когда их автором стал монах Рудольф.

корону Лотарингии, а Карлу III в 885 г. — корону Западной Франкии — как известно, не увенчалось никакими длительными результатами^а. Удивительно, что в период династических споров X в., в разгар венгерских нашествий, «*Francia orientalis*» (Восточно-Франкское королевство) выказывала больше озабоченности событиями на Западе, чем тогда, когда над ним нависла опасность со стороны норманнов. Перед лицом сарацин из *Фраксинета* странам по одну и по другую сторону Альп потребовалось восемьдесят лет для того, чтобы достичь эфемерного единства.

К тому же каждой провинции все чаще и чаще приходилось самостоятельно давать отпор вторжению извне. Так, в Германии до 926 г. не случалось, чтобы несколько «местных народностей» совместно действовали против венгров: отражать их удары приходилось прежде всего баварцам. И чтобы понять особенности обороны во «*Francia orientalis*» (Восточной-Франкского королевства) в X в., нужно опуститься до локального, почти окружного, уровня. Главную роль в борьбе против норманнов Руана играли мелкие сеньоры, имевшие в своем распоряжении единственный укрепленный пункт, вроде Герлуина из Монтрей-сюр-Мер.

Так, перед лицом враждебных действий, которые от поколения к поколению становились все более согласованными и превращались из стремительных набегов в полномасштабные операции, монолитный рубеж франкской обороны разваливался на множество отдельных участков, защищавшихся своими силами. Только Германии удалось вовремя остановиться, не успев дойти до последней стадии этого процесса.

Безусловно, первым шагом к регионализации обороны стало развитие марок^{б76}. Этот способ упорядочения

^а Очень справедливы размышления В. Шлейзингера на эту тему, *Die Grundlegung der deutschen Einheit im frühen Mittelalter*, в кн.: *Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte*, Göttingen, I, 1963, s. 245–285.

^б В интересующем нас аспекте эта тема была изучена в основном Жаном Дондтом в его *Études sur la naissance des principautés territoriales en France (IX–X siècles)*, Bruges, 1946, и в ст.: *Le*

обороны под единым и постоянным руководством, по всей приграничной провинции, впервые стал применяться в конце VIII в. на территориях, соприкасающихся с Бретанью, Данией, мусульманским и славянским миром. Его результативность в местном масштабе уже доказана, хотя нам и неизвестно со всей точностью, как он действовал, и, в частности, какие механизмы обеспечивали его необходимыми человеческими и финансовыми ресурсами; при проведении крупных операций маркграф, разумеется, должен был рассчитывать на помощь королевской армии. Перед лицом славян, которые никогда не предпринимали широкомасштабных нападений, он до XII в. сохранял способность отвечать всем своим задачам; Восточная марка (*Остмарк*), хотя зачастую и поневоле, принесла огромную пользу в борьбе против венгров.

Было заманчиво применить марки для защиты побережий от викингов. Возможно, об этом задумывался уже Карл Великий^а. Во всяком случае приблизительно в середине IX в. существовали обширные образования, носившие название марки или просто имевшие вид объединения нескольких графств в одних и тех же руках, покрывая побережья от Бретани до Рейна, и, возможно, также приморскую полосу Аквитании. Одним из таких коллективных сторожевых участков, безусловно, являлся Руан. Их практическая польза, очевидно, была незначительной^б; правда, тексты, относящиеся к этим отдаленным местам, удручающе редки. Но эти прибрежные марки, по-видимому, послужили основой для образования территориальных княжеств во Фландрии, может быть, в Понтье, и, с большей определен-

titre du marquis à l'époque carolingienne, *Archivum Latinitatis Medii Aevi*, XIX, 1946, p. 407-417.

^а Это предположение Дондта; оно, возможно, выходит за рамки того, о чем позволяют судить отрывочные и лаконичные тексты, сообщающие только о приведении берегов в состояние обороны.

^б Как это было и с новыми марками, созданными вдоль границ, установленных после 834 г., например, в Бургундии.

постью, в Нормандии — на этот раз на благо потомкам викингов!

Относительный неуспех марок, несомненно, дал толчок поиску других решений в отношении обороны на региональном уровне^а. Наиболее интересный план был предложен Карлом Лысым: после обнадеживающего опыта на Марне в 861 г., он в 862 г. предписал перегородить главные реки (Сену, Марну, Уазу, может быть, Луару) укрепленными мостами, способными остановить норманнские лодки. В принципе, эта мера была превосходной, лучшей, какую можно было предпринять при отсутствии флота, хотя и у нее был недостаток, так как она влекла за собой незащищенность всех низовий рек, где русло было слишком широким, а течение слишком сильным для сооружения заграждений. К сожалению, она закончилась провалом за отсутствием постоянной армии и полных решимости людей.

Следовательно, нужно было организовывать оборону на местном уровне. Короли, деля расходы с епископами, брали на себя это бремя только в отношении городов, древние укрепления которых регулярно реставрировались, начиная приблизительно с 860 года^б. Не последовав примеру своего английского современника Альфреда Великого, франкские правители ничего не делали для того, чтобы увеличить количество своих крепостей. Даже с учетом всех предместий и аббатств, обнесенных крепостными стенами, не удвоилось даже число оставшихся после Поздней Римской империи цитаделей^с.

^а Линейные защитные сооружения, наподобие римских *лимесов*, использовались только на коротком участке славянской границы в Нордальбингии (саксонский лимес *limes Saxoniae*). Он было хорошо изучен Х. Янкуном, *Geschichte Schleswig-Holsteins*, т. III, Neumünster, 1956, p. 137–146.

^б Их систематический обзор (с картами) можно найти в кн.: Jean Hubert, *L'abbaye de Déols et les constructions monastiques de la fin de l'époque carolingienne*, Cahiers Archéologiques, IX, 1957, p. 160 (городские укрепления) и 161 (монастырские укрепления).

^с Можно с удивлением отметить, что, как и Англия, мусульманский мир смог открыть своеобразный и новый способ противо-

Следовательно, в сельской местности проблема оборонительных сооружений оставалась полностью нерешенной.

Около 860 г. и она начала вставать со всей остротой. В 864 г. капитулярий Карла Лысого (принятый в Питре) изобличает появление многочисленных *castella* (крепостей), *firmitates* (укреплений) и *haiae* (палисадов), построенных без королевского разрешения. Будучи далек от того, чтобы их поощрить, король повелел уничтожить их к 1 числу следующего августа, как представляющие угрозу его власти. Следовательно, это опять всегдашнее отсутствие взгляда в будущее: нападения викингов расценивались как скоропреходящее явление, которое не могло оправдать глубокого переустройства королевства. Фактически же правитель был не способен сдерживать этот натиск. Начиная с 880 г. северная Франция покрывается частными оборонительными сооружениями, принадлежащими крупным церковным и светским сеньорам. Королевского разрешения теперь просят только изредка, и после Карла Простоватого⁷⁷ этот обычай окончательно отмирает. Красноречивым признаком разложения государства было то, что возглавляли это запрещенное законом движение представители публичной власти, графы и епископы; в течение века большинство сельских укреплений оставалось в их руках, а король не отваживался вынести по этому поводу официального суждения^a.

Укрепленные замки, служившие прежде всего для отражения норманнской, а затем и венгерской угрозы, скоро

действия угрозе со стороны викингов: строительство сторожевых крепостей на атлантическом побережье Марокко; они стали экономическими центрами, часто городами: R. Brunenschvig, Coup d'oeil sur l'histoire des foires à travers l'Islam, Recueils de la Société Jean-Bodin, V, La foire, p. 50.

^a Вслед за G. Duby, La société aux XIe et XIIe siècles dans la région mâconnaise, Paris, 1953, p. 105–106, все последние исследования показывают, что, несмотря на свой юридически незаконный характер, появление большинства первых крепостей было связано с заботой об общественной безопасности.

стали опорными пунктами в гражданских войнах, и после конца IX в. уже практически невозможно выявить, по какой именно причине из вышеперечисленных их продолжали строить. Возможно, лишь археология когда-нибудь позволит яснее разобраться в этом сложном вопросе (см. ниже, стр. 237).

Во Франции замок из земли и древесины был в основном запасной резиденцией сеньора, чаще всего, окруженной еще и крепостной стеной, где могли спешно собраться обитатели окрестностей. В Италии он был, скорее, постоянным обиталищем, обнесенным крепостными стенами: отсюда и те общины «*habitatires castri*» (замковых жителей), которые мы так часто обнаруживаем там, начиная с X века.

Развитие территориальной раздробленности на каролингском Западе не способствовало решению задач обороны, но ход развития последнего, очевидно, определял его этапы. Наша тема здесь не позволяет нам углубляться в параллели. Просто подчеркнем, что один из основных институтов централизованной империи, *missi dominici* (государевы посланцы)^а, исчез из *Francia orientalis* (Восточно-Франкского королевства) с середины IX в., а на западе не пережил и Карла Лысого^б; что после 880-х гг. графы могли осуществлять свою карьеру в рамках практически только одного королевства; что церковные владения — да, и они — оказались втиснуты в границы какого-то одного государства^в. Одновременно графские семейства укоренились там, куда ранее их направила благосклонность короля, чтобы представлять там центральную власть; они обзавелись сторонниками (*fideles*) и с помощью *res de comitatu* (доходов от графства) и богатств Церкви составили себе обширные земельные владения. Впрочем, многие знатные семейства из числа аристократии сгинули в братоубийственных раздорах конца IX в., и им на смену пришли кланы, не причастные в той же мере к имперской идеологии^г.

^а За одним исключением в начале правления Карла Простоватого.

^б См. ниже, стр. 219.

^в На этот счет имеются очень проникательные страницы в кн.: R. Poupardin, *Le royaume de Provence*, Paris, 1901, p. 396–398, которые нуждаются в корректировке в свете более недавних работ К. Ф. Вернера.

КАРОЛИНГСКИЙ ЗАПАД И ЕГО СОСЕДИ

В своих бедствиях каролингскому миру почти откуда было ждать помощи. С англосаксонскими королевствами, над которыми все еще нависала очень серьезная опасность со стороны викингов, он имел лишь эпизодические контакты, как правило, не имевшие особого значения^а, за исключением короткого правления Людовика IV Заморского, воспитывавшегося в Англии: Ательстан, его дядя, два или три раза оказал ему помощь, но в основном против внутренних врагов или против Оттона I.

Бретонцы, судя по их действиям в IX в., заслуживают того, чтобы мы внесли их, скорее, в список нападавших на империю, чем тех, кто содействовал ее обороне. Воодушевленные неожиданной энергией, источник которой почти не угадывается, они, начиная с правления Людовика Благочестивого, стали чрезвычайно неудобными соседями. В течение двух поколений, они пользовались всеми трудностями франков для того, чтобы продвинуться на восток, и вскоре утроили протяженность своих территорий — пока не пали, также внезапно, под ударами викингов.

Подобно Меровингам, Каролинги смогли удерживать подвижных жителей кельтской Бретани к западу от линии Доль-Ванн. С конца VIII в. их напор на границу, безусловно, усилился, так что Карл Великий счел за благо создать там марку, впервые упоминаемую в 778 г. и порученную знаменитому графу Роланду. В 798, 811 и 818 гг. там произошли жестокие столкновения, которые, однако, не изменили традиционного положения. Примерно в конце своего правления Людовик Благочестивый имел неосторожность сделать одного знатного бретонца, Номиноэ, постоянным «государевым посланцем» в Бретани. Около 840 г. тот добился

^а Самый любопытный из них тот, который около 920 г. повлек за собой второй брак Карла Простоватого с Эадгивой, дочерью Эдуарда Старшего, в момент, когда тот начал отвоевывать королевство Йорк; от этого брака родился Людовик IV.

полной независимости, занял древнюю марку и начал выступать за пределы Мена. В 845 г. он нанес Карлу Лысому серьезное поражение при Баллоне, в 846 г. бретонские авангарды стали угрожать Байе; в 849 г. Номиноэ уже вблизи Анжера, а в 850 г. он берет приступом Нант. Его сын Эриспоэ сменил его на троне и в 851 г. одержал новую победу над франками при Жювардейле, которая принесла ему все земли к западу от Майенна.

И очень вовремя: в 853 г. на Луаре появились викинги. Они оставались там три года, что в 856 г. вынудило Карла Лысого и Эриспоэ, хотя и довольно неохотно, заключить союз. В 857 г. он распался с убийством Эриспоэ. Его преемник Саломон в 863 г. возобновил его и, под предлогом того, что стал вассалом франкского короля, добился уступки ему западного Анжу; новое примирение в 867 г. принесло ему Котантен с примыкающими территориями. Возникает впечатление, что Карл Лысый без особых трудов взвалил на этого бретонского вождя, тем временем ставшего королем, неблагоприятный труд защищать западную оконечность своего королевства^а. Бретонцы выполняли эту задачу энергично и действительно.

Бретонское величие продолжалось приблизительно одно поколение. Королевская власть не пережила Саломона, умершего в 874 г., но один из бретонских вождей, Алан, граф Ванна, при помощи Беренгария, графа Ренна, с заметным успехом сражался с викингами. Он даже добился передышки, почти никем не нарушившейся с 890 до своей смерти в 907 г., что позволило ему, преждевременно, приступить к восстановлению церквей^б. Но закрепление в 911 г. норманнов с Сены в Руане позволило наиболее агрессивным частям флота викингов перебраться и на Луару. Между 912 и 919 гг. Бретань пала от одного удара; ее вожди укрылись в Англии у короля Эдуарда Старшего, который на какое-то время взял на себя роль руководителя Запада в борьбе против скандинавов. Государство викингов в Нанте,

^а Несколько документов доказывают, что бретонская администрация на деле прибрала к рукам Котантен и Авранш. В этом регионе и в западном Мене в антропонимии правящих классов следы бретонского эпизода сохранялись в изобилии до конца XII века.

^б Епископ Нанта Фульхерий (около 897–910 гг.) восстановил кафедральный собор и замок в своем епископальном городе: Chronique de Nantes (35; 73 и 78).

находившееся в зачаточном состоянии, признанное в 921 г. графом Робертом, сыном Роберта Сильного, а затем, в 927 г., королем Раулем, просуществовало в течение нескольких лет; нам неизвестно, подчинялась ли этому государству остальная часть полуострова, или нет. В 937 г. внезапно вернулся, при поддержке короля Ательстана, Алан Кривобородый, один из вождей, бежавших в Уэссекс, и в трех битвах уничтожил владычество викингов в Бретани.

В борьбе против сарацинских пиратов франкские государства почти не могли сотрудничать с христианами Испании. Однако византийцы, прочно утвердившиеся в Кампании, Калабрии, на Сицилии и в Адриатике, и, к тому же, оснащенные превосходным флотом, смогли предложить им неоценимую помощь. К несчастью, на пути всего последующего сотрудничества возникли почти непреодолимых два препятствия: последствия императорской коронации в 800 г., никогда по-настоящему не принятой Константинополем⁷⁹, и жесткий конфликт между латинской и греческой церковью.

Впервые эта проблема была поставлена Востоком в ту эпоху, когда Запад почти не интересовался Средиземноморьем. Обмен посольствами между Феофилом и Людовиком Благочестивым в 839–842 гг. ни к чему не привел, несмотря на очевидное желание императора заключить союз против сарацин, и франки не прислали ему войск для освобождения Тарента. Затем Людовик II, после того как он долгое время действовал и терпел неудачи в одиночку, обратился к Василию I с настоятельной просьбой содействовать ему при отвоевании Бари путем предоставления флота; в Константинополе согласились, и в течение двух лет (869–871 гг.) были достигнуты реальные успехи, но скоро старые разногласия снова взяли верх, и вся выгода, в итоге, пришлась на долю Византии. Впоследствии, когда под угрозой оказывались значимые для них интересы, греки два или три раза оказывали помощь Западу в совместных операциях на локальном уровне: в Кампании во времена папы Иоанна VIII, около 880 г., но без заметного результата; в 916 г. — при уничтожении базы на р. Лири

вместе с папой Иоанном X, франкскими и лангобардскими князьями; в 931 и 942 гг. — при захвате Фраксинета вместе с провансальцами.

Греки и латиняне также боролись за влияние над славянами; по преимуществу споры носили церковный характер, и двумя их основными аренами были Хорватия и Великая Моравия. Во времена папы Николая I и хана Бориса римские и византийские миссии соперничали в Болгарии. Однако, по правде говоря, в этом случае речь шла не об обороне. Цель, по крайней мере для Запада, состояла исключительно в распространении культуры. Чуть позже, перед лицом венгров, общих интересов греков и латинян уже не нашлось.

Итак, каролингский мир боролся и погиб в одиночку, в значительной мере по своей собственной вине. Из соображений протокола он пренебрег предложениями Константинополя в тот момент, когда они, возможно, позволяли задушить сарацинскую угрозу в зародыше. Он не заручился союзом с англичанами, который позволил бы сделать то, что в более широком масштабе осуществил в Бретани Алан Кривобородый. В этом, безусловно, снова следует винить интеллектуальную ограниченность целых поколений эпигонов.

ВИДОИЗМЕНЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВКЛАД СКАНДИНАВИИ

Вопрос о глубине и основательности «Каролингского возрождения» является предметом споров. В той сфере, которая в основном была им охвачена, а именно в церковной и придворной жизни, он достиг блестящих результатов. Монастыри были реформированы и приведены в соответствие с единым образцом; епископат снова взял в свои руки управление общественной духовностью и нравственностью; в деятельности *скрипториев* началось замечательное оживление; классический латинский язык был возрожден и засвидетельст-

вован многочисленными текстами; с осуществлением крупных проектов архитектура вновь заняла утраченное ею после V в. место в иерархии искусств. Все это рухнуло под совместным натиском завоевателей и внутренних междоусобиц. Общий ущерб был гигантским: сторевшие церкви и библиотеки, невозможность интеллектуального труда, разрушение правовых структур, перевес неотложных повседневных проблем над глобальным видением мира.

Как и почти всегда, Западу удалось отыскать повод для своего возрождения на собственном пепелище. Тут можно выделить три момента. В некоторых областях врагам были привиты элементы цивилизации или новое состояние духа: это явление затронуло в основном Англию и Нормандию, и, в меньшей степени, кельтские земли и прибрежные регионы Северного моря. В других местах стремление к возрождению понуждало все делать заново, принимая за точку отсчета то, что уцелело в катастрофе: это относится почти ко всей *Francia occidentalis* (Западно-Франкскому королевству). Наконец, Германия и Италия смогли сохранить свои каролингские структуры гораздо лучше, чем Франция. Вторая из этих зон стала источником радикальных новшеств, которым суждено было отметить собой X и XI вв.: это были основы для строительства нового монашества, которые закладывались в Бургундии (Клюни), Лотарингии (Горц, Бронь) и на юге Парижского бассейна (Флери-сюр-Луар), в областях, безусловно, мало затронутых вторжениями напрямую, но куда во множестве стекались беженцы^а, и понимали всю необходимость обновления. Одним из основных направлений деятельности Клюни в X в. было восстановление разрушенных аббатств. Там же началось и обновление архитектуры и возникновение романского искусства, уже стал заметным разрыв с грандиозным имперским искусством Каролингов (тогда как в Германии искусство Оттонов смогло дать

^а См. ниже, стр. 219–220.

ему почти прямое продолжение), и настоятельно давала себя знать потребность в новом строительстве. Государства, испытывавшие более непосредственные внешние влияния, смогли внести свой вклад в обновление Запада только позднее и, главным образом, в политическом плане, прежде всего в результате вмешательства нормандского и англо-нормандского рыцарства после 1066 года.

Это обновление охватывало далеко не все сферы цивилизации. Наследие Каролингов — огромное пространство, усеянное руинами, — не было приведено в порядок. В Западно-Франкском государстве долгое время ничто не могло заменить идеологию христианской Империи франков. Усилия по унификации права, которые начали приносить свои первые плоды в середине IX в. благодаря влиянию капитуляриев и вмешательству некоторых клириков, вроде Агобарда Лионского, были полностью заброшены, и законы стремительно раздробились на множество правовых обычаев. Вся та структура, которая было начала складываться вокруг понятия государства и государственной власти, оказалась забыта, по крайней мере королевской администрацией. Лишь несколько территориальных правителей, граф Фландрии и, главным образом, герцог Нормандии, проявляли кое-какой интерес к некоторым из этих осколков и подумывали о том, чтобы после более или менее продолжительной паузы начать действовать в том же духе^а.

Итак, вторжения IX и X вв. в целом оказали на пост-каролингскую цивилизацию лишь негативный эффект. В отличие от того, что произошло после потрясений V и VI вв., континентальный Запад не прибег к синтезу своего исковерканного наследия и навязан-

^а Любопытно отметить, что герцогство Нормандское осуществило в XI в. унификацию своего права и даже земельных мер (в пользу «импортного» акра; Каролинги склонялись в пользу франкского бонньс). Однако здесь имеет место, скорее, встреча двух политических мировоззрений, чем прямое заимствование.

ного ему силой внешнего влияния. Ему почти всегда приходилось извлекать необходимые для возрождения основы из своих собственных глубин.

* * *

Таким образом, лишь приморские регионы столкнулись, при встрече со скандинавами, с проблемами ассимиляции, и прежде всего кельтские страны, Англия и Нормандия. Однако феномен викингов был лишь вторичным по отношению к самому явлению завоевания. Скандинавам удавалось окончательно закрепиться где-либо только тогда, когда они овладевали ранее пустовавшими землями, как, например, Фарерские острова и Исландия. «Область датского права» и Нормандия никогда даже на словах не зависели от скандинавских государств. Основанные за морями колонии официально присоединялись только в норвежском пространстве и гораздо позднее. Норвежский государь Магнус Голоногий (1093–1103 г.) очень стремился подчинить своей власти королевство Мэн и некоторые поселения в Ирландии, но это ему удалось лишь на несколько месяцев. В XII в. Гебриды и Мэн более или менее благосклонно признали сюзеренитет далекого норвежского короля; в 1263 г. Хакон IV восстановил его, но после 1266 г. Магнус Исправитель Законов уступил эти острова Шотландии^а. Присоединение Оркнейских и Шетландских островов было более долговременным — фактически с конца XII в. до 1468 г., а юридически — до 1590 г., так как первоначально острова лишь заложены шотландской короне.

Скандинавские языки завоевали лишь небольшую территорию, и их победа никогда не бывала окончательной, за исключением случая необитаемых Фарер-

^а В XIV в. о-в Мэн, сохранив обширную автономию, перешел под власть Англии.

ских островов и Исландии. На Оркнейских островах *норн* (= *norron*, «норманнский») царствовал единолично на протяжении почти всего Средневековья и исчез только в конце XVII века. На Шетландских островах он вышел из употребления около середины XVIII в., но единицы еще знали его в начале XIX века. На этих двух архипелагах, как и в Катанесе (где *норн* изжил себя в XVI, а может быть, даже в XV веке), скандинавский язык был прямо замещен английским из Шотландии. На Мэне норвежский никогда не вытеснял кельтского наречия (*манкс*, диалект ирландского), но долгое время оставался языком правящего класса и литературы; по-видимому, он угас около XIV в. перед повторным расцветом кельтского, сегодня, в свою очередь, умирающего. Чуть раньше (XIII в. ?) также обстояло дело на внешних Гебридах, где в X в. большая часть жителей Льюиса, Уиста и Ская определенно говорила на норвежском^а. Важные аспекты словаря, естественно, сохранились.

В прибрежных городах Ирландии норвежский, похоже, играл более ограниченную роль, повсеместным было двуязычие; в течение XIII в. он напрямую уступил свое место английскому языку. Скандинавские заимствования несут в себе некоторые узкие области ирландского языка — оружие, рыболовство и мореплавание, плюс кое-какие редкие термины, относящиеся к торговле^б.

^а Основные сведения о лингвистической эволюции кельтских островов изложено в кн.: Jakobsen, *Det norröne Sprog* (292) и в работах Линсея Скотта, Пера Торсена и Давида Мурисона для *The Viking Congress, Lerwick 1950* (253, т. I).

^б В Бретани, несмотря на пятнадцать лет существования норманнского государства в Нанте, мы не можем проследить никакого убедительного скандинавского следа, восходящего к X веку, если не считать единичных персонажей, о чьем существовании сохранились свидетельства, наподобие покойника из захоронения в корабле из Груа и викинга, местопребыванием которого считается остров Локоал (Морбихан), как сообщает *Cartulaire de Redon*, ред. A. de Courson, (373; 326; акт 1037 года).

Еще сложнее высказываться по поводу судьбы скандинавского языка в Англии и Нормандии. Сохранение скандинавских наречий на северо-западе Англии до начала XII в. засвидетельствовано эпиграфическими документами^а. В собственно «Область датского права» английский был привнесен в основном в период правление Эдуарда Исповедника, но датский оставался понятным для большинства, и, безусловно, употреблялся в определенных слоях общества до начала XII века. В английский, и, особенно, в его северное наречие было привнесено множество заимствований из скандинавского. Этот словарь покрывает всех разделы языка. В нем можно найти не только названия предметов или институтов, принесенных викингами (*outlaw*, «изгой»; *wapentake*, «территориальный округ»; *thrall*, «раб»), но также множество понятий, неотделимых от повседневной жизни (*to die*, «умирать»; *to call*, «звать»; *to take*, «брать»; *fellow*, «товарищ»; *husband*, «муж»; *window*, «окно»; *knife*, «нож»). Кроме того, значительное количество слов староанглийского языка было переделано на скандинавский лад с точки зрения либо формы (например, *sister*, «сестра», это аномальное производное от староанглийского слова *sweostor*, но объяснимое с учетом древнесканд. *syster*), либо смысла (если бы не влияние древнескандинавского *jarl*, слово *earl* означало бы не «граф», а «воин»). Такое глубокое влияние можно объяснить только распространением двуязычия, своего рода лингвистическим симбиозом, любопытным образом предвосхищающим тот, который возник после 1066 г. между английским и нормандским.

В Нормандии не существует никакого документа, который удостоверял бы факт использования скандинавского после 940-х гг., но весьма вероятно, что некоторые социальные группы сохранили его до XI в. — настолько их специальные вокабуляры были полны скандинавскими заимствованиями — например, рыбаки и мореходы. Из Нормандии значительная часть этих

^а Тимпан церкви в Пеннингтоне в Ланкашире, надпись в соборе Карлайла.

слов перешла в общефранцузский, например, *babord*, «левый борт»; *tribord*, «правый борт»; *quille*, «киль»; *singler* (в смысле «плыть под парусом»), *etrave*, «форштевень»; *havre*, «гавань»; *varech*, «фукус» (первоначально «обломок судна, потерпевшего кораблекрушение»); *marsouin*, «морская свинья»; другие остались диалектными, например, *ha*, «акула», *orphie*, «линь»; *grune*, «нижняя часть трюма», *mielle*, «дюна». Другая группа скандинавских или англо-скандинавских заимствований связана с землей, они остаются чисто диалектными (например, *acre*, «земельная мера»; *delle* «участок земли»; *hogue*, «холм»; *londe*, «перелесок»; *vindinc*, «место разворота плуга»). Наконец, необходимо указать на наименования некоторых, по большей части устаревших, институтов (*namp*, «заклад»; *gaves*, «бесхозные [вещи]»). В общем словаре было мало заимствований, что мы объясняем незначительным количеством женщин в первых поколениях иммигрантов.

Датские княжества во Фрисландии и Фландрии не оставили лингвистических следов, за исключением нескольких географических названий (в числе которых, безусловно, Брюгге, древнесканд. *bruggja*, «место высадки»), но родство языков делает поиски заимствований затруднительными. Вдоль водных маршрутов во внутренней Галлии мы не встречаем достойных доверия следов скандинавских поселений^а.

Вдоль «восточного пути» на скандинавском, должно быть, всегда говорили только профессиональные меньшинства воинов или торговцев. Можно выявить несколько напоминаний об их жаргоне, состоявшем из различных заимствований и слов, изменивших свой первоначальный смысл, — настоящий язык искателей приключений^б. Эти группы исчезли (в Византии) или

^а Традиция гласит, хотя никогда не представляет достаточно убедительных доказательств, что остепенившиеся викинги повсеместно стали родоначальниками владетельных родов, особенно в Бургундии (семейства де Руси, де Виньори, де ла Ферте-сюр-Об). Это, в лучшем случае, частные истории, так и оставшиеся единичными случаями.

^б Как это блестяще показано в кн.: Stender Petersen, *Varangica* (352; 151–164).

растворились в дружественной окружающей среде (в Новгороде и Киеве) в течение XI века. Они оставили лишь самое незначительное лингвистическое наследство, а именно, некоторые коммерческие термины^а, если не считать небольшой группы личных имен, введенных в употребление династией Рюриковичей.

В том, что принесли с собой викинги, которые слишком часто расцениваются как обычные пираты, необходимо выделить юридическую составляющую. Повсюду, где они поселялись, их гражданские законы, юридические или политические институты оставили некоторый след, иногда обладающий уникальной живучестью. В наиболее четкой форме они утвердились на шотландских архипелагах: норвежцы принесли туда почти всю свою юридическую систему, особенно земельное право (право *одаля*, неотчуждаемой семейной собственности) и свои народные собрания (*тинги*). На Оркнейских и Шетландских островах корпус норвежских законов явным образом применялся при составлении закладных договоров^б; он был отменен только в 1611 г. королевским советом Шотландии, но некоторые морские правовые обычаи применяются еще и сегодня. Народные судебные собрания (*lawtings*) полностью исчезли только в XVIII веке. Земельное право *удалья* до сих пор применяется кое-где на Шетландских островах.

На Гебридах шотландское право было введено в 1266 г. договором об их передаче Шотландии. На Мэне устное норвежское право сохранялось в течение всех средних веков; территориальные округа (*sherdings*) продолжали опираться на норвежское морское ополчение и, хотя *одаль* вышел из употребления, собрание Тюнвальда (на древнескандинавском — «равнина собрания»), или *Дом ключей* всегда действовал как парламент острова. Нам немного известно о проявлениях скандинавского права в Ирландии; Дублин имел ежегодный *тинг*, который собирался в Рождество.

^а Ср. Thörnqvist, Studien über die Lehwörter (357).

^б Хотя мы располагаем апелляционными приговорами в отношении этих островов, вынесенными на Бергене в 1538 году.

«Область датского права» придерживалась «датского права», на что и указывает ее название, и в ее основных городах имелись «люди закона» (*lawmen*) скандинавского типа, но кроме этого мы мало что знаем. Даже законодательство Кнута Великого является полностью английским, и следы законодательных собраний сохранила только топонимия. Право *одаля* на этой силой завоеванной земле не применялось. Королевская гвардия (*houscarles*), должно быть, соблюдала свои датские обычаи, но она вскоре перестала существовать. Скандинавское право оставило по себе лишь несколько единичных терминов.

В Нормандию ни *одаля*, ни *тинги* так и не проникли, но мы располагаем мимолетными следами законодательства скандинавского происхождения, которое регулировало жизнь герцогского семейства, общественный порядок и определенные аспекты мореплавания^a. Большая часть этих следов очень быстро стерлась, некоторые в результате повсеместного принятия христианской морали (как, например, брак типа «*more danico*» (на датский манер), разновидность легального конкубината⁸⁰), другие в ходе массивированного внедрения феодальных институтов. По истечении XI в. сохранилось лишь несколько довольно безжизненных юридических обозначений. Наконец, в России заслуги скандинавского права представляются практически отсутствующими.

Значительный правовой вклад викингов составляет контраст с блеклостью их религиозного влияния. И дело не в том, что они стыдились своей религии. В течение первого века завоеваний мы почти везде находим подчеркнутые проявления языческого высокомерия, например, когда жена Тургейса (*Thorgestr*), незадачливого завоевателя Ирландии, выбрала алтарь аббатства в Клонмакнойсе, чтобы пророчествовать там на манер ясновидцев (*волюр*) своей родины^b. Но эту религию, столь привязанную к земле и семье, экспортировать можно было только тогда, когда разом эмигрировала целая социальная группа, как это происходило,

^a См. ниже, стр. 254.

^b Cogadh Gaedhel re Gallibh, ред. Todd (61; 13 и 226).

например, в Исландии. Эта религия пустила корни только там, где скандинавы находились в одиночестве. В контакте с местным христианским населением разные, скорее, утилитарные, чем духовные соображения быстро приводили к обращению скандинавов в христианство. Далеко не один викинг принял крещение, хотя бы и одно погружение, *prima signatio*, без конфирмации, ради пущего преуспевания в заморских странах. Кое-кто, будучи привлечен некоторыми проявлениями христианского благочестия, даже при случае вверял себя в руки такого святого, как некогда божества из своего пантеона. Чудеса св. Кутберта или св. Бертана также превратили нескольких пиратов в посредственных христиан. Они были из числа тех, кого изобличал архиепископ Реймса перед папой Иоанном X: «Они были крещены и крестились опять, и после своего крещения жили среди язычников, убивая христиан, избивая священников, принося их в жертву идолам»^a. Только тех, кто окончательно осел в христианских странах, можно было обратить по-настоящему. Из-за множества смешанных браков язычество редко переходило рубеж двух поколений поселенцев: сын Роллона, вероятно, от кельтской матери, был образцом благочестия. Впрочем, он опередил своих соотечественников, так как большинство новообращенных из викингов были далеки от того, чтобы стать примерными христианами.

Итак, за морем скандинавы стали христианами гораздо раньше, чем на родине. Норвежские короли Ирландии с конца IX в. заключали политические или брачные союзы со своими кельтскими собратьями; их часто скрепляло крещение. Короли Дублина Сигтрюг и Олаф Куаран умерли христианами в 926 и 980 годах. Однако язычники продолжали упорствовать до тысячного года. В датской Англии обращение было еще более стремительным; второй король Йорка, Гутред (880–895 гг.) крестился и мало-помалу нашел общий язык со своим английским архиепископом Вульфхером. Правда, в 919 г. имела место языческая реакция, однако

^a Mansi, Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio, XVIII, col. 189 (автор — Иоанн X, как установил Пренту, Dudon (333; 256–259).

к 965 г., когда англичане принялись отвоевывать Йорк, масса поселенцев, определенно, уже была полностью христианской. В 943 г. архиепископ Вульфстан без колебаний отправился вместе с норвежским королем Олафом Сигтриггссоном в поход против английского короля Эдмунда. Скандинавы из «Области датского права» нашли с белым духовенством вполне приемлемый *общий язык*^а.

В Нормандии Роллон принял крещение в 911 г., одновременно со своим герцогством. Его столица, Руан, где нашли приют уцелевшие клирики провинции, очень быстро опять стала важным центром церковной жизни. Один крайний Запад долгое время колебался; банды пиратов всегда встречали там радушный прием, а епископы отважились вернуться в Кутанс только спустя долгое время после тысячного года. Монашеству потребовалось еще одно поколение, прежде чем оно стало робко возрождаться.

Наконец, на Руси князя Юга, по-видимому, приняли христианскую веру в 866 г., разумеется, в ее греческой форме; но до крещения Ольги в 955 или 957 г. этот процесс почти продвигался, и только в 989 г. Владимир приказал крестить всех своих подданных. Любопытный рассказ мусульманского путешественника Ахмеда ибн Фадлана доказывает, что около 922 г. у волжских варягов были представлены в полной сохранности наиболее характерные обряды скандинавского язычества.

Как видим, «Церкви викингов» не существовало: за исключением нескольких частных случаев^б, скандинавские поселенцы вливались в национальные церкви, с которыми встречались на месте. В большинстве случаев они не устанавливали никакого церковного контакта со своими родными странами. Норманны, которые в XI в. содействовали евангельской проповеди в Норвегии, были чужаками, забытыми своей родиной. Только Церковь «Области датского права» постаралась установить постоянные контакты с Севером; она с вооду-

^а С черным духовенством дело обстояло иначе: ср. стр. 242.

^б Наподобие присоединения епархий Дублина и Мэна к английской церкви в обход кельтских.

шевлением встретила культ св. Олафа, погибшего в 1030 г., спорадически признала святым Магнуса, *ярла* Оркнейских о-вов, убитого в 1117 г., и приняла живое участие в отправке миссий в Норвегию, Данию и Швецию^а. Заметная часть «апостолов» Скандинавии, о чем можно судить по их именам, набиралась из потомков датчан, осевших в Англии: например, Эскил, который проповедовал Евангелие на берегах о. Меларен, или Сигурд, монах из Гластонбери, около 950 г. ставший первым епископом Норвегии^б.

Итак, продолжительного религиозного противостояния между викингами и местными жителями не существовало. В течение второй эры нашествий совсем не вставали сложные проблемы сегрегации, которые знала первая^с. Повсюду, где скандинавы лицом к лицу встречались с народами, которых они считали цивилизованными (исключение составляли только «*Skraelingjar*» (скрелинги) Гренландии и Америки — эскимосы и индейцы), они быстро и без колебаний допускали взаимное проникновение культур. Так, духовные наследники викингов, в результате оказались значительно более многочисленными, чем те ограниченные группы, которым им на короткое время удалось навязать свои верования, институты и язык. Сюда нужно включить почти всех англичан XI в. и всех норманнов в Нормандии, Италии, Англии и на латинском востоке, так же, как и часть русской знати Киевского государства. Несколько в разном плане, но все они косвенным

^а Св. Олафу было посвящено 4 (а может быть, 6) церквей в Лондоне, 1 в Йорке, 1 в Честере, 1 в Норвиче и т. д. Ср. В. Dickins, *The Cult of S. Olave in the British Isles*, *Saga book of the Viking Society*, XII, 1939, p. 53–58. Св. Магнусу была посвящена одна церковь в Лондоне и одна в Йоркшире.

^б Миссии в Скандинавию в конце XI в., безусловно, служили спасительным выходом для англо-датских клириков, которые не были сторонниками владычества Вильгельма Завоевателя.

^с Следовательно, полемики с язычеством, достойной этого названия, не существовало. Это позволило некоторым скандинавам, особенно исландцам, добросовестно беречь в плане литературы откровенное и почтительное воспоминание о своей древней религии. Этому состоянию духа мы обязаны спасением *Эдды* в XIII веке.

образом обязаны викингам и варягам своей энергией, воинственностью, умелой организацией и отсутствием предрассудков.

* * *

Конец нашествий последней волны косвенным образом дал Западу возможность пережить определенное возрождение. Вносить его в список первостепенных проявлений человеческого творческого разума было бы неверно. Он еще не обрел своего имени, и даже сами его первооткрыватели лишь наполовину признали его^a. Однако это возрождение имеет право на самостоятельное, хотя и достаточно скромное, место среди всплшек, освещавших средневековую цивилизацию. Оно не приобрело славы предшествовавшего ему каролингского возрождения, которое, осененное именем Карла Великого, смогло породить грандиозную духовную программу, осуществление которой было, впрочем, очень несовершенным — и достигнуть блестящих политических успехов, хотя и недолговечных. Оно не обладало ни той интеллектуальной глубиной, которая была характерна для последовавшего за ним ренессанса XII в., ни его экономическим ростом. Но его вкладом более нельзя пренебрегать. Множество новых городов, новое бенедиктинское монашество (Клюни, Горц) и его духовность, многообразные начатки романского искусства, империя Оттонов с ее вселенскими амбициями, политическое объединение Англии, затем англо-нормандское государство и его устойчивые институты, — все это, до некоторой степени, плоды этого возрождения.

^a Robert S. Lopez, Still another Renaissance? *American Historical Review*, LVII, 1951, p. 1–21; ср. также: Jean Lestocquoy, *The tenth century*, *Economic History Review*, XVIII, 1947, p. 1–14. По поводу литературного аспекта имеются несколько привлекательных страниц в кн.: Helen Waddell, *The Wandering Scholars*, 7 изд, Harmondsworth, 1954, p. 89–106.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К последствиям второго наступления на христианскую Европу на востоке и на западе континента нельзя подходить с единой меркой. Восточная Европа обязана ему существенными чертами своей исторического облика. Южное направление расселения славян дало ей сущностное единство, которое впоследствии ничто так и не смогло стереть, даже долгий период оттоманского владычества в XV–XX веках. Граница Дуная, которая, начиная с Филиппа Македонского и кончая Юстинианом, коренным образом отъединяла юго-восточную Европу, средиземноморскую и эллинистическую, от Европы внутренней, «варварской», потеряла почти все свое значение. Большинство политических образований, от которых произошли современные государства Восточной Европы, сформировалось в течение X в., который здесь сыграл такую же решающую роль, как век Хлодвига на Западе⁸¹. Деятельность св. Кирилла и Мефодия до сих пор определяет культуру всей православной Европы, трети континента.

На Западе завоевания VIII–X вв. лишь внесли завершающий штрих в картину, уже нарисованную, в основных чертах, после великого кризиса V–VI веков. По поводу времени мы можем и ошибиться. Вызывая в памяти события конца IX и начала X в. один бургундский монах, рассматривавший историю в категориях, характерных для вселенских хроник Поздней Римской империи, счел, что они ознаменовали собой начало нового «*translatio imperii*» (передачи империи): после перехода власти от римлян к франкам последовал аналогичный процесс от франков к «*extranei*» (чужеземцам), то есть, разъясняет он, к норманнам и датчанам, венграм и сарацинам, объединенный натиск которых

грозил гибелью Галлии^а. Вот какие перспективы открылись в самом разгаре кризиса вдумчивому уму, способному рассматривать вещи с некоторой дистанции: ему казалось, что второй натиск на Европу должен был бы повторить путь первого. Однако этого не случилось. На Западе новые варвары не приобрели себе ничего похожего на «*imperium*» (империю). Безусловно, викинги стали родоначальниками могущественных государств, оказавших в течение последующих веков решающее влияние на развитие западных институтов. Однако эти государства обладали лишь ограниченной территориальной протяженностью, и огромное большинство стран, подвергшихся нашествию, сохранило свою независимость. Если нашествия IX–XI вв. отмечают собой разрыв в европейской истории, то виной тому не сами нашествия, а хаос в западном обществе, который последовал за ними.

Этот напрямую вызванный нападением беспорядок, поначалу ограниченный, распространился и углубился под влиянием внутренних процессов в каролингском обществе. Ответные меры местной обороны, дурно согласованные, по причине слабости правителей и правящих классов выродились в своего рода раздробленность и анархию, которые разделили Запад на бесчисленные ячейки. За очень редким исключением, идеологическая система, на которой строилось имперское правление Каролингов, одним махом утрачивала силу, поскольку считалось, что сам Господь наслал на христиан новых варваров. Даже в Германии, где память о славе Карла Великого оставалась более острой, политические и социальные структуры развивались в X в. с чрезвычайной скоростью. Так были созданы благоприятные условия для развития феодального общества, которое не является порождением нашествий, но без них не заняло бы такого места в истории Запада.

В некотором смысле последние нашествия закрепили и дополнили вклад первых, вызвав перемещение ос-

^а Chronique de Saint-Bénigne de Dijon, ред. Bougaud и Garnier, Dijon, 1875, p. 114.

нового центра нашей цивилизации к северо-западу. В V и VI вв. он подвигался с берегов Средиземноморья к внутренним столицам: Павии, Толедо и, главным образом, к франкским столицам Парижского бассейна. После X в. он, похоже, воцарился на берегах «ближних морей» от Котантена до Ютландии, и в бассейнах рек, которые в них впадают: Рейна, Мааса, Шельды, Темзы. Там он и оставался в течение многих веков.

КНИГА ВТОРАЯ

**НЕРЕШЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
И НАПРАВЛЕНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

РАБОТА НАД ИСТОЧНИКАМИ

Нашествия конца каролингской эпохи изучены хуже, чем те, которые имели место накануне падения Римской империи. За исключением Скандинавии и Венгрии, национальные интересы, так часто воодушевлявшие историков XIX в., здесь не сыграли значительной роли. Документы в этом случае более однообразны; слишком немногие из них представляют литературную ценность, а эпиграфика практически безмолвна. Для того чтобы суметь что-то извлечь из них, одного знания «великих культурных языков» недостаточно. Что же касается археологии, то по отношению к этим относительно недавним периодам она только-только совершает свои первые шаги. Из всего этого становится ясно, что для изучения этих нашествий нам недостает самых необходимых рабочих инструментов.

Для каждой серии вторжений надо было бы прежде всего располагать справочником (*Regesta*), устанавливающим хронологию событий на основании критического подхода. До настоящего времени эта работа почти не велась, кроме той, которую проделал Вальтер Фогель в отношении первого периода норманнских нападений на Империю франков^a. Опять же этот необходимый справочник не обладает желаемой ясностью с точки

^a Vogel, Die Normannen und das fränkische Reich (322).

зрения топографии и не простирается далее 911 года. Продолжить дело Фогеля для X и XI вв. — одна из самых насущных задач изучения истории викингов. Что касается Англии, то основная часть исходных сведений о ней собрана в различных версиях *Англосаксонской хроники*^а, однако в высшей степени полезным был бы методичный комментарий тех ее разделов, которые относятся к скандинавам; таких попыток практически не предпринималось, за исключением комментария к периоду царствования Этельреда II Нерешительного^б. Когда речь идет о кельтах, мы также вынуждены несколько вслепую блуждать по бесчисленным анналам, очень неравноценным по своему качеству, и зачастую пользоваться крайне зыбкими хронологиями. В ожидании лучшего, провожатыми по этому лабиринту могут послужить справочники Ф. Кеннана и А. О. Андерсона^в.

Что касается венгерских набегов, то почти все полезные историографические ссылки собраны у Джини Фасоли^д, однако сохраняется необходимость в систематической, регион за регионом, критике по примеру того, как это осуществил в Бельгии А. Д'Энан^е: на фоне вышеупомянутых документов этот недостаток оказывается очень серьезным. Полезный вклад в «расчистку почвы» могли бы внести узколокальные обобщения, наподобие сделанных Иоганном Дуфтом в отношении Санкт-Галлена^ж. Следовало бы также использовать и те, нередко расплывчатые, сведения, которые в состоянии предоставить дипломатика. Что же касается документации, относящейся к сарацинским набегам, то, несмот-

^а Она легкодоступна в версии *English Historical Documents*, т. I, London, 1955 (D. Whitelock), или еще лучше, в сборнике Whitelock, Douglas и Tucker (50).

^б Margaret Ashdown, *English and Norse documents relating to the reign of Ethelred the Unready* (255).

^в F. Kennan, *Sources for the early history of Ireland, I, Ecclesiastical*, New York, 1929; A. O. Anderson, *Early Sources of Scottish History, A. D. 400 to 1286*. Edinburgh, 1922.

^д G. Fasoli, *Le incursioni ungare* (108).

^е A. D'Haenens, *Les incursions hongroises dans l'espace belge* (110).

^ж J. Duft, *Die Ungarn in Sankt-Gallen* (107).

ря на изобилие статей, посвященных этому вопросу, она, за незначительным исключением, до сих пор не получила настоящей научной критики.

Значительная часть наших сведений, имеющих отношение к норманнским нашествиям на континент, проистекает из весьма специфической литературы — житий святых. Агиографическая критика должна следовать собственным законам, которые были замечательно сформулированы болландистами. Никогда не следует доверять сведениям по поводу викингов или бегства их жертв, содержащимся в повествованиях о чудесах или перенесении мощей, не собрав достаточного досье относительно святого или истории его почитания. Такое досье позволит оценить не только аутентичность и оригинальность отрывка (в произведениях этого жанра плагиат является правилом), но, кроме того, историческую значимость персонажа, его культа и мощей. Подобная непростая работа требует особой подготовки. Этим объясняются недостатки многих добросовестных трудов, например, единственного, хотя и довольно заурядного, регионального исследования по истории культов в одном из районов вторжений, принадлежащее канонику Легри^a. О неполноте возможных результатов говорит противоречивость выводов, предлагаемых на одну и ту же тему равно компетентными медиэвистами^b. Образцом критического исследования повествований о перенесении мощей могут служить недавние статьи Пьера Газно о св. Мартине^c или Ж. де Поэрка о св. Мексане и св. Леодегарии^d. Понадобится еще немало работ такого же порядка, прежде чем позволительно

^a Chan. Legris, L'exode des corps saints au diocèse de Rouen, *Revue catholique de Normandie*, XXVIII, 1919, p. 125–136, 161–174 и 209–221.

^b Например, по поводу важного момента в истории скандинавских нападений на Бретань — перенесения мощей св. Маглуара, R. Merlet, *BEC*, LVI, 1895, p. 237–273 и F. Lot, *Annales de Bretagne*, XV, 1899, p. 60–67.

^c P. Gasnault, *Le tombeau de saint Martin* (311).

^d G. de Poerck, *Les reliques des saints Maixent et Léger aux IX et X siècles et les origines de l'abbaye d'Ébreuil*, *Revue Bénédictine*, LXXII, 1962, p. 61–95.

будет решиться на какие-либо обобщения. Беглецы изучены еще хуже, чем их бегство. Хороший пример того, к чему следует стремиться, дает диссертация Габриеля Фурнье об Оверни^а.

Одновременно с критической хронологией желательным было бы взяться за литературную историю военных походов IX–X вв., наподобие той, которую составил П. Курселль о нашествиях на Позднюю римскую империю. Однако для этого историки латинской литературы должны расстаться со своим пренебрежительным отношением к столь поздней эпохе. В том, что на Западе викинги стали литературной темой, сомнений быть не может, но тема эта не изучена. Также плохо нам известно о довольно-таки затейливом процессе возникновения норманнских легенд о нескольких «королях моря», прежде всего таинственного Хастингса, которого, например, Дудон Сен-Кантенский сделал главной движущей силой всех военных операций викингов вплоть до Роллона. Было бы очень поучительно проследить историю Хастингса по хроникам^б. Впрочем, в той же скандинавской традиции параллельно идет аналогичный процесс, отводящий заглавную роль, например, Рагнару Кожаные штаны, предку завоевателей Нортумбрии, историческая реальность которого мало-помалу оказывается все более осязаемой^в. Ожидает изучения еще одна литературная тема — христианского отступника, ставшего приспешником норманнов, — узкая и к тому же знакомая по своему развитию в героическом эпосе^г.

Изучение археологических следов, оставленных викингами на Западе, также недалеко ушло вперед. Им посвящен единственный общий перечень, принадлежащий Хакону Шетелигу и уже довольно сильно уста-

^а Gabriel Fournier, *Le peuplement rural en Basse-Auvergne durant le haut Moyen Age*, Paris, 1962, p. 552–563.

^б Ее набросок дан в кн.: Prentout, *Dudon* (332; 47–110).

^в Эти сведения использованы в кн.: С. Е. Wright, *The cultivation of saga* (284).

^г Например: F. Lot, *Gormond et Isembard, Romania*, XXVII, 1898, p. 1–54.

ревший^а, впрочем, для сегодняшнего состояния наших познаний его цель слишком амбициозна. Еще долго нам придется довольствоваться частными, однако по нескольким категориям очень точными, перечнями узнаваемых предметов. Ничего серьезного нет и в отношении континента. Впрочем, скудость материальных следов, оставленных первыми поколениями викингов за морем, даже в Исландии и на шотландских островах, не перестает вызывать удивление. Нумизматы находятся в лучшем положении, чем археологи, особенно когда речь идет о Британских островах^б; что же касается континента, то списки, составленные Гариелом 80 лет назад, полностью устарели^с, но так и не получили достойной смены, если не считать нескольких районов Германии.

Полную противоположность этой достаточно удручающей картины являют исследования о викингах, ведущиеся на их родине. В настоящее время чуть ли не в полном объеме научно изданы рунические надписи, так же, как и все *saги* и поэзия скальдов. Превосходно изучен, каталогизирован и исследован археологический и нумизматический материал. Образцовые раскопки не перестают обогащать наши познания, и зачастую радикально, пример тому — находки, сделанные в Треллеборге, которые дали нам ключ к пониманию успехов Кнута Великого^д, или в Хельго, которые вот-вот восстаноят картину первых контактов между Швецией и Востоком.

Иными словами, историку, знающему скандинавские языки, больше нечего и желать. Для сведения тех, кто не принадлежит к этому меньшинству, укажем единственный способ получить доступ к некоторым важным документам. Французского читателя, желающего познакомиться с *сагой* и тем, как ее можно использовать

^а H. Shetelig, *Viking Antiquities* (271).

^б J. D. A. Thomson, *Inventory of British Coin-hoards* (234 bis).

^с Gariel, *Les monnaies royales de France sous la race carolingienne*, Strasbourg, 1883.

^д См. ниже, стр. 155.

с точки зрения истории, сегодня ждет только одно затруднение — в выборе^a; кроме того, он может обратиться к коллекции немецких версий, часто замечательных, из сборника *Thule*^b. К несчастью, переложение поэзии скальдов на романские языки невозможно; стало быть, следует прибегнуть, например, к английской обработке^c. Однако необходимо постоянно помнить о законах, которые управляют этими очень специфическими литературными жанрами, и воздерживаться от прямого использования прозаических или поэтических повествований наравне с работами, преследующими историографические цели^d. Что касается рунических надписей, относящихся к викингам, то большой выбор, с переводами, представлен в антологии, завершающей справочник Моссе и Мюссе^e, а еще более обширная коллекция — в исследовании Аридта Рупрехта^f. Наконец, с сокровищами скандинавской археологии можно познакомиться в чуть устаревшем справочнике Шетелига и Фалька^g, или в великолепно иллюстрированной книге Оксенштерны^h.

К последней группе источников можно приступить, лишь обладая одинаково глубоким знанием скандинавского мира и местных обществ там, где викинги укоренились: речь идет об ономастических и лингвистических источниках, имеющих первостепенную важность для изучения этих народов. Впрочем, о неполноте информации, которой от них можно ожидать, уже гово-

^a *Saga de Grettir*, перев. F. Mossé, Paris, 1933; — *Saga d'Egill Skallagrimsson*, перев. F. Wagner, Bruxelles, 1925; — *Saga d'Erik le Rouge*, перев. M. Gravier, Paris, 1955.

^b *Thule. Altnordische Dichtung und Prosa* (72).

^c Например: Lee M. Hollander, *The Skalds* (64).

^d См. предостережение в: Musset, *Les peuples scandinaves* (196; 46–52).

^e Musset и Mossé, *Intriduction à la runologie* (63).

^f Ruprecht, *Die ausgehende Wikingerzeit* (222).

^g Shetelig и Falk, *Scandinavian Archaeology* (199).

^h Oxenxstierna, *Die Wikinger* (214).

рилось^a. Подчеркнем только тот факт, что такого рода исследования могут вести только очень опытные специалисты. Это сфера, где нет места любителям; так, почти все, что было написано о скандинавской колонизации Нормандии до диссертации г-на Адигара де Готрье, можно считать не имеющим силы^b. В этой сфере Англия также продвинулась гораздо дальше вперед, чем континент; она одна предлагает критические перечни антропонимов и топонимов^c. Но многого остается ожидать от сравнительного анализа исследований, проведенных разрозненно в различных скандинавских колониях^d. Что касается изучения лингвистического вклада викингов, то если в английских и кельтских владениях оно прошло достаточный путь, то в Нормандии лишь делает свои первые шаги^e.

Применение собранных материалов возможно, фактически, только в ограниченных рамках. Имеются, особенно в Англии, прекрасные обобщения на локальном^f и региональном^g уровнях, которые могут служить образцами: несмотря на внешнюю непритязательность, они часто освежают видение существенных аспектов истории викингов. Время полномасштабных общих обзоров еще не настало. Если не считать одного счастливого исключения^h, все то, что было опубликовано за последнее время, — это археологические исследования,

^a В кн.: *Les invasions: les vagues germaniques* (87; 256–260).

^b Adigard des Gautries, *Les noms de personnes* (323).

^c Антропонимия: Bjorkman, *Nordische Personennamen* (258); Olof von Feilitzen, *The pre-Conquest personal Names of Domesday Book*, Uppsala, 1937; — топонимия: публикации English Place Name Society по графствам и общий обзор: A. H. Smith, *English Place Name Elements*, London, 1956, 2 v.

^d Ср. Musset, *Pour l'étude* (331).

^e Например, добросовестному очерку Р. П. де Горога, *The Scandinavian Element* (327), недостает самой необходимой базы — тщательного исследования архивных источников.

^f Как работа Биннза *The Viking century in East Yorkshire* (256).

^g Например: Wainwright, *Danes and Norwegians in England* (279) или N. K. Chadwick, *The Vikings and the western world* (288).

^h Книга Сойера *The Age of the Vikings* (215).

чуждые собственно исторической проблематики. Некоторые довольствуются настолько примитивной «периодизацией», что последовательность событий становится почти недоступной^а. Большая часть уделяет недостаточное внимание вопросам государственных институтов и языка и не соблюдает необходимого равновесия между скандинавским и западным аспектами этих проблем.

^а Так, великий датский археолог Бронстед в своем справочнике *Vikingerne* (207) удовлетворяется тем, чтобы датировать политические события IX, X или XI в.!

Глава VI

ПОТРЯСЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

ВИЗАНТИЯ И ВАРВАРЫ

Византийское видение проблемы варваров непосредственным образом продолжает линию греческой античности. Лишь формула, описывающая совокупность всех народов ойкумены, которая ранее звучала как «эллины и варвары», теперь охватывала «римлян и варваров». Считалось, что варвар по определению не способен к порядку, культуре, честным нравам; если он принимал христианство, его именовали более почтительно (ἄλλοφύλος — чужеземец), но едва ли думали о нем иначе.^а В этих условиях немногие авторы утруждались исследованием точных наименований народов, с которыми Империя имела дело на своих границах. Следовательно, в Византии обычай облекать варваров именами античного происхождения был распространен по крайней мере так же, как на Западе. Так, болгар называли скифами, мирмидонами, мисийцами, паннонцами, пайонами; тюрок — саками, массагетами, ахеменидами, скифами, персами и т. д.^б В какой мере эти названия привнесены литературными штампами, которые могли затуманить зрение средневековых историков?

Тем не менее отношения Византии с варварами уже отличались от тех, которые существовали между Римом периода Империи и его врагами. Обычай присваивать

^а Ср. Kilian Lechner, *Bysanz und die Barbaren*, Saeculum, VI, 1955, p. 292–306.

^б Г. Моравчик, *Bysantinoturcica* (120, II; 25–26), составил длинный список этих наименований.

правителям почетные прозвища в память их побед над варварами исчез после Юстиниана, который именовался, без всякой системы, Аламанником, Франциком, Германиком — что, с археологической точки зрения, является чистой бессмыслицей — а также Алаником, Вандаликом, Африканом, что лучше соотносилось с реалиями того времени. Византийский император определяет себя, скорее, через свои отношения с Богом и Церковью, чем через военные триумфы. В своем стремлении к поддержанию относительного мира на границах Империи с народами, не имеющими государственной власти^а, он больше полагается на политику продуманного распределения субсидий и титулов, чем на военные операции. Самым неизменным методом византийской дипломатии было использовать одних варваров против других, создав для опасного соседа врагов, которые бы атаковали его с тыла, избавляя Византию от затруднений, связанных с прямой войной. У этого метода была своя опасная сторона: не один раз на волне своего натиска новоприбывшие народы вытесняли уже образумившихся соседей и начинали опустошать византийские земли. Но в целом он был действенным. Можно обнаружить любопытные аналогии между этой политикой и тем, как традиционно относилась к варварам Китайская Империя. Некоторые авторы (особенно Р. С. Лопес) настойчиво подчеркивают сходство методов контроля за контактами, осуществлявшимся на границах этих двух империй: в обоих случаях одной из основополагающих идей всей внешней политики кажется представление о фундаментальном, неисправимом неравенстве между императором, византийским или китайским, и царьками внешних государств.

^а Ср. Lemerle, *Invasions et migrations* (147; 179, п. 2). Это менее верно для персидской, или, позднее, мусульманской границы, которая разделяла два государства, стоявших на сопоставимом уровне.

ВОСТОЧНО-РИМСКИЙ МИР

Во времена Юстиниана Восточная империя еще почти в равной мере принадлежала к латинской и греческой Европе. В то время как столица и крупнейшие города (Фессалоники, Андрианополь) говорили на греческом, почти весь древний *Иллирик* и все Подунавье к северу от линии, которая начиналась на адриатическом побережье к северу от Дураццо, пересекла верхнюю Македонию, проходя к югу от Скопьи, к востоку от Ниша, а затем к северу от Софии, и шла на некотором расстоянии к югу от Дуная до Добруджи, были латиноязычными. Безусловно, это были более бедные и менее защищенные земли, но у них была своя столица, Сирмий, они составляли заметную часть армии, а император, сам будучи македонянином латинского происхождения, озарял их лучами своей славы. Несмотря на разгром, учиненный всеми теми варварами, которые сменяли друг друга после ухода готов, этот балканский и дунайский уголок римского мира не казался непременно обреченным. Однако причиной его гибели, парадоксальным образом, стало то же самое страстное влечение к Риму, которое вдохновляло Юстиниана. С дунайской границы была отозваны войска, чтобы с их помощью отвоевать Запад и защитить Восток. За этим последовала ужасающая катастрофа: восточная часть римского мира почти на тысячу лет поверглась в пучину, в которую современные историки, кажется, еще практически не заглядывали. Когда же снова появились проблески света, на поверхности оставались видны лишь осколки латинского мира: один — в полной сил Румынии, которой возрождение сулило блестящее будущее, другие — почти обескровленные и обреченные на исчезновение, в Далмации, Македонии и на греко-албанских границах. Главные из них, к большому удивлению, лежат за пределами того балканского римского мира, каким его можно было

видеть в начале VI века^а. Здесь кроется загадка, ключ к которой найти непросто.

Участь дунайского римского мира — это одна из наименее изученных и вызывающих наиболее острые споры проблем европейской истории. По причине своего современного политического резонанса, тезис о том, что его наследниками являются румыны, уже в течение целых поколений оказывается в центре далекого от учтивости спора между венгерскими и румынскими историками. Несмотря на то, что поиск каких бы то ни было указаний производился со всем возможным тщанием, следует признать, что улов оказался скудным. Связь, соединяющая сегодняшних румын с древним Римом, остается, как писал Ф. Лот, «исторической загадкой и чудом».

Первое разногласие вызывает вопрос о распространении римского влияния к северу от Дуная. Сердцем имперской Дакии являлась современная Трансильвания; именно там находились все города. Включала ли эта область, населенная и организованная Римом, и соседние равнины? Позитивные указания встречаются только в отношении Олтении и Баната. В какой мере латинизация могла затронуть Дакию? Римская администрация действовала там лишь чуть более ста пятидесяти лет; правда, присутствие гарнизонов и работа рудников привлекала многочисленных переселенцев. Однако существует известный текст из *Истории Августина*^б, подтверждающий, что около 271 г. Аврелиан вывел от Дакии «войска и жителей провинции»; Евтропий подтверждает это и добавляет, что император поселил в центральной Мезии, переименованной в Дакию ради сохранения римского престижа, беженцев «приведенных из городов и деревень Дакии». Это кажется ясным и определенным. Однако аналогичный пример Норика, откуда население было официально эвакуировано при

^а Современная Румыния не входила в Империю Юстиниана (кроме Добруджи, которая не стала хранилищем латинства), а горы Пинд, должно быть, принадлежали к греческой лингвистической области.

^б Vie d'Aurélien, гл. XXXIX.

Одоакре⁸², заставляет насторожиться: он доказывает, что даже после организованного отступления империя оставляла позади себя значительные островки римской жизни.

В общем, на основании *Жизнеописания Аврелиана* и отсутствия вплоть до XII в. какого бы то ни было надежного свидетельства о существовании на территории современной Румынии народа, говорящего на латыни, венгерские историки заключают, что эти земли полностью пустовали. По их мнению, предками румын были валахи с Балкан, пришедшие в область к северу от реки по призыву средневековых венгерских королей. Румынские авторы в ответ заявляют, что было бы странно, если бы два факта — то, что Трансильвания была одновременно цитаделью античного римского мира в Дакии и исторической колыбелью румынского народа, — не были бы взаимно связаны; потому они верят, что в горах Трансильвании, непонятно каким образом, сохранилось латиноязычное пастушеское население, не имеющее политической организации (впрочем, в средние века сведений об этих областях было необычайно мало).

Зато, благо, современные политики в этом не заинтересованы, никто не оспаривал преемственности между римскими поселенцами Дакии, отчасти принадлежавшими к группе беглецов 271 г., и румынами Тимока, и между римлянами верхней Македонии и аромунами или кутцо-валаками Пиндов и Фессалии (македорумын), хотя случай этих последних также подразумевает серьезные миграции.

Археологические исследования этих феноменов не увенчались особым успехом. Они лишь установили, что римляне до IV в. сохраняли на северном берегу Дуная достаточно многочисленные гарнизоны, некоторые даже до V в. и еще позже: например, Суцидава в южной Олтении, возможно, продержался до VI века. Похоже, что к югу от реки, несмотря на опустошительные набеги III и IV вв., крупным городам — Наиссу, Сирмию,

Сингидуну — удалось сохраниться вплоть до нашествия авар во второй половине VI века.

Несомненно, следует настаивать на аналогии, имеющей место между судьбами двух ветвей румынского народа; в обоих случаях уничтожение городской жизни и политических структур вызвало одну и ту же защитную реакцию: «переход к земледелию», возврат к до-римским земледельческо-животноводческим формам^а. Этот процесс начался при Аврелиане в большей части Дакии, при Юстиниане и его первых преемниках — к югу от Дуная, но, по своей сути, он идентичен. После него уцелела лишь небольшая часть населения. Земля в основном оказалась заброшенной, этим и воспользовались славяне. Что касается долгого безмолвия, которое окутывает северных румын до XII в., то оно не более удивительно, чем то, которое в течение еще более длительного времени скрывает истоки албанского народа, другого до-славянского осколка, обнаружившегося в западном *Иллирике*^б.

Целый ряд «валахских» островков (греч. *Blachoi*, нем. *Walchen*) (о которых мало что известно), сохранившихся по всему дунайскому предгорью, от Швабии до Трансильвании, следует рассматривать как одно целое^с. Самые западные были в конце концов германизированы, а находившиеся в центре — затоплены мадьярским нашествием. Сохранились только те, которые распола-

^а Именно это является основной идеей Е. Лозована, *Romains et Barbares sur le moyen Danube*, в кн.: Franz Altheim, *Geschichte der Hunnen*, т. II, Berlin, 1960, s. 225–244; ср. также Günter Reichenkron, *Die Entstehung des Rumänentums nach den neuesten Forschungen*, *Südostforschung* (Munich), XXII, 1963, s. 61–77.

^б Цепочки свидетельств, касающихся румын Дакии и Македонии находятся в явном противоречии. По поводу территории к северу от Дуная между III и XI вв. нет ни одного текста; к югу сохранились некоторые топонимы (*Дуросторум/Силистра, Наусс/Ниш*), и можно сослаться на некоторые тексты, собранные Вольфом, *The second Bulgarian Empire* (97; 203–206).

^с По поводу западных аспектов этого феномена (Норик и Паннония), см. нашу книгу *Les vagues germaniques* (87; 179–180).

гались на востоке и юге. Настоящая загадка состоит не столько в факте их выживания, сколько в необычайном демографическом богатстве этих островков в Трансильвании, в то время как аналогичные анклавные территории на Балканах лишь постепенно хирели. Однако этот стремительный рост населения не относится к периоду вторжений, а, по-видимому, датируется XII–XIII веками.

МНОГООБРАЗИЕ СЛАВЯНСКОГО МИРА

Представление об общности своих интересов было присуще славянским народам раннего средневековья в еще меньшей степени, чем германцам в период после окончания первой волны завоеваний^а. Без сомнения, территориальная и лингвистическая сплоченность оставалась относительно большой^б. Однако после VI в. уже не следует рассматривать славян как единое целое, а главное, стоит остерегаться постоянного противопоставления «германцев» и «славян» как сложившихся и, естественно, антагонистических общностей. Лингвистические концепции не лишены своей полезности, но они не должны переноситься на экономическую и даже политическую сферы. Так, польские и чешские вожди X в. руководствовались отнюдь не идеей создания национальных славянских государств, а стремлением занять среди европейских государей место, хоть сколько-нибудь сопоставимое с тем, которое отводилось германским локальным правителям, в то время как равенство же с императором, очевидно, было недостижимым. Это отсутствие национальной славянской иде-

^а На этом очень настаивает Граус в книге *Verfassungsgeschichte* (131); представление о солидарности славян является плодом научных спекуляций, начиная с XIII века.

^б Тем более что долгое время между северными и южными славянами продолжали существовать «мосты» через сегодняшние венгерские и румынские владения; еще в начале нашего (XX) века хорваты Бургенланда, болгары Добруджи и Бессарабии поддерживали эти связи.

ологии, по мнению византинистов, само собой разумеющееся в ранние эпохи, еще слишком часто недооценивается историографией Центральной Европы.

Повторим также, что не существует «общеславянского права», что почти отсутствуют общеславянские государственные институты, и что от края до края обширных славянских владений практически не найти характерного славянского археологического пласта. Нет также никакого отчетливо индивидуального славянского стиля в искусстве. Лишь греческое христианство придало всей той части славянского мира, которая его приняла, мощный фактор интеллектуального единства — общий церковный и литературный язык, старославянский, который сохранял все свое значение вплоть до начала XVIII века. Народы, примкнувшие к католицизму, приняв латинскую культуру, которая затронула лишь узкие элиты, не испытали на себе такого влияния.

Балканские славяне, без сомнения, были не столь разобщены. Единый образ жизни было неизбежным для всего сельского населения полуострова, будь оно славянским или нет, также обстоит дело и у моряков Далмации, как славян, так и латинян. Усвоение византийской культуры большинством балканских славян еще усилило это единство, до такой степени, что все те различные политические структуры, которые они образовали вплоть до наших дней, всегда отличались чрезвычайной аморфностью. Даже религиозного барьера, который в IX в. отделил словен и хорватов, ставших католиками, от остальных балканских славян, оказалось недостаточно, чтобы разорвать лингвистическое единство югославов.

Безусловно, именно у западных славян расхождение достигло своей вершины. Взять хотя бы два очень близких народа, чехов и поляков, у которых уже первые исторические источники свидетельствуют о яростной взаимной вражде. Неистовые распри ускорили гибель славян между Эльбой и Одером^а, а их соседи в Польше

^а Уже франкские *Королевские Аппалы* за 808 г. настойчиво твердят о *antiquae inimicitiae* (извечной вражде) между велетабами и ободритами.

и Богемии и не подумали протянуть им руку помощи во время немецкого завоевания. С экономической точки зрения мало что объединяло польскую равнину, ориентированную в сторону Балтики, как об этом свидетельствуют находки монет, практически идентичные шведским, и Богемии, взоры которой были устремлены на среднюю Германию и Дунай. Торговые и ремесленные города, вокруг которых строились польское и чешское государства — например, Ополе в Силезии, с сотнями домов, мастерских и складов, расположенных в соответствии с правильным планом, — коренным образом отличались от мощных моравских замков, населенных лишь небольшим количеством воинов, человек по триста, как полагают археологи в отношении наиболее важного из этих поселений под названием Микульчик. Даже среди этих городов следует особо выделить группу балтийских портов (Волни в Померании, Рерик у ободритов), более близких к скандинавским портам, чем к внутренним *городам*. Пока мы не располагали ничем, кроме рассказов редких путешественников, однородность западнославянского мира была удобным литературным штампом, однако стремительный прогресс археологии каждый день подтачивает его, предоставляя все больше и больше данных о местных особенностях.

Что касается русского мира в период раннего Средневековья, который, не будем забывать, соотносится, скорее, с современной Украиной, чем с древней Москвой, то он больше чем наполовину поддался притягательной силе степей. Военные операции Святослава и Олега на Балканах и Волге, или таинственная авантюра в Тмутаракани сближают русских, скорее, с болгарами или аvaraми, чем с западными славянами, в то время столь прочно привязанными к своему родному краю. Не отрицая сущностного единообразия городского горизонта, который протянулся от Одера до Дона, следует подчеркнуть сходство между городами Киевской Руси и хазарского каганата, и даже между некоторыми государственными институтами этих двух стран^a. Ле-

^a См. стр. 74.

систый север походил на финский мир. В конце концов эти различия еще усугубились под влиянием варягов (чью степень трудно оценить), которое, несмотря на некоторые отжившие теории, ограничивалось одной Русью.

На возникновение разнообразия среди славян неоднородность до-славянского населения почти не повлияла, разве что на Балканах, где эта часто вызывающая споры проблема встает в чрезвычайно сложной форме, главным образом по поводу тех особенностей, которые делают болгарский наиболее своеобразным из славянских языков. Исследования уже проведены по многим направлениям. Некоторые из этих особенностей, общие для балканских языков различного происхождения, определенно связаны с влиянием греко-византийского языка, лежавшего в основе культуры того времени и известного по всему полуострову. Другие, менее очевидные, несомненно, восходят к тюркскому языку палео-болгар. Однако большинство специалистов допускают также влияние либо латиноязычного населения, обитавшего в VI в. на берегах Дуная^a, либо даже фракийского, еще не исчезнувшего во времена нашествия славян. В обоих случаях, около VII–IX вв. следует предполагать достаточное распространение двуязычия. Обычно же расхождение диалектов по-настоящему набирало силу только после консолидации национальных государств и Церквей.

ВОКРУГ БАЛКАНСКИХ СЛАВЯН

За последние полтора века немного найдется исторических споров, которые бы вызывали такие страсти, как полемика по поводу славянизации Греции между VII и IX веками. Она началась в 1830 г. с того, что немец Фалмерайер выдвинул парадоксальную теорию,

^a *Auty, Community and divergence* (121; 262).

согласно которой большая часть полуостровной Греции и, в частности, Пелопоннес, была полностью славянизирована, и все следы древнего эллинизма оказались стерты, а эллинизм средних веков стал результатом повторного заселения. У греческих медиевистов этот тезис вызывал непрестанное возмущение, но, в свою очередь, они склонны недооценивать место славянской темы в истории своей страны.

Источники редки и посредственного качества. Прежде всего у нас есть два латинских текста того времени, но написанных в Испании, — это воспоминания Иоанна Бикларского о падении и запустении фракийских городов в 576 г., и гораздо более внятное сообщение Исидора Севильского, который в 615 г. пишет: «Славяне изгнали греков из римских земель». Английский текст VIII в., житие св. Виллибальда, указывает на то, что в 725 г. город Монемвасия на южной оконечности Пелопоннеса находился на «славянской земле». Греческие тексты по большей части относятся к более позднему времени и плохо поддаются датировке — это одно краткое переложение Страбона, согласно которому славяне занимали весь Эпир и почти всю Элладу; письмо патриарха Николая III, составленное в X в., которое объявляет, что в течение 218 лет (589–807 гг.) ни один имперский чиновник не ступал на землю Пелопоннеса; и, в придачу, хроника Монемвасии (XV в. ?), составитель которой претендует на знание точных направлений эмиграции древних обитателей. Остается неоспоримый, но довольно расплывчатый источник — отрывок из Константина Багрянородного о Пелопоннесе: «вся страна была славянизирована (или: порабощена ?) и стала варварской». Все это свидетельствует о глубокой славянизации, и ничего, говорящего об обратном столь же ясно, нет; однако всем этим источникам чрезвычайно не хватает хронологических и географических подробностей. В результате остается поле для полемики.

Свет, которого не дает толкование нарративных источников, безусловно, могут пролить ономастические исследования, наподобие тех, которые предпринял Макс

Васмер^a, изучение административной истории, как предлагают Лемерль и Острогорский^b, и, главным образом, археология, которая, наконец, решилась оторвать свой взгляд от классической античности. Тезисы, сформулированные в главе II, представляют собой всего лишь рабочие гипотезы, близкие к мыслям Чараниса и Бона^c.

Аналогичные споры, но в более ограниченном масштабе, между итальянскими и югославскими историками в свое время вызвала участь Далмации. Как кажется, сегодня в этом вопросе вновь воцарилась ясность. Представляется, что после VII–VIII вв. латинское (далматинское) население сократилось до уровня разрозненных островков, тянувшихся вдоль побережья от Триеста до Каттаро (Котор), или у нижних отрогов гор («морлаки» или «черные валахи»). Никогда оно не образовывало римского «блока» для сопротивления славянам; самые «римские» города X в. насчитывали значительный процент славян, и наиболее острыми были противоречия социального (торговцы и горожане против крестьян), а не этнического порядка. В обстановке такого же полного безразличия угас в 1898 г. на острове Веглия (Крк) далматинский язык. То, что к 1945 г. еще оставалось от иллирийского римского мира, оказалось надолго отторгнуто от Балкан, чтобы подчиниться итальянскому национализму.

Как и в случае Пелопоннеса позднейшие источники претендуют на осведомленность обстоятельств бегства прежних жителей от славян. Лишь два события являются достоверными: отступление жителей Салони в укрепленный дворец Диоклетиана в нескольких

^a Vasmer, Die Slaven in Griechenland (152).

^b Lemerle, Invasions et migrations (147; 308); Ostrogorsky, Byzantium and the South Slavs (149). По поводу пользы, которую можно извлечь из строения грамматических основ, см. выше стр. 58; одновременно необходимо провести исследование по поводу возрождения епископских кафедр: так, основание в 805 г. митрополии в Патрах, безусловно, означало восстановление мира.

^c Charanis, On the Slavic settlement (140); Bon, Péloponnèse byzantin (137).

километрах к востоку от их города, что дало начало г. Спалато (Сплит), и жителей Эпидавра — в Рагуз (Дубровник). Факт эвакуации населения в Италию также не вызывает сомнений. Мы располагаем и несколькими более надежными указаниями на то, что беглецы обосновывались на п-ове Истрия^а.

Как случилось, что славяне, выходцы из самого что ни на есть сухопутного центра Европы, на Балканах, достигнув Эгейского моря и Адриатики, превратились в смелых моряков и пиратов? Те же способности обнаружили два века спустя и русские, ведомые варягами на штурм Константинополя. Это свойство превращаться в умелых мореплавателей, похоже, проистекает из длительного знакомства с великими реками Восточной Европы. Во всяком случае, моноксилы, славянские лодки периода их первых набегов, выжженные из целого древесного ствола, представляются, скорее, речными или озерными судами, чем морскими^б. Не менее любопытно то, что славяне Македонии и их соплеменники в Греции стали утрачивать эти способности очень скоро после переселения. Эта проблема заслуживает того, чтобы к ней вернуться.

По поводу растущего приспособления балканских славян к оседлой жизни поблизости от городов существует очень богатый сведениями текст: «Чудеса св. Димитрия», покровителя Фессалоник^с. Приблизительно в конце VII в. складывается примечательный симбиоз между этим крупным городом, который остался греческим, и славянскими племенами из его окрестностей. Между ними шел активный товарообмен, и славянские

^а До 599 г. епископство Аэмоны (Любляна в Словении) было переведено в Циттанову на западном побережье; возможно, епископство Поетовио (Птуй) переместилось в Педену в центрально-восточной части Италии; реликвии из Целеи (Целе) нашли пристанище в Пиране, а реликвии Паренцо увезли в Рим.

^б Многие авторы сомневаются в том, что эти пироги могли служить и на море, но никакого другого удовлетворительного решения до сих пор не предложено; ср. D. Obolensky в кн. Constantin Porphyrogénète, De administrando imperio, ред. Moravcsik (2; II; 23–25).

^с P. Lemerle, La composition (146).

вожди приобщались в городе к эллинизму. Именно этим мирным соседством объясняется возникновение и успех миссии св. Кирилла и Мефодия.

Было бы неправильно ограничивать проблему варваров в Греции одними славянами. Конечно, они составляли преобладающую массу переселенцев. Однако в крупных военных операциях и взятии городов они, по-видимому, играли лишь роль подчиненных, ибо, в ожидании варягов IX в., служили амбициям авар и болгар. То, что нападения на Фессалоники велись разными способами отчетливо прослеживается в «Чудесах св. Димитрия». Именно неславянские народности изредка пытались скоординировать свою атаку с запада с персидскими или мусульманскими атаками (на Византию в 626 г., на Патры в 783 г.).

Славянские походы в Македонию при Ираклии ставят перед нами последний вопрос, который мы не будем здесь рассматривать, и по которому византилисты так и не пришли к единому выводу: какая существует связь, если она есть вообще, между болгарским ханом Кубратом, неким Кубером, вождем группы людей, взбунтовавшихся против авар в окрестностях Фессалоник, и именем «хорваты»? Грегуар^а верил в тождественность этих трех имен, но в целом не встретил поддержки. Так что мы не будем принимать во внимание эту хитроумную гипотезу.

ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ И ГЕРМАНО-СЛАВЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Археологическое изучение поселений западных славян прошло замечательный путь. В Польше, Чехии и восточной Германии растет количество раскопок, проведенных в деревнях и крепостях. Они показывают, что глубокая пропасть отделяет славянский период от предшествующих времен, в то время как славянские поселения раннего Средневековья чаще всего стояли у

^а Н. Grégoire, L'origine et le nom (143).

истоков современных городов. Именно славянской эпохой датируются, в своём большинстве, характерные черты сельской топографии и топонимии.

Однако было бы неблагоприятно, как это предлагает Мейцен^a, приписывать славянам все те особенности сельской географии, которые в Германии противопоставляют восток западу. Сначала оригинальной и типично славянской формой были сочтены круглые деревни с центральной площадью и расходящимися от нее дорогами (нем. *Rundplatzdorf*, чешск. *okrouhlice*); затем пришлось отказаться от этой точки зрения, так как многие из таких деревень возникли в результате последующей колонизации в XII веке. Разнообразие сельской местности в разных регионах чрезвычайно велико, и для того чтобы правильно его понять, необходимо прибегать к самым разным методам исследования.

Пример благоприятного использования археологических данных дает Х. Янкун в отношении восточной Голштинии^b. Когда около VII в. туда прибыли славяне-ободриты, страна была пустынной и покрытой лесом. Они обосновались по берегам озер и рек в небольших деревушках, часто круглых по форме, занимаясь земледелием и рыболовством. До самого VIII в. у них почти не было враждебных контактов с саксами западной Голштинии, от которых их отделяла полоса земли, нарочно оставленная незаселенной. На балтийском побережье наблюдалась ограниченная торговая активность, ориентировочная на Данию и Хедебю. Столкновений между германцами и славянами не было до тех пор, пока место независимых саксов не занял Карл Великий.

Благодаря Ф. Лютге превосходные результаты о восточных границах Тюрингии дала разработка наиболее древних хартий и топонимии^c. Славянская колонизация

^a August Meitzen, *Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen*, Berlin, 1896, 3 т.

^b Die Wenden in Ostholstein, в коллективном труде *Geschichte Schleswig-Holsteins*, v. III, Neumünster, 1957.

^c Friedrich Lütge, *Die Agrarverfassung des frühen Mittelalters im mitteldeutschen Raum*, Jena, 1937, 32–71 (тенденция приуменьшать плотность славянского населения).

определенно началась до 630 г., когда о ней впервые упоминается в источниках. Периодическая военная угроза со стороны славян, сначала сдерживаемая королями Австразии, продолжалась с VII по X век. Однако после Карла Великого славянский натиск облекся в другую форму — проникновение поселенцев и рабов, которых с удовольствием принимали немецкие сеньоры, нуждавшиеся в рабочих руках для распашки целины. Так, на границе со славянскими землями был создан своеобразный гласис из смешанного населения, где правящая верхушка была немецкой, а низы — славянскими. На этой волне возникла оригинальная и динамичная среда организаторов колонизации, которые после XII в. оттеснили независимые славянские поселения далеко на восток.

На северо-востоке Баварии (Верхняя Франкония и Верхний Пфальц), в своей высшей точке, около VIII в., славянский напор достиг восточных границ Бамберга, Нюрнберга и Регенсбурга^а. Эти славяне двигались в основном с севера и северо-востока; поскольку страна была практически оставлена баварцами, они заняли лесистые холмы, в то время как германцы сохраняли более прочные позиции в долинах и удерживали все важные пересечения торговых путей, где позднее стали развиваться города. Об этих поселенцах известно только из топонимии, так как здесь славяне никогда не обладали политической силой и не представляли военной угрозы. Каков был их юридический статус? Свободные люди или полузависимые поселенцы? По этому вопросу лингвисты и историки не могут прийти к согласию. В 1100 г., после трех веков стабильности, началось продвижение на восток германской колонизации, которая скоро достигла границ Чехии.

Сохранение славянских черт на востоке Германии столь разительно, что трудно объяснить, каким образом у многих авторов могла получить распространение мысль об уничтожении или отходе славян после

^а Ernst Schwarz, Sprache und Siedlung in Nordostbayern, Nuremberg, 1960.

XII века. В действительности, в большинстве случаев имело место всего лишь разложение и ассимиляция малочисленного славянского населения. Чтобы прийти к этому результату, не было нужды даже в немецком владычестве: этот процесс шел и на территориях, которые, как, например, Померания и Силезия, на протяжении всего Средневековья сохраняли свои славянские правящие династии. Эта славянская составляющая, столь ощутимая на востоке, была одной из фундаментальных черт Германии вплоть до 1945 г.; как пишет В. Шлезингер, *Germania Romana* («Романская Германия») на западе и юге имела своим зеркальным отражением *Germania Slavica* («Славянскую Германию») на востоке^a.

Решающий поворот, положивший начало этому процессу, относится к временам Оттона Великого. Преуспев в своих завоеваниях в Саксонии, Каролинги осознали своеобразие славян и сознательно остановили их продвижение в непосредственной близости от лингвистической границы. После этого они удовлетворились достаточно туманным протекторатом над этими «варварами», которых именно этим словом клеймят в множестве текстов. Однако в ходе X в. Империя снова вспомнила о вселенских притязаниях, и *Склавиния* получила на Востоке место, симметричное тому, которое на Западе занимала *Галлия*, то есть романская часть Лотарингии^b; сам Оттон, помимо своего родного языка, немного знал славянский и романский. Впоследствии, эти восточные владения могли привлекать больший или меньший интерес, но в течение Средних веков никогда не исчезала мысль о том, что славяне, даже при полном сохранении своего национального языка, как, например, у чехов, могли бы претендовать на собственное место в структуре империи, если бы только

^a Walter Schlesinger, *West und Ost in der deutschen Verfassungsgeschichte*, в кн.: *Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte*, Göttingen, II, 1963, p. 233–253, 237.

^b Как показывает известная миниатюра из Евангелия Оттона III в Мюнхенской Библиотеке, на которой изображены четыре женщины — *Рим*, *Галлия*, *Германия* и *Склавиния*, приносящие дары императору.

стали христианами. Следовательно, немецкое вторжение в славянские земли часто носило характер взаимопроникновения в лоне одной и той же политической формации, и этот аспект почти так же важен, как и аспект насильственного завоевания. Им объясняется та прихотливость очертаний, которую до наших дней сохраняет германо-славянская лингвистическая граница почти на всем своем протяжении.

БОЛГАРСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

За неимением источников исследователь, изучающий историю протоболгар до их обращения в христианство, по большей части сталкивается с неразрешимыми проблемами, что не позволяет ему делать уверенные выводы. То же относится и к славянизации этого тюркского народа. Имело ли место у болгар после их переправы через Дунай долгое соперничество между воинственным тюркским кланом, оплотом язычества и антигреческих настроений, и славянизированной частью, восприимчивой к влиянию Константинополя и христианства? Так обычно считается; тогда языческую реакцию 889 г. следует связывать с непродолжительным возвращением к власти тюркского элемента. Однако, судя по ономастике, со времен Крума славяне проникали в правящие слои. Удержимся на некоторой дистанции от этих слишком упрощающих этнических гипотез.

Во всяком случае дух первой Болгарской империи не имел в себе ничего славянского. В этом убеждаешься, читая надписи Омуртага в Преславе (821 г.) или Персиана в Филиппах^a: для них характерны имперские замашки и вызывающее высокомерие по отношению к христианам, что полностью расходится с тем безмол-

^a Fr. Dvornik, Deux inscriptions Gréco-bulgares de Philippes, Bull. de correspondance hellénique, LII, 1928, p. 125-147; ср. также Lemerle, Philippes (93; 135). Дата: около 837 г.

вием и незаметностью, которые во всех остальных случаях были характерны для продвижения славян. Это состояние духа, которым объясняется принятие в 913 г. Симеоном титула *василевса*, по-видимому, было личным вкладом протоболгарского элемента. Оно послужило цементом и закваской этому удивительно сложному человеческому материалу, им же, в значительной мере, объясняется успех и устойчивость болгар, несмотря даже на то, что они забыли свой национальный язык и культуру.

Как представляется, подлинная проблема состояла не в соперничестве тюрков и славян, тем менее заметной, что вплоть до конца IX в. единственным языком культуры, как для язычников, так и для христиан, был греческий. Вопрос состоит, скорее, в том, чтобы узнать, каким образом эта доминирующая идеология могла бы найти наилучшее выражение. В рамках ли архаичного и языческого, чисто болгарского государства, как, по-видимому, полагали первые ханы от Крума до Персиана, или же в форме политического и религиозного универсализма, перенятого у официальной византийской идеологии, как того желали Борис и Симеон? Как хорошо показали Йорга и Долгер, эти цари сделали выбор в пользу последнего решения, желая осуществить своего рода *translatio imperii* («переход империи») от греков к болгарам, и в конце концов претерпели неудачу^а.

Разумеется, невольно, но болгарский эпизод сыграл определяющую роль в славянизации Балкан. Славяне переправились через Дунай, заселили Мезию, Фракию и Македонию еще до вторжения болгар. Однако тогда они еще были всего-навсего элементом, надстроенным поверх невероятно разношерстного населения. Именно Болгарская империя благодаря своей прочной военной, а затем церковной структуре добилась объединения этого месива. И поскольку в 893 г. болгарская Церковь решительно восприняла славянский в качестве литургического языка (вместо греческого), это объединение

^а См. прежде всего: Dölger, *Bulgarisches Zartum* (88).

обернулось в пользу славян. Его избегли лишь скотоводы-валахи с высоких гор и греки из прибрежных городов.

Болгаро-славянская цивилизация имела значение, которое заметно выходило за достаточно зыбкие рамки первой Болгарской империи. В X в. русские, еще язычники, несколько раз пересекали Болгарию в ходе своих походов против Константинополя. Там они усвоили уроки, которые принесли свои плоды в Киеве после крещения Руси в 989 году. Одно из недавних исследований снова и снова настаивает на глубине этих контактов, которые оказались решающими не только в интеллектуальном и религиозном плане, но и в искусстве, технике и экономической жизни^a. Политический опыт болгарских царей, приобретенный под сенью Византии, не был упущен великими русскими князьями.

^a A. D. Stokes, *The Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevitch*, *The Slavonic and East European Review*, XI, 1962, 466–496.

Глава VII

ВИКИНГИ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

УСПЕХ ОДНОГО НАШЕСТВИЯ

В ПОИСКАХ ПРИЧИН СКАНДИНАВСКОЙ ЭКСПАНСИИ

Размышляя о впечатляющем взрыве жизненной энергии у скандинавских народов между VIII и XI вв., нельзя не задаться вопросом о его причинах. Это делали и средневековые авторы: Дудон Сен-Кантенский⁸³ ссылается одновременно на полигамию, как фактор возникновения перенаселения (что является явной социологической ошибкой), и практику «священной весны»^a; другие авторы раздумывают о ненависти к христианам или, проще, о неумеренной любви к чужому добру. Нам все это кажется наивным, но если мы даже и лучше формулируем свои гипотезы, то они, увы, не всегда бывают надежно обоснованными.

Обратимся к скандинавской традиции. Рунические тексты, единственный современный источник (исключительно второй волны), упоминают только об одном мотиве, который беззастенчиво красуется в шведских надписях, часто вырезавшихся для только что разбогатевших скандинавов: это были поиски золота. Прочитаем текст на камне из Гринсхольма в Упланде: «Они отважно отправились вдаль искать золото, и на востоке они стали добычей орлов»; из Улунды: «Он отбыл, исполненный отваги, и далеко в Греции обрел бо-

^a Dudon, ред. Lair (44; 129–130).

гатства для своего сына»; из Веды: «Торстен воздвиг этот камень для Эринмунда, своего сына; он приобрел этот хутор, а богатство это добыл на востоке, на Руси». Добавим к ним надписи, которые похваляются участием в сборе «датских денег», всякое сомнение исчезает: движущей силой для варягов и викингов, действительно, было желание обогатиться. Саги, созданные гораздо более позже, предлагают два или три других мотива: страсть к приключениям и славе (наверняка очень сильная; участие в нескольких экспедициях было необходимым элементом воспитания вождя при переходе из отрочества в юношество); частенько объявление вне закона (обычное для скандинавского права наказание; это-то и было причиной, забросившей Эйрика Рыжего в Гренландию); наконец, желание сохранить свою независимость перед лицом королевской власти, стремившейся к укреплению своего авторитета.

Этот последний мотив мог быть лишь частичным. Он начисто отсутствует в шведских (короли Упсалы были воплощением политического бессилия) и в большинстве датских экспедиций, которые часто имели характер государственной военной операции. И только в норвежской среде мы встречаем ссылки на него с обилием явно убедительных деталей: в последней четверти IX века притязания Харальда Прекрасноволосого вынудили пуститься в морское путешествие вождей западной Норвегии, не терпевших никакого подчинения, вместе с их приверженцами. В этом еще нет ничего невозможного, однако саги, которые отражают недоверчивый индивидуализм средневековой Исландии, определенно, преувеличивают, приписывая королю намерение конфисковать наследственные владения. Иными словами, недоверие и враждебность местных вождей по отношению к королям-объединителям могли способствовать эмиграции, однако этот фактор был лишь вторичным и позднейшим (великая победа Харальда датируется 872 или 885 г.). Просто уже существовавшие колонии получили подкрепление за счет важного аристократического элемента.

Изучение франкских анналов подсказывает, что определенную косвенную роль сыграли политические фак-

торы. Франкская экспансия дважды пошатнула традиционное равновесие прибрежных стран Северного моря. Первым из этих потрясений стало уничтожение фризского государства Карлом Мартеллом в 734 г. с последующим покорением его торговых центров. Оно, безусловно, облегчило датские походы на запад, ибо фризы утратили господство над Северным морем. Далее, с того дня, когда, завоевав Саксонию, франки переправились через Эльбу и начали навязывать свое железное владычество и насильно обращать Нордальбингию (современную Голштинию), Дания перестала ощущать прямую угрозу. В 808 г. король Готфред предпринял робкую попытку ответного шага, напав на славян-ободритов, союзников Карла Великого, и блокировав ютландский перешеек у основания при помощи защитного крепостного вала, Дансвирке. В 810 г. развязываются прямые морские нападения на прибрежную полосу Франкской империи; они оказываются прибыльными и вскоре повторяются. Эта цепочка достаточно логична. Но ни у Норвегии, ни у Швеции не было ни малейшего повода, чтобы вмешиваться в эти военные действия, в которых участвовали датчане.

Следовательно, ключ к этому феномену нельзя напрямую искать в текстах. Поэтому историки обратились к археологам. Они же провели исследования по трем направлениям: перенаселение, ухудшение климата и революция в навигационной технологии.

Перенаселение, как выяснилось, действительно существовало в Норвегии. Раннее Средневековье отмечено сильной демографической экспансией, которая сначала заполнила все долины, а в эпоху Меровингов хлынула в горы, использовавшиеся для охоты, а позднее для кочевого скотоводства. Этот процесс достиг своего предела в эпоху викингов, когда в употреблении оказалась большая часть пространства, доступного средствам того времени. Однако эмиграция не была единственным возможным исходом: очень простое решение могла бы обеспечить, например, интенсификация рыболовства. В Швеции имелись почти неограниченные возмож-

ности для распашки целинных земель. Дания же, судя по редкости находок, в VIII в., по-видимому, переживала не расцвет, а упадок. Что касается ухудшения климата, то думать об этом нет нужды: согласно первым сообщениям поселенцев Исландии и Гренландии, Арктика в IX–XI вв. переживала период потепления.

Остается революционное улучшение навигационных технологий. Оно не вызывает сомнений; однако оно не было исходной причиной экспансии: им объясняется лишь ее быстрый успех.

В целом, истинный двигатель викингов следует искать, скорее, в идеологии и социальной структуре, чем в тех материальных факторах, которые может раскрыть археология. Добиться престижа и социального возвышения можно было только двумя дополняющими друг друга путями: воинским подвигом и вотчинным владением земель. Заморские приключения предлагали средство для осуществления обеих задач. Когда в один прекрасный день предоставлялся случай попытаться счастья в далеких землях, каждый желал им воспользоваться. Великая скандинавская экспансия была многим обязана процессу наподобие снежного кома: пример мелких операций, имевших достаточно большой успех, повлек за собой другие, количество которых постоянно росло до тех пор, пока их прибыльность не стала снижаться.

Препятствия, как и движущие силы, были разнообразными: утомление воинов, обогащение Скандинавии, растущая сложность достижения новых земель для грабежа. Решающее значение, по-видимому, имели два момента: уже разбогатевшие викинги все менее и менее дружелюбно взирали на конкуренцию вновь прибывших; христианство постепенно замещало древний идеал крестьянина-воина идеалом прочно структурированного монархического общества.

Здесь следует прояснить также одну смежную проблему: каким образом викинги открывали свои маршруты? Они пускались в путь к неизвестным землям отнюдь не вслепую. Почти все их маршруты были изучены и использовались уже давно. В случае необ-

ходимости викинги предпринимали предварительную разведку или собирали сведения при помощи настоящего шпионажа^а. Собственный вклад викингов состоял в том, что они связали одни разрозненные маршруты с другими, превратив их в однородную сеть, покрывшую почти всю Европу.

Русская речная сеть использовалась в торговле, ориентированной на Скандинавию, начиная с Бронзового века. Путь из Норвегии в Шотландию и Ирландию служил для обмена с VI века. Маршрут Ирландия-Шотландские острова-Фарерские острова был открыт и проторен жаждающими покаяния ирландскими отшельниками. Путь Ирландия-Арморика-Бискайский залив был известен еще древнеримским торговцам. Маршруты, шедшие с востока на запад через Северное море и Ла-Манш, служили еще саксонским переселенцам и фризским торговцам. Что касается речных магистралей, то для того чтобы их вызнать, нужно было всего лишь следовать оживленному в то время движению монастырских флотилий. В VI в. разведчики не появлялись лишь на пути из Ирландии в Испанию и Средиземноморье. Викинги по-настоящему открыли только две магистрали: из Тронхейма в Белое море и из Исландии в Гренландию и Америку. Ни та, ни другая не имели ощутимого значения.

ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ СКАНДИНАВСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Для историка викинги не являются безжизненными персонажами или литературным штампом. Обильная иконография и многочисленные археологические находки позволяют получить о них очень точное представление. Скандинавских пиратов рисовали, вышивали,

^а Об этом свидетельствует текст Анналов Сен-Бертена: когда послы варягов прибыли во дворец Ингельхейма, они были схвачены как шведские шпионы (их подозревали в желании проведать о судоходности Рейна или королевских сокровищах?).

изображали на барельефах и рельефах как они сами, так и их жертвы. Самое поразительное, если не самое художественное, изображение предлагает стела в Линдисфарне, безусловно, созданная вскоре после первой высадки викингов в этом монастыре в Нортумбрии в 793 г.: позади изображения креста, к которому склоняются две фигуры молящихся, возникает дикая орда, причем семеро воинов потрясают секирами или мечами^a. Есть также два прекрасных силуэта викингов с коническими шлемами на головах на готландских стелах, другие, вырезанные на лосином роге, найдены в Сигтуне в Швеции, а несколько, но менее точных, — на вышивках из гробницы в Озеберге.

Оружие викингов хорошо известно^b. Для нападения использовалась прежде всего использовавшаяся в Скандинавии с давних времен боевая секира, которую держали обеими руками, и длинный обоюдоострый меч, который вошел в обращение только накануне первых экспедиций; копье и лук употреблялись наряду с ними только от случая к случаю. Оборонительное оружие для массы воинов сводилось к круглым деревянным щитам, раскрашенным в яркие цвета, которые во время морских путешествий крепились к бортам кораблей; металлический шлем и кольчугу носили только отдельные вожди. Превосходство западного оружия было общепризнанным: в IX и X вв. скандинавы, нажившиеся на своих набегах или торговых операциях, в множестве импортировали превосходные франкские мечи мастеров *Ульфберта* и *Ингелри*, которые, безусловно, работали в рейнском регионе; запреты на вывоз оружия, издававшиеся франкскими королями и церковными соборами, пропадали втуне. Уже вошедшее в обычай использование стремян давало скандинавскому наезднику, несмотря на скудость его опыта в конных поединках, опре-

^a Репродукция в кн.: Oxenstierna, *Die Wikinger* (214), таб. 21; по поводу других указанных далее изображений, ср. там же, табл. 3 (Готланд), 87 (Сигтуна) и рис. s. 133 (Готланд) и s. 138–139 (Озеберг).

^b Hjalmar Falk, *Altnordische Waffenkunde*, Kristiania, 1914; вопрос хорошо освещен в кн.: Brönsted, *Vikingerne* (207; 102–107).

деленное преимущество над жителями Запада, которым они все еще не были известны.

Таким образом, в боевом снаряжении викингов не было ничего особенного. Зато технологии морского строительства и навигации обеспечивали им в тогдашней Европе редкостное превосходство. Множество уникальных археологических находок позволяет нам проследить то, как разрабатывался и вводился в употребление этот несравненный навигационный инструментарий.

Археология мореплавания в Скандинавии достигла беспрецедентного уровня развития, благодаря чрезвычайной популярности захоронений в кораблях. С VII по XI в. многих представителей правящего класса погребали в кораблях, которые вытаскивали на сушу, а затем возводили над ними курганы, безусловно, с целью облегчить их владельцу переход в мир иной^а. Часто этот обычай сочетается с кремацией, что лишает нас множества полезных сведений. К счастью, некоторые семьи оставались верны ингумации; в этом случае, при условии соответствующих качеств почвы, как, например, в окрестностях фьорда Осло, эти могилы могут таить в себе настоящие сокровища. Представители сословия моряков и торговцев отправлялись в потусторонний мир на борту символических кораблей, изображавшихся рядами камней; они изобилуют, например, на кладбище торгового города, раскопанного Т. Рамскау около Альборга в Ютландии, — безусловно, древнего Венделя.

Отправным пунктом для любого исследования служат три основные находки, сделанные в курганах норвежских королей Вестфолла^б: в Туне в 1867 г. (корабль конца IX в., сильно пострадавший), в Гокстаде в 1880 г. (неповрежденный корабль приблизительно 900 г.) и, главное, в Озеберге в 1903 г. (неповрежденный корабль с захоронением королевы Асы, бабки Харальда Прекрасноволосого, около 850 г.). Сегодня они выставлены в

^а Ср. диссертацию Аке Ольмаркса, *Gravskeppet* (197), которая дает список известных к 1946 г. археологических находок и воспроизводит литературные тексты, относящиеся к погребениям этого типа.

^б Прекрасно, но несколько бессвязно разработанные в кн.: *Brogger, Shetelig, Vikingskipene* (206).

музее Бигдой в Осло. Дания дала немного: корабль — в виде отпечатка — под курганом в Ладби (о-в Фиония) и несколько торговых судов XI в., в настоящее время поднятых из фьорда Роскилле, но еще не описанных. Шведские находки немногочисленны, но интересны, особенно сделанные на кладбище Вальсгарде недалеко от Упсалы, где эти лодки образуют непрерывный ряд от VII до XI века. К этому следует добавить замечательные изображения на стелах Готланда, передающие точный внешний вид руля и парусов в VIII в., а затем ковер из Байе, которая завершает эту картину для XI века^а.

К VII и VIII вв. три замечательных достижения превратили заурядные лодки с веслами, некогда использовавшиеся саксами в их странствиях, в уникальный инструмент — произошло усвоение паруса, улучшение киля и, главное, началось строительство со стыком внакрой, что придало кораблю скорость, устойчивость и прочность. Таким образом, появилось легкое, послушное судно, двигавшееся как под парусом, так и на веслах, с достаточно небольшой осадкой, что позволяло подниматься очень высоко по рекам и с легкостью вытаскивать его на сушу на отлогом берегу, но достаточно крепкое, чтобы выдерживать самые тяжелые испытания в полярных морях. Впрочем, эта общая тема допускает многочисленные вариации в зависимости от назначения корабля: прибрежная навигация^б, плавание в открытом море, война, торговля. Этому многообразию функций соответствует столь же богатая палитра названий: *сnekкья* (на староскандинавском «еснек») для корабля викинга^с, *лангскип* для военного судна, *карфи* для морских путешествий, *кнорр* для торговли и др.

^а О его документальной ценности см. ниже, стр. 230, п. 3.

^б Таковым, бесспорно, было назначение наиболее хорошо сохранившегося из норвежских кораблей, найденного в Озеберге, откуда и богатство его отделки.

^с А не *драккар*, варваризм, который следовало бы запретить. Этот термин, который сам по себе представляет собой орфографическую ошибку, является формой множественного числа со значением «драконы».

Корабль викингов не отличался комфортностью, не давая убежища от захлестывающих морских волн, обладал ограниченной вместимостью, но он легко управлялся и не нуждался в пристани. В классе беспалубных лодок это настоящий шедевр, который навсегда остался непревзойденным. Чаще всего он имел 20–25 м в длину, от 3 до 6 м в ширину и на скамьях для гребцов мог вместить от 40 до 100 воинов, а в исключительных случаях — до 200, в огромных королевских судах более поздней эпохи. Прямоугольный парус, укрепленный на центральной мачте, натягивался при помощи большой горизонтальной реи и ромбовидной сети из тросов. Носовую часть впереди нередко украшала голова чудовища, часто съемная^а, сзади спускалось рулевое весло и складывалось в кучу оружие.

Этими инструментами редкого качества, почти произведениями искусства, скандинавы управляли с безупречным мастерством, о котором мы, впрочем, очень мало знаем. По сравнению с навигацией древних, прогресс разителен, главным образом в сфере ориентации. Чисто астрономическими средствами, никогда не видя берегов, викинги могли сохранять неизменный курс на огромных дистанциях, например, от Бергена до Гренландии, — подвиг, подражание которому стало возможным только после усвоения буссоли.

Военно-морская тактика викингов почти не попадает в сферу интересов истории их нашествий, так как, если не считать Англии, их столкновения с христианскими флотами были исключительно редкими; тогда они стремились либо протаранить вражеское судно и взять его на бордаж, либо зажать его в тесной бухте. Сухопутная тактика изучена мало; впрочем, до XI в. регулярные битвы нечасты. А. В. Бронге, изучив две из последних битв эпохи викингов, при Стикластадире (1030 г.) и Гастингсе (1066 г.)^а, настаивает на особой роли лучников,

^а Мы с достоверностью знаем о них только по скульптурным изображениям Готланда и Байе; возможно, два бруса с головами драконов, извлеченные из Шельды, являются носами датских кораблей.

которые были практически неизвестны франкской армии^а. При Стикластадире все сражавшиеся были пешими, одни вооружены секирами и мечами, другие луками; при Гастингсе *хускэрлы* Гарольда и стрелки Вильгельма, каждые на свой манер, представляли одну скандинавскую традицию. Соединив франкскую конницу со скандинавскими лучниками — два лучших тактических элемента, доступные на тот момент, — герцог Нормандии осуществил фундаментальное нововведение. Следовало бы таким же образом исследовать и более древние эпохи.

Упомянем в двух словах о редком и почти патологическом случае *берсеркеров*, иногда впадавших в неистовство под влиянием припадков, которые древние считали вдохновением Одина, а современные люди склонны относить за счет ядовитых грибов, употребляемых в момент сражения. Речь идет, скорее, об излюбленной литературной теме авторов *саг*, нежели о по-настоящему важном элементе армии викингов.

ПИРАТСКОЕ ПРАВО

Отправлявшийся за моря скандинав стремился прежде всего к собственной выгоде, которую он, безусловно, понимал в самой примитивной форме — захват добычи или рабов, занятие земель или получение контроля за товарообменом, — но к ней он стремился с чрезвычайным упорством и изобретательностью. Подобно другому сообществу моряков-авантюристов, описанному в Одиссее, викинги сознательно практиковали коварство и ценили его в знатоке, с жестокостью умели сочетать вызов и даже иронию^б, но не теряя из виду основной цели. Более того, своим жертвам они казались дьяволь-

^а A. W. Brogger, Stiklestadslaget, Oslo, 1946.

^б Убедиться в этом можно лишь прочитав необыкновенные отрывки из *саги* об Эгиле Скаллагримсоне в связи с походом этого образцового викинга в Курляндию: перев. Wagner (70; 103–107).

ски хитрыми^а. Фактически викинг меньше доверялся вдохновению момента, чем обычно считается. В главе III мы уже подчеркивали, что их операции развивались с примечательной методичностью, в основе которой лежали соображения рентабельности. Остается отметить, что они, в большей степени, чем может показаться, заключены в юридические рамки. За исключением того случая, когда речь идет о *берсеркерах*, необходимо решительно отвергнуть стереотипы, унаследованные от духовенства X в., делавшие из скандинавов пиратов в чистом виде, не знающих другого закона, кроме преступления и самого разнузданного варварства.

Когда норвежские викинги причаливали и разоряли какую-нибудь ферму, захватив несколько голов скота^б, они всего лишь осуществляли обычай своей страны в расширенном толковании: это *страндхогг*, высадка на землю с целью раздобыть пропитание, которую можно было, никого этим не удивив, произвести и в самой Скандинавии вплоть до времен монархического объединения^с.

Выход в море крупной экспедиции, в основном в Дании, регламентировался точными институциональными рамками «закона армии»; она имеет непререкаемого вождя, «короля моря», четкую дисциплину (которая стала еще строже в ходе второй волны — во времена огромных тренировочных лагерей), правила раздела добычи, — то есть все то, что при случае, как, например, в Йорке или Руане, чрезвычайно способствовало превращению армии в государство.

Снаряжение флота также регулировалось детальными правилами. Они известны главным образом из шведских рунических надписей XI века. Каждая армия (*Liph*) имеет своего эпонимичного военачальника (*Cidhs Fo-*

^а Что прекрасно отражено в рассказе, очевидно, вымышленном, Дюдона Сен-Кантенского о захвате Хастингсом маленького тосканского городка Луни.

^б Как при их первом появлении в Нормандии: *Annales Regni Francorum*, 820 г. (32; 153).

^с В XI в. в Норвегии и Дании существовали королевские агенты, функция которых состояла собственно в том, чтобы удерживать викингов на почтительном расстоянии от побережья.

gungi), с которым его подчиненные связаны на срок экспедиции специальным обрядом; свой предводитель или капитан (Styrimadha) есть и у каждого корабля. Между воинами царит товарищество, окраска которого оказывается то, в основном, военной, то коммерческой; каждый рассчитывает, что в случае его смерти он будет прославлен на родине своим товарищем (Felagi). Таким образом, в интересах общей выгоды, без вмешательства какой-либо государственной власти обеспечивается сплоченность экспедиции.

Средневековый скандинавский менталитет, одной из доминирующих черт которого в *сагах* является постоянный юрицизм, прекрасно согласуется с тем, чтобы и выгода эта принимала некую институциональную форму: в то время это были «датские деньги», или выкуп с установленной расценкой^а. Этот институт, первые шаги которого, в очень скромном и почти частном масштабе, осуществлялись во Фрисландии с 810 г., во Франции возник в 845 г., а в последний раз Роллон получил прибыль от его сбора в 926 г.; в Англию он был принесен около 865 г., и в конце концов после новых случаев их взимания «датские деньги» превратились в постоянный налог.

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ: ХРОНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Движение викингов не должно рассматриваться как цепь последовательных событий. В III главе нами были приложены все усилия, чтобы провести различие между вспышками активности, разделенными достаточно продолжительными периодами затишья. К несчастью, большая часть общих исследований этого почти не учитывает, даже если они и не довольствуются пластами

^а Лучшим исследованием остается: Joranson, *The Danegeld in France* (314). Название «датские деньги» обобщено современными историками; в собственном смысле, это всего лишь название английского налога, существовавшего, начиная с Эдуарда Исповедника.

протяженностью в век, о которых даже нет нужды говорить, что они никак не соотносятся с реальностью. Периодизация, которую предлагаем мы^а, является не более чем рабочей гипотезой, но ее основная особенность — огромный, полувековой перерыв между 930 и 980 гг. — уже принят несколькими авторами^б. Необходимо настаивать на двух моментах: стремительности начала набегов и растянутости завершающей фазы.

Норвежцы рано, в VIII в., начали прощупывать западные маршруты. Их первые разведчики появились в регионах, не имеющих письменной истории, архипелагах к северу от Шотландии, где, как предполагают археологи, колонизация могла начаться до 800 года. В 785–800 гг. они (заметим, почти одновременно) достигли цивилизованных государств: в 786–787 гг. состоялся первый рейд на юг Англии, а в 793 г. — на север; первое нападение на Ирландию имело место в 795 г., а второе — в 797 г.; в 799 г. они добрались до вандейского побережья Галлии^с. Эта быстрая череда налетов показывает, что для первых викингов открытие Запада было подобно открытию Эльдорадо. Второй приступ, когда операции развивались в том же стремительном ритме, привел к не менее важному результату, достигнутому на этот раз в 840–850 гг. датчанами: было обнаружено, что Империя франков не в состоянии эффективно защищать себя и согласна платить «датские деньги».

Внезапности начала этой экспансии следует противопоставить ту неторопливость, с которой этот феномен подошел к своему концу. Его волны продолжали слабеть на всем протяжении XI в., и полностью угасли лишь в начале XII века. Конец крупных боевых действий, без сомнения, отмечен 1014–1016 годами. Однако банды

^а Musset, Relations (213) (отчасти следуя Шетелигу).

^б Особенно: Sawyer, The Age of the Vikings (215; 4).

^с Следует ли включить в список стран, посещавшихся первыми викингами, мусульманскую Испанию? Мелвингер в своей диссертации, *Les premières incursions* (249), выражает уверенность в том, что вторжения в Андалусию имели место с 754 года. Это в высшей степени неправдоподобно.

еще долго продолжали действовать на свой страх и риск: в 1018 г. они наносят поражение графу Пуатье^a, около 1040 г. нападают на низовье Везера^b; в 1048–1049 норвежский флот зимует во Фландрии после рейда в Англию, затем Осгод Клапа нападает на Кент и Эссекс, в то время как норвежцы Ирландии вторгаются на земли Уэльса^c. В 1052 году Гарольд без труда нашел норвежских помощников в своей борьбе против партии короля Эдуарда⁸⁵. Вмешательство норвежского короля Харальда Сурового в английское престолонаследие в 1066 г. — это, во многих отношениях, еще одна экспедиция викингов. В качестве предлога для многих аналогичных экспедиций в Англию вплоть до 1087 г. указывали на необходимость борьбы против тирании Вильгельма Завоевателя. В 1099 и 1103 гг., восстанавливая порядок в норвежских владениях на Западе, король Магнус Голоногий все еще действовал как викинг. В целом, последним рейдом можно счесть тот, который в 1153 г. провел против Великобритании претендент на норвежский трон⁸⁶. Норвежские *саги* еще в 1195 г. и 1209 г. упоминают о викингах-«частниках». Народ, который начал экспедиции первым, закончил их последним.

Чтобы облегчить изложение, мы в главе III рассматривали норвежцев, датчан и шведов как независимые и отличные друг от друга общности. Это оправданно лишь в самом общем плане. Все экспедиции включали людей разных национальностей. Этот космополитизм, более выраженный на Западе, чем на Востоке, является одной из наиболее оригинальных черт мира викингов.

^a Adhémar de Chabannes, ed. Chavanon, p. 176.

^b Adam de Brême (28), ed. Schmeidler, p. 136.

^c Основным источником для изучения всех этих событий является *Англосаксонская хроника* (50). Относительно последующих норвежских рейдов ср.: F. Askeberg, *Norden och Kontinenten i gammal tid*, Uppsala, 1944, p. 129 и A. O. Johnsen, *Fra Aettesamfunn* (367; 163 и далее).

*Перегородки между скандинавскими национальностями никогда не были непроницаемыми. Слабая дифференциация между тремя языками практически не мешала взаимопониманию, настолько, что ко всем им часто применялось общее название *donsk tunga*, «датский язык». Лично-зависимые связи нередко пересиливали политическую принадлежность; впрочем, последняя была неустойчивой: у Норвегии было несколько датских королей, а Дании случалось подчиниться норвежцу. Археологические слои мало различаются в зависимости от страны. Этим объясняется то, что большинство латинских авторов того времени были не в состоянии распознать происхождение нападавших: *portannus* («нормани») было всего лишь модификацией слова *portand*, «норвежец», но обозначало всех «людей с Севера», тот же смысл часто имело и название *danus* («дан», «датчанин»). Только ирландцы четко отличали датчан от норвежцев.*

Западные колонии были очень пестрым миром, где всегда имелось место для меньшинств. В Йоркском королевстве и в герцогстве Руанском, где по преимуществу викинги были датчанами, имелся настолько заметный норвежский элемент, что он дал первому нескольких королей, а второму его правящую династию. Рунические надписи сообщают о присутствии в армии Свена Вилобородого и Кнута Великого многочисленных шведов и нескольких норвежцев^а. На Руси и в Византии преобладающее большинство было шведами, но имеется надпись, упоминающая о смерти «на Востоке» одного ютландца, а наиболее прославленный из вождей варяжской гвардии василевса был норвежцем, будущим королем Харальдом Суровым.

И наоборот, один и тот же человек, или одна и та же семья могла совершенно спокойно делать карьеру на всех театрах военных действий. Эгиль Скаллаgrim-

^а В 1018 г. они были распущены с наградой, и Кнут остался в окружении одних датчан. Источники были собраны Рупрехтом, *Die ausgehende Wikingerzeit* (222).

сон, литературный образец викингов, ставший в XIII в. источником вдохновения для прекраснейшей саги, родился около 901 г. в Исландии, а воевал в Курляндии, Дании и Англии. Согласно скальдам, будущий король Норвегии, Олаф Святой, в молодости принял участие в 15 походах: в Швецию, Озель, Финляндию, Ютландию, Фрисландию, Англию, Испанию и Пуату, чтобы в конце концов около 1015 года очутиться в Руане. Прочитаем надпись из Хогби в Остерготланде, почти эпическую и к тому же частично сложенную в стихах: «Гулле, почтенный человек, имел пятерых сыновей. В Фюри (Упсале) погребен Асмунд, бесстрашный воин. Ассур умер на востоке в Греции. Халвдан был убит в Бронхольме, Кари в Дунди (?), и Буи мертв».

РАЗЛОЖЕНИЕ ПРАВЯЩЕГО КЛАССА В ГАЛЛИИ

Следует подчеркнуть, что перед лицом скандинавской угрозы правящие слои каролингского общества в большей степени, чем королевская власть, которую часто в этом обвиняют, демонстрировали постыдное несоответствие своим обязанностям. Все более частыми становились случаи оставления должностных постов и неоправданной паники. Вместо организации местного сопротивления привычным стало зрелище целых регионов, покинутых своими графами и епископами, которые оставляли без всякой защиты толпы населения и монастырское хозяйство. В крайнем случае они довольствовались тем, что предоставляли беженцам убежище.

Несостоятельность светской аристократии была развенчана многими ее современниками. Так, в 845 г. автор повествования о перенесении мощей св. Германа Парижского пишет: «Все военные вожди, которые жили в этой области, пораженные крайним ужасом, больше готовились к бегству, чем к сопротивлению»^а.

^а Translatio s. Germani Parisiensis, в кн.: Analecta Bollandiana, II,

В 863 г. Лотарь II⁸⁷ осадил норманнов на рейнском острове: «Лотарь, приготовив свои корабли, хотел напасть на них, но его люди не согласились»^a. Наконец, процитируем Эрентария: «Все обратились в бегство; редки те, кто говорит: “Остановитесь, остановитесь, сопротивляйтесь, сражайтесь за свою землю, своих детей и ваш народ”. И подобно тупоумным и развращенным из их числа они за выкуп получают то, что должны были бы защищать с оружием в руках»^b. Эти заявления, немного риторические, обильно подтверждаются фактами. Невозможным оказалось найти защитников для укрепленных мостов Карла Лысого. С первого же десятилетия имели место характерные изменения — например, со стороны Пипина Аквитанского⁸⁸. Угрозы переменитьсь на сторону норманнов раздавались по всякому поводу^c. Героизм тех, кто, подобно Роберту Сильному, сражались до конца, лишь подчеркивал эту общую вялость. В гражданских войнах высокопоставленных мирян пало больше, чем в войнах с норманнами.

У епископата были свои мученики, которых, что любопытно, церковь никогда не признавала святыми: Балтфрид из Байе, Эрманфрид из Бове и Иммо из Нуайона, убитые в 858–859 гг., Листа из Кутансе в 890 г., Магальберт из Буржа в 910 г., наконец, Адалельм из Се, три года пробывший рабом в чужих странах. Но можно в рядах духовенства насчитать столько же случаев дезертирства, некоторые из которых вызвали настоящий скандал: епископ Фротарий Бордосский, под тем предлогом, что его город стал непригодным для жилья, перебрался в Пуатье, а в 876 г., вопреки протестам церковного собора в Понтьоне, — в Бурж; Актард Нантский, который, правда, имел дело еще и с бретонцами, в 868 г. покинул свою кафедру,

1883, стр. 71.

^a Annales Xantenses (33; стр. 31).

^b Monuments de l'histoire des abbayes de saint Philibert (37; 62).

^c Об этом прибежище помышляли даже неверные жены, преследуемые Церковью, как, например, Энгельтруда, жена графа Бозона в 858 году.

не позаботившись о преемнике, на короткое время добился для себя содержания на доходы от Теруанской епархии, а в 871 г., наконец, поселился в Туре.

В результате значительная часть западной Галлии оказалась без графов и епископов. В Нормандии к пришествию Роллона, несомненно, только в Руане все еще сохранялось слабое подобие административной системы; долгое время на семь епархий приходилось только два епископа, в Руане и Кутансе (этот последний также укрылся в Руане); в Эвре, Лизье, Байе и Авранше после 872-го или 876 г. нет и следа каких-либо епископов. Все это происходит так, как будто территории, находящиеся за пределами знаменитого моста в Питре, или даже укреплений на Уазе^а, просто бросили вместо того, чтобы защищать их плечом к плечу. Если франкское королевство позволяло себе поступать таким образом, то что могло поделаться маленькое бретонское государство? *Нантская хроника* разоблачает отступничество сыновей герцога Алана Великого, а наиболее способный из вождей, граф Поэра Матюэдуа, около 913 г. отплыл в Англию^б; в Ренне, Алете, Доле, Кемпере, Сен-Брие и Трегьере более или менее надолго прерываются епископальные списки.

Можно ли удивляться, что в таких условиях официальная Церковь, организация которой была заботой и гордостью великих императоров, рухнула? Монахам, не способным к обороне и подвергавшимся особой опасности из-за сокровищ, которые они хранили, оставалось лишь спасаться бегством. В течение двух поколений они заполняют все дороги, при малейшей тревоге бросаясь часто в противоположные стороны. Их одиссея занимает в хрониках многие и многие страницы, сдобренные более или менее наивными чудесами, так как еще более, нежели себя самих, беглецы стремились спасти мощи святых из своего монастыря. Мы не в

^а Об этой линейных защитных сооружениях см. K. F. Werner, *Untersuchungen zur Frühgeschichte des französischen Fürstentums, Die Welt als Geschichte*, XX, 1960, s. 97.

^б *Chronique de Nantes* (35; éd. Merlet, p. 80–81).

состоянии проследить все эти скитания, прерываемые короткими возвращениями в родной монастырь, когда казалось, что затишье обещает быть продолжительным; но они дают наиболее совершенную картину общего смятения. Целью беглецов были, главным образом, два или три безопасных места: Овернь, где очутились вперемешку каноники из монастырей Сен-Мартен в Туре и Вертю, монахи из Сен-Мэксана, Сен-Ломер в Блуа, Шарру и Нуармутье, и даже люди, принесшие с собой тело одного епископа из Эвре; Бургундия, куда они прибывали отовсюду: из Тура и опять из Нуармутье, из Монтье-ан-Дер, из Сен-Мор-сюр-Луар, монастыря Сен-Виван в Пуату; и, самое любопытное, Фландрия, несмотря на ее прибрежное расположение, безусловно, благодаря тому, что сильная местная власть держала пиратов на расстоянии, по крайней мере начиная с 900 или 910 года. Монахи из монастыря Сен-Вандрий бежали сначала в Булонь-сюр-Мер, потом в Гент; а монахи из Жюмьежа — в Аспр, неподалеку от Лилля. Но когда не хватало времени, чтобы бежать так далеко, они укрывались в замке или соседнем городе, если его стены внушали им доверие.

Желательно было бы иметь для каждого региона общее исследование с развернутой картографией. Тогда нам бы удалось увидеть, как распространялась паника, сменяясь успокоением, часто совсем обоснованным. Можно было бы оценить то, насколько непригодными для обороны считались прибрежные регионы, и состояние их административной заброшенности (в принципе, для окончательного отступления необходима была санкция властей). В пути беглецы из разных мест объединялись и устанавливали прочные связи: так, например, священнослужители из Доля и Котантена шли бок о бок до самого Орлеана или до самой Англии, безусловно, из-за того, что франки (в 867 г.) уступили Котантен бретонцам. Наконец, надо было бы установить, в порядке исключения, те из монастырей или мощей, которые, вразрез с вышеприведенной схемой, никогда не двигались с места, как Мон-Сен-Мишель.

А пока мы располагаем несколькими превосходными работами об отдельных случаях бегства. Две из них

мы кратко изложим в качестве примера. Каноники, охранявшие останки св. Мартина в Туре^а, впервые пережили боевую тревогу в 853 г.: мощи были отправлены в Кормери (совсем неподалеку), а сокровищница в Орлеан; план направиться в Феррье-ан-Гатинэ не был осуществлен, и после того как тревога улеглась, все вернулись в Тур (854 г.). В 862 и 869 гг. каноники подготовили пристанища в Лере в Берри и в Марса в Оверни; побывали они там, или нет, мы не знаем, но в 877 г. они направились в Шабли (что в Тоннеруа) и, безусловно, в Оксер. В 878 г. они вернулись в Тур и больше не двигались с места; при последнем нападении норманнов они укрылись в стенах города. В этот горестный период крепостные стены там были окончательно достроены. Монахи из монастыря Сен-Мэксан^б впервые ушли из него около 860 г. в Эбрейль около Ганна. Вскоре вернувшись в Пуату, они почти тотчас же покинули его, направившись в сторону Бретани, где в 869 г. король Саломон приютил их в Плелан-ле-Гран. В начале X в. они попытались вернуться, но их остановила угроза норманнского нападения на Луару; тогда они поселились в Канде-сюр-Беврон около Блуа, а затем, около 911–921 гг., в Бургундии; в 924 г. они решились вернуться в Пуатье, а к 942 г., наконец, добрались до своей отправной точки. Между тем они оставили в Эбрейле значительную часть мощей, и на месте монахов из Пуату времен первого отступления оказалось большинство бретонцев. Другие знаменитые маршруты, монахов с о. Нуармутье^в, или из Фонтанеля^д, еще более длинны и запутанны; а некоторым монастырским общинам впоследствии пришлось бежать уже от венгров...

^а Gasnault, Le tombeau de saint Martin (311).

^б G. de Poerck, Les reliques de saints Maixent et Léger... Revue Bénédictine, LXXII, 1962, p. 61–95.

^в Хорошо известный из Monuments de l'Histoire des abbayes de Saint-Philibert (37).

^д Изучен Ф. Ло, Etudes critiques sur l'abbaye de Saint-Wandrille, Paris, 1913, стр. XXX–XLVI, и уточнен по многим важным пунктам Дом Жаном Лапортом, Histoire des reliques de saints Wandrille et Ansbert en Flandre au Xe siècle, L'Abbaye Saint-Wandrille de Fontenelle, Noël 1960, p. 10–13.

Бегство светской аристократии и разрушение церковной структуры повлекло за собой колоссальные земельные переделы, размах которых мы можем осознать, сравнив хартии IX и XI вв., касающиеся одного и того же института. Для вотчин каролингской эпохи обычно была характерна разбросанность по очень обширным территориям, причем правительство благоприветствовало этой тенденция, вкрапливая владения французских аббатств в территорию Германии или Северной Италии, так как это способствовало духовному единению Запада. Владения XI в. гораздо более компактны, а отдаленные уголья фигурируют только как засохшие побеги, эксплуатация которых прекратилась. Впрочем, нашествия не были ни единственной, ни даже, возможно, главной причиной этой регионализации; в этом играли значительную роль также экономические (трудность сообщения) и политические (некоторые территориальные княжества стали автономными) факторы^а.

Социальные последствия угадать нетрудно. Несостоятельность франкской аристократии на западе повлекла за собой образование там в X и XI вв. нового правящего класса. Падение каролингского епископата освободило место для наихудших злоупотреблений; в 990–1048 г. в Ренне (кафедру на протяжении всего X в. никто не занимал) епископский сан стали передавать от отца к сыну. Напротив, нищета разграбленных аббатств стала одной из движущих сил клюнийского движения^б, которое было озабочено их восстановлением, а возможно, и другими монастырскими реформами^б. Наконец, нет нужды подчеркивать, что сразу после этого беспоря-

^а Как мы пытались показать это на примере, впрочем, специфическом, Нормандии: L. Musset, *Les destins de la propriété monastique durant les invasions normandes, L'exemple de Jumièges*, в кн.: *Jumièges. Congrès scientifique du XIII centenaire*, Rouen, 1955, т. I, р. 49–55.

^б По-видимому, само Клюни возникло в среде, находившейся под глубоким влиянием беженцев, как это подчеркивает Рауль Глабер (*Hist*, III, 5). Не исключено, что беженцы сыграли некую роль и вокруг возникновения Горца (некий Бернье, житель провинции Бос; некоторые бретонцы, зафиксированные в Монфокон-ан-Аргон и др.). Безусловно, эту мысль следовало бы развить.

дочного бегства, в котором каждый мог рассчитывать только на себя самого, необходимость склониться перед высшей государственной властью уже не импонировала умам, и особенно духовенству, которое столько сделало для величия Империи в IX веке.

ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Не исключено, что каролингский мир пал жертвой в большей степени собственного интеллектуального упадка, чем изобретательности своих врагов. Первое «имперское» поколение в какой-то мере осознало сущность угрозы викингов и начало трезво реагировать. Однако оно дожило примерно до середины IX в., когда эта опасность только начинала усиливаться. После этого уже не было ничего, кроме растерянности и беспорядка. Запланированные ответные меры франков, иногда не лишённые определенной эффективности, были брошены одни за другими.

Наиболее разумные шаги перед лицом первых рейдов были предприняты Карлом Великим. Например, в 811 г. он создал флоты в Булони и Генте и вступил в сношения с датским королем Хеммингом. *Королевские Анналы* под 813 г. свидетельствуют, что в империи располагали точной информацией о внутренней ситуации в Скандинавии. Эпизод, связанный с «русами», пришедшими в Ингельхейм в 839 г., говорит об умении распознавать шведов среди остальных скандинавов^а. В 847 г. в Мерсенском капитулярии⁹⁰ предполагалось начать дипломатические переговоры с Данией, чтобы добиться прекращения нападений датчан^б. А главное, при Людовике

^а См. стр. 201.

^б Эти дипломатические контакты были направлены главным образом на защиту Восточно-Франкского государства, которое могло угрожать Дании непосредственными карательными мерами.

Благочестивом были приложены значительные усилия, чтобы христианизировать и тем самым утихомирить народы Скандинавии. В Голштинии была создана миссионерская база, и в Данию и Швецию был послан архиепископ Эббон, а затем монах Ансгарий; их деятельность продолжалась в течение одного поколения, примерно до 865 года.

Во второй половине IX в. сведений и контактов уже нет, подготовка к отпору на море прекращена. Франки практически утратили всякое знание о скандинавском мире как раз тогда, когда опасность достигла своей высшей точки. Ученые возглавили этот катастрофический процесс. Можно содрогнуться, видя как Рабан Мавр⁹¹, посвятивший в 855–856 гг. одну из своих книг Лотарю II, простодушно добавляет к ней отрывки из Вегеция⁹² «из-за очень частых нападений варваров»^a: абсолютная новизна и, главное, морской характер тактики викингов ускользали от лучших умов! Иного выхода, помимо обращения к книжным источникам, ученые не находили.

Очень показательны то рвение, с которым духовенство стремилось обрядить викингов в обноски всех варваров из своих библиотек^b. В IX в. родилось тождество маркоманны=норманны (возможно, по причине названия Дании (Danemark ?)), безусловно, появившись из под пера все того же Рабана Мавра. В X в. без особого успеха предпринимаются попытки ввести в оборот названия скифы, вестготы или вандалы. Затем в начале XI в. Дудон Сен-Кантенский отменил всю дунайскую коллекцию; он ввел в обращение тройку — Dacus («дак»

^a MGH, Epistolae, V, 515, No. 57. Еще около 843–853 гг. Фрекульф, епископ Лизье, рекомендовал Вегеция юному Карлу Лысому, но без ссылок на норманнскую угрозу (там же, стр. 619, No. 4).

^b К рассмотрению этого вопроса приступил Л. Мюссе в заметке, La «casogéographie» des Normands et de la Normandie, RMAI, II, 1946, p. 129–138. Следовало бы ее дополнить более современными скандинавскими работами.

^c Можно встретить также *аскоманнов*, англо-скандинавское слово, и *лордоманнов*, термин, употребляемый в испанских источниках..

вместо *Danus* («дан»; датчан), *Noricus* («норик») (для норвежцев), *Suavis* («свев») (для шведов) — первые два имени которой имели огромный успех. Он неоправданно находил скандинавские корни во всем, что Иордан поведал об пребывании готов между Балтийским и Черным морем.

Неудивительно, что простой народ реагировал еще более бестолково. То в районе Нарбонна викингов принимают за евреев, африканцев или бретонцев^а. То в Бургундии распространяется слух, что знаменитый Хастингс — это всего-навсего крестьянин, бежавший из Транколь-ле-Рено около Труа^б. Сам Эгинхард^в признавал наличие связи между кометой 837 г. и норманнскими грабежами^г. А *posteriori* обнаруживалось, что их приход предсказывался многими пророками, вроде Этельдреды, аббатиссы монастыря в Или в VII веке.

Трезвостью отличалась лишь реакция короля Англии Альфреда Великого, претворявшего в жизнь методическую программу строительства наземных укреплений, главным образом, в Мидланде, и кораблей. В 896 г. король, сознательно подражая в этом викингам, приступил к созданию большого флота, связанного, как и сухопутная армия, с совершенной налоговой системой^д. Она была настолько эффективной, что в этом последнем вопросе англичанам, без сомнения, подражали сами скандинавы. Эти события произошли в самый разгар интеллектуального возрождения, когда король постарался собрать географические сведения о Скандинавии из первых рук^е.

Это звучит необычно, но христианские священники конца X — начала XI в. оказались в состоянии без

^а Правда, все это исходит от еще одного простака, монаха из Санкт-Галлена: MGH, SS, II, 757.

^б Raoul Glaber, Hist, I, 5, 19.

^в MGH, Epistolae, V, p. 130, (40).

^д Chronique anglo-saxonne (50), 896 г.; комментарий С. Warren Hollister, Anglo-Saxon military institutions (235; 103–126).

^е Они составляют самое ценное в его переводах Орозия, в которые он их вставил.

единого руководства и общей программы осуществить то, что не смогла сделать в эпоху расцвета Империя франков. Как только улегся первый порыв бури, в обстановке, напоминавшей о германских миссиях до св. Бонифация, начался огромный приток желающих отправиться обращать скандинавов. Безусловно, на Севере они встретили хороший прием, поскольку уже не были представителями государства, способного планировать завоевания. Миссионеры прибывали в Скандинавию сразу со всех сторон, главным образом из Англии и Северной Германии, но, изредка и несколько позже, из Нормандии, православного мира и даже Армении. С искусством и изобретательностью они использовали все предоставлявшиеся им для проповеди возможности, будь то в заморских колониях или метрополии, в торговых городах, в среде сельской аристократии или в окружении королей. Эти многообразные усилия в эпоху, когда повсюду обнаруживается упадок и секуляризация Церкви, заслуживают быть замеченными. Они не были методичными, будучи подвержены значительным колебаниям, за исключением окружения архиепископов Бремена-Гамбурга, которые с IX в. постоянно руководили миссионерством в Скандинавии, но оказались в невыгодном положении из-за подозрений, которые возбуждала у датчан имперская политика Оттонов. Тем не менее это, несомненно, была непосредственная реакция благочестивых душ на опасность, нависшую над христианским миром.

Группа миссионеров, взявшихся за обращение Скандинавии, представляет собой очень любопытную и плодотворную тему для изучения. Скандинавские историки редко выходили за рамки критического описания источников, что, безусловно, является неизбежным предварительным этапом любого исторического исследования^a. Однако хотелось бы получить лучше узнать о соци-

^a Например, в отношении норвежского общества: Oluf Kolsrud, *Den norske Kirkes Erkebiskoper og Biskoper indtil Reformationen*, в кн.: *Diplomatarium Norvegicum*, XVII B, Christiania, 1913, 177–358; относительно Швеции, ср. Toni Schmid, *Sveriges kristnande*, Stockholm, 1934.

альных и интеллектуальных, еще в большей степени, чем национальных корнях, как «бродячих епископов» (*episcopi vagantes*) — застаревшей раны на теле Церкви крайнего Запада со времен ирландских миссий, но способной при случае обернуться ей на благо, — так и всех этих монахов, изменивших обету пребывания на одном месте.

Некоторые из них ищут язычников, где бы они не находились, и кое-кто, таким образом, не делая различий, переходит от славянского мира к скандинавскому^б. Другие всегда верны одной и той же среде и, вступив в контакт с датчанами или норвежцами за пределами их родины, возвращаются вместе с ними в их страну. Следовало бы подразделить этих миссионеров в зависимости от места их посвящения — это мог быть Рим (достаточно частый случай в 1030–1070 гг.), Бремен (это в принципе единственный постоянный путь) или другая епископская кафедра, обладающая меньшим правом на совершение этого таинства. В 1061–1066 гг.

^а В Нормандии X в. также существовали «бродячие епископы», очевидно, имевшие франкских предшественников; приход викингов, по-видимому, благоприятствовал этим «нерегулярным частям» Церкви. Прекрасным примером епископа без кафедры служит Осмунд «без митры», капеллан шведского короля середины XI в. Эмунда: это был англичанин, или, скорее, англо-датчанин, которого один норвежский епископ послал учиться в Бремен; он тщетно искал посвящения в Риме, а затем обратился к архиепископу *Полании* (Польша? или земля полян, то есть Киев?); вернувшись в Скандинавию, вел себя как архиепископ, хотя, видимо, так и не получил *паллиума*⁹⁴; изгнанный гамбургскими миссионерами, он закончил свой жизненный путь в окружении короля Эдуарда Исповедника и в аббатстве Или: Adam de Brême, *Gesta* (28; II, 15, p. 156); Kolsrud, цит. соч., p. 193; T. J. Arne, *Biskop Osmund, Fornvännan*, XLII, 1947, 54–56.

^б Например, знаменитый Бруно Керфуртский, ученик св. Адальберта Пражского, миссионер в Польше и Руси, а затем, около 1000 г., — в Швеции, а также Фольквард, епископ ободритов, впоследствии посланный в Скандинавию (Adam de Brême, *Gesta* (28; II, 44, p. 107). Первый мог и ранее иметь контакты со шведами в Киеве, а второй — с датчанами в Голштинии.

^с Несмотря на изобилие епископов без епархии, кельтские Церкви мало что сделали для проповеди христианства в Скандинавии; единственный достойный упоминания случай — это некий *Jon irski* (Иоанн Ирландский), который проповедовал около 1045 г. на Оркнейских о-вах, около 1050 г. — в Исландии, а затем в Мекленбурге у славян.

папа Александр II еще пенял норвежскому королю Харальду Суровому на то, что в его королевстве производится множество неканонических или спекулятивных (за плату) посвящений в епископы^а.

По поводу интеллектуального образования этого сословия миссионеров мы располагаем данными только для XI века. Вероятно, в Северной Германии существовали настоящие семинарии вокруг архиепископства Бремен или аббатства Херфорд в Вестфалии, причем это последнее специализировалось на миссионерской деятельности в Исландии. Известно, что первый великий исландский ученый-христианин Семунд учился во Франции. Однако решающую роль, по-видимому, играли некоторые английские аббатства, как, например, в Ивземе, которое после активного участия в повторном распространении монашества в Области датского права, прислало в Оденсе первых монахов, приписанных к Дании. Методика евангельской проповеди и нравственный аспект обращения хорошо изучены^б. Несмотря на свое разнородное происхождение, эта группа миссионеров показала себя отвечающей требованиям поставленной перед ними необычайно трудной задачи.

А как же повел себя при встрече со столькими различными цивилизациями скандинавский мир? Никким образом не смущенные, скандинавы сначала с недоверием отнеслись к проповедникам, а затем перешли к глубокой переработке христианских догматов. Язычество сразу же постаралось принять антихристианскую форму, приспособив молот Тора в качестве своего символа в противовес кресту, а языческую инициацию в качестве антитезы крещению. Повествование книги Бытия породило соответствующие спекуляции, впоследствии собранные в *Эдде*. Из литературы, как и из похоронных обрядов, явствует, что усилилось почи-

^а PL, CXLVI, 1281.

^б Особенно: Ljungberg, *Den norska religionen* (369), гл. III, и Georg Sverdrup, *Da Norge ble kristnet*, Oslo, 1942. Мы обладаем ценным исследованием словаря, связанного с религиозными концепциями в переходный период, на французском языке: Maurice Cahen, *Le mot «Dieu» en vieux-scandinave*, Paris, 1921, гл. I.

тание великих божеств. Руническая письменность, оказавшаяся полузабытой в VIII в., в IX в. обрела новую силу. Затем, в течение XI в., произошло великое потрясение — обращение в христианство.

Это присоединение к латинскому Западу не было отречением от прошлого. Особое своеобразие средневековой Скандинавии основывалось как раз на приспособлении, и чрезвычайно удачном, целых пластов цивилизации викингов к условиям, создавшимся в результате христианизации и заимствованиям с Запада. Так, популярность камней с руническими надписями достигает своего пика сразу после обращения в христианство и окончательно падает лишь в XIII веке. Столкнувшись с латынью, скандинавский язык остался литературным и даже религиозным языком. Здесь снова проявляется тот самый дух синтеза и умелой адаптации, столь свойственный деятельности викингов.

Эта способность еще лучше проявляется в некоторых скандинавских колониях. В течение первых трех четвертей XI в. началось слияние англосаксонской и скандинавской культур: Англия оказалась на пороге усвоения столь характерного литературного жанра как сага^а. В Ирландии угадывается обмен между кельтскими и норвежскими придворными поэтами. Полагают, что скандинавское влияние сказалось на происхождении русской былины. Чуждой этому процессу оказалась лишь Нормандия.

Благодаря викингам почти всю северо-западную Европу завоевал новый декоративный стиль. Галлия внесла в него свой вклад, предоставив несколько элементов растительного орнамента (листья аканта), а Ирландия дала ему концепцию анималистического орнамента и плетеного узора, а также некоторые техники (эмалированная бронза). Между Англией и Скандинавией наблюдается настоящий художественный симбиоз, который просуществовал в течение полутора веков и был

^а С. Е. Wright, The cultivation of saga in Anglo-Saxon England (284).

отмечен непрерывным взаимодействием. Декоративные стили X и XI вв., которые археологи связывают с Йеллингом, Рингерике и Урнесом, являются общими для обоих берегов Северного моря. Это единение существовало, не зная политических угроз, до того момента, когда Вильгельм Завоеватель силой вырвал из него Англию, чтобы присоединить ее к формирующемуся романскому миру. На севере Области датского права оно сохранялось еще некоторое время: его эпизодические проявления можно обнаружить до начала XII века^a.

Зато Нормандия, скорее всего, никогда не принадлежала к этой среде: все те элементы, которые можно возвести к истокам ее примечательного художественного ренессанса XI в., являются либо заимствованиями из каролингской традиции, либо спонтанными новшествами; в них мы не ощущаем ничего подлинно скандинавского^b.

Началом этого взаимного оплодотворения Англии и Скандинавии стал в высшей степени знаменательный момент: около 960 г., чтобы отметить свое обращение в христианство, датский король Харальд Синезубый устанавливает в Йеллинге огромный рунический камень, обладающий типичными англосаксонскими стилистическими чертами. Своей вершины это явление

^a Об англо-скандинавских отношениях в сфере искусства см. прежде всего T. D. Kendrick, *Late Saxon and Viking Art* (244); об Ирландии: F. Henry, *The Effects of the Viking invasions on Irish Art*, в (285; 61–72).

^b Если между Нормандией и Скандинавией иногда и обнаруживаются общие черты, то это в основном связано с тем, что англо-нормандское романское искусство сыграло решающую роль в зарождении христианского искусства на Севере, главным образом, в Норвегии и на западе Дании. Любопытная группа рельефов в восточном стиле собора в Байе и монастыря Сен-Габриэль были отнесены Е. Ламбертом за счет шведского влияния, но его аргументация не убеждает. Что касается знаменитого ковра Байе, присутствие на котором многочисленных скандинавских черт является неоспоримым фактом, то он не должен рассматриваться в этом контексте, будучи, вполне вероятно, выполненным в английских мастерских сразу после норманнского завоевания (ср. sir F. Stenton, *La Tapiserie de Bayeux*, Paris, 1957).

достигло в империи Кнута Великого и, безусловно, особенно нравилось этому пронциательному правителю. Оно и представляет собой наиболее однозначно позитивный аспект эры викингов. Парадоксально, смертный приговор ему был вынесен грубым вторжением других, более изменившихся, сыновей скандинавских завоевателей — рыцарей герцога Вильгельма Незаконнорожденного (Завоевателя).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Наиболее развитой отраслью коммерческой деятельности викингов наверняка являлась работорговля. Несмотря на то, что в момент, когда каролингская империя находилась в зените, этот вид торговли был почти оттеснен за славянские и мусульманские границы, теперь он снова переживал примечательный подъем, еще мало изученный^а. Людей викинги захватывали во всех странах, которые посещали, но, может быть, особенно, в кельтском мире: раб-ирландец является классическим персонажем исландских *sagas*, относящихся к эпохе колонизации, и доля этих невольных переселенцев была достаточно значительной, чтобы заметным образом видоизменить физический тип исландцев. В самой Скандинавии первые миссионеры в IX в. обнаружили множество христиан-рабов в Хедебю и Бирке; приблизительно в конце X в. ярмарка в Бренньяре недалеко от современного Гетеборга была достаточно оживленным невольничьим рынком. На Руси основным занятием варягов, которых встретил на средней Волге около 922 г. мусульманин Ахмед ибн Фадлан, по-видимому,

^а В ожидании того времени, когда Шарль Верлинден приступит к этой проблеме в своей грандиозной работе *L'esclavage dans l'Europe médiévale*, I, Bruges, 1955, можно найти несколько разрозненных указаний в кн.: Musset, *Peuples scandinaves* (196; 95–96); Jankuhn, *Der fränkisch-friesische Handel* (228; s. 222–223); L. Musset в кн.: *Rivista Storica Italiana*, LXXII, 1960, p. 546–547. Единственное надежное региональное исследование — E. I. Bromberg, *Wales and the mediaeval slave trade*, *Speculum*, XVII, 1942, p. 263–269.

была работоторговля. Наконец, в Галлии норманны снова ввели, хотя и в скромном масштабе, домашнее рабовладение, и около тысячного года в Руане некоторое время существовал свой рынок рабов, на котором продавались ирландцы и фламандцы^a. В морях, омывающих Англию, захват и продажа людей оставались доходным занятием до того момента, пока вмешательство Ланфранка⁹⁵ не привело к ее запрету Вильгельмом Завоевателем^b.

Норманны всегда начинали с облавы на людей; некоторое количество они продавали прямо на месте за выкуп: так, в 841 г. 68 пленников, взятых на Сене, были проданы монахам Сен-Дени. Лучшие экземпляры содержались во временных лагерях — как жители Нанта на острове Нуармутье в 843 г. — а затем увозились либо на какой-то перевалочный рынок, либо прямо в Скандинавию. В качестве примера первой участи можно привести ирландца Мориута, захваченного в последней четверти X в., проданного в Корбридже в Северной Англии, снова захваченного другими викингами и купленного в Гамбурге или Хедебю, прежде чем очутиться в Руане, где он встретил свою бывшую невесту, выставленную для продажи на городском рынке^c; или епископа Се Адалельма, взятого в плен около 885 г., проданного за рубежом, и в конце концов выкупленного и возвращенного в Сен-Валери-сюр-Сомм^d. Иллюстрацией второй участи служит виконтесса Лиможа Эмма, захваченная на вандейском побережье около тысячного

^a Некоторые ссылки в: Musset, *Le satiriste Garnier de Rouen* (370).

^b Guillaume de Malmesbury, *Gesta Regum*, ред. Stubbs, (53; II, 329). Изучение пережитков пиратства, приносивших наживу местным морякам, в Северном море и Ла-Манше уже по окончании эры викингов также заслуживает того, чтобы за него взялся; ср. некоторые ориентиры в: Lewis, *The Northern Seas* (85; 462), и любопытный текст в *Chronicon monasterii de Abingdon*, ред. Stevenson, RS, II, p. 6.

^c L. Musset, *Garnier de Rouen* (370).

^d *Liber Miraculorum S. Opportunae, Acta Sanctorum Ordinis S. Benedicti*, Saec. III, II, p. 232.

года и выкупленная через три года благодаря вмешательству герцога Нормандии Ричарда II^a.

Оставив в стороне работорговлю, можно задаться вопросом^b, хорошо ли подтверждаются текстами те способности к торговле, которые мы щедро приписываем викингам? То, что мы знаем точнее всего, практически сводится к операциям по сбыту добычи: в Руане, например, продавалось награбленное в Англии^c. Медлительность, с которой в Скандинавию проникали деньги, также вызывает скептические размышления: если бы викинги были прирожденными торговцами, то скоро осознали бы их удобство и не переплавляли бы их систематически на слитки, кольца и украшения. Во всяком случае за морем викинги торговали почти исключительно с непрофессионалами. Иногда, например, в Хасселте в 882 г., они устраивают засаду, чтобы убить купцов и завладеть их богатствами^d. В IX и X вв. в скандинавском мире встречались очень активные торговцы, особенно на русских маршрутах и в крупных морских портах, но эти люди отнюдь не все были скандинавами или, во всяком случае, не принадлежали к тому же социальному слою, что и настоящие викинги.

У нас нет оснований сомневаться в том, что первый же удар оказался губительным для западной торговли. Что делали бы на Сене, находящейся под контролем викингов, купеческие флотилии, о присутствии которых там упоминается в 841 г., накануне их появления?^e Явный упадок наблюдается, начиная с 860–870 гг., во Фрисландии, главном центре обмена товарами с удаленными странами^f. Однако в течение X в. повсюду наметилось пробуждение: задолго до тысячного года

^a Adhémar de Chabannes, éd. Chavanon, p. 166.

^b Например, вслед за Ph. Grierson, *Settimane...* VIII, 1958, 512.

^c Guillaume de Jumièges, éd. Marx (47; 80).

^d *Annales Fuldenses* (31; éd. Kurze, 882 г., p. 98).

^e Карл Лысый, желая неожиданно переправиться через эту реку ниже Руана, без труда собрал 28 *mercatorum naves* («купеческих барок»): Nithard, *Historia*, II, 6, éd. Lauer, p. 57.

^f Aubin, *Von den Ursachen* (359; 41).

Руан снова превратился в крупный порт, а Тилу досталась большая часть до тех пор невостребованного наследия, остававшегося после разрушения Дорестада. Начиная с поколения св. Дунстана, стала активно возрождаться франко-английская торговля, по-видимому, утратившая свое значение в эпоху Альфреда Великого.

По большому счету, вторжение викингов имело однозначно положительные экономические последствия. Оно обеспечило единство новому пространству, раскинувшемуся от Атлантики до Туркестана, охватывая Британские острова, Скандинавию и Русь. Когда же после начальной фазы бесхозяйственности и тезаврации скандинавы осознали значение драгоценных металлов в торговой экономике, их деятельность привела к значительному увеличению металлической наличности в Северной Европе, а следовательно, подготовила ее взлет.

Экономическое единство этого североевропейского пространства подтверждается в основном найденными монетами. Иными словами, его можно ощутить только начиная с середины X в.: до этого времени, монеты, попадавшие в Скандинавию, обычно переплавлялись. Сначала Скандинавия оказывается наводненной серебряными дирхемами, выбитыми в Иране, а в основном в Туркестане (в правление династии Саманидов⁶) в течение IX и X вв.; их найдено приблизительно 80000 на территории Швеции, половина из которых — на одном только острове Готланд, 4000 — в Дании, 400 — в Норвегии и отдельные экземпляры до самого Уэльса и Ирландии. В обратном направлении, в меньшем количестве, через Скандинавию довольно далеко на Восток проникают западные деньги: руанские монеты встречаются вплоть до Померании и Руси, а в Финляндии найдено более 800 английских. Разумеется, единого рынка от Атлантики до Туркестана никогда не существовало, но был целый ряд рынков, сообщавшихся одни с другими таким образом, что образовывалась непрерывная цепь. Будучи исполнена красочности, эта ситуация часто иллюстрируется сагами: так, Лаксделла сага изображает некоего Гилли Русского, продающего на ярмарке в Бреннъяре (место встречи Норве-

гии, Швеции и Дании) ирландскую принцессу Мелькорку исландцу Хоскульду.

По поводу источника драгоценных металлов, циркулировавших в Скандинавии, мы опять располагаем лишь гипотезами. Значительная их часть происходила из сокровищ западных монастырей, которые переплавлялись по возвращении из каждого набега (найденны хранилища при плавильнях, где разбитые предметы все еще узнаваемы); другая представляла собой «датские деньги», которые, в основном до начала X в., выплачивал франкский Запад, а затем главным образом Англия. Но существовало еще два других крупных источника серебра, практически недоступных без коммерческих посредников: рудники Туркестана, которые, по-видимому, играли доминирующую роль в X в., и Гарца, к которым она перешла в XI веке. Каким образом Скандинавии удалось скопить у себя столь заметную часть их продукции? В обмен на что? Безусловно, на товары, почти не оставляющие археологических следов: меха, деготь и, главное, рабов. В обогащении Скандинавии добыча и торговые прибыли смешались почти безнадежно^а.

Другая спорная проблема: доля металлической добычи, собранной викингами на Западе в течение первого этапа их экспансии, в скандинавских археологических находках оказывается гораздо меньшей, чем прибыль, вырученная варягами на путях Востока, франкские монеты являются огромной редкостью, в то время как дирхемы встречаются на каждом шагу; почему? Безусловно, это объясняется двумя причинами: варяги, скорее, купцы, чем пираты, в большей степени, чем викинги, были готовы ценить деньги выше простого металла; а викинги, без сомнения, использовали часть трофеев для финансирования своих поселений на Западе, особенно в Англии. Во время второго натиска, в конце X—

^а Лучшую разработку этих проблем в настоящее время можно найти в: Sawyer, *The Age of the Vikings* (215); ср. также Musset, *Les relations extérieures de la Normandie* (330), и, с осторожностью, храбрую статью Ван Клаверена, *Die Wikingerzüge* (234). В начале книги Christensen, *Scandinavia and the advance of the Hanseatics* (363) имеются некоторые блестящие рассуждения.

начале XI вв., дисбаланс между монетарной долей Запада и Востока стремительно разворачивается в сторону Запада.

Для самой Скандинавии результаты обогащения, связанного с викингами, были довольно незначительными, а в XIII в. им на смену пришел даже некоторый упадок. Он выразился, главным образом, в роскоши ради тщеславия, экономически довольно бесплодной, у части правящего класса. В окрестностях Бирки носили китайские и персидские шелка, пили рейнские вина и потрясали превосходными мечами, выкованными во франкской империи, но Швеция до конца XII в. оставалась на обочине европейской цивилизации. В Дании встряска была более ощутимой: наличие причинно-следственной связи между операциями викингов второй волны и зарождением первых долговечных городов, наподобие Рибе или Лунда, кажется, никем не отрицается. Однако лучше всего умели наживаться на введении в оборот огромных объемов драгоценного металла в периферийных регионах. Расцвет побережий Германии, а также Нормандии, Йорка и ирландских портов в XI в. является очевидным следствием феномена викингов^а.

Наконец, и это, возможно, самое главное, викинги побудили к товарообмену целые секторы Европы, они привели в действие торговые пути, которые в дальнейшем часто имели немалое значение. Если открытие движения в Северной Атлантике не привело к большим последствиям, то маршрут Норвегия-Шотландия-Ирландское море, проложенный в VIII в., и потом оставался очень активным, позволив оживиться западному фасаду Англии. В балтийском регионе установились прочные связи между Швецией, Прибалтикой и Финляндией; крестовые походы датчан в Эстонию и шведов в Финляндию являются их продолжением. Вновь от-

^а По поводу балтийского региона: Die Zeit der Stadtgründung im Ostseeraum (Acta Visbyensia, I), Visby, 1965. Относительно Англии: P. H. Sawyer, The wealth of England in the eleventh century (Transactions of the Royal Historical Society, XV, 1965, p. 145-164).

крытые викингами речные пути через всю Восточную Европу, из Балтики в Черное и Каспийское моря, стали экономическими и политическими осями польского и русского государств. Лишь морской путь к Гибралтару не обязан викингам ни одним из первых шагов своего развития.

Однако в своем стремлении к немедленной и примитивной наживе, которая почти не напоминает прибыли, терпеливо и понемногу накапливаемой купцом, викинг внес свой вклад, такой же или даже больший, в экономический взлет значительной части Европы. Он впервые позволил морям Севера непосредственным образом конкурировать со Средиземным морем в качестве экономической оси, что, в определенной мере, возместило упадок торговли в южных районах под ударами мусульман. Англия, Северная Франция, Нидерланды, прибрежная полоса Германии, таким образом, перестали быть удаленными тупиками, изгоями на берегах почти пустынного моря. Следовательно, экономическая отдача от движения викингов оказывается бесконечно более позитивной, чем от варварских нашествий на Позднюю Римскую империю.

Точно так же на счет норманнов можно отнести недву­смысленный прогресс в сельскохозяйственной сфере. По мнению одних, они внедрили во Франции пред­ставление о современной упряжи с хомутом на уровне лопаток, обеспечивающей более действенную тягу, и упряжке вереницей^а. Другие полагают, что их грабежи стали причиной распространения более продвинутых методов обработки земли, особенно на территориях, нуждавшихся в восстановлении, например, трехпольного севооборота, который до того момента использо­вался, главным образом, в огромных монастырских вла­дениях^б. На современном уровне наших познаний эти

^а Roger Grand, Les origines de l'attelage moderne du cheval, Comptes rendus hebdomadaires de l'Académie d'Agriculture, 1947, p. 701–709 и 1954, p. 716.

^б Lynn White Jr, Medieval Technology and social Changes, Oxford, 1962, p. 73–74.

смелые гипотезы пока не поддаются проверке. Однако ясно, что в начале XII в. и, главное, в XIII в. Нормандия была одним из наиболее энергичных очагов сельскохозяйственного и технологического прогресса во Франции: там использовали лошадь как рабочее животное, ввели боронование, применяли удобрения, строили ветряные мельницы и пр. Разумеется, связь с приходом викингов лишь косвенная: Нормандия достигла этих разнообразных успехов, потому что была богаче и предприимчивее своих соседей.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Роль нашествий IX в. и, особенно, норманнских завоеваний в истории городов Галлии была очень значительной. И дело не в том, что за пределами прибрежной зоны викингов нельзя упрекнуть за сколько-нибудь значительные и непоправимые разрушения. Но их вторжение отмечает собой перелом тенденции, которая с начала каролингской эпохи оказывала влияние на развитие городов. Тогда начались робкие попытки видоизменить облик выродившихся городов, оставшихся от Римской империи и меровингской эпохи. Епископы восстанавливали свои кафедры, а нередко и обширные монастыри, чтобы сделать возможным применение реформ, решение о которых было принято в 816 г. в Ахене⁹⁷; стало быть, часть жизненной активности городского ядра должна была сместиться на периферию. Иногда они даже решались на некоторые общественно-полезные работы, как, например, реставрация акведуков в Мансе. Желая способствовать этой программе, короли с легкостью разрешали снос обнесенных стенами городов, чтобы употребить их развалины в качестве каменоломен, как это было, например, в Реймсе около 817–825 годов.

Ввиду норманнской угрозы эту политику пришлось резко свернуть. Начиная с 860-х гг., города вернулись в свои спешно восстановленные в соответствии с древнеримским планом стены. Все планы переустройства пришлось оставить. Но в IX в. население в массовом

порядке переместилось в пригородные кварталы, обычно в бурги, создававшиеся вокруг какого-нибудь аббатства; бросить его на произвол судьбы было нельзя, но вернуть его в город было трудно, притом что Церковь сохраняла за собой земли, которые она там приобрела. Приблизительно в четверти случаев возводилась вторая стена, менее высокая и прочная, которая должна была защищать и сохранять эти монастырские кварталы. Множество городов, в том числе Тур, Лимож и Аррас, вышли из этого кризиса с любопытной двухчастной структурой Бург — (сите) Старый город.

Относительная эффективность городских стен, когда для них находились защитники, не помешала большинству городов, оказавшихся в поле деятельности викингов, сторать один или несколько раз. Исчезли многие незащищенные монастырские бурги, некоторые из которых, кажется, были на грани превращения в города, как, например, Сен-Рикье в Понтье. Сохранившиеся предместья оградили себя крепостными стенами. Кладбища, вопреки романскому праву, переносились из предместий в укрепленные города, в приходские церкви или на прилегающие к ним территории. Очень часто соборный комплекс упрощался и вместо двух или трех храмов, обычных для франкской эпохи, в него теперь входил только один. Город XI–XII вв. почти настолько же отличался от города раннего Средневековья, как последний от древнеримского.

Несмотря на посредственность раскопок, относящихся к городам IX и X вв., во Франции изучение городской топографии сейчас под влиянием археолога Ж. Юбера находится на пути к обновлению за счет критического пересмотра текстов и сооружений^а. Становятся ясно видны этапы этой эволюции.

^а См. особенно: Evolution de la topographie et de l'aspect des villes de Gaule du Ve au Xe s, Settimane, VI, 1958, p. 529–558; — L'abbaye de Déols et les constructions monastiques de la fin de l'époque carolingienne, Cahiers Archéologiques, IX, 1957, p. 155–164.

Прежде всего подчеркнем вслед за Веркотераном^а хронологический разрыв, который отделяет вторжения викингов от приведения городов в состояние обороны. Он свидетельствует о неспособности элит Запада осознать истинные масштабы норманнского нашествия. Как понять то, что еще в 859 г. архиепископ Сауса подумывал о том, чтобы разобрать укрепления Мелена, и что Карл Лысый согласился на это через несколько лет после появления викингов под Парижем? Без сомнения, считалось, что скандинавские набеги так и останутся эпизодом без продолжения. Кампания по фортификации началась только около 862 года. Сначала внимание было обращено на мосты, затем на несколько замков, расположенных вдоль рек; на севере Франции очередь городских стен и монастырских бургов настала только после 870 года. На западе же за них взялись только после 930 г., то есть в эпоху, когда на смену внешним завоевателям пришла «феодалная анархия».

Полезность укреплений зависела не столько от их прочности, сколько от того, с какой решимостью их защищали. Несмотря на полное соответствие своей цели, планы Карла Лысого о постройке укрепленных мостов потерпели крах из-за невозможности установить на них постоянную и готовую к обороне стражу. Также и города обычно предпочитали, скорее, договориться о выкупе, чем привести в боевую готовность свои наличные силы.

Повествования о взятии городов норманнами отличаются удручающим однообразием: разрушение, пожар, запустение, осквернение церквей, расхищение сокровищ. В том, что в них присутствует изрядная доля литературного штампа, нет сомнений^б. Можно наблюдать немало случаев явной топографической и институциональной преемственности, относящихся к городам, о которых было объявлено, что они полностью разрушены и даже оставлены жителями. Загадка кроется в том, что все эти источники клерикального происхождения, а церковники больше всего пострадали от викингов.

^а Vercauteren, Comment s'est-on défendu (240).

^б Это было подчеркнуто Жюлем Лэром в 1880: Jules Laire, Adresse à la Société de l'Histoire de Normandie, Bull. Soc. Hist. Norm., 1879–1880, p. 380 и сл. текст для размышлений.

Нередко оборона городских укреплений оказывалась парализованна из-за наплыва беженцев. Флодоард утверждает, что именно это случилось в Амьене в 925 году. Большинство возвращалось, как только тревога проходила, но некоторые, почти всегда духовенство, укоренялись в городе и занимали там видное место^а. В крайних случаях доходило до экономической стерилизации древнего городского центра, чем объясняется расцвет предместий тотчас после установления затишья.

В стороне от этого процесса оказались лишь портовые города Северного моря. Построенные из дерева, защищенные невысокими палисадами, они до конца оставались крайне уязвимыми. Некоторые надолго исчезли под ударами викингов и по причине вызванного скандинавами изменения торговых маршрутов, как, например, Кентовик в устье Канша, Дорестада в устье Мааса. Поколение портов, которое пришло им на смену, до начала XI в. оставалось почти незащищенным, как Тил на Ваале. Потому ли это, что купцы, взиравшие на них лишь как на временные склады, были связаны с ними недостаточно крепко для того, чтобы пойти на расходы ради строительства крепостных стен?^б

Тем не менее во многих регионах потери сразу же после катастрофы в полном объеме были возмещены настоящим возрождением. В Англии облик этого феномена проявляется наиболее ясно, там налаживается непосредственное сотрудничество потомков викингов^в. Однако он также коснулся почти всех пострадавших от набегов городов западной Франции; энергичные усилия местного населения по восстановлению руин привели к всеобщему динамизму, который настойчиво под-

^а Один любопытный текст показывает то, как в 880–890 гг. в Анжере под защиту городских стен стекались беженцы из всех провинций, начиная с монахов из Прюма и заканчивая епископом Нанта: Cartulaire noir de la cathédrale d'Angers, изд. Urseau, p. 37, № XV; комментарий К. F. Werner, Zur Arbeitsweise des Regino von Prüm, Die Welt als Geschichte, XIX, 1959, p. 107.

^б Интерпретация Эдит Эннен, Edith Ennen, Frühgeschichte der europäischen Stadt, Bonn, 1953, p. 132–133, вслед за Х. Планицем (H. Planitz).

^в См. ниже, стр. 245–247.

черквивают многие современные авторы^а. В городах вроде Анжера и Пуатье поражает обилие новых построек, на которое, начиная с 930–940-х гг., указывают хартии. В основном возрождаются предместья, часто их заселяют ремесленники или купцы. Во множестве строятся пригородные бургы; в итоге, у каждого старого города их насчитывается по три или четыре. По-видимому, французский запад стал основным очагом института «бургов» в Европе^б; именно там, во всяком случае в начале XI в. появились *burgenses*, («буржуа» в исходном смысле этого слова, по контрасту с *cives* «горожанами») древнего сите, правовая группа, которой предстояло мало-помалу завоевать всю Западную Европу^с. Так, одновременно с этим подъемом началось и раннее развитие нового социального класса, впрочем, малочисленного, занимающегося главным образом денежными операциями.

Влияние нашествий на жизнь сельской местности оценить гораздо сложнее. Часто хартии упоминают об опустении деревень, особенно вдоль водных путей^д.

^а Основные факты собраны в: Hektor Amann, Vom Städtewesen Spaniens und Westfrankreichs im Mittelalter, в кн.: Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesens (Reichenau Vorträge), Lindau, 1958, s. 105–150; ср. также Heinrich Büttner, Studien zum frühmittelalterlichen Städtewesen in Frankreich, op. cit., s. 151–189; Dietrich Claude, Topographie und Verfassung der Städte Bourges und Poitiers bis in das 11. Jh, Lübeck, 1960; Lucien Musset, Les invasions scandinaves et l'évolution des villes de la France de l'Ouest, RHD, 1965, p. 320–322.

^б Если первый известный случай относится к периоду до нашествий (Сен-Мартен в Туре, 837), то с X в. начинается распространение бургов, а в XI в. оно становится скачкообразным; и тогда этот институт получил распространение в множестве сельских местностей.

^с Первый определеннный пример относится к 1007 г. и городу Болье-ле-Лош (Beaulieu-les-Loches).

^д «Possent terram tenere si pax fuisset» (Смогут владеть землей только если наступит мир) рефреном звучит в одном турецком акте 900 г., ред. P. Gasnault, Le tombeau de saint Martin (311; 55–60); — «Villae et vici vicini Ligeri... devastati erant, ac etiam sine ullo habitatore deserti» (деревни и поселения на Луаре были опустошены, и полностью обезлюдели), сообщает *Нантская хроника* (35; 73).

Отдельных крестьян заносило очень далеко от дома: так, один житель Бокера проживал в Лотарингии^a. Рабочая сила, утратившая родину, стремилась наняться в качестве сельскохозяйственных батраков и часто низводилась до состояния сервов⁹⁸, несмотря на запрет капитулярия в Сервэ (853 г.) — любопытный отзвук имперских постановлений начала V в. по поводу беженцев^b. В некоторых регионах пришлось пойти на послабление повинностей^c, и не исключено, что это значительное облегчение феодального гнета для земельных держателей объясняется в большой мере именно этим кризисом рабочей силы. В целом тем не менее следует принять вывод, предложенный для северной Франции и Бельгии аббатом Плателем: «В общем, во время скандинавских рейдов не происходило ни опустошения сельской местности, ни истребления домениальных кадров»^d. Как представляется, это суждение подходит даже для некоторых районов скандинавской колонизации, и особенно, для большей части Нормандии, где после кризиса структура сеньории с удивительной быстротой вновь обрела твердость и систематичность, которые описывали монастырские полиптихи⁹⁹ IX века^e.

В неурядицах и разрухе 850–950 гг. социальные беспорядки и внутренняя анархия причинили не меньше вреда, чем викинги, которых столь удобно использовать в качестве козлов отпущения. Это показывают многие

^a Vita Johannis Gorziensis, MGH, SS, IV, 341, к. 15.

^b Capitulaire de Servais, ред. Boretius, Krause, MGH, Capitularia, II, p. 273, к. 9; — Réginon de Prüm, De synodalibus causis, PL, 132, p. 286, к. 5; комментарий Ph. Dollinger, L'évolution des classes rurales en Bavière, Paris, 1949, p. 164.

^c См. напр. в Chartes de Cluny, ред. Bérnard, Bruel, I, № 484, p. 467, акт 938 г. (речь идет о церковных повинностях, а мотивом для их облегчения являются одновременно *inrupio paganorum* («вторжение язычников») и *violentia pravorum* («насилие дурных людей»)).

^d Henri Platelle, Le temporel de l'abbaye de Saint-Amand des origines à 1340, Paris, 1962, p. 83.

^e Именно это мы попытались показать в L. Musset, Notes pour servir d'introduction à l'histoire foncière de la Normandie, Bull. de la Soc. des Antiquaires de Normandie, XLIX, 1942–1945, p. 7–97.

современные исследования, особенно в отношении Пикардии^а. Нормандия отчасти обязана своим замечательным расцветом в XI в. тому, что викинги установили свою власть в Руане, поскольку это в конце концов защитило его от смут.

Перед нами встает проблема, связанная с причинами возникновения укрепленных населенных пунктов и замков. Сведения, которыми мы располагаем, не позволяют сделать общего вывода: например, в Бургундии из-за норманнских набегов жители в одной местности построили или реставрировали населенный пункт на возвышенности, в другой же были вынуждены спуститься в долину^б. Без сомнения, с викингов надо снять всякую ответственность за появление укрепленных церквей, которое имело место не ранее конца X века. То, что в некоторых регионах укрепленные замки строились для защиты от норманнов, не вызывает никаких сомнений, но их распространение в других местностях, как, например, в области Реймса, хорошо известной Флодоарду, кажется связанной, скорее, с внутренними раздорами во франкском государстве. Лишь археология позволяет увидеть все это ясно, ценой тщательных раскопок «холмов», которые являются отличительной чертой сельских укреплений того времени.

Также возникает аналогичная проблема, связанная со статусом сельского населения на западе Франции. В IX в. жители этого региона ничем не отличаются от населения Парижского бассейна. Начиная с XI в., можно говорить о глубоком расхождении: серваж, прочно укоренившийся на востоке, редко встречается на западе, если не считать долины Луары, и практически

^а По поводу Корби: P. Héliot, L'abbaye de Corbie, Louvain, 1957; по поводу Омблиера вблизи Сен-Кантена: J. Van der Straeten, Analecta Bollandiana, LXXII, 1954, p. 50.

^б Именно нападениями норманнов можно объяснить то, что монахи из монастыря Везелэ в деревне Сен-Пер поднялись на вершину холма, в древнее *oppidum* («городище»), заново укрепленный аббатом Эдом в 889 г. (R. Louis, Girar, comte de Vienne, Paris, 1946), в то же время, по вине норманнов «городище» в Латиско было уступлено графству Бар-сюр-Об (Bar-sur-Aube) (M. Chaume, Recherches d'histoire chrétienne et médiévale, Dijon, 1947, p. 280).

^с Ср. в конце концов G. Fournier, Le peuplement rural en Basse Auvergne, Paris, 1962, p. 454.

исчезает в Нормандии. В отношении герцогства Нормандского часто вспоминают, вслед за Марком Блоком, о «чувстве свободы», носителями которого были скандинавы. Мы никак не можем этому поверить. Как можно было увидеть, это так называемое «чувство свободы» проявилось прежде всего в активном возрождении рабства! На Мен, Верхнюю Бретань, Нижний Пуату, викинги могли оказать лишь отрицательное влияние, разрушая прежние структуры. Если исчезновение серважа произошло быстро и повсеместно в герцогстве Нормандском, то потому, что там, под контролем правителя, и люди и земли были предметом общей регламентации^а.

Возможно, другие регионы континента, прежде всего на побережье Северного моря, в Нидерландах и Германии, в своем социальном развитии испытали более непосредственное влияние со стороны викингов^б.

ЭПОХА ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Восстановление Запада после последних нашествий еще почти не изучено, разве что, может быть, в Англии, где оно совпадает с «дунстановским» ренессансом. Однако это плодотворная тема для изысканий при условии обращения к очень разнообразным дисциплинам.

До настоящего времени лишь церковная сторона этого феномена стала предметом прицельного изучения, правда, в очень локальном масштабе. Нам достаточно хорошо известно, например, как в X и XI вв. снова проложило себе путь в Нормандию монашество^в, или как вновь начали функционировать некоторые епископства Бретани и Нормандии^д. Повсюду в огромных масштабах велась

^а L. Musset, RHD, 1954, p. 160–162.

^б H. Aubin, Von den Ursachen der Freiheit (359).

^в Dom Jean Laporte, Les origines du monachisme dans la province de Rouen, Revue Mabillon, XXXI, 1941, p. 1–13, 25–41, 49–68; — Lucien Musset, La contribution de Fécamp à la reconquête monastique de la basse Normandie, в кн.: L'abbaye bénédictine de Fécamp, I, Fécamp, 1959, p. 57–66 и 341–343.

^д John Le Patourel, Geoffrey of Montbray, bishop of Coutances, EHR, LIX, 1944, p. 119–158; François Merlet, La restauration du

материальная реконструкция церквей и аббатств, вероятно, большая, чем позволяют утверждать критические подсчеты, основанные одновременно на текстах и раскопках.

Однако у нас еще очень мало исследований по поводу финансирования этих работ или восстановления монастырских богатств. А. д'Энан предположил, что потребность в значительных суммах денег способствовала развитию некоторых культовых форм, например, почитания мощей, позволявшего без труда собирать пожертвования^а. В Нормандии, для того чтобы финансировать огромные программы по восстановлению, использовали добычу, которую прямые наследники викингов продолжали захватывать на удаленных театрах военных действий. Кафедральный собор в Кутансе был отстроен заново на средства, присланные Робертом Гвискарром¹⁰⁰, соборы в Се и аббатстве Сент-Эвркуль были оплачены деньгами, которые пожертвовали старики, проживавшие в этой епархии и в свое время разбогатевшие в Апулии и Византии; остальное обеспечила местная торговля, еще одно косвенное следствие завоеваний, притом что Церковь, в значительной мере, брала свою долю благодаря рыночным пошлинам и другим сборам^б. Но, по-видимому, герцогство Руан представляет собой совершенно особый случай. Интересно было бы узнать, на какие средства были застроены новыми церквями, например, область Луары или Пикардия.

Еще меньше нам известно об интеллектуальном аспекте этого церковного возрождения. Баланс между утраченными и уцелевшими сокровищами монастырских библиотек и архивов следовало бы установить по регионам. Это было бы поучительно. В настоящее время у нас есть только несколько общих обзоров,

diocèse de Tréguier apres les invasions normandes, Mémoires de l'Association Bretonne, XLI, Congrès de Lannion, 1930, p. 84-94.

^а Резюме одного неопубликованного сообщения, RBPH, XXXVII, 1959, стр. 1117.

^б Lucien Musset, Les condition financières d'une réussite architecturalé les grands églises romanes de Normandie, dans les Mélanges Renè Crozet, Poitiers, 1966.

очень ценных, но кратких, монсеньора Лена^а и несколько хороших очерков, относящихся к отдельным аббатствам^б. В Нормандии эта проблема приняла драматическую окраску, на которую еще не было обращено достаточного внимания: сразу после норманнского завоевания оказалось, что после эпохи каролингских великолепных скрипториев эта провинция практически утратила всякую письменную документацию. В самом Руане в оригинале сохранились лишь две каролингские хартии на все герцогство, плюс очень небольшое количество библейских и литературных рукописей в Мон-Сен-Мишель. Все то, что нам еще известно о до-норманнском периоде, происходит из документов, вывезенных во время повального бегства монахов от викингов. Очень незначительная их часть вернулась на родину. Многие документы остались в парижском регионе или других пристанищах беженцев. Манускрипты из Сен-Вандрий очутились в Трире, тома из Жюмьежа попали в Санкт-Галлен, — удачное пополнение, поскольку оно косвенным образом послужило к обновлению средневековой музыки^с.

Когда буря улеглась, начался чрезвычайно ревностный поиск рукописей, относящихся к прошлому разоренных провинций, прежде всего и главным образом житий святых, которые помогли бы подтвердить подлинность сохранившихся мощей и хартий, которые еще могли бы обладать практической пользой. У нас есть несколько указаний по поводу методов их сбора, которым следовали в Пуату^д и, в основном, в Нормандии.

^а Mgr. Émile Lesne, Histoire de la propriété ecclésiastique en France, IV, Les livres, scriptoria et bibliothèques du commencement du VIIIe à la fin de XIe siècle, Lille, 1940.

^б Например, о Сент-Амане (Север), работу аббата Плателя, Revue du Nord, XLIII, 1961, p. 129.

^с W. von den Steinen, Notker der Dichter und seine geistige Welt, Berne, 1948, I, s. 507–508, чтобы не обращаться к музыковедческим исследованиям.

^д Ср. любопытный документ, анализируемый Максом Фази, Catalogue des actes concernant les Bourbonnais, Moulins, 1924, p. 97, № 82.

Что касается книг, то лучшим средством было поощрение переписчиков: в X в. постепенно вернулись к работе нормандские *скриптории*, и уже гораздо более активно в XI в.; но на западе герцогства документы конца XI в. еще говорят о настоящем книжном голоде, который иногда утолялся своеобразными способами^а. Хартий уцелело настолько мало, что их тут же принялись подделывать в огромном количестве...

В том, что касается развалин мирских построек, мы находимся в состоянии почти полного неведения. Два интересных текста, относящихся к очень специфическим случаям, говорят о том, что в Нормандии строили в камне, который добывали в древних архитектурных строениях. Один напоминает об участии Руана: во время мимолетного занятия этого города франками в 945 г. представитель Людовика IV велел перенести камни из монастырей, разрушенных викингами, в низовья Сены «*ad reparandam civitatem*»^б (чтобы восстановить город), точно так же, как сами эти монастыри были построены тремя веками раньше из материалов от римских руин из Лилльбона. Другой текст упоминает о событиях в Се: когда мир с норманнами возродил там иллюзию безопасности времен прекрасной каролингской эпохи, епископ Ацсон около 990–1000 гг. приказал снести крепостную стену, чтобы восстановить свой собор^в. Нам лучше известно о краткосрочных реставрациях построек в промежутках между викингскими набегами, как, например, в Туре около 871 г. или в Труа после 887 г.^г, чем о том, что было сделано, когда внешней опасности пришел конец. И это еще одна лагуна.

^а Около 1082 г. граф Мортена распорядился изъять все книги, как только могли существовать в его графстве, и отдать их монастырю, только что основанному: хартия издана J. Boussard, MA, LVIII, 1952, p. 266.

^б Guillaume de Jumièges, ред. Marx (47; 52).

^в Orderic Vital, интерполяция в: Guillaume de Jumièges, ed. Marx (47; 165).

^г Тур: письмо, в котором папа Адриан II предлагает, чтобы город, восстановленный Карлом Лысым, впредь назывался *Каролидунум*, *Historiens de la France*, VII, p. 455–456; — Труа: F. Lot, *La destruction et la reconstruction* (318).

Глава VIII

ВИКИНГИ: ЛОКАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Каждая из завоеванных или колонизированных скандинавами территорий имела свое собственное лицо, которое зависело в равной мере от тех, кто там жил до прихода викингов (или их отсутствия, как на Фарерских островах, в Исландии и Гренландии), от того, какому именно скандинавскому народу принадлежала там ведущая роль, и от времени начала операции. Из числа этих многочисленных примеров мы остановимся на трех, имевших особое значение для будущего Европы, — это Область датского права (Денло), Нормандия и Киевская Русь.

АНГЛО-СКАНДИНАВСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Убытки, нанесенные Англии в ходе этого нападения викингов, были весьма значительны, но зато их компенсировал демографический и торговый подъем, начавшийся в результате интеграции острова в новое экономическое пространство. Те, кто понесли утраты, и те, кто получили прибыль, никак не были одними и теми же людьми: в список пострадавших попало духовенство и земельная аристократия, а в число выигравших вошли горожане и средние сельские собственники.

Основные разрушения датируются двадцатью годами, которые последовали за приходом в 865 г. датской «великой армии». В Восточной Англии и Нортумбрии с лица земли была стерта добрая половина епископств

и половина монастырей^а. Понятно, сколь серьезными были последствия этого стремительной гибели очагов северо-английской культурной традиции. На юге разрушения были менее обширными.

Города, где могли найти защиту беженцы, столь многочисленные на континенте, в период первого вторжения викингов отсутствовали в Англии, а крепостные стены еще не были приведены в должное состояние после саксонского завоевания. За исключением Питерборо, разрушенного в 870 г. и укрепленного только в конце X в., монастырских бургов, обнесенных стенами, было очень мало; из аббатств сохранились только маленькие строения в гористых местностях.

Возможно, что, в отличие от Галлии, к гонениям, которым здесь подверглась Церковь, примешивалась и доля языческого фанатизма: в нашем распоряжении имеются топонимические следы проникновения в Англию культов Тора и Одина и монеты с изображением молота Тора. Некоторые короли Йорка были убежденными язычниками. Тем не менее в целом правители были заинтересованы в союзе с епископатам, и преемственность архиепископов Йоркских прерывалась не чаще, чем в Руане.

Реставрация христианства продолжалась на протяжении всего X века. Решительный перелом, с восстановлением монашеской жизни в Гластонбери около 940 г., затем в Абингдоне около 954 г., знаменует собой деятельность св. Дунстана. Уэссекс подвергся переустройству первым; около 965 г. наступает черед бывшей датской области Восточной Англии и пяти городов. Только древнее Йоркское королевство до самого норманнского завоевания заняло непреклонную позицию к этому движению^б. Новое монашество было Примеча-

^а Лакуны в епископальных списках наблюдаются и на юге (напр. в Элххаме, Дорчестере, Лестере). Из всех монастырей севера уцелеть удалось только братии из Линдисфарна: монахи сначала отправились на запад, дойдя до Ирландского моря (876 ?), затем вернулись в Честер-ле-Стрит в 883 г., и, наконец, остановились в Дареме в целиком датском районе (после 993 г.); будучи тесно связанными с епископом, они фактически играли роль капитула.

^б Правда, около 980 г. там был основан Рипон, но ненадолго, так что в 1066 г. к северу от линии Честер-Дерби-Линкольн не

тельно своими тесными связями с лотарингской реформой¹⁰¹ и с Флери-сюр-Луар, что говорит о том, что сообщение с континентом было быстро восстановлено.

Тот факт, что скандинавы стали обустриваться в Англии, по-настоящему встряхнуло экономику этой страны. Один нумизмат^a заявляет, что «когда в 867 г. викинги овладели Йорком, в их руках оказалось королевство, которое с экономической точки зрения уже давно находилось в состоянии банкротства»: местные деньги обесценились, и чеканка прекратилась еще 25 лет назад. Незадолго до 900 г. датские короли снова открыли монетный двор, который в течение всего X в. постоянно и в изобилии выпускал высококачественные монеты; сначала на нем работали мастера с континента или из Уэссекса, но вскоре он оказался в состоянии функционировать с чисто скандинавским персоналом. После обратного завоевания в 944 г. содержать монетный двор стали английские короли. Недавние раскопки^b показали, что при датских королях площадь Йорка удвоилась. Вдоль Уза, за пределом древнеримских крепостных стен, появился квартал ремесленников и торговцев, разделенный на ряды со скандинавскими названиями на *-гейт* (древнесканд. *gata*, «улица»), и с несколькими церквями; одна, посвященная Олафу Святому, в XI в. служила местом захоронения англо-датских *ярлов*. Этот расцвет, который около тысячного года в напыщенных выражениях описывается в житии св. Освальда^c, в 1068–1069 гг. был грубо прерван Вильгельмом Завоевателем.

было ни одного монастыря. Следовательно, приобщение «Области датского права» к христианской цивилизации было гораздо менее глубоким, чем в случае Нормандии, где только викинги, осевшие на крайнем западе, выказывали некоторую неприязнь к монашеству.

^a R. H. M. Dolley, *The post-Brunanburh Viking coinage* (261; 16).

^b D. M. Waterman, *Finds from York* (281).

^c Vita s. Oswaldi, éd. J. Raine, *Historians of the Church of York* (55; v. I, p. 454): «город Йорк... расцвел и обогатился за счет товаров, которые купцы, по большей части датчане, свозили туда отовсюду».

Археологи пришли к аналогичным выводам в отношении городов Восточной Англии. Там превращение обычных деревень в городские сообщества имело место между концом IX и началом XI века^а. Так, Норидж в конце IX в. был не более чем крупной деревней; однако после ухода датчан в 920 г. король Ательстан основал там монетный двор; в 1004 г., когда прибыла вторая волна датчан, он уже был настоящим городом; в 1087 г. в нем уже было 25 церквей, а несколько его улиц носили характерное название, оканчивавшееся на *-гейт*. Та же история повторяется в более скромном масштабе в Тетфорде и Данвиче. Даже Лондон в начале XI в. сохранял ощутимые следы присутствия датчан; именно им мы обязаны кварталом Саутворк на правом берегу Темзы, а их интеграция в городскую жизнь засвидетельствована погребальными памятниками, иногда руническими, найденными на кладбищах Сэйнт-Пол и Ол Хэллоуз возле Тауэра. В некоторых городах еще долгое время после того, как они были отвоеваны англичанами, продолжали существовать типично скандинавские институты, например, в Линкольне и Стэмфорде, которыми вплоть до нормандской эпохи управляли *ломены* («люди закона»)¹⁰².

До 800 г. Англия почти не имела городов, достойных этого наименования, кроме юго-востока (там находились порты, вроде Хэмвича или Лондона, или столицы — как Кентербери или Винчестер). После прихода викингов она полностью преодолела свое отставание от континента в сфере урбанизации. Всю страну покрывает плотная сеть городов, одни из которых непосредственно основываются или восстанавливаются завоевателями, а другие строятся англичанами, чтобы служить оплотами сопротивления (*бурги*, заложенные Альфредом Великим и королевой Мерсии Этельфледой). Возрождаются античные поселения — например, Честер в 907 г., развивается и целый ряд новых, причем все они более или менее укреплены. Там вводится королевская админис-

^а Clarke, East Anglia (258 bis).

трация, и английское общество начинает изменяться^а. Это один из узловых моментов истории острова.

То, что в нескончаемых войнах IX и X вв. саксонская аристократия претерпела очень тяжкие испытания, достаточно ясно показывают нарративные и литературные источники. На каждой их странице можно прочитать имена принцев или *эльдорменов*, павших в бою; сама королевская династия Уэссекса едва не пресеклась. Однако к 1066 г. правящий класс был уже восполнен, а его численность значительной. Это стало возможным исключительно благодаря обильным вливаниям датской крови. Размах этого процесса подтверждается несколькими соображениями: половина англосаксонской знати приняла скандинавские имена^б; в Северной Англии происходит чрезвычайно сильная варваризация образа жизни местной аристократии (очень яркий свет проливает на это своеобразная латинская *сага*, посвященная династии англо-датских *ярлов* Нортумберланда)^в; скандинавские скальды были востребованы в Англии примерно до середины XI в.; наконец, вплоть до битвы при Гастингсе охрана королевской особы была поручена корпусу *хускэрлов*, сформированному по датскому образцу и из датчан^д. Едва ли будет преувеличением сказать, что в 1016–1066 г. Англией, вне зависимости от того, кем номинально был ее король — датчанином или англичанином, — фактически управлял

^а Эта перемена не была мгновенной. В новых *бургах* центральной Англии уже давно начала развиваться собственно городская экономическая деятельность, и эта городская структура, возникшая в X в., долгое время оставалась нестабильной. Вильгельм Завоеватель, должно быть, придал ей заметные штрихи, переведя в эти города епископские кафедры из местностей, которые пришли в упадок.

^б Точные данные для середины XI в. можно найти в: Tryggvi J. Oleson, *The witenagemot in the reign of Edward the Confessor*, Toronto, 1955, прил. L, p. 149; — по поводу других периодов ср. Lehiste, *Names of Scandinavians* (266).

^в De obsessione Dunelmi, ред. Th. Arnold (вслед за трудами Симона Даремского (54; I, 215–220).

^д См. списки F. M. Stenton, *The first century of English Feudalism*, Oxford, 1932, p. 120–121.

датский или ассимилированный датчанами правящий класс. Общественное мнение не всегда охотно смирялось с подобным положением вещей: известен не один случай, когда в начале XI в. англичане бойкотировали новых датских господ и вынуждали их к бегству или перепродаже своих земель; ироническое удовлетворение хронистов, когда они сообщают о таких эпизодах, очевидно^а. Именно благодаря этим настроениям Эдуард Исповедник смог какое-то время сопротивляться влиянию партии Гарольда. Что касается предшествующего периода, от Эдуарда Старшего до Этельреда II, то, несмотря на единого правителя, тогда наблюдалось настоящее разделение между фактически саксонской аристократией юга и датской аристократией севера.

Эволюция сельского общества гораздо более спорна. Традиционный тезис, энергично сформулированный Стентоном^б, гласит, что целый класс свободных земледельцев северной Англии, обычно называвшихся *сокменами*, жил по скандинавскому праву и в большинстве своем состоял из потомков датчан. По мнению этого ученого к юго-западу от разграничительной линии, проведенной между владениями Альфреда и Гутрума¹⁰³, этот класс не существовал, а начало ему было положено дележом земли между датскими воинами в 877 году. Опровергая этот взгляд, два современных автора, Р. Х. С. Дэвис и П. Х. Соьер, считают его ошибочным: *сокмены* были редкостью в самых датских графствах, Йоркшире и Дербишире. Их почти невозможно обнаружить в древнем датском королевстве в Восточной Англии. Контраст же между юго-западом и северо-востоком Англии возник еще до прихода викингов. Короче говоря, *сокмены* являлись уцелевшими представителями

^а Показательные документы собраны в: J. Ambrose Raftis, *The Estates of Ramsey Abbey*, Toronto, 1957, p. 5.

^б F. M. Stenton, *The free peasantry of the North Danelaw*, Kgl. human. Vetenskapssamfundet i Lund, *Arsberättelse*, 1919–1920, p. 73–185, и *Documents illustrative* (273).

^с Davis, *East Anglia and the Danelaw* (260); — Sawyer, *The density of the danish settlement* (270).

англосаксонского среднего класса, которых датское завоевание освободило от гнета аристократии, а в XI в. снова прибрало к рукам королевское правительство. Влияние викингов было лишь очень косвенным. В пользу этого говорит и то, что у скандинавов не было института, похожего на *соку*¹⁰⁴. Участки земли, названные на скандинавский манер (*манслот*, «доля одного человека», *тенманлот*, «доля 10 человек»), очень редки и встречаются почти исключительно в Восточной Англии.

Ни одна страна, подвергшаяся скандинавской колонизации, не становилась объектом столь углубленного топонимического и антропонимического исследования как Область датского права. Были составлены точные карты плотности населения, с учетом даже названий сельской местности. Казалось, специалисты пришли к согласию: первая волна викингов покрыла северо-восток Англии плотным слоем, который в нескольких местах почти стер нижележащие пласты. И именно тогда молодой историк, П. Х. Сойер, заявил эффектный протест^a.

Мы говорим о том, что Англии не давали покоя «армии». Но хорошо ли мы знаем, что представляла собой армия того времени? Законы Инэ¹⁰⁵ точно указывают, что армия должна насчитывать минимум... 35 человек! В морских сражениях периода правления Альфреда, о которых мы располагаем надежными сведениями, сталкивались от 4 до 23 кораблей, в то время как анналы, повествуя в расплывчатой манере, говорят о 200, 300, или 350 судах! В целом, датская армия IX в. состояла всего-навсего из нескольких сотен людей. Иными словами, она была не способна к колонизации одновременно вширь и вглубь. Когда же эта колонизация действительно началась, то она стала возможной лишь благодаря постепенной иммиграции датчан, позднейшей по отношению к завоеванию; и, безусловно, плотность заселения Англии скандинавами не стоит преувеличивать. Сохранение датского наречия до конца XI в. (или даже еще позже) объясняется близостью этих двух языков, а также, несомненно, присутствием в Англии существенного женского элемента

^a Sawyer, The density (270).

из Дании^а. В пользу этого скептицизма говорит и археология, которая не выявила ничего, кроме ничтожного количества датских языческих захоронений^б. Итак, историков не должны вводить в заблуждение последствия волны викингских набегов IX в.; им, напротив, следовало бы, скорее, подумать об «эффекте второй волны» XI века. Обычно о нем вспоминают только по отношению к аристократии.

Такова умышленно категоричная позиция Сойера. Топонимисты считают ее не выдерживающей критики, ведь массированное проникновение скандинавских элементов в микротопонимию должно свидетельствовать о наличии густого сельского населения в Англии, прибывшего из Скандинавии. Это похоже на правду. Однако Сойеру по-прежнему принадлежит заслуга того первого потрясения, которое он вызвал. Трудно оспорить ту роль, которую он отводит миграциям, происходившим после IX века. Не менее убедительны его замечания по поводу того, что избитые скандинавские термины, вошедшие в локальный английский (как, например, *toft*, «построенная ограда»; *thveit*, «распашка нови, луг»; *lundr*, «мелкий лес») вовсе не являются убедительными доказательствами. Впредь критике придется стать более взыскательной, особенно в том, что касается государственных институтов, поскольку многие традиционные взгляды в этой области, например, в отношении Нормандии, достаточно бессодержательны.

Проще прийти к согласию по поводу национальности нападавших и поселенцев. Как и во всем мире викингов, банды, высаживавшиеся в Англии, были очень неоднородными. Скандинавские рунические надписи свидетельствуют о широком участии шведов в операциях Свена и Кнута Великого, но речь, по-видимому, идет только о наемниках, вскоре уволенных. В том, что касается колонизации, дискуссия ограничивается датчанами и норвежцами; причем первые более отчетливо вырисовываются на страницах нарративных источников,

^а Полезные заключения в: Arngart, *Some aspects* (254).

^б Одно из которых — это настоящее кладбище в Инглби, Дербишир.

участие же в колонизации вторых возможно проследить только прибегнув к ономастическим исследованиям^а.

Не следует позволять себе слишком сильно реагировать на название Денло — «Область датского права», которое традиционно применяется к скандинавскому сектору северо-восточной Англии: оно, похоже, датируется только XI в., периодом Империи — действительно, датской — Кнута Великого^б.

Норвежский элемент и сам не был однородным. Он состоял по большей части из переселенцев во втором поколении, ранее обитавших в кельтских странах и принесших с собой слова, имена собственные и рабов, приобретенных в Ирландии, на шотландских островах и Мэне^с. И именно по этим кельтским «следам» норвежцев удобнее всего распознавать, как здесь, так и в Нормандии.

Кроме того, норвежцы осели на восточных берегах Ирландского моря, от Шотландии до Уэльса, в основном на полуостровах Ланкашир и Кумберленд, а также в «озерном крае». Через перевалы Пеннинских гор они прорвались на запад Йоркшира и с начала X в. активно конкурировали с датчанами этого графства, что выражалось в чередовании на троне Йорка датских и ирландско-норвежских правителей. И наоборот, некоторые датчане перемешались с норвежцами Виралья, как это сделали их соотечественники в самой Ирландии. Эта норвежская колонизация, по-видимому, была индивидуальной, или по крайней мере семейной, и обычно мирной; ее плодом стало появление маленьких деревенок, население которых вело полускотоводческий образ жизни. Никакого политического образования она не породила.

Остальной частью скандинавской Англии владели датчане. Как и везде, их отличала организованность, коллективность и воинственность всех их предприятий.

^а См. наконец прекрасную разработку в: Wainwright, Danes and Norwegians in England (279).

^б D. Whitelock, Wulfstan and the so-called Laws of Edward and Guthrum, EHR, LVI, 1941, p. 1–21.

^с Ekwall, Scandinavians and celts (262).

Их колонизация часто охватывала ранее существовавшие населенные пункты; когда же создавались новые деревни, они по своей структуре мало отличались от тех, в которых жили английские крестьяне, и были ориентированы главным образом на производство зерновых культур, безусловно, с достаточно сильной системой коллективного принуждения. Обычно колонисты селились в окрестностях города, выбранного в качестве штаб-квартиры одной из «армий», деливших между собой страну. Датчане составляли важную политическую силу, часто разобщенную внутри себя, но способную на жесткие карательные меры и всегда угрожавшую единству английского государства.

В то время как норвежская колония в Англии была слишком незначительной, чтобы оказывать обратное воздействие на метрополию, Область датского права все больше и больше проявляла себя в качестве горнила, в котором отливалась новая цивилизация, сначала распространившаяся на саму Данию, а затем, в меньшей степени, на Руанское герцогство. Целый ряд институтов, которые вот уже много лет считались занесенными в Англию скандинавами, оказались, напротив, самобытным продуктом англо-датского общества, впоследствии экспортированным в скандинавский мир. Область датского права была очагом синтеза, сопоставимым с Нормандией. Приведем тому два примера, недавно изученных убедительным образом: военная дружина и урегулирование раздела пахотных земель согласно ориентации по сторонам света^а.

Начиная с XI в. хорошо известна вооруженная свита (хирд), связанная со скандинавскими правите-

^а По поводу первого вопроса ср.: Kuhn, Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft (265); его общие выводы энергично оспариваются Вальтером Шлезингером в: Walter Schlesinger, Randbemerkungen zur drei Aufsätzen über Sippe, Gefolgschaft und Treue, Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters, Göttingen, 1963, II, p. 287–334, однако факты, которые нас интересуют, здесь остаются без внимания. Относительно второго вопроса: различные статьи и труды Сольве Горансона (Sölve Göranson), разбираемые в Annales de Normandie, XI, 1961, p. 254, и Regular open-field pattern (364).

лями клятвой личной преданности. По-видимому, этот институт имел особенно глубокие корни в норвежском обществе, где играл значительную роль. Соблазнительно представить его в качестве общегерманской черты, тем более что к этому подталкивают поразительные аналогии с *comitatus* («комитатом»)¹⁰⁶ эпохи «Великого переселения народов», как и то, что он существует в Англии до 1066 года. Однако Ханс Кун показал: а) что у англосаксов древний германский институт комитата исчез в VIII в.; б) что к тому же словарный запас скандинавской дружины содержит многочисленные английские термины, начиная с *хирда*; в) что вооруженные свиты при правителях возникли в скандинавском мире только с X в. и особенно после 1015 года. Из этого ученый делает вывод, что в данном случае речь идет об элементе смешанной цивилизации Области датского права, привезенном норвежцами в свою страну и с энтузиазмом воспринятом по всей Скандинавии. Тогда становится вполне понятным отсутствие *хирда* во многих скандинавских колониях периода первой волны, и прежде всего в Нормандии, поскольку это герцогство было, в целом, невосприимчивым к достижениям периода второй волны (тем же объясняется и принятие на Руси славянского аналога, дружины). Короче говоря, институт, который считался принадлежностью самого отдаленного германского прошлого, в Скандинавии сложился только около 1066 года. Очень вероятно, что все то же самое уместно и в отношении другого скандинавского военного института XI–XII вв., морского ополчения (*ледунг*)^а.

Что касается сельского хозяйства, то в 1936 г. Оман привлек внимание к тому факту, что кадастры северо-восточной Англии и скандинавские законы предусматривают систему дележа земель, исходя из ориентации по сторонам света (откуда шведское название *solskife*)^б. Из этого был сделан вывод о том, что речь идет о скандинавском институте, привитом в Области датского права викингами. А вот Горансон пытается показать, что система раздела земли в соответствии с ориентацией по сторонам света является ан-

^а См. ниже, стр. 123 и 219–221.

^б G. G. Nomans, Terroirs ordonnés et champs orientés. Un hypothèse sur le village anglais, Ann. d'Hist. Econ. et Soc, VIII, 1936, p. 438–448.

глийским продуктом, связанным с местной фискальной системой (обнаруженные следы значительно выходят за рамки области, колонизированной датчанами), и что скандинавский «solskife» был заимствован викингами у английского общества, и привился в Скандинавии только после тысячного года. С другой стороны, мы полагаем, что помимо этого Область датского права стала своего рода лабораторией, разработавшей весь сельскохозяйственный словарь, впоследствии принятый в западной Нормандии^а. К тому же этот регион, по-видимому, был очагом сельскохозяйственной цивилизации, оказавшей влияние на всю датскую Европу.

Влияние Области датского права было столь велико, что продолжалось даже после уничтожения ее нормандцами Вильгельма Завоевателя. Избегнув окончательного разгрома, многочисленные беженцы достигли Норвегии и Дании, где заняли важное место, главным образом в Церквях. Они внесли огромный вклад в сближение цивилизаций Скандинавии и Запада.

НОРМАНДСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Вклад викингов в рождение и созидание герцогства Нормандия постоянно остается предметом оживленной дискуссии. Традиционное мнение, поддерживаемое исследованиями Пренту^б, отводит скандинавским факторам решающую роль почти во всех сферах, даже в столь консервативной, как сельскохозяйственные институты, — по крайней мере до триумфа феодализма, который стал явным после 1025 года. Его же, в основных положениях, отстаивают недавние исследования Ф. М. Стентона и М. де Боара^с. Опровержение этой теории, у истоков которого стоят историки сельскохозяйственных институтов Х. Навел и Р. Караби, разрабатывается автором этих строк

^а Musset, Pour l'étude des relations (331).

^б Prentout, Essai sur les origines (332) и Étude critique sur Dudon (333).

^с Stenton, The Scandinavian colonies (335); de Bouïard, De la Neustrie carolingienne (324).

с 1945 года. Не отрицая никаких очевидных скандинавских привнесений, он силится четче обрисовать и выявить на их фоне не менее убедительные факты наличия преемственности между франкскими и нормандскими институтами.

На обсуждение были предложены три соображения:

А) Во всех своих кампаниях викинги руководствовались обостренным чувством скорейшей экономической выгоды. Оно привело их, в частности, к принципиальному согласию на сотрудничество с каролингским государством в Сен-Клэр-сюр-Эпт. У нас нет оснований полагать, что после своего закрепления в Руане они отказались от своих взглядов. Следовательно, норманны могли захотеть сохранить на своем месте и даже привести в систему институты, в которых они были заинтересованы.

Б) Франкские институты не были недоступны их пониманию. В Нормандии викинги много жгли и грабили, но бесповоротно было уничтожено только небольшое количество деревень и ни одного города. По окончании кризиса расстроеными оказывались лишь самые уязвимые структуры, как, например, монашество, однако масса населения всегда выживала, и пример соседних регионов был на виду.

В) Наконец, традиции поселенцев сильно варьировались в зависимости от их происхождения. Чтобы построить государство, герцогам пришлось учитывать все эти особенности и сделать между ними выбор. Почему в процессе создания своего герцогства Роллон и его преемники отказались применить весь опыт, накопленный скандинавами, хоть это, казалось, и было в их интересах? Вероятно, потому, что до конца X в. скандинавские традиции были менее благоприятными для княжеской власти, в то время как каролингское государство, такое, каким оно еще было в 911 г., могло предложить правителю много полезного.

По нашему мнению, у нормандского герцога и герцогской власти долгое время имелись два лика. Один из них, определенно, был скандинавским, и у Снорри Стурлусона, были все основания назвать (в XIII в.) первых герцогов Руана *Rundhu jarlar*, «ярлями Руана», а Рихер¹⁰⁷, этот язвительный враг норманнов, также не без некоторой причины именуется своего современника

герцога Ричарда I *comes piratorum* («графом пиратов»). Другой лик — вполне франкский, и грамоты^а не менее резонно именуют герцогов *comes Rothomagensis*, то есть графами Руана каролингского образца — или *tachionnes*, — маркграфами, титулом, который носил их предшественник в Руане, которого франкский король назначал, чтобы защищать низовья Сены от пиратов^б.

В числе франкских черт герцогской власти отметим, прежде всего, что герцог Руана унаследовал от франкских королей и графов земельные владения, церковные прерогативы (назначение епископов, *custodi* — патронаж над аббатствами), а также фискальные права^с. Нормандское обычное право в том виде, в каком оно формулируется в сводах XIII в., является франкским больше чем на девять десятых. Система сельских держаний по духу, если и не по всей букве, копирует систему каролингских полиптихов^д. Легко предположить, что норманны снова запустили вполне исправные каролингские механизмы графства Руан и *pagi* («округа»¹⁰⁸), которые от него зависели, а затем с некоторыми модификациями применили эту систему, доработанную, таким образом, к другим покоренным ими регионам.

Скандинавские черты более разрознены. Многие доступны только в самых древних источниках, поскольку оказались вытесненными, когда Нормандия решительно взяла курс на феодализм и христианство. Прежде всего, и здесь лингвистика идет рука об руку с историей институтов, имел место мощный вклад в морскую сферу — рыболовство, китобойный промысел, кораблестроение, законы о вещах, потерявших владельца, и, безусловно, неизвестные нам юридические механизмы, позволившие Вильгельму Завоевателю столь стреми-

^а Которые собраны в: Fauroux, Recueil des actes des ducs de Normandie (45).

^б Этой мыслью мы обязаны нескольким работам Ж. Дондта.

^с Именно в Нормандии дольше всего, до XVII в., сохранились такие каролингские налоги, как «*fodrum*»¹⁰⁹, ставший «*bervagium*»¹¹⁰, и «*census regius*»¹¹¹, превратившийся в «*gravaria*»¹¹².

^д Не исключено, что подавляющий перевес франкских форм связан с тем, что они были гораздо более выгодными для аристократии, чем скандинавские обычаи.

тельно мобилизовать крупный флот в 1066 году. В сельской среде, несмотря на то, что во всем герцогстве известен лишь один-единственный скандинавский тип земельного держания (*manslotsh*), множество скандинавских или англо-скандинавских топонимов и названий сельской местности обязывает нас допустить, что немало иммигрантов заняло места в структурах, унаследованных от франкской виллы¹¹³. В X в., а возможно, и позже, герцогская фамилия и некоторые слои общества практиковали скандинавское брачное право, не укладывавшееся в рамки предписаний Церкви. Некоторые из прерогатив герцога в уголовной сфере являются скандинавскими (объявление вне закона (*ullac*), подавление внутренних мятежей и *hamfara*, и пр.), тогда как сам принцип списка «герцогских случаев»¹¹⁴ — там, где они встречаются, — является заимствованием из франкского права. Монополия герцога на определенный род имущества, потерявший владельца, происходит из скандинавских обычаев, и пр.

Эту двойственность первоначальной Нормандии хорошо иллюстрирует существовавший в герцогской семье X в. обычай носить одновременно скандинавские и франкские имена. Роллон, обычное имя которого представляет собой древнескандинавское «Хрольф», в дипломатических источниках называется Робертом; его дочь носит два имени, Герлок (древнесканд. Герлауг) и Адель; жена Ричарда I именуется одновременно Гуннор (древнесканд. Гунвор) и Альбереда. Этому примеру следовали и некоторые бароны: для своих скандинавских дружинников сеньор Котантена является Турстином (древнесканд. Торстейн), а для Церкви — Ричардом; в центральной Нормандии глава правящего рода Мезидона одновременно зовется Стигандом (древнесканд. Стиганди) и Одо; и т. д.

Подведем итог. Без викингов, определенно, Нормандии не было бы^а, — самое большое, церковная провинция Руан, с трудом сохранявшая свою целостность. Однако положительный вклад скандинавов, безусловно,

^а Хотя слово «Нормандия» имело чисто романское происхождение, будучи впоследствии заимствовано в измененной форме скандинавскими языками.

выражался не столько в строительстве нового государства, сколько в унаследованной от викингов чрезвычайной смелости, неограниченных ресурсах и удивительной способности к приспособлению, распространяющиеся на все цивилизации Запада. Скандинавские институты постепенно отмерли, поскольку были практически бесполезны при строительстве феодальной монархии, к которой стремились Вильгельм Завоеватель и его преемники. Однако викингская предприимчивость оставалась неизменной: в этом на своем горьком опыте могли убедиться Италия, Англия и Антиохия.

Уже давно тянется спор о том, каковы именно были условия, при которых в 911 г. появилась на свет Нормандия. Тексты почти отсутствуют, кроме одной грамоты Карла Простоватого от 14 марта 918 г.^a, которая заверяет нас в том, что Руан был пожалован Роллону королем *pro tutela regni* («чтобы защищать королевство»), — таким образом это, скорее, мера военного порядка, нежели настоящее предоставление лена. Можно предположить, и не без основания, что герцоги Нормандии стали вассалами короны лишь поколение спустя, в 940 году^b. Как бы то ни было, соглашение 911 г. включило норманнов с Сены во франкскую политическую и военную систему. Роллон, разумеется, весьма вольно соблюдал свои обязательства перед франкским королем. Однако его сын и наследник Вильгельм Длинный Меч стал горячим сторонником усвоения франкских государственных традиций. Наиболее верным подтверждением занятой им позиции является вдовья часть, которую он завещал своей жене Лиедегарде де Вермандуа, происходившей из рода Каролингов: это были территории вдоль Сены и пути Эвре-Шартр, которые открывали сердце его государства франкскому влиянию^c. Этот второй герцог, бесспорно, со всей возможной полнотой поставил ставку на ассимиляцию. Можно

^a Lauer, *Recueil des Actes de Charles III le Simple* (39; 92, 209).

^b M. de Bouard, в кн.: Lot и Fawtier, *Histoire des institutions françaises au Moyen Age*, Paris, т. I, 1957, p. 4.

^c L. Musset, *Actes inédits du Xie siècle*, III, Bull. de la Soc. des Antiquaires de Normandie, LIV, 1957–1958, p. 30.

полагать, что к моменту его смерти в 942 г. она уже стала обильно приносить свои плоды. Этим объясняется то, что Нормандия без особых потерь пережила кризис, разделяющий два этапа движения викингов. Следовательно, из договора 911 г. она извлекла некоторую выгоду, как и франкское королевство, поскольку скандинавские флотилии больше не дерзали подниматься по Сене.

Сегодня практически достигнуто согласие по вопросу, который вот уже поколение вызывал в Скандинавии невероятные страсти, а именно, проблема национальности основателей Нормандии. Исследование нескольких сотен слов, заимствованных из скандинавского, мало что дало, так как в X в. разница между датским и норвежским оставалась небольшой. А вот исследования ономастики позволили добиться решительных успехов^а. В настоящее время можно считать доказанным, что: а) основная масса поселенцев состояла из датчан; б) заметная ее часть делала остановку на северо-востоке Англии, где усвоила несколько мужских имен, а главное, обширный аграрный словарь^б, сохранившийся в основном в регионе между Байе и Орном и в меньшей степени на севере Котантена; в) другие поселенцы имели в качестве перевалочного пункта Ирландию и Шотландию, откуда они принесли антропонимы «*Murdac*» и «*Donesan*»; они-то, очевидно, норвежцы, встречаются в основном на п-ове Котантен; наконец, женщины были в подавляющем меньшинстве (на три женских имени скандинавского происхождения приходится более 80 мужских), поэтому норманны вынуждены были брать франкских жен, начиная с первых поколений поселенцев.

Остается герцогский род. Латинские и датские источники единодушно называют Роллона датчанином, а все норвежские, относительно поздние, считают его норвежцем. Однако в X в. Запад плохо различал ответвления скандинавов. Исландские саги XIII в. делают

^а Особенно после фундаментального труда Ж. Адигара де Готрье, Adigard des Gautries, *Les hommes des personnes* (323).

^б См. особенно Musset, *Pour l'étude* (331).

Роллона сыном ярла из Мера, что в западной Норвегии. Эта версия кажется приемлемой: имя Роллон (Хрольф) соответствует ономастическим традициям этой семьи, совпадает нумерация поколений; дочь Роллона, Герлок, имеет типично норвежское имя. Итак, можно полагать, что норвежский вождь возглавил отряд, состоявший в основном из датчан, подобно тому, как в Йорке, датском городе, неоднократно правили норвежские короли.

Географические рамки влияния скандинавов известны: в двух регионах оно оставило очень глубокий отпечаток, на севере Котантена и на западе области Ко; затем идет область Байе, а потом Румуа между Сенной и Рислой. Авраншен, Бокаж Вируа, современный департамент Орн, низменности Ора и область Брей почти не были затронуты. Область Ож и долина Сены колонизировались спорадически^а.

^а Все населенные пункты, носящие скандинавские названия, не обязательно были основаны скандинавами: сопоставление каролингских грамот с актами XI в. показывает, что большинство деревень области Ко просто сменило название. Как и всегда, следует отличать зоны прямой колонизации, где мы встречаем топонимы, образованные от скандинавских корней, соединенных в соответствии с германским порядком (напр. Удаль, в 1025 г. — *Ulvedala*, «долина волков»; Этенно, в 1074 г. — *Staintot*, «деревня Стейна»), от тех, в которых мы видим лишь имена скандинавских сеньоров, присвоенные романским поселениям (напр. Мондевилль, в 990 г. *Amunda villa*, «деревня Амунда»; Румар, в 1040 г. — *Rolmara*, «пруд Роллона»). И следует учитывать, что многие скандинавские слова перешли в романский диалект: их топонимическое использование может быть позднейшим (напр. *londe*, «маленький лес»; *hougue*, «холм»). Не всегда легко различать франкские и норманнские ономастические пласты, притом что антропонимы часто очень близки, и одни и те же топонимические основы, особенно названия на *-ville*, сохраняли свою популярность с VII по XI век. Наконец, вероятно, что Нормандия не развивалась в точности в унисон с другими скандинавскими колониями на Западе; безусловно, именно в этом направлении следует вести поиск объяснения ненормальному количеству составных слов на *-fleur* и *-beuf*, которые так интригуют германистов. Основы *-floi* и *-budh*, которые, вероятно, ведут от них свое происхождение, в других местах чрезвычайно редки.

Затронуты были в основном два социальных класса: аристократия, в которой с X в. появляются семейства, прочно связанные со скандинавскими правителями, и среда моряков. Скандинавы никогда не вели себя как замкнутая группа. С начала XI в. аристократия была крайне неоднородной: помимо норвежцев и датчан, она включала франков, бретонцев и даже немцев, прибывших на призыв герцогов, — процесс, начавшийся в Англии после 1066 г., уже шел в самой Нормандии. Однако роль, отводившаяся местному населению, была немалой, и в XI в. уже ничто не отделяет его от завоевателей.

Быстрота и полнота слияния жителей Нейстрии с викингами в значительной мере объясняется расцветом, который переживало герцогство в конце X и XI вв., расцветом, о котором особенно красноречиво свидетельствует невиданный подъем городов: этой эпохой датируется возникновение Дьепа, Кана, Фалеза и Валоня^а. Нормандия — это одна из редких провинций, где в XI в. управление герцогской и епископальной казной привело к появлению настоящей денежной аристократии^б. Клад монет, найденный в Фекане в 1963 г., самый значительный на континенте для эпохи викингов, самым убедительным образом говорит об исключительном изобилии звонкой монеты около 970–990 годов^с.

Когда вышел из употребления скандинавский язык? Мы знаем только то, что около 950 г. будущий герцог Ричард I вынужден был изучать датский в Байе, не имея возможности сделать это в Руане. Ничто не указывает на то, что на нем когда-либо писали; несмотря на свою

^а К несчастью, археологическое изучение нормандских городов, которое стало возможным после 1944 г., так и не началось: потому всякое точное сравнение с Областью датского права невозможно.

^б L. Musset, A-t-il existé en Normandie au XIe siècle une aristocratie d'argent? *Annales de Normandie*, IX, 1959, p. 215–299.

^с Публикация Мишеля Боара, *Annales de Normandie*, XIII, 1963, p. 146–148.

склонность ко всему экзотическому, все первые произведения нормандской литературы написаны на латыни^а.

Нормандия создавалась постепенно. Приток из Англии ищущих наживы датских и норвежских банд, направляющийся в Испанию, не прекращался приблизительно до 1015 года. Во главе одной из последних, прибывшей на отдых между двумя прибыльными рейдами, стоял норвежский принц Олаф Толстый, будущий Олаф Святой, который, бесспорно, воспользовался этой передышкой для того, чтобы принять крещение в Руане. В отличие от королей Йорка, столь часто свергавшихся при прибытии скандинавского подкрепления, нормандским герцогам всегда удавалось использовать эти банды в собственных интересах, против Людовика IV в 945 г., или против Эда Шартрского в 1013 году. Для тех, кого не устраивал жесткий порядок нового государства, была открыта лишь одна дорога: изгнание. В течение двух первых третей XI в. нормандские изгои, последние носители подлинного духа викингов, играли значительную роль повсюду, где они сражались, от Ирландии до Испании; известно, что они, безусловно, наметили первые очертания нормандской Италии.

Наконец, картина первоначальной Нормандии будет неполной, если не вспомнить о различиях, разделявших два очага скандинавской колонизации. Верхняя Нормандия была слишком близка к сердцу империи франков, чтобы ее могли оторвать от нее действия отдельных викингов. Поэтому там нормандская оккупация проходила в форме настоящего завоевания, официально санкционированного договором 911 года. Граница, которая была проведена, опиралась на реки, от Бреслы до Эпты

^а Диалектологическое исследование нормандского наречия едва начинается; некоторые предварительные результаты изучения древних текстов достигнуты в небольшой работе Горога, Gorog, *The Scandinavian element* (327). Несмотря на серьезные успехи, нормандская топонимия и особенно микротопонимия (названия в сельской местности) опять открывает очень обширное поле для исследования. Основная проблема до сих пор не получила удовлетворительного решения: это вопрос о различии саксонских и скандинавских имен; ср. р. 47.

и Авра, описывала почти правильную дугу вокруг Руана, беззастенчиво перерезала границы различных ранее существовавших каролингских графств (Талу, Вексен, Мересэ): очевидно, то был военный рубеж. Нижняя Нормандия почти не попадала в поле зрения последних Каролингов; кроме того, ее западная часть (Котантен и Авраншен) с 867 г. находилась в подчинении бретонцев. Ее завоевание было результатом разрозненных действий разнообразных групп. Можно полагать, что там присутствовала датская «армия», несомненно, прибывшая из Англии, которая обосновалась в Байе^а, а на Котантене большинство операций были частными, которые иногда проводились норвежцами с берегов Ирландского моря. Герцоги испытывали значительные сложности, пытаясь добиться признания там своей власти, которая в окрестностях Руана почти не встречала противодействия. И только на п-ове Котантен спонтанно формировались территориальные подразделения скандинавского происхождения, в то время как повсюду реанимировались старые франкские структуры, «сотни» и *pagi* («*pagi*»). Когда в 924 и 933 г. предпринимались решительные меры по устранению этого хаоса, за основу просто принимались административные границы: от Авра до залива Мон-Сен-Мишель граница герцогства, без особого учета военных интересов, воспроизводила достаточно причудливые рубежи каролингских пагов^б. Несмотря на то, что нормандская граница создавалась под влиянием различных факторов, она тем не менее размечалась с учетом психологической и юридической специфик населения региона, чему в феодальную эпоху мы почти нигде не находим аналогов.

^а Откуда и частота англо-датских *field-names* в Бессене.

^б Однако около 1050 г. из-за военных действий граница со времен второго герцога была выпрямлена — в герцогство вошел Пассэ (район Домфрона), до тех пор относившийся к Мену.

РУССКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Здесь мы можем лишь слегка коснуться той обширной полемики вокруг русских корней, которая вот уже век продолжается между «славянистами» и «норманистами». Эта проблема, которая по-прежнему сохраняет свою актуальность, была впервые поставлена со всей желаемой ясностью датским лингвистом Томсенom в 1876 году^a. Однако вклад археологии, предложенный на обсуждение шведом Арне в 1914 г.^b, впоследствии был изрядно пополнен. Несмотря на то, что большинство русских специалистов, отказываясь вести дискуссию на условиях, предложенных скандинавскими историками, заняло позицию, противную сотрудничеству, за последнее время были достигнуты значительные успехи. Безусловно, некоторые обобщения, наподобие сделанных Стендер-Петерсенom, дают значительный повод для критики^c, однако теперь можно достаточно точно определить, какую роль в действительности сыграли варяги в зарождении русских княжеств.

Первый спорный вопрос, возбуждающий страсти, несколько несоразмерные этой филологической дискуссии, касается этимологии национального имени русских^d. Это слово появляется только в 839 г.; трудно предположить, чтобы он использовался славянами до этого момента, а для скандинавов раннего средневековья (которые называли Русь «страной городов», «Gardariki») он так и остался чуждым. Впервые, кажется, он применялся не к славянам, а к варягам, обосновавшимся в Восточной Европе. Известный текст Константина Багрянородного, касающийся днепровских порогов, четко различает их «славянские» имена, каковыми они и являются в действительности, от их «русских» имен,

^a Thomsen, *Det russiske Riges Grundlaeggelse* (356).

^b Arne, *La Suède et l'Orient* (344).

^c Stender-Petersen, *Das Problem* (353), и *Der älteste russische Staat* (355).

^d Этот вопрос хорош рассмотрен в: Constantin Porphyrogénète, *De administrando imperio*, éd. Jenkins (2; v. II, комментарий, p. 20–23).

шведских, по сути. А ведь оказывается, что практически тождественное слово еще и сегодня обозначает шведов на финском (Ruotsi) и эстонском (Rootsi) языках, в то время как славяне Руси в них называются вендами (откуда финское Venäjä, «Русь»). Похоже, все указывает на то, что первоначально финно-угорское население Северной Руси присвоило это название шведам, когда они появились на восточном берегу Балтийского моря. Это же имя последовало за варягами в их миграции на юг и в конце концов стало применяться к народу и государству, которое они возглавили, притом что те до этого совсем не имели собственного общего имени. Новое название было очень быстро принято киевским княжеством и его соседями.

По установлении этих фактов^а снова продолжилась дискуссия по поводу первичного источника этого имени Ruotsi. Его наиболее вероятная этимология скандинавская: это производное слово от древнескандинавского «rodhr», либо в прямом смысле («экспедиция кораблей на веслах», «подразделение морской армии»), либо в косвенном (от названия прибрежного региона Упланда в средней Швеции, «Roden» или «Roslagen», где набирали это войско).

Единственный факт, вызывающий некоторое удивление, — это чрезвычайная быстрота, с которой это название проделало путь от берегов Балтики до Черного моря. Первые этапы миграции не оставили надежных следов: Балтийское море, до того как Адам Бременский дал ему это обозначение, было известно древним славянам, в том числе Летописи Нестора, под названием Варяжского моря, а с X в. Черное море арабские, русские и немецкие авторы стали единодушно называть Русским морем^б.

^а См., наконец, Sven Ekbo, Om ortnamnet Roden och därmed sammanhängande problemer, en översikt, från nordisk synpunkt, и Julius Mägiste, Finsk «Ruotsi», estnisk «Rootsi» i de finsk-ugriska språken, в кн.: Arkiv för nordisk filologi, LXXIII, 1958, p. 189–199 и 200–209.

^б См. J. Svennung, Balt und baltisch, Ostseeische Namenstudien, Uppsala, 1953, и Al. Soloviev, Mare Russiae, Die Welt der Slaven (Wiesbaden), IV, 1959, p. 1–12.

Второй спорный момент: важность и значение скандинавских археологических следов в России. В нескольких местах, большинство которых, к сожалению, было обследовано в до-научную эпоху, находятся огромные курганные захоронения, которые по их внешнему виду можно спутать со шведскими захоронениями той же эпохи, например, 3000 могил в Гнездово вблизи Смоленска. В них мы встречаем деревянные погребальные камеры, близкие к тем, которые известны в Швеции, и оружие определенно скандинавского типа. По этим признакам эти захоронения относятся к варягам. Однако русские археологи возражают, что для славян курган также был известной формой, что деревянные погребальные камеры привычны для тайги, и что славяне покупали скандинавское оружие: из числа 700 могил в Гнездово, исследованных не так давно, они только две отводят скандинавам. В данном случае эта реакция выглядит здоровой и оправданной; во всех сферах своей экспансии викинги оставили лишь очень небольшое количество характерных захоронений. Но сколь бы мало их ни было, это все равно не меняет сути проблемы. Самое большее, что мы можем обнаружить, — то, что русские историки очень строги в отборе скандинавских критериев.

Третий момент, который равным образом состоит в ведении археологии: роль скандинавов в русских городах. Спор фокусируется вокруг двух северных населенных пунктов, превосходно раскопанных: Старой Ладogi и Великого Новгорода. Считается установленным, что население там было славянским или финским, но отнюдь не скандинавским: бревенчатые дома и улицы из брусчатки, местная керамика, предметы скандинавского импорта, — скорее, исключение, чем правило. С начала X в. в Гнездово и во всяком случае в XI в. в Новгороде бытовым письменным языком был славянский с кириллическим алфавитом; однако Старая Ладога подарила нам рунический текст IX в. и целый ряд скандинавских фибул IX и X веков. В общем, варяги не могли быть основателями этих городов. Тот факт, что они называли Русь «страной городов», предполагает, что по прибытии туда они были поражены обилием городов. Но в IX и X вв. они уже играли в них

определенную экономическую роль, сравнимую с ролью заморских купцов в Москве в XVI и XVII веках^а.

Итак, нужно допустить, и это не удивительно, что варяги, по роду своих занятий купцы и наемники, не осуществляли на Руси какой-либо массовой колонизации в городской среде. Что касается того, чтобы приписывать им колонизацию сельских местностей, то это очень неосновательная гипотеза^б.

Если вернуть его в истинные рамки — движение через Русь шведских авантюристов, готовых на все, что сулит выгоду, — варяжский феномен уже не вызывает удивления, и, конечно, без труда можно сравнить со сведениями русских (*Повесть временных лет*) и скандинавских источников (прежде всего *saǵ*). Зато обращение к вспомогательным дисциплинам, столь информативное на Западе, здесь почти невозможно. Если очень незначительное количество скандинавских антропонимов и вошло в русский язык, то это случилось главным образом благодаря князьям Киева (Игорь, Олег, Ольга от Ингвар, Хельги, Хельга). Скандинавские топонимы полностью отсутствуют; есть только несколько названий мест, производных от самого слова «варяги». Скандинавские названия Руси (*Gardariki*), Новгорода (*Holmgardhr*), Старой Ладogi (*Aldeigjuborg*) и Киева (*Kaenugardhr*), так же, как и днепровских порогов долго не просуществовали^с. Все эти факты заставляют отвергнуть мысль о настоящем заселении скандинавами Руси^д. Более того, мы практически не находим ни в

^а Мы почерпнули эту мысль у: V. I. Raudonici̇s и K. D. Lausjkin, *Skandinavskii Sbornik*, IV, 1959, стр. 270.

^б Выдвинутая филологом, обычно более проникательным, Стендер-Петерсеном, *Der älteste russische Staat* (355; 13), и в некоторых других публикациях.

^с Древнерусским языком было заимствовано только скандинавское название Босфора, *sund*, «пролив» (у Нестора *суд*).

^д Дело обстоит совершенно иначе на побережьях Финляндии и Эстонии, где обильная шведская топонимия соотносится с интенсивной аграрной колонизацией, которая оставила лингвистические островки, прекрасно сохранившиеся вплоть до 1944 года. Этапы этого заселения, впрочем, плохо известны и очень спорны; если оно восходит к эпохе викингов, то было возрождено христианскими миссиями XII века.

Повгороде, ни в Киеве скандинавских институтов: даже княжеская гвардия из шведов принимала совершенно славянскую структуру *дружины*. С момента своего зарождения Русское государство в поисках политических идей вовне обращается к тюркско-хазарским образцам, а затем к византийским и болгарским, но не скандинавским; и правда, шведскую модель королевской власти, тесно связанную с соответствующей формой язычества, в то время нельзя было ни заимствовать, ни копировать. События на Руси служат еще одной иллюстрацией той гибкости, с которой скандинавы, даже на краткое время получая обширную власть, учились у других цивилизаций.

Осталось установить хронологию шведского проникновения в сердце континента. Сведения об этом разнородны, почти противоречивы. Без учета возможных прецедентов Бронзового века, поползновения шведской экспансии на восток отмечены еще со времен Меровингов: первые скандинавские захоронения в Гробине (Курляндия), бесспорно, датируются VII веком. Однако эти прибрежные населенные пункты, находившиеся в стороне от крупных рек, почти не имели владений в глубине континента. Понадобилось долгое время, прежде чем был открыт первый великий путь во внутренние территории через Неву и Ладожское озеро; вдоль русских рек археология еще не отыскала ничего, что с определенностью можно было бы отнести к периоду до IX века. С другой стороны, недавние раскопки торгового центра Хельго (или Лилло) к западу от Стокгольма обнаружили удивительное количество предметов, привезенных с Востока, в гораздо более раннюю эпоху, возможно, с VI века^а. В готландских захоронениях VII века были найдены изделия из слоновой кости и раковин из Индийского океана. Какими путями, разумеется, непрямыми, устанавливались эти отношения между Швецией и западной и центральной Азией? Некоторые предполагают,

^а Сирийское стекло, коптские и византийские бронзовые вазы V или VI в., а, главное, статуэтка Будды VI в. (стиль гупта); прибыли, несомненно, из Туркестана или с северо-запада Индии.

что через Александрию и прирейнскую Европу^а, но надежные промежуточные, подтверждающие существование этого маршрута, вехи отсутствуют. Ключ к проблеме надо искать в еще более мощном археологическом исследовании северо-запада современной России.

Та же неопределенность сказывается и на порядке зарождения варяжско-русских княжеств. Являются ли самыми древними из них княжества на северо-западе, Новгород, Полоцк и Псков, на Волге, впрочем, гипотетические, или на Днепре, особенно княжество Аскольда и Дира в Киеве? Важность этой хронологии для истории первых русских институтов ощутимо: был ли их исходный контекст отмечен финским, тюркским или чисто славянским влиянием? Отметим, что археология до сих пор не может зафиксировать никаких точных следов деятельности шведов вдоль средней и нижней Волги, несмотря на то, что сведения о ней во множестве встречаются в византийской, мусульманской и русской историографии; существование некоторых институтов также служат ей подтверждением. Поле для археологических изысканий остается огромным.

СКАНДИНАВЫ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР

В соответствии с заголовком этой книги мы уже долгое время изучаем то, как скандинавы вели свой натиск против христианской Европы. Однако следует кратко подчеркнуть, что их операции со всех сторон выходили за эти рамки, как бы они ни были широки. За пределами христианской цивилизации они как с запада, так и с востока достигли мусульманского мира. Безусловно, он получил лишь царапины, но ими никак не следует пренебрегать. Этой проблеме пока не было посвящено никакого общего исследования^б, и коммен-

^а Birger Nerman, *Elfenben och snäckor i gotländska Vendeltidsgravar*, Fornvännen, L, 1955, p. 209–213; — S. J. De Laet, *Wereldhandel in de merovingische tijd*, De vlaamse Gids, 1956, p. 1–5.

^б Однако эти источники тщательно собраны; ср. например, (11–16). Предпринята лишь одна попытка обобщения по поводу

тарии, которые можно почерпнуть в мусульманской историографии, оставляют определенное впечатление бессвязности. Обобщение было бы очень желательным.

«Норманны» (*al Urdumanniyun*) и «маги» (= идолопоклонники) (*al Mağûs*) впервые появились в мусульманской Испании во время великого похода 844 г., придя с Луары, Гаронны и из Астурии. Они пробовали высадиться в Лиссабоне, затем Кадиксе, но главные силы флота, 80 кораблей, поднялись по Гвадалквивиру до Севильи и разграбили вторую столицу мусульманской Испании. Абд ар-Рахман II послал против нападавших армию, которая многих из них перебила и уничтожила 30 кораблей; уцелевшие вернулись в Аквитанию^а. Менее значительная экспедиция имела место в 859 г. в тех же краях, но, оказавшись не в состоянии подняться по Гвадалквивиру, викинги снова проплыли по Альгесирасу, вошли в Средиземное море, по пути разорили побережье близ Рифьена и Левант, чтобы в конце концов завершить поход на Роне^б. Последовало долгое затишье; омейядский халифат снова встретился с норманнами только во время второй волны набегов, в 966 г., когда одна банда из Нормандии напала на Альгарв, и в 971 г., когда имела место просто боевая тревога. Провал этих последних попыток викингов объясняется решением халифа Аль-Хакама поставить в низовье Гвадалквивира на постоянное дежурство эскадру. Не столь хорошо защищенная христианская Испания подвергалась новым нападениям почти до

начала этого движения; впрочем, она не слишком удачна: Melvinger, *Les premières incursions* (249). В остальном приходится удовлетворяться региональными исследованиями, иногда превосходными, как, например: Levi-Provençal, *Histoire de l'Espagne musulmane* (383) или Dozy, *Les Normands en Espagne* (337).

^а Группа пленников приняла ислам и осела в низовьях Гвадалквивира, уникальный случай колонизации, впрочем, вынужденной, в мусульманской стране.

^б Один мусульманин, ненадолго захваченный викингами, перенял их опыт и установил на севере Португалии рабовладельческую власть; по поводу этого любопытного эпизода, ср. Ch. Verlinden, *L'esclavage dans l'Europe médiévale*, I, Bruges, 1955, p. 118.

1032 года. В арабской Испании и Марокко рейды викингов никогда не переходили за грань элементарного пиратства.

В центральном Средиземноморье настоящие викинги не имели контактов с мусульманами, но после 1037 г. скандинавы из варяжской гвардии играли огромную роль в кампаниях Георгия Маниака¹¹⁵ против мусульманской Сицилии.

На Востоке, если не считать некоторого количества варягов на службе в византийской армии в Северной Сирии, скандинавы, спустившись по Волге и переправившись через Каспийское море, столкнулись главным образом с северными окраинами иранского мира.

Из истории их военных столкновений нам известно только о нескольких несвязанных эпизодах, не всегда хорошо датированных, по причине очень специфических особенностей мусульманских хроник^a. Первый рейд, вероятно, имел место около 864–884 гг. против Табаристана, на северо-востоке Ирана, и примерно в ту же эпоху начинается приток в Швецию мусульманских монет восточной чеканки. Вторая экспедиция в тот же район в 910 г. лучше засвидетельствована; в ходе ее был razoren город Абаскун. Когда впоследствии хазары по просьбе халифов постарались перегородить нижнюю Волгу, налеты, шедшие непосредственно с Севера, прекратились. Однако они скоро возобновились с варяго-русских баз на Украине: самый крупный поход был направлен в 944 г. против Бердаа в Азербайджане, он хорошо известен по подробному описанию Ибн Мискавейха. У него нападавшие называются *русами*, и, вероятно, славяне, действительно, составляли основную массу войска, обученного варягами. Однако не вызывает сомнения участие, пусть даже позднейшее, многочисленных шведов. Некоторые рунические шведские стелы XI в. были возведены в память о воинах, умерших в *Серкланде*, и экспедиция Ингвара погибла в 1040 г., стремясь попасть именно туда. Что они желали найти на Востоке? Безусловно, их привлекали торговые пути, ведущие одни в Багдад, другие в окрестности Хорезма

^a Они удобно собраны в: Arbman, *Svear i österviking* (343; p. 52 и сл).

и его серебряных рудников, но они так никогда и не смогли достичь этих отдаленных целей. Арабские авторы заверяют, что они произвели серьезные опустошения по всему побережью Каспийского моря.

Практические детали торговых контактов, безусловно, более важных, остаются очень слабо изучены. Несмотря на то, что археологи нашли в Скандинавии массу предметов восточного происхождения, и то, что бесконечно ценное свидетельство посланника аббасидского халифа к правителю Волжской Булгарии в 922 г. описывает в чрезвычайно живой манере поведение шведских работорговцев на берегах Каспия^а, мы лишены всякой возможности узнать, где и каким образом происходил этот обмен. Был ли он прямым или происходил при посредничестве тюркских народов юго-востока России? Арабским авторам, специализирующимся на описании торговых путей, — например, Ибн Хордадбеку в середине IX в. — скандинавы были известны в основном как торговцы мехами. Судя по огромному количеству дирхемов, найденных в Скандинавии, по крайней мере часть которых имеет коммерческое происхождение, эта торговля была выгодна для варягов.

^а Посольство Ахмеда ибн Фадлана, о котором известно из отрывков в позднейших энциклопедиях (11).

Глава IX

ВЕНГЕРСКИЕ И САРАЦИНСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ВОКРУГ ВЕНГРОВ

Несмотря на посредственность латинской историографии X в.^а, имеющиеся в нашем распоряжении документы по поводу венгерских завоеваний обладают некоторой информативностью — это фактически единственные источники, позволяющие более или менее подробно рассмотреть, с западной точки зрения, рейды этого кочевого народа. В значительной мере благодаря именно их сведениям, относящимся к мадьярам, были пересмотрены и реконструированы, например, военные операции гуннов в V веке. Возможно, это и мешает нам полностью осознать то, в чем состояло своеобразие венгров.

Политический строй мадьяр до обращения св. Стефана очень плохо известен. В исходной точке можно усмотреть королевство, поделенное в 895 г. между Арпадом и Курсаном, возможно, по примеру хазар. Затем, начиная с 904 г., Арпад правил один. Но его народ оставался разделенным на племена, которых, согласно традиции, было семь, и у каждого из которых имелся *dux* («вождь»), более или менее выборный, и именно эти вожди назначали верховного правителя из рода

^а Греки предлагают меньшее количество информации, но большей ценности (Константин Багрянородный, «Тактика» императора Льва). Венгерскую историографию, начало которой положил в конце XI в. анонимный писец короля Белы следует использовать очень осторожно, так как она переполнена легендами и хронологическими ошибками.

Арпада. По-видимому, вплоть до битвы при Лехфельде его власть была более символической, нежели реальной, но крайней мере в области внешней политики. Во внутреннем управлении ему помогали два высших должностных лица, которых Константин Багрянородный называет *каркхас* и *гилас*.

Основным институтом, очевидно, была армия, полностью конная. Археология и византийские тактики дают некоторые точные указания о ее вооружении (меч, копье, лук, стрелы с металлическими наконечниками, шлем, щит) и конской экипировке (стремена, защитная одежда из войлока). Всадников сопровождали вьючные лошади и колесницы, под прикрытием которых по ночам расставлялись их палатки. Чтобы облегчить набег, войска часто разделялись, но поддерживали сообщение при помощи огней и дыма. Для битвы они строились по кланам и племенам; как впоследствии казаки, они воодушевляли себя и пугали противника ужасающими криками^а. Армия была очень мобильной, но передвигалась в основном по дорогам.

По сравнению с венграми кавалерия германских и итальянских королей явно стояла на более низкой ступени; некоторые из первых столкновений с ними обернулись для Запада настоящей бойней (в 899 г. на Бренте, в 907 г. в Баварии, в 908 г. в Словении). Однако в горах венгры были не в состоянии развернуться, и некоторые из первых побед, одержанных над ними, произошли на альпийском перевале (в 924 г.) или в Апеннинах (в 932 г.). Также обстоит дело и с переправой через водные потоки: известна роль, которую сыграла р. Лех в решающей битве в 955 году. Венгры также были достаточно уязвимы на обратном пути из своих походов, так как транспортировка добычи замедляла их движение. К тому же у христиан всегда оставался главный шанс — возможность вызвать упадок духа, который находил на мадьяр, когда кто-то из их

^а Которые Лиутпранд Кремонский, Liutprand de Crémone (Antapodosis (22; II, 30), передает как *hui, hui*.

вождей погибал; не обладая несокрушимым упорством викингов, они нередко были склонны к панике и беспорядочному бегству^а.

Из вышеперечисленного следует, что венгерская армия, будучи в высшей степени пригодной для набегов, почти не была приспособлена к захвату территорий, уже заселенных оседлыми племенами. Фактически, если не считать Альфельда, где они занимались кочевым животноводством, мадьяры ни в малейшей степени не были народом-завоевателем или народом колонизаторов. У них не было никакой политической организации и никакой объединяющей идеи, чтобы навязать ее своим соседям.

Сомневаться в том, что их рейды имели в основном негативный эффект, практически не приходится. Той части добычи, которая была привезена в Венгрию, — ее образцы редки в археологических раскопках и бесконечно менее яркие, чем в случае викингов, — не хватило ни для того, чтобы сделать эту страну богатой, ни даже для того, чтобы реанимировать древние торговые пути, которые ее пересекали. С интеллектуальной точки зрения венгры не дали Европе ничего. Единственное положительное последствие, которое можно назвать, — косвенное: венгерская угроза содействовала сближению с латинским Западом некоторых славянских народов, особенно хорватов и чехов; но взамен мадьяры уничтожили самый многообещающий очаг славянского христианства, Великую Моравию^б.

Позиция западного общественного мнения красноречива. Оно восприняло появление венгров как разновидность космической катастрофы, выражение Божьего гнева. Их приход был возведен кометами и метеоритами. Их считали способными на невыразимые ужасы: Лиутпранд Кремонский заверял, что они пьют кровь убитых, другие называли их каннибалами. Их с лег-

^а Fasoli, *Le incursioni* (108; 69–70), приводит несколько показательных текстов.

^б См. выше, стр. 64.

костью наделяют неслыханным численным превосходством: согласно *Annales Sangallenses majores* («Большим Санкт-Галленским анналам» в битве при Лехфельде с их стороны участвовали 100 000 человек! Но из-за отсутствия контактов об их организации ничего известно не было. В целом для запада венгры являются безымянной толпой. В то время как именами норманнских вождей хроники просто пестрят, очень немногие из венгерских военачальников известны поименно, и почти все в течение последней фазы экспедиций: Дурсак и Бугат в Италии в 921 г., а главное — побежденные при Аугсбурге Булксу и Лель. Булксу — это единственный политический лидер, за жизнью которого мы можем наблюдать; этот правитель восточной Венгрии провел часть своей молодости в Константинополе, где принял крещение и по возвращении оттуда сделался *каркхасом*; он командовал походами 954 и 955 гг. в Германию и был казнен Оттоном I после поражения при Лехфельде. Все прочие суть всего лишь тени, что не могло удовлетворить латинских историографов Венгрии, принявшей христианство, и они сплели вокруг них целую сеть легенд^а.

По поводу экономической и социальной жизни мадьяр наиболее ценным является позднейшее свидетельство Оттона Фрейзингемского, который, отправившись в 1147 г. во второй крестовый поход, пересек венгерскую равнину. В эту эпоху каждая группа венгров еще имела два местожительства, одно зимнее, на равнине, чаще всего состоявшее из тростниковых хижин, изредка деревянных, и, почти никогда, каменных; другое, на лето и осень, в палатке^б. Добавим к этому колесницы, которые в IX в. обычно использовались для женщин и

^а По отношению к которым Фасоли, *Le incursioni* (108), несмотря на свой критический настрой, иногда проявляет излишнее благодушие, не желая на каждой странице признаваться в нашем незнании, — так же часто, как она допускает случайные сведения позднейших хроник, чтобы придать красочности своему повествованию о великих набегах — это основные положения критики д'Энена в кн.: Haenens, *Les incursions* (110).

^б Otton de Freising, *Opera*, MGH in usum scholarum, p. 369.

детей: этот уклад присущ народам, занимающимся сезонным кочевым скотоводством. Стада обеспечивали основные жизненные нужды: обычная одежда была кожаной, а иногда мадьяры в своих походах добывали шелка. В X в. они, по-видимому, не знали никакой торговли, кроме меновой. Использование денег началось только после св. Стефана под влиянием, исходившим из Баварии^а.

Каким было до-мадьярское население паннонской равнины, известно очень плохо. Повсюду, где простирался Альфельд, степь, благоприятная для кочевой жизни, оно было либо изгнано, убито или ассимилировано. В горах на периферии — Карпаты, Трансильванские Альпы, Бихорские горы — славянские и румынские жители сохранились, но в полностью подчиненном состоянии. Эта страна уже подвергалась стольким завоеваниям, что, на первый взгляд, кажется невозможным, чтобы там могли уцелеть какие-либо древние структуры. Тем не менее некоторые из венгерских городов XI в. занимают в точности место римских городов — то ли они действительно сумели уцелеть, либо в разные времена место, где они раньше находились, выбирали как наиболее подходящее для строительства поселений: так, Буда является наследницей *Аквинка*, Сомбатели — *Саварии*, Сопрон — *Скарбанши*^б. Имели место случаи и более прямой преемственности, ибо некоторым центрам моравского христианства было суждено пережить бури X века: таково, возможно, даже происхождение религиозной столицы венгров, Эстергома^с. Но городская жизнь постепенно возвращалась в Венгрию именно извне, особенно из Германии, под определяющим влиянием Церкви.

^а Ladislaus Réthy, *Corpus Nummorum Hungariae*, перев. Probszt, Graz, 1958, p. 49–51.

^б Однако столица верхней Паннонии, *Карнунт*, исчезла; ей на смену пришла лишь деревня Петронель напротив Братиславы. Стоит отметить, что со времен Петра I (1038–1046) официальным латинским названием Венгрии на королевских монетах стала *Паннония*.

^с Dvornik, *The Slavs* (122; 104, 171).

ВОКРУГ САРАЦИН

Истинный масштаб мусульманских вторжений в Европу остается одной из великих тайн истории раннего Средневековья. Эти рейды до сих пор бывали предметом лишь точечных исследований или поспешных обобщений, не говоря уж о многочисленных фантастических работах. Источники дают им лишь одностороннее освещение, притом что арабские авторы мало ими заинтересованы, так как эти военные операции не приобрели для ислама ничего прочного, и были очень разрозненны; кроме того, здесь мы имеем дело с целым периодом упадка письменной культуры в южной Европе. Следовательно, мы можем предложить лишь направления для осторожных и узких исследований.

По поводу экспедиций, исходивших из Испании в VIII в., похоже, что из латинских источников уже выжато все то, что они в состоянии дать, а это очень мало. Открытия еще возможны в арабских библиотеках: Леви-Провансаль совершил одно из них, но в отношении обычных подробностей^a. Интерес современных историков прикован к битве «при Пуатье», возможно, напрасно, так как этот провалившийся набег на Тур, значил не больше, чем поход на Отен, который оказался успешным. Попытки указать, где именно происходила битва, неубедительны^b, впрочем, речь идет, скорее, о совокупности военных действий, чем об одном решительном столкновении.

Чтобы оценить масштаб этого сражения, следует учесть любопытный отрывок из Муассакской хроники, где солдаты Карла Мартелла названы европейцами (Europenses). Это единственное указание, которое можно встретить, в пользу современной интерпретации битвы при Пуатье: на самом же деле событие приобрело «континентальное» значение гораздо позже.

^a Leti-Provençal, Histoire de l'Espagne (383).

^b Levillain и Samaran, Sur le lieu (382); — Baudot, Localisation et datation (375).

При Пуатье ничего не было по-настоящему решено: внутренние движущие силы мусульманского мира (восстание хариджитов в Северной Африке, потом разрыв между омейядской Испанией и аббасидским Магрибом) в большей степени объясняют то, что сарацины прекратили наступление, а вовсе не понесенные ими потери. Эта проблема близка к той, которую ставит другая прославленная битва между франками и мусульманами, в Ронсевальском ущелье: ее значение стали осознавать только гораздо позже.

Хотелось бы заняться, скорее, не этим, достаточно бесплодным, вопросом «батальной истории», а вторым периодом вторжений, периодом морских рейдов. Мы очень мало осведомлены об их навигационных особенностях. Археология до сих пор не дала ничего. Латинские тексты редки, но иногда указывают на корабли значительной вместимости: согласно *Королевским Анналам*, в 813 г. хватило 8 кораблей, чтобы перевезти более 500 корсиканских рабов. Можно ли обобщать и переносить на западное Средиземноморье выводы арабистов по поводу восточных морей?^a Нет ничего менее благоразумного, так как мусульмане первым делом заимствовали местные морские традиции обращенных ими народов.

Мы не лучше информированы о том, каким образом, будучи моряками, сарацины так легко превратились в покорителей гор, способных использовать самые неприступные горные цепи как осевые линии своего продвижения: «сарацины по природе чувствуют себя привычно в горах», говорил Эккехард из Санкт-Галлена^b. Следует ли думать о навыках, приобретенных ими в Северной Африке? Об опыте завоевания Сицилии, где горы были заняты задолго до восточного побережья? Должно быть, сказался экономический фактор: на море сарацины столкнулись с конкуренцией викингов, на равнине — вен-

^a Например, G. Fadlo Hourani, *Arab Seafaring in the Indian Ocean*, Princeton, 1951.

^b MGH, SS, II, стр. 137, к. 15. — Не следует учитывать ни один из маршрутов, предлагаемых картой Луппи, *I Saraceni* (384), который проводит все рейды в Галлию через долину Роны.

гров, в то время, как они были единственными, кто занимался разбойничьим промыслом на альпийских перевалах. Почти наверняка они передвигались пешком, но как, по какой территории могли они вывозить свою добычу? Несомненно, они хранили ее на какой-нибудь горе, в ожидании конвоя, как предполагает в отношении Апеннин хронист Фарфы. Однако можно полагать, что наиболее ценной добычей были люди, которые могли сами себя «транспортировать». Логовом для сарацин могли служить сожженные строения и заброшенные поселения, вроде Треви на Лири. На Лири сарацины построили «башню», о которой мы почти ничего не знаем^а.

Можно по крохам собрать сведения о судьбе захваченных в рабство христиан: в основном они попадали в Испанию (туда же через весь христианский мир, не встречая препятствий, привозили рабов из славянских земель): реже в Африку, и, похоже, почти никогда, на Восток. Как и в Алжире в XVII в., это рабство не всегда было вечным: почти в каждую эпоху встречаются упоминания о том, что некоторые христианские правители приказывали выкупать рабов на рынках Испании. Вернуться из Андалузии было легче, чем от викингов, и, должно быть, часто путь к освобождению открывался после обращения в ислам.

Военные действия сарацин, в отличие от тех, которые вели викинги, не создали никакого постоянного экономического потока; они лишь нарушили уже существовавшие торговые маршруты, как, например, те, которые связывали Прованс со средней Италией.

Отражение этих рейдов на городской жизни в Галлии стало предметом блестящего обзора Ж. Дюби, который трудно превзойти^б. Сильно пострадали Фрежюс, Антиб,

^а Нет уверенности, что хоть одна из многочисленных «сарацинских башен», которые нам сегодня демонстрируют, действительно подлинная.

^б Duby, *Les villes du Sud-Est* (377); см. также Févier, *Le développement* (378; 90).

Ницца и, возможно, Марсель. Но лакуны в епископальных списках в Провансе — это явление одновременно и более раннее, и более общее, которое еще не получило достойного объяснения. Что касается сельской местности, то заманчиво отвести сарацинским вторжениям некоторую роль в возрождении популярности горных поселений средиземноморской Франции. Но в действительности это очень сложный феномен: *oppida* («укрепленные поселения») на возвышенностях датируются в основном до-римскими временами; в имперскую эпоху они оказались покинутыми, в основном ради поселений на равнине; возвращение населения на вершины начинается, в целом, еще до падения Империи (например, в начале V в. для Сен-Блез около залива Бер), то есть задолго до появления сарацин. Они просто добавили популярности форме поселения, которая появлялась всякий раз в периоды нестабильности^а. Сарацинские набеги стали непосредственной причиной возникновения лишь очень небольшого количества горных поселений, например, *Сенселлы*, недолговечного начинания жителей Чивитавеккьи на одном из холмов в глубине области^б.

В целом, сарацинские нападения, по-видимому, не несут исключительной ответственности за уже имевший место экономический упадок. По крайней мере уже их прекращение было благоприятным фактором: с начала XI в., похоже, намечается общее возрождение.

Ответные шаги жертв легче поддаются изучению. Следовало бы прежде всего тщательно изучить словарь, который латинские источники применяют к агрессорам. Преобладает слово *sarraceni* («сарацины»), сначала использовавшееся главным образом в применении к сухопутным врагам, в то время как в отношении морских пиратов каролингские анналы употребляют наименование *mauri* («пунийцы, мавры») — классическая реми-

^а П.-А. Феврье датирует V–VI в. исчезновение большинства равнинных поселений современного департамента Вар. Но грамоты говорят о второй полосе их запустения в X веке.

^б Lauer, Cencelle (381).

инсценция — так же, как *poeni* («карфагеняне») у Лиутпранда Кремонского или *wandali* («вандалы»). Изредка встречается *fusci*, («смуглые»). Библейскими являются названия *agareni* и *ismaelitae* («агаряне и исмаилиты»); первое распространено, главным образом, в Италии, а второе встречается реже и в более позднюю эпоху, но все это следовало бы уточнить. Наконец, в позднейших текстах получает распространение наименование *pagani* («язычники»), которое создает путаницу с норманнами и венграми. Затем можно было бы выявить причины набегов, которые предлагают латинские авторы в следующей неожиданной последовательности: божественный гнев — расхожее объяснение в этом случае, как и всегда, — ненависть к христианству, подстрекательство дурных христиан, что в южной Италии во многих случаях не вызывает сомнений, предательство и просто жажда добычи.

Как и в связи с норманнскими завоеваниями, было бы полезно составить карты основных направлений эвакуации людей, мощей и ценностей. Однако в этом случае имеющиеся источники гораздо более скудны. Тем не менее упомянем некоторые знаменательные всхи: перенесение мощей св. Августина с Сардинии в Павию; бегство епископа Ахенского Одальрика в Реймс около 925 г. и св. Нила Россанского в Монте-Кассино около 980 года. Однако позднейшая традиция обвинила сарацин в массе плохо доказанных злодеяний, многие из которых являются всего лишь следствием разрушения каролингского общества^a.

Последняя проблема: почему сарацинские вторжения начали слабеть задолго до отвоевания византийцами Крита и нормандского завоевания Сицилии? Какую роль сыграли внутренние факторы, действовавшие в исламском мире, а какую — ответные удары со стороны христиан? Без сомнения, в X в. напор мусульман повсюду ослабел, или обратился вовнутрь для распрост-

^a Например, те, которые переписаны в: Luppi, I Saraceni (384; 59–60).

ранения инакомыслящих идей. Но не было ли в этом также и экономических факторов, таких, как, например, развитие маршрутов через Сахару или приток африканских рабов в Ирак и Египет, который снизил привлекательность охоты за людьми в Европе? Прежде чем дать какой-либо ответ, следовало бы установить критическую хронологию последних рейдов, особенно имевших место после тысячного года, которые до сих остаются почти неизученными^а.

^а Набросок в кн. Benoit, Documents (376) неглубок.

**ОБЩЕЕ
ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

В начале VIII в. цивилизованная Европа еще почти не выходила за границу Средиземного моря и Ла-Манша, то есть территорий, на которые некогда распространялась власть Рима. Лишь Ирландия и Южная Германия впоследствии вошли в это сообщество древних цивилизованных стран. Внезапно со всех сторон сразу снова начались нападения. Что же мы видим в конце XI в., когда снова воцарилось спокойствие? Для христианской цивилизации не была утрачена не только древняя Европа, если не считать большей части Иберийского полуострова, но в нее чудесным образом влился еще целый ряд христианских государств вместе с занимаемой ими площадью. К первому пласту политических образований, представленному Римской империей, по-прежнему продолжавшей существовать в лице Византии, и второму, образованному романо-варварскими монархиями в Галлии, Испании, Италии, Англии и Германии, корни которых более или менее прямо восходят к германским завоеваниям V и VI вв., прибавилось третье поколение поворожденных европейских государств, которые покрывают почти весь север и восток континента: Исландия, Норвегия, Дания, Швеция, Польша, Россия, Богемия, Хорватия, Венгрия, Болгария.

Мы видим, в какой степени Европа еще и сегодня носит на себе отпечаток этого великого творческого периода: X и XI вв., несомненно, породили на этом континенте столько же государств, сколько XIX и XX века. В тех очень гибких рамках, которые им предлагал тогдашний христианский мир, они могли очень быстро приобрести статус полного равенства со старыми королевствами. Для этого им хватило искреннего и почти повсеместного принятия христианства, установ-

ления более или менее правильной епископской иерархии и нескольких центральных институтов — монеты, государственной канцелярии, некоторых высших должностных лиц и зачатков урбанистической структуры^а. Редко, когда древние народы с такой готовностью делились с вновь прибывшими своими привилегиями. Можно полагать, что это великодушие, в конечном счете, было лучшим противодействием возможному возобновлению опасности вторжений. И фактически именно эти молодые государства, родившиеся в этот период, приняли на себя и смягчили потрясение от следующего нашествия — монгольского — в XIII веке.

Эти поздние вторжения стали условием внутреннего обновления, которое является связующим звеном между «ранним» и «поздним» Средневековьем. Разрушение единства на Западе, достаточно искусственно воссозданного каролингскими правителями, позволило каждому региону следовать собственному пути, идет ли речь об институтах, искусстве или языке. Некоторые жадно пользовались этой возможностью — это были области внутри Западно-Франкского государства, Фландрия, Нормандия, Каталония. Благодаря этому Запад обрел свое плодотворное разнообразие. В атмосфере свободы, порожденной разрушением старых структур, необходимость восстановления руин становилась источником глобальных проектов. Среди тех, кто этой возможностью воспользовался, были строители церквей и реформаторы монастырской жизни. Равным образом требовалось заложить основы нового политического строя: норманды, например, внесли в это существенный вклад. Наконец, некоторые семена, пережившие разрушение каролингского мира, получили для своего развития свободную почву: этим объясняется зарождение феодального общества.

^а Исландия, у которой отсутствовало центральное правительство и города, в период средневековья никак не могла быть полноправным государством, что позволило норвежской короне в 1262–1263 гг. поглотить ее с благословения Святого Престола.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА

1) *Лангобарды* — германское племя, в 568 г. вторгнувшееся в Северную и Центральную Европу и организовавшее государство со столицей в Павии, которое просуществовало до 774 г.

2) *Авары* — союз тюрко-язычных племен, в сер. VI в. образовавших Аварский каганат, уничтоженный франками в нач. VIII.

3) *Фема* — административно-военные районы, на которые с VII в. делилась Византийская империя, во главе со стратигами.

4) После того как христианское королевство в Испании пало в 711–714 гг. под ударами вторгшихся арабов, остатки вестготов, не покорившихся захватчикам, укрылись в горах на севере Иберийского полуострова и создали там несколько карликовых государств (Астурия, Леон, Кастилия, Арагон, графство Португальское); некоторые из этих политических образований считали себя прямыми приемниками вестготского королевства и жили по готскому праву.

5) *Остготы* — германское племя, в 893 г. создавшее в Италии свое королевство, которое было разрушено в сер. VI в. византийцами.

6) *Карл Великий* — франкский король в 768–814 гг., император с 800 г. Наиболее яркий представитель династии Каролингов, правивших во Франкском государстве в 751–987 гг., основал огромную империю, в которую входили северная Испания, Франция, Германия, Северная и Центральная Италия.

7) *Лимес* — в Римской империи система пограничных укреплений линейного вида — валы, рвы, сторожевые башни, палисады и крепости.

8) *Людвиг Благочестивый* — франкский император в 814–840 гг. В его правление начинаются нападения викингов и сарацинских пиратов на франкскую империю.

9) *Григорий Турский* — церковный и политический деятель VI в., епископ Тура, автор «истории франков».

10) *Меровинги* — династия франкских королей, правившая в Галлии в 486–751 гг.

11) *Арнад* (ум. ок. 907 г.) — венгерский вождь, в правление которого венгры обосновались в Паннонии (895 г.).

12) *Людвиг Святой* — король Франции в 1226–1270 гг.

13) *Омейяды* — династия арабских халифов, правившая в 661–750 гг. После того как в ходе восстания халифат попал в руки рода Аббасидов, один из Омейядов, Абд ар-Рахман I бежал в Испанию и основал там Кордовский эмират, в 929 преобразованный

в халифат. Омейяды предприняли ряд грабительских походов во Францию.

14) *А. Пиренн* (1862–1935) — бельгийский историк, профессор университета в Генте. В своей книге «Магомет и Карл Великий» выдвинул оригинальную гипотезу, что переход от античного мира к собственно средневековью произошел не из-за нашествий варваров в V в., а в VIII–IX вв., когда в ходе арабских набегов европейцы были оттеснены от побережных городов и утратили международные торговые связи; в результате в Западной Европе, а точнее в каролингской империи, уменьшился денежный оборот, стало господствовать натуральное хозяйство, резко контрастировавшее с развитой торговой экономикой мусульманского Востока.

15) В российской традиции принято название первого Болгарского царства.

16) *Гунны* — союз кочевых племен из тюрко-язычных хунну, угров и сарматов. Вв второй половине IV в. предприняли массивный натиск на Восток и были остановлены только в 451 г. После смерти своего вождя Атиллы (453 г.) союз распался.

17) *Зенон* — византийский император в 474–491 гг. Анастасий — византийский император в 491–518 гг.

18) *Юстиниан I* — византийский император в 527–565 гг.

19) Л. Мюссе ошибочно называет тайгой всю лесную полосу на севере современных Украины и России.

20) *Никифор II Фока* — византийский император в 963–969 гг. Иоанн Цимисхий — византийский император в 969–976 гг.

21) *Константин Багрянородный* — византийский император в 913–959 гг. Автор сочинения «Об управлении империей», где приводит ценные сведения о народах, живших по соседству с Византийской империей.

22) *Арульф Каринтийский* — король Восточно-Франкского государства в 887–899 гг.

23) *Видукинд Корвейский* — монах Корвейского аббатства в Германии, историк X в., автор «Деяний саксов», апологет германских королей и императоров Саксонской династии.

24) *Флодоард* (ум. 966 г.) — франкский церковный историк, автор «Анналов» и «Истории Реймской церкви».

25) *Оттоны* (Людольфинги, саксонская династия) — династия герцогов Саксонских, чьи представители (Генрих I Птицелов (919–936), Оттон I (936–973), Оттон II (973–983), Оттон III (983–1002)) с 919 по 1002 были королями в Германии. В 962 г., в ходе подчинения Италии, Оттон I принял титул императора, символизировавший восстановление древней Римской империи и империи Карла Великого.

26) *Алексей Комнин* — византийский император в 1081–1118 гг.

27) *Мамлюки* (араб. — невольники) — элитные конные воины мусульманского Египта, набиравшиеся из рабов, захваченных в детстве; с середины XIII в. представители мамлюкской гвардии пришли к власти, удерживая ее до 1811 гг.

28) *Никеяская империя* — государство, образованное вокруг малоазиатского города Никеи представителями византийской знати

после захвата в 1204 г. западноевропейскими крестоносцами Константинополя и Византийской империи. Просуществовало до 1261 г., когда Никейские императоры из династии Палеологов отвоевали у крестоносцев Константинополь.

29) *Прокотий Кесарийский* (ок. 500 — после 565 гг.) византийский писатель и историк, автор «Тайной истории» и «Истории войн Юстиниана».

30) *Иордан* — готский историк VI в., автор «О происхождении и деяниях готов».

31) *Юстин I* — византийский император в 518–527 гг.

32) *Австразия* — в VI–VIII вв. область на северо-востоке Франкского королевства. Австразия сама имела статус королевства, обладала значительной автономией в рамках единого Франкского королевства и часто возглавлялась своим собственным королем из династии Меровингов.

33) В 1071 г. при Манцикерте византийские войска столкнулись с турками-сельджуками, вторгнувшимися с востока на территории Византийской империи. В сражении византийцы потерпели полное поражение, их император Роман IV Диоген попал в плен, а турки-сельджуки захватили почти всю Малую Азию и Армению.

34) *Энарх* — византийский градоначальник, выполнявший судебно-полицейские обязанности.

35) *Лже-Фредегар* — франкский хронист первой половины VII в.

36) *Дагоберт I* — франкский король Австразии с 623 г., король единого Франкского государства в 629–639 гг. В период своего правления Дагоберт попытался навязать франкский протекторат Центральной Европе.

37) *Маркграф* — граф пограничной территории.

38) *Сасаниды* — династия иранских шахов в 224–651 гг.

39) *Ганза* — в XIV–XVI вв. торговый и политический союз северогерманских городов (Любека, Штральзунда, Росток, Висмара, Гамбурга и др.), сосредоточивший в своих руках посредническую торговлю с Россией, Англией, Скандинавией и Нидерландами.

40) *Вендель* — в Швеции, культурный слой, датирующийся VI–VII вв.

41) *Венанций Фортунат* (ок. 530 — ок. 600) — позднеримский поэт, епископ Пуатье.

42) *Снорри Стурлусон* (1179–1241 гг.) — исландский политический деятель, поэт и историк, предполагаемый автор «Круга Земного» — книги об истории Норвегии и «Младшей Эдды» — сборника скандинавской мифологии.

44) Корпус судна состоял из перекрывающих друг друга досок, скрепленных железными полосами и проконопаченных звериным волосом.

45) *Карл II Лысый* — внук Карла Великого, западно-франкский король в 840–877 г.

46) *Дунстан* — архиепископ Кентерберийский в 959–988 гг., активный сторонник обновления монастырей в Англии, введения в них более строгого, бенедиктинского, устава. Политический деятель, стремившийся поддержать единство английского королевства.

47) *Эдуард Старший* — король Англии в 899–924 гг. *Этельред II Нерешительный* — король Англии в 978–1016 гг.

48) В анналах Сен-Бертена эти события излагаются следующим образом: «Простой люд из междуречья Сены и Луары сговорился меж собой, чтобы оказать яростное сопротивление датчанам».

49) *Высадка Плантагенетов* — в 1171 г. в Ирландии высадились войска английского короля Генриха II Плантагенета, начав присоединение этих земель к английской короне.

50) *Скриптории* — монастырские мастерские, где монахи писали или переписывали книги.

51) *Дирхем* — мелкая серебряная монета, чеканившаяся в мусульманских странах.

52) *Договор Сен-Клэр-сюр-Эпт* — в 911 г. франкский король Карл Простоватый уступил викингам во главе с Роллоном области вокруг нормандского города Руана.

53) *Ричард I* — третий герцог Нормандии, правивший в 943–996 гг.

54) *Людовик IV Заморский* — западно-франкский король в 936–954 гг.

55) *Гуго Великий* — франкский вельможа, граф Парижа и герцог, фактический правитель Западно-Франкского королевства в 936–956 гг.

56) *Аббасиды* — династия арабских халифов в 750–1258 гг.

57) *Гарольд* — англосаксонский эрл, фактический правитель Английского королевства с 1065 г. при короле Эдуарде Исповеднике; избран королем в 1065 г. Погиб в 1066 г. в битве при Гастингсе.

58) *Битва при Таре* — сражение в 980 г., в котором датский король Дублина Олав Куаран потерпел поражение от ирландского короля Маэля Сехнайля II.

59) *Адам Бременский* (ум. после 1081 г.) — германский хронист, автор «Деяний епископов Гамбургской церкви», содержащей ценные сведения о истории и нравах скандинавов.

60) *Олаф Шётконунг* — король Швеции в 995–1020 гг.

61) *Лен* (феод, фьеф) — земельное владение или доход, предоставляемые сюзереном вассалу взамен военной службы; как правило, лен передавался по наследству.

62) С 1098 г. в Антиохии, захваченной воинами Западной Европы в ходе первого крестового похода, правила династия норманнских князей, основателем которой был Боэмунд Тарентский (ок. 1050–1111 гг.).

63) *Карл Мартелл* — правитель Франкского королевства в 720–741 гг. при номинально царствовавших королях из династии Меровингов.

64) *Майордом* — должность управляющего королевским дворцом. С конца VII столетия — титул фактического правителя Франкского королевства.

65) *Питин Короткий* — франкский майордом в 741–751 гг., король франков в 751–768 гг.

66) *Бенефиций* — земельное владение, предоставляемое сеньором вассалу на срок несения военной службы. Распределив среди воинов

бенефиции, Карл Мартелл тем самым дал им возможность приобрести дорогое вооружение и коней.

67) *Септимания* — область на Юге Франции, включавшая в себя часть северной Испании.

68) *Мозарабы* (от араб. «арабы-чужаки») — христиане Испании под властью мусульман.

69) После смерти вестготского короля Витизы к власти, отстранив его сына Акилу, пришел вестгот Родерих (Родриго). Знать, поддерживавшая Акилу против узурпатора в 711 г. перешла на сторону вторгшихся на Пиренейский полуостров арабов под руководством Тарика бен Зийяда, в надежде, что он поможет восстановить на троне сына покойного Витизы. Соперничество между сторонниками Родриго и Акилы привело к поражению вестготов и облегчило арабам захват основных городов королевства.

70) *Аглабиды* — арабская династия, правившая в Тунисском и Алжирском эмирате в 808–909 г. Во время правления Аглабидов был создан мощный пиратский флот.

71) *Стратиг* — в Византийской империи военный или гражданский глава фемы; начальник гарнизона, полководец.

72) *Франкское королевство* в VI — первой половине VIII вв., в правление королей из династии Меровингов, было разделено на ряд полунезависимых областей (Австразия, Нейстрия, Бургундия, Аквитания, Бретань), чья знать отличалась самостоятельностью и навязывала своим государям политику, продиктованную их местными интересами. Лишь после воцарения на франкском троне династии Каролингов (751 г.) начался процесс активного присоединения автономных земель к центру Франкского королевства, подчинения короне региональной знати и лишения ее прав и привилегий.

73) *Роберт Сильный* (уб. 866) граф Анжера, первый представитель династии Капетингов, заложил основы территориального могущества своей семьи и, будучи умелым военачальником, в боях с норманнами стяжал славу, которая передалась его потомкам, позволив им претендовать на королевский престол. Двое его потомков сменяли Каролингов на престоле: Эд I (888–898 гг.); Роберт I (922–923 гг.), пока его правнук, Гуго Капет не смог окончательно утвердиться на французском троне.

74) *Ричард Заступник* (ум. 922 г.) — граф Отена, герцог Бургундии, отличился в битвах с норманнами. *Бозон* — брат Ричарда Заступника, граф Прованса и Берри. В 879 г. провозгласил себя королем Прованса и Бургундии при жизни Людовика Заики, законного франкского государя. При своем восшествии на престол Бозон, помимо прочего, эксплуатировал популярность своего брата.

75) *Карл Толстый* — император из династии Каролингов, в 884–887 гг. временно воссоединил под своей властью Францию, Лотарингию, Германию и Италию.

76) *Марка* — участок на границе, состоявший, как правило, из нескольких графств, куда король назначал чрезвычайного военного представителя (маркграфа) с широкими полномочиями, главной задачей которого становилось отражение ударов извне. Иногда на

территории марок селили элитные отряды быстрого реагирования (scarae).

77) *Карл Простоватый* — западно-франкский король в 898–922 гг.

78) *Государевы посланцы* — во Франкском королевстве конца VIII–IX вв. королевские представители, разъезжавшие по графствам, чтобы контролировать на местах деятельность королевской администрации (графов).

79) Речь идет о императорской коронации франкского короля Карла Великого (768–814 гг.) в Риме на Рождество 800 г. Приняв от папы Римского императорскую корону, Карл Великий тем самым бросал вызов законным наследникам древней Римской империи — императорам Византии, которые, естественно, не торопились признать его в новом качестве. Положение усугублялось тем, что, будучи императором, Карл Великий стал претендовать на овладение всем Апеннинским полуостровом, где по-прежнему находились византийские владения — а это не могло не вызвать недовольства византийских правителей. То скрытый, то явный конфликт между франкским и византийским императорским дворами продолжался на протяжении всего IX в.

80) *Конкубинат* — разновидность сожителства.

81) *Хлодвиг* — основатель Франкского королевства, первый франкский король из династии Меровингов (484–511 гг.). В период конца V в., когда Хлодвиг завоевывал Галлию, в Западной Европе возникли основные варварские государства, что определило политическое развитие континента на многие годы вперед.

82) *Одоакр* — германский наемник на службе Римской империи. В 476 г. низложил последнего римского императора Ромула Августула и управлял Италией до 493 г.

83) *Дудон Сен-Кантенский* — клирик, приближенный герцогов Нормандских в нач. XI в., автор панегирического сочинения, где он восхваляет своих покровителей — «Деяния герцогов Нормандских».

84) *Битва при Стикластадире* — 29 июля 1030 г. в битве при Стикластадире король Норвегии Олаф Святой, изгнанный ранее из своего королевства королем Англии и Дании Кнудом Великим, и вернувшийся отвоевать свою корону, потерпел поражение от норвежского ополчения из бондов и знати, предпочитавшей власть отдаленного государя, чем самовластного правителя из династии Харальда Прекрасноволосого. *Битва при Гастингсе* — 14 октября 1066 г. англосаксонские войска во главе с королем Англии Гарольдом (1066 гг.) были разбиты претендентом на английский престол герцогом Нормандии Вильгельмом.

85) Речь идет о конфликте между королем Англии Эдуардом Исповедником (1042–1066 гг.) и группой датско-англосаксонской знати, во главе которой стояли два влиятельных магната — правитель Уэссекса Годвин и его сын Гарольд. Эдуард, проведя свою молодость в изгнании в Нормандии, по возвращении на отцовский престол окружил себя выходцами из Нормандии, доверяя им важные административные и церковные посты. Засилье нормандцев вызвало

в Англии повсеместное раздражение. В 1051 г. король Эдуард обвинил Годвина в измене и заставил бежать с семьей из Англии. Но через год Годвин с Гарольдом, набрав войско из своих сторонников, появились под Лондоном и принудили короля пойти на мировую, вернув им прежнее положение и выдворив из Англии свое нормандское окружение.

86) Речь идет об Эйстейне (ум. 1157 г.), третьем сыне норвежского короля Харальда Гилли (1130–1136 гг.). Эйстейн прибыл в Норвегию в 1142 г., спустя шесть лет после смерти своего отца, был провозглашен королем, и добился у двух своих братьев, королей Инги и Сигурда, правивших с 1136 г., третьей части Норвегии. В 1153 г. Эйстейн провел грабительский поход вдоль восточного побережья Шотландии и Англии.

87) *Лотарь II* — король Лотарингии (855–869 гг.) из династии Каролингов.

88) *Пипин II Аквитанский* (ум. 864 г.) — представитель династии Каролингов, король Аквитании. В борьбе против своего дяди, западно-франкского короля Карла Лысого неоднократно прибегал к помощи норманнских отрядов. Пипина обвиняли даже в том, что он принял язычество.

89) *Клюни* — аббатство в Южной Бургундии (основано в 909 г.), чьи энергичные аббаты, начиная с X в., предприняли труд по восстановлению монастырей, реформе монашеских нравов, добивались независимости аббатств от светских феодалов и епископов, свободы выборов аббата без внешнего давления, претендуя подчиняться напрямую папе Римскому.

90) *Капитулярий* — в государстве Каролингов торжественный указ императора или короля. В 847 г. в г. Мерсене состоялась встреча трех сыновей Людовика Благочестивого (короля Западно-Франкского государства Карла II Лысого, императора и правителя Лотарингии и Италии Лотаря I, короля Германии Людовика), которые, помимо прочего, постановили совместно бороться с викингами и, как указывает Л. Мюссе, начать переговоры с Данией, обнародовав свое решение в капитулярии.

91) *Рабан Маур* — известный франкский церковный и политический деятель, епископ Майнца в 847–856 гг.

92) *Флавий Вегеций* — римский писатель конца IV в., автор популярного в средние века трактата «О военном деле», где представлены основные принципы действия и вооружение римской армии.

93) *Эгинхард* (ок. 775–840 гг.) — церковный и политический деятель эпохи Каролингов, приближенный франкских императоров Карла Великого и Людовика Благочестивого.

94) *Паллиум* — знак епископа, возглавляющего церковь страны.

95) *Ланфранк* (ум. 1089 г.) — церковный и политический деятель Англии, архиепископ Кентерберийский, доверенный советник английского короля Вильгельма Завоевателя.

96) *Саманиды* — династия правителей Мавераннахра в 819–999 г., создавших в Средней Азии обширное государство со столицей в Бухаре.

97) В 816–819 гг. на нескольких церковных соборах (в том числе и в Ахене) франкский император Людовик Благочестивый (814–840 гг.) и его помощник Бенедикт Анианский (ум. 821 г.) предложили обширную программу монастырских реформ, целью которой стало моральное совершенствование имперского монашества, введение единого для всех монахов устава, который, помимо прочего, предусматривал физический труд для братии, всеобщие бдения, подчинение вышестоящему церковному начальству.

98) *Серв* — зависимый крестьянин.

99) *Полиптих* — документ, содержащий описание земельного владения, как правило, церковного, с перечнем держателей, их пашен и повинностей.

100) *Роберт Гвискар* (Хитрый) (ок. 1015–1085 гг.) — нормандский вождь, в 70-х гг. XI в. завладевший Южной Италией и Сицилией.

101) Имеется в виду реформационное движение, возникшее в Лотарингии в X в. (Горцкий монастырь), целью которого было нравственное очищение монахов, соблюдение строгого устава.

102) *Люди закона* (норв. — лангманы) — в Скандинавии хранители обычаев и законов области, руководившие местными собраниями.

103) То есть во владениях, оставшихся под властью англосаксонских королей, в данном случае Альфреда Великого.

104) *Сока* — право судебной власти на подчиненной сокмену территории.

105) *Инэ* — король англосаксонского государства Уэссекс.

106) *Комитат* — германское воинское сообщество, сплоченное вокруг вождя узами верности и братства, близкими к семейным.

107) *Рихер Реймский* — франкский хронист конца X в.

108) *Pagus* — территория города и его окрестностей.

109) *Fodrum* — повинность, выражавшаяся в снабжении королевской армии провиантом и кормом для лошадей.

110) *Bernagium* — право сеньора требовать корм для охотничьих собак.

111) *Census regius* — ежегодный налог, причитающийся королю

112) *Gravaria* — сеньориальный побор.

113) *Вилла* — у франков земельное владение с хозяйственным комплексом в центре.

114) Преступления и тяжбы, которые были подсудны только герцогу или его чиновникам.

115) *Георгий Маниак* (уб. 1043 г.) — византийский полководец; воевал с сельджуками в Малой Азии и сарацинами в Сицилии.

БИБЛИОГРАФИЯ

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

ПОЯСНЕНИЯ К БИБЛИОГРАФИИ

Второй натиск завоеваний очень редко оказывался в фокусе синтетического подхода, если не считать общих учебников по истории. Самые интересные из них — это компактный и блистательный труд Марка Блока (82) и работа Фердинанда Лота (86), свободно применяющая дискурсивный метод и выводящая на современные проблемы. Эта скудность библиографии помещала многим историкам распознать всю серьезность этого переломного момента истории. Большая часть современных работ приступает лишь к его частностям или локальным аспектам и мало обеспокоена долгосрочными последствиями, если только не выдвигает на этот счет рискованных и неопределенных гипотез. Что касается общих исследований, посвященных какому-то одному историческому процессу, то и они редко бывают удовлетворительными, так как трудно соблюсти равновесие между точкой зрения завоевателей и их жертв, между данными историографии и археологии, между последствиями в области права и в лингвистике или ономастике. Почти всегда эти исследования превосходят лишь с какой-то одной стороны.

Правда, для того чтобы охватить эти завоевания во всей их широте, необходимо было бы соединить области знания, которыми ни один историк не владеет вполне. Они включают сферы, столь мало сообщающиеся друг с другом, как византология и «западная» медиевистика. Их изучение требует недюжинных лингвистических познаний. Ведь письменные источники бывают не только

латинскими и греческими, но еще и славянскими, скандинавскими и арабскими. Что касается современных работ, то полезные можно встретить почти на всех европейских языках, и, особенно, в тех государствах, которые обязаны своим возникновением этому второму миграционному кризису. Автор настоящей книги вынужден признать свое невежество: в его распоряжении не более десятка языков, и он сознается в том, что ограничился классическими (включая исландский), в отношении древних источников, и западными, и скандинавскими для современных работ. Он горько сожалеет об этом: напрямую пользуясь скандинавскими источниками и трудами при изучении истории викингов, он понял, как много потерял от непрямого обращения к, например, славянским текстам. Предлагаемая читателям библиография не выходит за рамки, установленные возможностями составителя.

История завоеваний VII–XI вв. завершилась созданием скандинавских, славянских, венгерского и болгарского государств. Здесь не может идти речи о том, чтобы дать развернутую библиографию по каждому из них. Следовательно, мы удовольствуемся кратким списком наиболее удобных национальных историй на западных языках. В нем вы найдете все необходимое для того, чтобы углубить и продолжить исследование этих новых политических образований в первые века их существования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AA SS	Acta Sanctorum Болландистов.
AESC	Annales (Économies, Sociétés, Civilisations) (Париж).
ВЕС	Bibliothèque de l'École des Chartes (Париж).
ССМ	Cahiers de Civilisation Médiévale (Пуатье).
EHR	English Historical Review (Лондон).
FSI	Fonti per la Storia d'Italia.
HZ	Historische Zeitschrift (Мюнхен).
МА	Le Moyen Age (Брюссель и Париж).
МАНР	Mélanges d'Archéologie et d'Histoire publiés par l'École française de Rome (Рим).
MGH	Monumenta Germaniae Historica.
PL	Patrologie Latine аббата Миня.
ВРРН	Revue Belge de Philologie et d'Histoire (Брюссель).
РН	Revue Historique (Париж).
РНД	Revue Historique de Droit Français et Étranger (Париж).
РИЕФ	Revue d'Histoire de l'Église de France (Париж).
РМАЛ	Revue du Moyen Age Latine (Страсбург).
RS	Rolls Series.
Settimane	Centro italiano di Studi sull'alto medioevo. Settimane di Studio (Сполето).
SS	Scriptores.

РАЗДЕЛ I

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

I. ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ СО СЛАВЯНАМИ^b

[1] Bruno de Querfurt, Vita Adalberti, изд. G. H. Pertz, MGH, SS, IV, p. 596–612.

[2] Константин Багрянородный, De administrando imperio, ред. и перев. на англ.: G. Moravcsik и R. H. Jenkins, Budapest-London, 1949–1962, 2 т. (один из которых отведен подробному комментарию).

[3] Козьма Пражский, Chronica Boemorum, ред. V. Bretholz, MGH, SS rerum germ, n. s, II, Berlin, 1923 (перев. на нем.: Grandaur, Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit, 3-е изд. Leipzig, 1941).

[4] Frédégaire, Chronicon, ред. V. Krusch, MGH, SS rer, Merov, II, 1880, p. 1–108 (книга IV — перев. на англ.: J. M. Wallace-Hardill, Edinburgh, 1960).

[5] Helmond, Chronica Slavorum, изд. V. Schmeidler, MGH, SS in us. schol, 1937 (перев. на нем.: Laurent и Wattenbach, Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit, 3-е изд. Leipzig, 1910).

[6] Libellus de conversione Bagoariorum et Carentanorum, изд. Wattenbach, MGH, SS, XI, p. 1–15.

[7] Miracula sancti Demetrii, Patrologie Grecque Миня, т. CXVI, кол. 1203–1426.

[8] Monumenta Poloniae Historica, т. I, изд. Aug. Bielowski, Lwów, 1864.

[9] Летопись Нестора: перев. на англ.: Cross (S. H.), Sherbowitz-Wetzor (O. P.), The Russian primary Chronicle, Cambridge (Mass.), 1953.

[10] Widukind de Corvey, Chronica Saxonum, изд. H. E. Lohmann и P. Hirsch, MGH, SS in us. schol, Berlin, 1935 (перев. на нем.: P. Hirsch, Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit, 5-е изд. Leipzig, 1931).

II. ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ О СЛАВЯНАХ И ВИКИНГАХ

[11] Ахмед ибн Фадлан, Рассказ о посольстве на Волгу в 922 г., изд. A. Zeki Validi Togan, Ibn Fadlans Reisebericht, Leipzig, 1939; английская обработка: A. S. Cook, Ibn Fadlan's account of Scandinavian merchants on the Volga in 922, Journal of English and German Philology, XXII, 1923, p. 54–63 (на основании неполного текста).

^a См. Книга II, Предисловие: «Работа над источниками».

^b По поводу России и варягов см. также (63 и 74).

[12] Birkeland (Harris), Nordens historie i middelalderen etter arabiske kilder, Oslo, 1954.

[13] Ибрагим ибн Якуб, Рассказ о путешествии в славянские земли в 973 г., перев. на нем. Г. Якоба следует за переводом Видукинда Корви П. Хиршем в кн.: (10; стр. 177–195).

[14] Jacob (Georg), Arabische Berichte von Gesandten an germanische Fürstenhöfe aus dem 9. und 10. Jht, Berlin, 1927.

[15] Rapoport (Semen), Mohammedan Writers on Slavs and Russians, The Slavic Review, VIII, 1929, p. 80–98 и 331–341.

[16] Wikander (Stig), Orientaliska källor till Vikingatidens historia, (Svensk) Historisk Tidskrift, 1963, p. 72–79.

III. ИСТОЧНИКИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЮЖНОЙ ЕВРОПЕ

[17] Adon de Vienne, Chronique, изд. G. H. Pertz, MGH, SS, II, p. 315–329.

[18] Benoît du Mont-Soracte, Chronicon, изд. G. Zucchetti, FSI, Rome, 1920.

[19] Cartulaire de Saint-Victor de Marseille, ред. B. Guérard, Paris, 1857, 2 т. (Documents inédits).

[20] Chronicon Farfense, ред. Balzani, FSI, Rome, 1903.

[21] Liber Pontificalis, ред. Mgr. L. Duchesne, Paris, 1884–1892, 2 т.; репринт 1955.

[22] Liutprand de Crémone, Antapodosis, ред. J. Becker, MGH, SS in us. school, Berlin, 1915 (перев. на итал. Al. Cutolo, Luitprando da Cremona, Tutte le opere, Milan, 1945).

[23] Monumenta Novaliciensia vetustiora, ред. G. Cippola, FSI, Rome, 1898–1901, 2 т.

[24] Schiaparelli (L.), I diplomi di Berengario I, FSI, Rome, 1903.

[25] Schiaparelli (L.), I diplomi di Ugo e di Lotario, di Berengario II e Adalberto, FSI, Rome, 1924.

[26] Vita beati Isarni Massiliensis, AA SS, Sept, VI, p. 737–749.

IV. ЭРА ВИКИНГОВ. ЗАПАДНЫЕ ИСТОЧНИКИ

а) Империя франков

[27] Abbon, De bello Parisiaco, ред. и перев. H. Waquet, Paris («Classiques de l'Hist. de France au Moyen Age»).

[28] Adam de Brême, Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum, ред. B. Schmeidler, MGH in us. schol., Hanovre-Leipzig, 1917 (перев. на нем.: B. Schmeidler, Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit, 2-е изд., Leipzig, 1926).

[29] Alpert de Metz, De diversitate temporum, изд. G. H. Pertz, MGH, SS, IV, p. 700–723.

[30] Annales Bertiniani, ред. F. Grat, J. Vieliard, S. Clémencet, Paris, 1964 (Soc. de l'Hist. de France).

[31] Annales Fuldenses, ред. F. Kurze, MGH in us. schol, Hanovre, 1891.

[32] Annales Regni Francorum, ред. F. Kurze, MGH in us. schol, Hanovre, 1895.

[33] Annales Xanteses et Annales Vedastini, ред. B. de Simpson, MGH in us. schol, Hanovre et Leipzig, 1909.

[34] Chronicon Fontanellense, ред. J. Laporte, Soc. de l'Hist. de Normandie, Mélanges, XV серия, Rouen, 1951, p. 63–91.

[35] Chronique de Nantes, ред. R. Merlet, Paris, 1896.

[36] Flodoard, Annales, ред. Ph. Lauer, Paris, 1906.

[37] Monuments de l'Histoire des abbayes de Saint-Philibert, ред. R. Poupardin, Paris, 1905.

[38] Recueil des Actes de Charles II le Chauve, ред. M. Prou, F. Lot и G. Tessier, Paris, 1943–1955, 3 т. (Chartes et Diplômes).

[39] Recueil des Actes de Charles III le Simple, ред. Ph. Lauer, Paris, 1940 (Chartes et Diplômes).

[40] Reginon de Prüm, Chronicum, ред. F. Kurze, MGH in us. schol, Hanovre, 1890 (перев. на нем.: E. Dümmmler, Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit, 5-е изд., Leipzig, 1939).

[41] Rimbart, Vita Anksarii, ред. G. Waitz, MGH in us. schol, Hanovre, 1884 (перев. на нем. J. C. M. Laurent, Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit, 3-е изд., Leipzig, 1939).

[42] Thangmar, Vita Bernwardi episcopi Hildesheimensis, ред. G. H. Pertz, MGH, SS, IV, p. 754–782.

[43] Thietmar de Merseburg, Chronicon, ред. R. Holtzmann, MGH, SS rer. germ. n.s. IX, 1935 (перев. на нем. J. Laurent, Strebitzky и Wattenbach, Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit, 4-е изд., Leipzig, 1939).

б) Нормандия

[44] Dudon de Saint-Quentin, De moribus et actis primorum Normanniae ducum, ред. J. Lair, 1865, (Mém. de la Soc. des Antiquaires de Normandie).

[45] Fauroux (Marie), Recueil des Actes des ducs de Normandie, 911–1066, Caen, 1961 (Mém. de la Soc. des Antiquaires de Normandie).

[46] Garnier de Rouen, Satire contre le poète Moriht, ред. H. Omont, Annuaire-Bulletin de la Soc. de l'Hist. de France, XXXI, 1894, p. 193–210 (ср. комментарий L. Musset (370)).

[47] Guillaume de Jumièges, Gesta Normannorum Ducum, ред. J. Marx, Rouen, 1914 (Soc. de l'Hist. de Normandie).

[48] Guillaume de Poitiers, Histoire de Guillaume le Conquérant, ред. и перев. R. Foreville, Paris, 1952 («Classiques de l'Hist. de France au Moyen Age»).

[49] Lamentation sur la mort de Guillaume Longue-Épée, ред. J. Lair, Étude sur la vie et la mort de Guillaume Longue-Épée, Paris, 1893, p. 61–68, и Ph. Lauer, Le regne de Louis IV d'Outremer, Paris, 1900, p. 319–323.

в) Англия^а

[50] Англосаксонская хроника. Лучшее издание: Earle и Plummer, Two of the Saxon Chronicles Parallel, Oxford, 1892, 2 т., переизд.: D. Whitelock, 1952; версия С: Harry A. Rositzke, The C-text of the Old-English Chronicles, Bochum, 1940; перев. на англ. D. Whitelock, D. C. Douglas, S. I. Tucker, The Anglo-Saxon Chronicle, London, 1961.

[51] Encomium Emmae Reginae, ред. A. Campbell, London, 1949 (Camden 3d series, LXXII).

[52] Florent de Worcester, Chronicon ex Chronicis, ред. B. Thorpe, RS, London, 1849, 3 т.

[53] Guillaume de Malmesbury, Gesta Regum, ред. W. Stubbs, RS, London, 1889, 2 т.

[54] Syméon de Durham, Historia Dunelmensis Ecclesiae, Historia regum, ред. Th. Arnold, RS, London, 1882, 2 т.

[55] The Historians of the Church of York and its archbishops, ред. J. Raine, RS, London, 1879, 2 т.

[56] Origo et gesta Sivardi ducis, ред. J. Langebek, Scriptorum rerum danicorum medii aevi, т. III, Kobenhavn, 1774, p. 288–302.

г) Кельтские страны^б

[57] Annala Uladh. Annals of Ulster, ред. W. H. Hennessy, Dublin, 1887–1893, 2 т.

[58] Annals of the Four Masters, ред. J. O'Donovan, Dublin, 18481–1851, 2 т.

[59] The Annals of Inisfallen, ред. S. Mac Airt, Dublin, 1951.

[60] Caitheirim Cellachain Caisil, The victorious career of Cellachan of Cashel, ред. Al. Bugge, Christiania, 1905.

[61] Codagh Gaedhel re Gallaibh, The War of the Gaedhil with the Gaill, ред. J. H. Todd, RS, London, 1867.

[62] Three fragments of Irish Annals, ред. J. O'Donovan, Dublin, 1860.

V. ЭРА ВИКИНГОВ. СКАНДИНАВСКИЕ ИСТОЧНИКИ^с

а) Эпиграфические источники

Познакомиться с руническими надписями в качестве исторических источников можно в кн.: Ruprecht, Die ausgehende Wikingerzeit (222). Для более глубокого знакомства с рунологическими проблемами можно обратиться к:

^а См. критический обзор Сойера, The Age of Vikings (215; 12–47); по поводу дипломатических источников ср. L. Musset (87; 10, 48–52).

^б Все нижеупомянутые тексты снабжены английским переводом.

^с По поводу восточных источников см. выше № 11–16.

[63] Musset (Lucien) и Mosse (Fernand), Introduction à la runologie, Paris, 1965.

Там можно найти ссылки на различные своды рунических надписей.

б) Литературные источники

Поэзия скальдов очень труднодоступна. При незнании древне-скандинавских языков можно обратиться к:

[64] Hollander (Lee M.), The Scalds, Princeton, 1945 или, если это не удастся, к английским переводам, основывающимся на древних текстах:

[65] Vigfusson и York Powell, Corpus poeticum boreale, Oxford, 1883, 2 т.

Самый удобный сборник поэзии скальдов это:

[66] Finnur Jonsson, Den norsk-islandske Skjaldedigtning, Kobenhavn и Christiania, 1912–1916, 4 т.

С гораздо более заманчивым, но изобилующим западнями, пластом литературы, сагами, французский читатель сможет познакомиться, прочитав их, вместе с вводной частью, в блестящем переводе Ф. Моссе:

[67] La Laxdoela Saga, légende historique islandaise, перевод F. Mossé, Paris, 1914.

[68] La saga de Grettir, перевод F. Mossé, Paris, 1933.

В случае неудачи можно также обратиться к следующим переводам:

[69] La saga de Nial, перевод R. Dareste, Paris, 1896 (важна, главным образом, в плане правовой атмосферы).

[70] La saga du scalde Egil Skallagrimsson, histoire poétique d'un Viking scandinave de Xe siècle, перевод F. Wagner, Bruxelles, 1925 (лучшая сага о великих экспедициях).

Кроме того, можно соприкоснуться с оригинальными текстами благодаря прекрасному двуязычному изданию:

[71] La saga d'Eric le Rouge, le Récit de Groenlanais, ред. и перев. M. Gravier, Paris, 1955.

Лучшее собрание переводов, представляющих собой подлинные литературные удачи:

[72] Thule. Altnordische Dichtung und Prosa, Iéna, 1914–1930, 24 т., следует предпочесть следующим английским переводам на основании старых текстов:

[73] Vigfusson и York Powell, Origines islandicae, Oxford, 1905, 2 т.

Исключение следует сделать для норвежских королевских саг, наиболее поздние из которых являются первичными источниками; основной сборник:

[74] Snorri Sturluson, Heimskringla, Noregs konunga sögur, литературное издание под ред. Finnur Jonsson, Kobenhavn, 1911; научное издание его же, Kobenhavn, 1893–1901, 4 т.; перев. на нем.: F. Niedner, сб. «Thule», 2 R, Nr. 14–16, Iéna, 1922–1923, 3 т.

Что касается критики саг, то отправную точку можно найти в:

[75] Liestol (Knud), Upphavet til den islandske aettesaga, Oslo, 1930 (перев. на англ.: The origin of the Icelandic family sagas, Oslo, 1930).

[76] Baetke (Walter), Christliches Lehngut in der Sagareligion, Das Svoldir-Problem, Zwei Beiträge zur Sagakritik, Berlin, 1952.

в) Латинские источники

Основные своды дипломатических источников указаны в кн.: Musset, *Les peuples scandinaves* (196; 326–327). Среди нарративных источников можно указать прежде всего:

[77] *Annales danici medii aevi*, ред. E. Jørgensen, København, 1920.

[78] Saxo Grammaticus, *Gesta Danorum*, ред. J. Olrik и H. Raeder, København, 1931, 2 т.

[79] Sven Aggesen, *Opuscula Historica*, ред. M. Cl. Gertz, *Scriptores minores Historiae Danicae*, København, 1917, т. I, p. 55–143.

[80] Theodricus Monachus, *Historia de Antiquitate regum Norwagensium*, ред. G. Storm, *Monumenta historica Norvegiae*, Christiania, 1880, p. 1–68.

[81] *Vitae Sanctorum Danorum*, ред. M. Cl. Gertz, København, 1908–1912, 3 т.

РАЗДЕЛ II СОВРЕМЕННЫЕ РАБОТЫ

I ОБЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

[82] Bloch (Marc), *La société féodale. I: La formation des liens de dépendance*, Paris, 1939 (книга I: Последние завоевания, стр. 9–94).

[83] Latouche (Robert), *Les origines de l'économie occidentale (IVe-XIe siècles)*, Paris, 1956.

[84] Lewis (Archibald R.), *Naval power and Trade in the Mediterranean, A. D. 500–1100*, Princeton, 1951^a.

[85] Lewis (Archibald R.), *The Northern Seas, Shipping and Commerce in Northern Europe. A. D. 300–1100*, Princeton, 1958^b.

[86] Lot (Ferdinand), *Les invasions barbares et le peuplement de l'Europe*, Paris, 1937, 2 т.

[87] Musset (Lucien), *Les invasions: les vague germaniques*, Paris, 1965 («Nouvelle Clio», № 12).

II ПОСЛЕДНИЕ СТЕПНЫЕ НАРОДЫ

A) Болгары

[88] Dölger (Franz), *Bulgarisches Zartum und byzantinisches Kaisertum*, в кн.: *Byzanz und die europäische Staatenwelt*, Ettal, 1953, p. 140–158.

[89] Dujčev (Ivan), *Protobulgares et Slaves*, *Annales de l'Institut Kondakov* (Prague), X, 1938, p. 145–154.

[90] Filov (B.), *Les origins sassanides de l'art bulgare*, в кн.: *Mélanges Ch. Diehl*, Paris, 1930, т. II, p. 137–159.

[91] Gérard (Christian), *Les Bulgares de la Volga et les Slaves du Danube*, Paris, 1939.

[92] Grégoire (Henri), *Les sources épigraphiques de l'histoire bulgare, Byzantion*, IX, 1934, p. 745–786.

[93] Lemerle (Paul), *Philippe*, Paris, 1945, 2 т.

^a Эти две работы изобилуют фактическими ошибками, их следует использовать только с очень тщательной проверкой фактов и дат.

^b Эти две работы изобилуют фактическими ошибками, их следует использовать, только очень тщательно проверяя факты и даты.

[94] Pritsak (Omalian), Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren, Wiesbaden, 1955.

[95] Runciman (Steven), A History of the first Bulgarian Empire, London, 1930.

[96] Setton (K. M.), The Bulgars in the Balkan and the occupation of Corinth in the VIIIth century, Speculum, XXV, 1950, p. 502–543.

[97] Wolff (Robert Lee). The Second Bulgarian Empire. Its origin and history, Speculum, XXIV, 1949, p. 167–106.

б) Венгры. Происхождение

[98] Macartney (C. A.), The Magyars in the ninth century, Cambridge, 1930.

[99] Macartney (C. A.), Studies on the earliest Hungarian historical sources, Budapest, 1938.

[100] Móór (Elemer), Die Ausbildung des urungarischen Volkes im Lichte der Laut- und Wortgeschichte, Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, VI–X, 1956–1960.

[101] Moravcsik (Gyula), Die byzantinischen Quellen der ungarischen Geschichte, Budapest, 1934.

[102] Sinor (Denis), Autour d'une migration de peuples au Ve siècle, Journal Asiatique, CCXXXV, 1946–1947, p. 1–77.

[103] Sinor (D.), The outlines of Hungarian Prehistory, Cahiers d'Histoire Mondiale, IV, 1958, p. 513–540.

[104] Scöld (Hannes), Die ossetischen Lehwörter im Ungarischen, Lund, 1925.

[105] Szinnyei (Josef), Die Herkunft der Ungarn, ihre Sprache und Urkultur, 2-е изд, Berlin, 1923.

в) Венгры. Вторжения в Западную Европу

[106] Büttner (Heinrich), Die Ungarn, das Reich und Europa bis zur Lechfeldschlacht, Zeitschrift für bayr. Landesgeschichte, XIX, 1956, p. 433–458.

[107] Duft (Johannes), Die Ungarn in Sankt-Gallen, Zürich, 1957.

[108] Fasoli (Gina), Le incursioni ungare in Europa nel secolo X, Florence, 1945.

[109] Fasoli (G.), Points de vue sur les incursions hongroises en Europe au Xe siècle, CCM, II, 1959, стр. 17–35 и V, 1962, p. 461–462.

[110] Haenens (Albert d'), Les incursions hongroises dans l'espace belge, CCM, IV, 1961, p. 423–440.

[111] Huygens (R. B. L.), Un témoin de la crainte de l'an mille: la lettre sur les Hongrois, Latomus, XV, 1956, p. 225–239.

[112] Lüttich (Rudolf), Ungarnzüge in Europa im 10 Jh, Berlin, 1910.

г) Венгры. Консолидация

[113] Brackmann (Albert), Zur Entstehung des ungarischen Staates, Sitzungsber. der Berlin Akad. der Wiss, Phil.-Hist. Kl, 1940, № 8.

[114] Gabriel (Astrik L.), The conversion of Hungary to Christianity, New York, 1962.

[115] Moravcsik (Gyula), Byzantine Christianity and the Magyars in the period of their migrations, *American Slavic and East European Review*, V, 1946, p. 29–45.

[116] Toth (W.), The Christianization of the Magyars, *Church History*, XI, 1942, p. 33–55.

д) Хазары, печенеги, куманы

[117] Artamonov (M. I.), Khazar-festningen Sarkel, Viking (Oslo), XIX, 1955, p. 99–120.

[118] Dunlop (D. M.), The History of the Jewish Khazars, Princeton, 1954.

[119] Macartney (C. A.), The Petchenegs, *The Slavonic Review*, VIII, 1929, стр. 342–355.

[120] Moravcsik (Gyula), *Byzantinoturcica*, 2-е изд, Budapest, 1958.

III РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ^а

а) Общее положение

[121] Auty (Robert), Community and divergence in the History of the Slavonic Languages, *The Slavonic and East European Review*, XLII, 1963, p. 257–273.

[122] Dvornik (Francis), *The Slavs. Their early History and Civilization*, Boston, 1956.

[123] Dvornik (Francis), *Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle*, Paris, 1926.

[124] Hensel (Witold), *Méthodes et perspectives de recherches sur les centers ruraux et urbains chez les Slaves (VIIe–XIIIe s.)*, Varsovie, 1962.

[125] Kostrzewski (Josef), *Les origines de la civilization polonaise. Préhistoire et protohistoire*, Paris, 1949.

[126] Mongait (A. L.), *Archaeology in the U.S.S.R*, Harmondsworth, 1961.

[127] Niederle (Lubor), *Manuel de l'Antiquité slave*, Paris, 1923–1926, 2 т.

[128] Unbegaun (B. O.), *La religion des anciens Slaves*, в кн.: *Mana*, т. II, *Les Religions de l'Europe ancienne*, Paris, 1948, p. 387–445.

б) Славяне — основатели государств. Общий обзор

[129] Dvornik (Francis), *The Making of Central and Eastern Europe*, London, 1949.

^а Указаны только работы на западных языках.

[130] Gieysztor (Alexander), La strutturazione culturale dei paesi slavi nell' alto medio evo, *Settimane*, XI, 1963, p. 371–392.

[131] Graus (František), Deutsche und slawische Verfassungsgeschichte, *HZ*, CXC VII, 1963, p. 265–317.

[132] Helmann (Manfred), Grundfragen slavischer Verfassungsgeschichte des frühen Mittelalters, *Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas*, N. F., II, 1954, p. 387–404.

[133] Helmann (M.), Slavisches, insbesondere ostslavisches Herrschertum des Mittelalters, *Vorträge und Forschungen...* Th. Mayer, III, 1956, p. 243–277.

[134] Lowmianski (Henryk), La genèse des États slaves et ses bases sociales et économiques, *La Pologne au Xe Congrès int. des sciences historiques*, Varsovie, 1955, p. 29–53.

[135] Lowmianski (H.), Critique de la théorie de l'origine normande des États slaves, в кн.: *Studi in onore di A. Saponi*, Milan, т. I, 1957, p. 147–172.

[136] Ludat (Herbert), Frühformen des Städtewesens in Osteuropa, *Vorträge und Forschungen...* Th. Mayer, IV, 1958, p. 527–553.

в) Региональные аспекты

СЛАВЯНЕ НА БАЛКАНАХ

[137] Bon (Antoine), *Le Péloponnèse byzantin jusqu'en 1204*, Paris, 1951.

[138] Charanis (Peter), *The Slavic element in Byzantine Asia Minor in the XIIIth century*, Byzantion, XVIII, 1946–1948, p. 69–83.

[139] Charanis (P.), *The Chronicle of Monembasia and the question of the Slavic settlements in Greece*, *Dumbarton Oaks Papers*, V, 1950, p. 139–166.

[140] Charanis (P.), *On the Slavic settlement in the Peloponnesus*, *Byzantinische Zeitschrift*, XLVI, 1953, p. 91–103.

[141] Charanis (P.), *The significance of coins as evidence for the history of Athens and Corinth in the VIIth and VIIIth centuries*, *Historia*, IV, 1955, стр. 163–172.

[142] Dujčev (I.), *Les Slaves et Byzance*, *Études historiques à l'occasion du XIe Congrès int. des sciences historiques*, Sofia, 1960, p. 31–78.

[143] Grégoire (Henri), *L'origine et le nom des Croates et des Serbes*, Byzantion, XVII, 1944–1945, p. 88–118.

[144] Haumant (Émile), *Un problème ethnographique: la slavisation de la Dalmatie*, *RH*, CXXIV, 1917, p. 287–304.

[145] Laurent (Vitalien), *Le thème byzantin de Serbie au XIe siècle*, *Revue des Études Byzantines*, XV, 1957, p. 185–195.

[146] Lemerle (Paul), *La composition et la chronologie des Miracula s. Demetrii*, *Byzantinische Zeitschrift*, XLVI, 1953, p. 349–361.

[147] Lemerle (Paul), *Invasions et migrations dans les Balkans depuis la fin de l'époque romaine jusqu'au VIIIe siècle*, *RH*, CCXI, 1954, p. 265–308.

[147 bis] Lemerle (Paul), La chronique improprement dit de Monemvasie, le contexte historique et légendaire, Rev. des Études Byzantines, XXI, 1963, p. 5–49.

[148] Metcalf (D. M.), The Slavonic threat to Greece ca. 580: some evidence from Athens, Hesperia, XXXI, 1962, p. 134–157.

[149] Ostrogorsky (George), Byzantium and the South Slaves, The Slavonic and East European Review, XLII, 1963, p. 1–14.

[150] Radojčić (G. S.), La date de la conversion des Serbes, Byzantion, XXI, 1952, p. 253–256.

[151] Tafraли (O.), Thessalonique, des origins au XIVe siècle, Paris, 1919.

[152] Vasmer (Max), Die Slaven in Griechenland, Abhandl. Der Preuss. Akademie der Wiss, Phil.-Hist. Kl, 1941, № 12.

РАБОТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К БОЛГАРАМ, СМ. ТАКЖЕ ВЫШЕ, № [88]–[97]

в) Славяне в Придунайской Европе

[153] Chaloupecky (V.), Considérations sur Samon, le premier roi des Slaves, Byzantinoslavica, XI, 1950, p. 223–239.

[154] Dittrich (Z. R.), The Beginning of Christianisation in Great Moravia, The Slavonic and East European Review, XXXIX, 1960, p. 164–173.

[155] Dittrich (Z. R.), Christianity in Great Moravia, Groningue, 1962.

[156] Dvornik (Francis), Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance, Prague, 1933.

[157] Graus (František), Origines de l'État et de la noblesse en Moravie et en Bohême, Revue des Études Slaves, XXXIX, 1961, p. 43–58.

[158] Poulik (J.), Die neueste Entdeckungen aus Hauptburgen des Grossmährischen Reiches, Jahrbücher für frankische Landesforschung, XIX, 1959, p. 85–102.

[159] Schwartz (Ernst), Das germanische Kontinuitätsproblem in Niederösterreich, Festschrift Th. Mayer, Lindau, 1954, p. 37 и сл.

[160] Verlinden (Charles), Le Franc Samo, RBPН, XII, 1933, p. 1090–1095.

[161] Vernadsky (George), The Beginning of the Czech State, Byzantion, XVII, 1944–1945, p. 315–328.

г) Славяне между Эльбой и Днепром.

[162] Bardach (Juliusz), L'État polonais du haut Moyen Age, Acta Poloniae Historica, V, 1962, p. 7–47.

[163] Brüske (Wolfgang), Untersuchungen zur Geschichte des Lütizenbundes, Köln, 1955.

[164] Gasiorowsky (Z.), The «conquest» theory of the genesis of the Polish State, *Speculum*, XXX, 1955, p. 550–560.

[165] Gieysztor (Aleksander), Les origines de l'État polonais, в кн.: *La Pologne au Xe Congrès int. des sciences historiques*, Varsovie, 1955, p. 55–81.

[166] Gieysztor (A.), Le origini delle città nelle Polonia medievale, в кн.: *Studi in onore di A. Saponi*, I, Milan, 1957, p. 127–145.

[167] Gieysztor (A.), Aspects territoriaux du premier État polonais, *RH*, CCXXVI, 1961, p. 357–382.

[168] Gieysztor (A.), Recherches sur les fondements de la Pologne médiévale: État actuel des problèmes, *Acta Poloniae Historica*, IV, 1961, p. 7–33.

[169] Hensel (Witold), Le développement des recherches archéologiques sur les origines de l'État polonais, *Archeologia Polona*, I, 1958, p. 7 и сл.

[170] Herrmann (Joachim), Einige Fragen der slawischen Burgenentwicklung, zwischen mittleren Elbe und Oder, *Slavia Antiqua*, X, 1963, p. 185–206.

[171] Ludat (Herbert), Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder, Giessen, 1960.

[172] Ludat (Herbert), Reichspolitik und Piastenstaat um die Jahrtausendwende, *Saeculum*, XIV, 1963, p. 325–339.

[173] Manteuffel (Tadeusz), L'État de Mescow Ier et les relations internationales au Xe siècle, *RH*, CCXXVIII, 1962, p. 1–16.

[174] Priedel (Helmut), Slawische Altertumskunde des östlichen Mitteleuropas im IX. und X. Jahrhundert, Grafelfing, 1961–1964, 2 т.

[175] Schwartz (Ernst), Die Frage der slawischen Landahmezeit in Ostgermanien, *Mitteil. des Instituts für Öster. Gesch.*, XLIII, 1929, p. 187–260.

[176] Vasmer (Max), Germanen und Slaven in Ostdeutschland in alter Zeit, *Namn och bygd*, XXI, 1933, p. 113–137.

е) Славяне в России.

[177] Chadwick (Nora K.), *The Beginnings of Russian History. An Inquiry into sources*, Cambridge, 1946.

[178] Da Costa Louillet (Germaine), Y eut-il des invasions russes dans l'Empire byzantin avant 860?, *Byzantion*, XV, 1940–1941, p. 106–130.

[179] Dvornik (Francis), *The Kiev State and its relations with Western Europe*, *Trans. of the Royal Hist. Soc.*, XXIX, 1947, p. 27–46.

[180] Grégoire (Henri), *L'histoire et la légende d'Oleg, prince de Kiev*, *La Nouvelle Clio*, IV, 1952, p. 281–287.

[181] Grekov (B. D.), *Kiev Rus*, перев. на англ., Moscow, 1959.

[181 bis] Paszkiewicz (Henryk), *The Origin of Russia*, London, 1954.

[181 ter] Paszkiewicz (Henryk), *The Making of the Russian nation*, London, 1963.

[182] Poppé (André), *Dans la Russie médiévale. Xe-XIIIe siècles. Écriture et culture*, *AESC*, XVI, 1961, p. 12–35.

[183] Portal (Roger), *Quelques problèmes d'histoire russe et slave*, *PH*, CXCIX, 1948, p. 56–60.

[184] Rauch (Georg von), Frühe christliche Spuren in Russland, Saeculum, VII, 1956, p. 40–67.

[185] Rybakov (B. A.), La formation de la Russie de Kiev, Rapports de la délégation soviétique au Xe Congrès int. des sciences historiques, Moscou, 1955.

[185 bis] Sorlin (J.), Les traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle, Cahiers du monde russe et soviétique, II, 1961, p. 313–360 и 447–475.

[186] Stokes (A. A.), Tmutarakan', The Slavonic and East European Review, XXXVIII, 1960, p. 499–514.

[187] Tikhomirov (M. N.), The origin of Christianity in Russia, History, XLIV, 1959, p. 199–211.

[188] Vasiliev (A. A.), The Russian attack on Constantinople in 860, Cambridge (Mass.), 1946.

[189] Vasmer (Max), Die ältesten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung, Preuss. Akad. der Wiss, Vortrage und Schriften, Heft 5, 1947.

[190] Vernadsky (George), Ancient Russia (A history of Russia, I), New Haven, 1944.

[191] Vernadsky (George), The problem of the early Russian Campaigns in the Black Sea area, The American Slavic and East European Review, VIII, 1949, p. 1–9.

[192] Vucinich (Alexander), The first Russian State: an Appraisal of the Soviet theory, Speculum, XXVIII, 1953, p. 324–339.

По проблемам в связи с варягами см. также ниже, № [343]–[358].

IV

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ СКАНДИНАВСКИХ НАРОДОВ

А) СКАНДИНАВСКИЙ МИР: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ, ЦИВИЛИЗАЦИЯ^а

[193] De Vries (Jan), Altnordische Literaturgeschichte, Berlin, 1941–1942, 2 т.

[194] De Vries (Jan), Altnordische Religionsgeschichte, 2-е изд, Berlin, 1956–1957, 2 т.

[195] Kulturhistorik Leksikon for nordisk Middelalder, Kobenhavn, начиная с 1956 вышло 10 т. (от А до L).

[196] Musset (Lucien), Les peuples scandinaves au Moyen Age, Paris, 1951.

[197] Ohlmarks (Ake), Gravskeppet, Stockholm, 1946.

[198] Oxenstierna (Eric Graf), Die Nordgermanen, Stuttgart, 1957.

^а Здесь не приводятся национальные истории скандинавских стран, в каждой из которых содержатся главы, посвященные викингам; см. ниже § VI.

- [199] Shetelig (Hakon), Falk (Hjalmar), *Scandinavian Archaeology*, Oxford, 1937.
 [200] Ström (Folke), *Nordisk hedendom*, Goteborg, 1961.
 [201] Turville-Petre (G.), *The heroic Age of Scandianvia*, London, 1951.
 [202] Turville-Petre (G.), *Origins of Icelandic Literature*, Oxford, 1953.
 [203] Turville-Petre (G.), *Myth and Religion of the North*, London, 1964.

Б) Викинги

а) Общий обзор

- [204] Arbman (Holger), *The Vikings*, London, 1961.
 [205] Bloch (Marc), *Les Normands*, в кн.: *La société féodale* (82; т. I, 1939, p. 28–66).
 [206] Brogger (A. W.), Shetelig (Hakon), *Vikingskipene*, Oslo, 1950 (перев. на англ.: *The Viking ships*, Oslo, 1951).
 [207] Bronsted (Johannes), *Vikingerne*, Kobenhavn, 1960 (перев. на англ.: *The Vikings*, Harmondsworth, 1960).
 [208] Bugge (Alexander), *Vikingerne*, Christiania, 1904–1906, 2 т. (перев. на нем.: *Die Wikinger*, Halle, 1906).
 [209] Falk (Hjalmar), *Altnordisches Seewesen*, Heidelberg, 1912.
 [210] Kendrick (T. D.), *A History of the Vikings*, London, 1930.
 [211] Lot (Ferdinand), *Les Scandinaves*, в кн.: *Les invasions barbares* (86), т. I, p. 115–202.
 [212] Martens (Irmelin), *Vikingetogene i arkeologisk belysning*, Viking (Oslo), XXIV, 1960, p. 93–113.
 [213] Musset (Lucien), *Relations et échanges d'influences dans l'Europe du Nord-Ouest (Xe-XIe siècles)*, CCM, I, 1958, p. 63–82.
 [214] Oxenstierna (Eric Graf), *Die Wikinger*, Stuttgart, 1958.
 [215] Sawyer (Peter H.), *The Age of the Vikings*, London, 1962.
 [216] Shetelig (Hakon), *Les origines des invasions des Normands*, Bergens Museums Arbook, Hist.-Ant. Rekke, 1932, № 1.
 [217] Steenstrup (J. C. H. R.), *Normannerne*, Kobenhavn, 1876–1882, 4 т.

б) Вторая волна

- [218] Braun (H.), *Hvem ver Yngvarr enn vidhförlí? Ett bidrag till Sveriges historia under II. arhundradets första halft*, Fornvännen (Stoc-kholm), V, 1911, p. 99–118.
 [219] Larson (Laurence M.), *The efforts of the Danish Kings to recover the English crown after the death of Harthacnut*, Annual Report of the American Historical Association, 1910, p. 69–81.
 [220] Larson (L.), *Canute the Great and the Rise of the Danish Imperialism*, 2-е изд., New York, 1931.

- [221] Moberg (Ove), Olav Haraldsson, Knut den store och Sverige, Lund, 1941.
 [222] Ruprecht (Arndt), Die ausgehende Wikingerzeit m Lichte der Runeninschriften, Göttingen, 1958.

в) Экономическая история

- [223] Arbman (Holger), Schweden und das karolingische Reich, Stockholm, 1937.
 [224] Arbman (H.), Birka, Sveriges äldsta handelstad, Stockholm, 1939.
 [225] Bjernum (J.), Vikingetidens Handel og dens Betydning for Nordens Folk, Aarboger for nordisk Olkyndighed og Historie (Kobenhavn), 1948, p. 294-302.
 [226] Blindheim (Charlotte), The market place in Skiringssal. Early opinions and recent Studies, Acta Archaeologica, XXXI, 1960, p. 83-100.
 [227] Galster (Georg), Karolingiske monter fundne i Danmark, Nordisk Numismatisk Arsskrift, 1951, p. 28-40.
 [228] Jankuhn (Herbert), Der fränkisch-friesische Handel zur Ostsee im frühen Mittelalter, Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, XL, 1953, p. 193-243.
 [229] Jankuhn (H.), Haithabu, ein Handelsplatz der Wikingerzeit, 3-е изд, Neumunster, 1956.
 [230] Jankuhn (H.), Die frühmittelalterlichen Seehandelsplätze im Nord- und Ostseeraum в кн.: Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesens, Lindau, 1958, p. 451-498.
 [231] Kletler (Paul), Nordwesteuropas Verkehr, Handel und Gewerbe im frühen Mittelalter, Wien, 1924.
 [232] Linder-Welin (Ulla S.), Arabiska mynt в кн.: Kulturleksikon for nordisk Middelalder (195), I, кол. 182-191.
 [233] Rasmusson (Nils Ludvig), An Introduction to the Viking-Age hoards, в кн.: Commentationes de nummis saeculorum IX-XI in Suecia repertis, I, Stockholm, 1961, p. 3-16.
 [234] Skovmand (Roar), De danske Skattefund fra Vikingetiden, Aaboger for nordisk Oldkyndighed og Historie, 1942, p. 1-275.
 [234 bis] Thompson (J. D. A.), Inventory of British Coin Hoards, London, 1956.
 [234 ter] Van Klaveren (Jacob), Die Wikingerzüge in ihrer Bedeutung für die Belebung der Geldwirtschaft im frühen Mittelalter, Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, CLXVIII, 1957, p. 397-415.

г) Военные проблемы

- [235] Hollister (C. Warren), Anglo-Saxon military Institutions on the eve of the Norman Conquest, Oxford, 1962.
 [236] Jankuhn (Herbert), Ein Burgentyp der späten Wikingerzeit in Nordfriesland und sein historischer Hintergrund, Zeitschrift der Gesellschaft für Schleswig-Holsteinische Geschichte, LXXVIII, 1954, p. 1-21.
 [237] Norlund (Poul), Trelleborg, Kobenhavn, 1948.

[238] Schultz (C. G.), Aggersborg, Fra Nationalmuseets Arbejdsmark (Kobenhavn), 1949, p. 91–108.

[239] Sproemberg (Heinrich), Die Seepolitik Karls des Grossen, в кн.: Beiträge zur belgisch-niederländischen Geschichte, Berlin, 1959, p. 1–29.

[240] Vercauteren (Fernand), Comment s'est-on défendu, au IXe siècle, dans l'Empire franc, contre les invasions normandes?, Annales du XXXe Congrès de la Fédération archéologique de Belgique, Bruxelles, 1936, p. 117–132.

д) Скандинавское искусство

[241] Forssander (J. E.), Irland-Oseberg, Kgl. Humanistiska vetenskapssamfundet i Lund, Arsberättelse, 1942–1943, p. 294–404.

[242] Holmqvist (Wilhelm), Viking Art in the eleventh century, Acta Archaeologica, XXII, 1951, p. 1–56.

[243] Holmqvist (W.), Germanic Art during the first millennium A. D. Kgl. Vitterhets, Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, 1955.

[244] Kendrick (T. D.), Late Saxon and Viking Art, London, 1949.

[245] Kermodé (P. C.), Manx Crosses, London, 1907.

[246] Lindqvist (Sune), Gotlands Bildsteine, Stockholm, 1941–1942, 2 т.

В) Викинги на Западе

а) Общий обзор

[247] Arbman (Holger), Stenberger (Marten), Vikingar i västerled, Stockholm, 1935.

[248] Johannson, Die erste Vestrviking, Acta Philologica Scandinavica, IX, 1934, p. 1–66.

[249] Melvinger (Arne), Les premières incursions des Vikings en Occident d'après les sources arabes, Uppsala, 1955.

[250] Ramskou (Thorkild), Vikingetiden, Skibet, Svaerdet, og Vaegten, Kobenhavn, 1962.

[251] Shetelig (Hakon), The Viking Theory of Western Europe, Oslo, 1940.

[252] Shetelig (H.), Vikingeminner i Vesteuropa, Oslo, 1933.

[253] Viking Congress. [I] The Viking Congress, Lerwick, July 1950, ред. W. Douglas, Edinburgh, 1954. — [II] Annen Viking Kongress, Bergen 1953, ред. Kjell Falck, Bergen, 1955.

б) Англия

[254] Arngart (O.), Some aspects of the relation between the English and the Danish Element in the Danelaw, Studia Neophilologica, XX, 1948, p. 73–87.

[255] Ashdown (Maragret), English and Norse documents relative to the reign of Ethelred the Unready, Cambridge, 1930.

- [256] Binns (A. L.), *The Viking Century in East Yorkshire*, York, 1963.
- [257] Björkman (Erik), *Scandinavian loan-words in middle English*, Halle, 1900–1902, 2 т.
- [258] Björkman (E.), *Nordische Personennamen in England*, Halle, 1910.
- [258 bis] Clarke (R. Rainbird), *East Anglia*, London, 1960.
- [259] Collingwood (W. G.), *Scandinavian Britain*, London, 1908.
- [260] Davis (R. H. C.), *East Anglia and the Danelaw*, *Transactions of the Roy. Hist. Soc.*, 1955, стр. 23–39.
- [261] Dolley (R. H. M.), *The Post-Brunanburg Viking Coinage of York*, *Nordisk Numismatisk Arsskrift*, 1957–1958, стр. 13–88.
- [262] Ekwall (Eilert), *Scandinavians and Celts in the North-West of England*, Lund, 1918.
- [263] Ekwall (E.), *How long did the Scandinavian Language survive in England?*, *Miscellany Otto Jespersen*, Kobenhavn, 1930, p. 17–30.
- [264] Ekwall (E.), *The Scandinavian Settlement в кн.: An historical Geography of England before 1800*, ред. Н. С. Darby, Cambridge, 1936.
- [265] Kuhn (Hans), *Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft*, *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanische Abteilung*, LXXIII, 1956, p. 1–83.
- [266] Lehiste (Ilse), *Names of Scandinavians in the Anglo-Saxon Chronicle*, *Publications of the Modern Language Association*, LXXIII, 1958, p. 6–22.
- [267] Lindkvist (Harald), *Middle-English place-names of Scandinavian origin*, Uppsala, 1912.
- [268] Mawer (Allen), *The Scandinavian Settlements in England as reflected in English place-names*, *Acta Philologica Scandinavica*, VII, 1932–1933, p. 1–30.
- [269] Oman (Charles), *The Danish Kingdom of York*, *Archaeological Journal*, XCI, 1934, p. 1–30.
- [270] Sawyer (P. H.), *The density of the Danish settlement in England*, *Univ. of Birmingham Histor. Journal*, VI, 1958, p. 1–17.
- [271] Shetelig (Hakon), *Viking Antiquities in Great Britain and Ireland*, Oslo, 1940, 4 т.
- [272] Steenstrup (J. C. H. R.), *Danelag*, Kobenhavn, 1882.
- [273] Stenton (F. M.), *Documents illustrative of the social and economic History of the Danelaw*, London, 1920.
- [274] Stenton (F. M.), *The Danes in England*, *Proceedings of the British Academy*, 1927, p. 203–246.
- [275] Stenton (F. M.), *The Danish settlement of Eastern England*, *Trans. of the Roy. Hist. Soc.*, XXIV, 1942, p. 1–14.
- [276] Stenton (F. M.), *Anglo-Saxon England*, 2-е изд., Oxford 1947.
- [277] Wainwright (F. T.), *Ingimund's Invasion*, *EHR*, LXIII, 1948, p. 145–169.
- [278] Wainwright (F. T.), *Cledemutha*, *HER*, LXV, 1950, p. 203–212.
- [279] Wainwright (F. T.), *Danes and Norwegians in England*, *IVe Congres int. des Sciences Onomastiques*, Uppsala, 1952, p. 530–540.
- [280] Wainwright (F. T.), *The submission to Edward the Elder*, *History*, XXXVII, 1952, p. 114–130.

[281] Waterman (Dudley M.), Late Saxon, Viking and early medieval finds from York, *Archaeologia*, XCVII, 1959, p. 59–105.

[282] Whitelock (Dorothy), The dealings of the Kings of England with Northumbria in the Xth and XIth centuries, в кн.: *The Anglo-Saxons*, ред. P. Clemoes, London, 1959, p. 70–88.

[283] Wilkinson (Bertie), Northumbrian Separatism in 1605 and 1066, *Bull. of the John Rylands Library*, XXIII, 1939, p. 504–526.

[284] Wright (C. E.), *The Cultivation of Saga in Anglo-Saxon England*, Edinburgh, 1939.

в) Кельтские страны: Ирландия, Мэн, Шотландия

[285] [Без автора] *Proceedings of the International Congress of Celtic Studies held in Dublin, July 1959. The Impact of the Scandinavian Invasions on the Celtic-speaking Peoples*, Dublin, 1962.

[286] Bremner (Robert Locke), *The Norsemen in Alban*, Glasgow, 1923.

[287] Brogger (A. W.), *Ancient Emigrants, A History of the Norse settlements of Scotland*, Oxford, 1929.

[288] Chadwick (Nora K.), *The Vikings and the Western World*, в кн.: *Proceedings of the Int. Congress of Celtic Studies* (285; 13–50).

[289] Curtis (Edmund), *The English and the Ostmen in Ireland*, *HER*, XXIII, 1908, p. 209–219.

[290] Genzmer (Felix), *Sage und Wirklichkeit in der Geschichte der ersten Orkadenjarlen*, *HZ*, CLXVIII, 1943, p. 509–540.

[291] Goedheer (A. J.), *Irish and Norse traditions about the battle of Clontarf*, Haarlem, 1938.

[292] Jakobsen (Jakob), *Det norrøne Sprog paa Shetland*, Kobenhavn, 1897.

[293] Mac Cana (Proinsias), *The Influence of the Vikings on Celtic Literature*, в кн.: *Proceedings of the Int. Congress of Celtic Studies* (285), p. 78–118.

[294] Marstrander (C. J. S.), *Det norske landnam pa Man*, *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, VI, 1932, p. 40–356.

[295] Marwick (Hugh), *Naval defence in Norse Scotland*, *Scottish Historical Review*, XXVIII, 1949, p. 1–14.

[296] Megaw (B. и E.), *The Norse Heritage in the Isle of Man*, в кн.: *The Early Cultures of North-West Europe*, Cambridge, 1950, p. 141–170.

[297] Sommerfelt (Alf), *De norske-irske bystaters undergang, 1169–1171*, Oslo, 1957.

[298] Sommerfelt (A.), *On the Norse forms of the name of the Picts and the date of the first Norse raids on Scotland*, *Lochlann* (Oslo), I, 1958, p. 218–222.

[299] Walsh (A.), *Scandinavian relations with Ireland*, Dublin, 1922.

[300] Young (Jean I.), *A note on the Norse occupation of Ireland*, *History*, XXXV, 1950, p. 11–33.

г) Фарерские острова,
Исландия, Гренландия, Америка

[301] Brogger (A. W.), *Vinlandsferdene*, Oslo, 1937 (перев. на нем.: *Winlandsfahrten*, Hamburg, 1939).

[302] Gjerset (K.), *History of Iceland*, London, 1923.

[303] Jones (Gwyn), *The Norse Atlantic Saga*, London, 1964.

[304] La Roncière (Charles de), *L'énigme du Vinland*, *Annales de Géographie*, XXII, 1913, p. 267–270.

[305] Marcus (G. J.), *The Norse emigration to the Faeroe Islands*, *EHR*, LXXI, 1956, p. 56–61.

[306] Neckel (Gustav), *Die erste Entdeckung Amerikas in Jahre 1000 n. Chr.*, Leipzig, 1913.

[307] Norlund (Poul), *De gamle Nordbobygder ved Verdens Ende*, Kobenhavn, 1934 (перев. на англ.: *Viking settlers in Greenland*, London, 1936).

[308] Zimmermann (Maurice), *Les anciennes colonies normandes du Groenland*, *Annales de Géographie*, XXXV, 1926, p. 58–79.

д) Империя франков

[309] Braat (W. C.), *Les Vikings au pays de Frise*, *Annales de Normandie*, IV, 1954, p. 219–227.

[310] Garaud (Marcel), *Les Incursions des Normands en Poitou et leurs conséquences*, *RH*, CLXXX, 1937, p. 241–267.

[311] Gasnault (Pierre), *Le tombeau de saint Martin et les invasions normandes dans l'histoire et dans la légende*, *RHEF*, XLVII, 1961, p. 51–66.

[312] Gosses (I. H.), *Deensche heerschappijen in Friesland gedurende den Noormannentijd*, Amsterdam, 1929.

[313] Haenens (A. d'), *Corbie et les Vikings*, в кн.: *Corbie, abbaye royale*, volume du XIIIe centenaire, Lille, 1963, p. 181–190.

[314] Joranson (Einar), *The Danegeld in France*, Rock Island, 1923.

[315] Lair (Jules), *Les Normands dans l'île d'Oscelle*, *Soc. Hist. et Archéol. du Vexin*, XX, 1897, p. 9–40.

[316] Lot (Ferdinand), *La grande invasion normande de 856–852*, *BEC*, LXIX, 1908, p. 1–62.

[317] Lot (F.), *La Loire, l'Aquitaine et la Seine*, Robert le Fort, *BEC*, LXXVI, 1915, p. 473–510.

[318] Lot (F.), *La destruction et la reconstruction de la ville de Troyes à la fin du IXe siècle*, *RBPH*, XVIII, 1939, p. 498–504.

[319] Steenstrup (J. C. H. R.), *Danske Kolonier i Flandern og Nederlandene i det 10. Aahr*, (*Dansk*) *Historisk Tidsskrift*, VI, I, 1877, p. 484–497.

[320] Vander Linden (H.), *Les Normands à Louvain*, *RH*, CXXIV, 1917, p. 64–81.

[321] Vercauteren (Fernand), *L'interprétation économique d'une trouvaille de monnaies carolingiennes faite près d'Amiens en 1865*, *RBPH*, XIII, 1934, p. 750–758.

[322] Vogel (Walter), *Die Normannen und das fränkische Reich*, Heidelberg, 1906.

е) Нормандия

[323] Adigard des Gautries (Jean), Les noms de personnes scandinaves en Normandie de 911 à 1066, Lund, 1954.

[324] Boüard (Michel de), De la Neustrie carolingienne à la Normandie ducale, continuité ou discontinuité?, Bull. of the Institute of Historical Research, XXVIII, 1955, p. 1-14.

[325] Douglas (David C.), Rollo of Normandy, HER, LVII, 1942, p. 417-436.

[326] Douglas (D. C.), The Rise of Normandy, Proceedings of the British Academy, XXXIII, 1947, p. 101-131.

[327] Gorog (Ralph P. de), The Scandinavian Element in French and Norman, New York, 1958.

[328] Joret (Charles), Les noms de lieu d'origine romane et la colonization germanique et scandinave en Normandie, в кн.: Millénaire Normand, Rouen, 1911, II, p. 97-160.

[329] Musset (Lucien), Un type de tenure d'origine scandinave en Normandie: le mansloth, Mém. Acad. Nat. de Caen, n. s, XII, 1952, p. 359-367.

[330] Musset (L.), Les relations extérieures de la Normandie du IXe au XIe siècle d'après quelques trouvailles monétaires récentes, Annales de Normandie, IV, 1954, p. 31-38.

[331] Musset (L.), Pour l'étude des relations entre les colonies scandinaves d'Angleterre et de Normandie, в кн.: Mélanges F. Mossé, Paris, 1959, p. 330-339.

[332] Prentout (Henri), Essai sur les origines et la formation du duché de Normandie, Caen, 1911.

[333] Prentout (H.), Étude critique sur Dudon de Saint-Quentin, Paris, 1916. ♣

[334] Steenstrup (J. C. H. R.), Normandiets Historie under de syv forste Hertuger, Kobenhavn, 1925.

[335] Stenton (Frank M.), The Scandinavian colonies in England and Normandy, Trans. of the Royal Hist. Soc, XXVII, 1945, p. 1-12.

[336] Yver (Jean), L'interdiction de la querre privée dans le très ancien droit normand, в кн.: Travaux de la Semaine d'Histoire du Droit Normand tenue à Guernesey, 1927, Caen, 1928, p. 307-347.

ж) Испания, Средиземноморье

[337] Dozy (R.), Les Normands en Espagne, в кн.: Recherches sur l'histoire et la littérature des Arabes d'Espagne, 3-е изд, Leyde, 1881, II, p. 250-371.

[338] Fabricius (A.), Forbindelserne mellem Norden og den spanske Halvo i aeldre Tider, Kobenhavn, 1882.

[339] Fabricius (A.), Normannertogene til den spanske Halvo, Aarboerger for nordisk Oldkyndighed og Historie, 1897, p. 75-160.

Г) Викинги на Востоке**а) Прибалтийские земли**

[340] Balodis (F.), Handelswege nach dem Osten und die Wikinger in Russland, Stockholm, 1948.

[341] Nerman (Birger), Grobin-Seeburg, Ausgrabungen und Funde, Stockholm, 1958.

[342] Štrums (Ed.), Schwedische Kolonien in Lettland, Fornvännen (Stockholm), XLIV, 1949, p. 205–217.

б) В России и за ее пределами

[343] Arbman (Holger), Svear i österviking, Stockholm, 1955.

[344] Arne (Ture Jöson), La Suède et l'Orient, 1914.

[345] Arne (T.), Die Warägerfrage und die sowjetrussische Forschung, Acta Archaeologica, XXIII, 1952, p. 138–147.

[346] Baecklund (Astrid), Les prénoms scandinaves dans la tradition médiévale de Velikij Novgorod, Revue des Études slaves, XXXIII, 1956, p. 26–33.

[347] Blöndal (Sigfus), The last exploits of Harald Sigurdson in Greek service, Classica et Mediaevalia, II, 1939, p. 1–26.

[348] Braun (F.), Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X. bis XIV. Jh., в кн.: Festschrift E. Mogk, Halle, 1924, p. 150–196.

[349] Dawkins (R. M.), The later history of the varangian guard, Journal of Roman Studies, XXXVII, 1947, p. 39–46.

[350] Karlgren (Anton), Dneprsfossernes nordisk-skaviske navne, в кн.: Festschrift udg. af Universitets Aafest, Kobenhavn, 1947, p. 3–139.

[351] Raudonikas (W. J.), Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet, Stockholm, 1930.

[352] Stender-Petersen (Adolf), Varangica, Aarhus, 1953.

[353] Stender-Petersen (A.), Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen, Congresso internazionale di Scienze Storiche, Roma 1955, Relazioni, III, p. 165–188.

[354] Stender-Petersen (A.), Varaegersporgsmalet, Viking (Oslo), XXIII, 1959, p. 43–55.

[355] Stender-Petersen (A.), Der älteste russische Staat, HZ, CXCI, 1960, p. 1–17.

[356] Thomsen (Vilhelm), Det russiske Riges Grundlaeggelse ved Nordboerne, Kobenhavn, 1876 (перев. на англ.: The relations between Russia and Scandinavia, Oxford, 1877).

[357] Thörnqvist (Clara), Studien über die nordischen Lehnwörter im russischen, Uppsala, 1948.

[358] Vasmer (Max), Wikingerspuren in Russland, Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, XXIV, 1931, p. 649–674.

Д) Викинги: последствия завоеваний

[359] Aubin (Hermann), Von der Ursachen der Freiheit der Seeländer an der Nordsee, Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, 1953, Phil.-hist. Lasse, № 2, p. 29–45.

[360] Bolin (Sture), Mohammed, Charlemagne and Rurik, The Scandinavian Economic History Review, I, 1953, p. 5–39.

[361] Buisson (Ludwig), Formen normannischer Staatsbildung (IX. bis XI. Jh.), в кн.: Studien zum mittelalterlichen Lebenswesen, Lindau, 1960, p. 95–184.

[362] Christiansen (Aksel E.), Kongemagt og Aristokrati. Epoker i middelalderlig dansk Satsopfattelse indtil Unionstiden, Kobenhavn, 1945.

[363] Christiansen (A.), Scandinavia and the advance of the Hanseatics, The Scandinavian Economic History Review, V, 1957, p. 89–117.

[364] Göransson (Sölve), Regular open-field pattern in England and Scandinavian solskifte, Geografiska Annaler, 1961, p. 80–104.

[365] Jankuhn (Herbert), Sechs Karten zum Handel des 10. Jhs. im westlichen Ostseebecken, Archaeologica Geographica (Hamburg), I, 1950, p. 8–16.

[366] Johansen (Paul), Die Kaufmannskirche im Ostseegebiet, в кн.: Studien zu den Anfängen des europäischen Städtwesens, Lindau, 1958, p. 499–525.

[367] Johnsen (Arne Odd), Fra Aettesamfunn til Statssamfunn, Oslo, 1955.

[368] Koht (Halvdan), Harald Harfagre og riskssamlinga, Oslo, 1955.

[369] Ljungberg (Helge), Den nordiska religionen och kristendomen. Studier över det nordiska religionsskiftet under Vikingatiden, Stockholm, 1938.

[370] Musset (Lucien), Le satiriste Garnier de Rouen et son milieu, RMAI, X, 1954, p. 237–266.

[371] Paasche (Fredrik), Motel mellom hedendom og kristendom i Norden, Stockholm, 1958.

[372] Palme (Sven Ulric), Kristendomens genombrott i Sverige, Stockholm, 1959.

[373] Yrwing (Hugo Nilsson), Gotland under äldre medeltid, Studier i baltiskhanseatisk historia, Lund, 1940.

V

МУСУЛЬМАНЕ И САРАЦИНЫ

[374] Amargier (P.-A.), La capture de saint Maieul de Cluny et l'expulsion des Sarassines de Provence, Revue Bénédictine, LXXIII, 1963, p. 316–323.

[375] Baudot (Marcel), Localisation et datation de la première victoire remportée par Charles Martel contre les Musulmans, в кн.: Recueil de travaux offert à M. Clovis Brunel, I, Paris, 1955, p. 93–105.

[376] Benoît (Fernand), Documents historiques sur les incursions des Sarassins et des Brabaresques en Camargue en Moyen Age, Revue Tunisienne, 1932, p. 301–306.

[377] Duby (Georges), Les villes du sud-est de la Gaule du VIIIe au XIe siècle, Settimane, VI, 1958, p. 231–258.

[377 bis] Engrenn (Fred. E.), Pope John the Eighth and the Arabs, Speculum, XX, 1945, p. 318–330.

[378] Février (Paul-Albert), Le développement urbain en Provence de l'époque romaine à la fin du XIV siècle, Paris, 1964.

[379] Lacam (Jean), Vestiges de l'occupation arabe en Narbonnaise, Cahiers Archéologiques, VIII, 1956, p. 93–115.

[380] Latouche (Robert), Les idées actuelles sur les Sarassins dans les Alpes, Revue de Géographie alpine, XIX, 1931, p. 199–206.

[381] Lauer (Philippe), La cité carolingienne de Cencelle (Leopoli), MAHR, XX, 1900, p. 147–163.

[382] Levillain (Léon), Samaran (Charles), Sur le lieu et sur la date de la bataille dite de Poitiers de 732, BEG, XCIX, 1938, p. 243–267.

[383] Lévi-Provençal (Évariste), Histoire de l'Espagne musulmane, Paris, 1953, т. III.

[383 bis] Lokys (Georg), Die Kämpfe der Araber mit den Karolingern bis zum Tode Ludwigs II, Heidelberg, 1906.

[384] Luppi (Bruno), I Saraceni in Provenza, in Liguria e nelle Alpi occidentali, Bordighera, 1952.

[385] Mercier (Maurice), Seguin (André), Charles Martel et la bataille de Poitiers, Paris, 1944.

[386] Molinier (Aug.), Zotenberg (H.), Sur les invasions arabes, в кн.: Histoire générale du Languedoc, переизд., II, 1875, p. 549–558.

[387] Vehse (O.), Das Bündnis gegen den Sarazenen vom Jahre 915, Quellen und Forschungen aus italienischen Archive, XIX, 1927.

VI

НОВЫЕ ГОСУДАРСТВА

**Национальные истории на западных языках,
тома, относящиеся к периоду IX–XII вв.
краткий обзор для ориентации**

ИСЛАНДИЯ (см. также (302))

[388] Jónsson (Finnur), Island fra Sagatid til Nutid, Kopenhagen, 1930.

НОРВЕГИЯ

[389] Det norske folks liv og historie gjennom tiderne, I–II, Oslo, 1929–1932 (Edv. Bull, H. Shetelig).

[390] Larsen (K.), A History of Norway, Princeton, 1948.

ДАНИЯ

[391] Danstrup (John), Koch (Hal), Danmarks Historie, I–III, Kopenhagen, 1962–1963 (J. Bronsted, Th. Ramskou, Hal Koch).

[392] Krabbe (L.), Histoire de Danemark, Paris-Copenhague, 1950.

ШВЕЦИЯ

[393] Andersson (Ingvar), Sveriges historia, Stockholm, 3-е изд, 1950.

[394] Carlsson (Sten), Rosen (Jerker), Svensk historia, I, Stockholm, 1962 (J. Rosen).

[395] Svaström (R.), Palmstierna (C. F.), A short History of Sweden, Oxford, 1934 (перев. на фр.: Paris, 1944).

ПОЛЬША

[396] David (Pierre), Les sources de l'histoire de Pologne à l'époque des Piasts, Paris, 1924.

[397] Reddaway (W. F.), Penson (J. H.), Halecki (O.), Dyboski (R.), The Cambridge History of Poland, I, London, 1950.

БОГЕМИЯ

[398] Seton-Watson (R. W.), A History of the Czechs and Slovaks, London, 1943.

ВЕНГРИЯ

[399] Höman (Bälint), Geschichte des ungarischen Mittelalters bis zu den Anfängen des Hauses von Anjou, Berlin, 1940–1943, 2 т.

РОССИЯ

[400] Eck (Alexandre), Le Moyen Age russe, Paris, 1933.

[401] Vernadsky (George), Karpovitch (M.), A History of Russia, I–II, New Haven, 1943–1948 (G. Vernadsky).

БОЛГАРИЯ

[402] Slatarski (V. N.), Geschichte der Bulgaren, I, Leipzig, 1918.

ХОРВАТИЯ

[403] Voinovitch (L. de), Histoire de Dalmatie, Paris, 1934, 2 т.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ

- Абд Ар-Рахман II, халиф 271
Аврелиан, император 132, 180, 181, 182
Адалсльм, епископ Се 213, 227
Адальберт, святой 39, 66, 70
Адам Бременский, историк 121
Адигард де Готрье Ж. 175
Актард, епископ Нанта 213
Алан Великий, бретонский граф 149, 214
Алан Кривобородый, бретонский граф 150, 151
Александр II, папа Римский 223
Алексей I Комнин, византийский император 42
Альфред Великий, англосаксонский король 93, 145, 220, 229, 247, 249, 250
Аль-Хакам, халиф Кордовы 271
Ансгарий, святой 219
Арне Т. Ж. 265
Арнульф, король Германии 34, 35, 65
Арпад, венгерский король 17, 29, 30, 39, 274, 275
Асень, болгарский царь 25
Аскольд, русский князь 75, 78, 270
Аспарух, болгарский хан 22, 23, 25
Ательстан, англосаксонский король 118, 148, 150
Аттила, вождь гунов 15, 20, 28, 44
Ахмед Ибн Фадлан, мусульманский путешественник 161, 227
Балтфрид, епископ Байе 213
Беовульф 16, 82
Блок М. 240
Боар М. де 255
Болеслав, польский правитель 66, 70
Бон А. 188
Борживой, чешский правитель 65
Борис I, болгарский хан 24, 151, 195
Борис II, болгарский правитель 25
Браги Древний, скальд 86
Бриан Бороyme (Собиратель скота), ирландский король 98, 113
Броггер А. В. 205
Бруно Керфуртский, немецкий миссионер 42
Булксу, венгерский вождь 38
Василий I, византийский император 132, 150
Василий II Болгаробойца, византийский император 25, 63
Васмер М. 187
Вегечий 219
Веркотеран Ф. 235
Виллиброрд, святой 81
Вильгельм Длинный Меч, герцог Нормандии 106, 206, 259
Вильгельм Завоеватель, герцог Нормандии и король Англии 114–116, 121, 210, 225–227, 246, 255, 257, 259
Владимир, святой 76, 79, 161
Войцех, см. Адальберт
Гарольд, король Англии 107, 112, 114, 206, 210, 249
Генрих I, король Германии 35, 66
Георгий Маниак, византийский полководец 272
Герлуин, сеньор Монтрей-сюр-Мер 143
Геза, венгерский правитель 39
Годред Крован, король о. Мэн
Годфред, датский король 199
Горансон С. 254
Горм Старый, король Дании 119, 120
Грегуар О. 190

- Григорий IV, папа Римский 132
 Григорий VII, папа Римский 121
 Григорий Великий, папа Римский 55
 Гуго Великий, герцог Франции 107
 Гутред, король Йорка 106, 160
 Гутрум, вожь викингов 93, 249
 Димитрий св. 56, 57, 189, 190
 Дир, русский князь 75, 78, 270
 Долгер Ф. 195
 Држислав, хорватский король 62
 Дунстан, святой 94, 229, 245
 Дуфт Дж. 170
 Дэвис Р. Х. С. 249
 Дюби Ж. 281
 Дудон Сен-Кантенский, историк 172, 197, 219
 Ибрагим ибн Якуб, еврейский путешественник 68
 Игорь, русский князь 79, 268
 Иммо, епископ Нуайона 213
 Ингвар, варяг 114, 272
 Инглинги, скандинавская династия 84
 Иоанн VIII, папа Римский 133, 150
 Иоанн X, папа Римский 62, 134, 151, 160
 Иоанн Цимисхий, византийский император 25
 Ираклий, византийский император 22, 55, 57, 190
 Йорга II. 195
 Караби Р. 255
 Карл Великий, франкский император 14, 16, 17, 27, 34, 70, 93, 103, 114, 130, 131, 139, 142, 144
 Карл Лысый, франкский король и император 93, 95, 145, 146, 147, 149, 213, 235
 Карл Мартелл, франкский майордом 127, 128, 129, 199, 279
 Карл Простоватый, король франков 146, 259
 Карл Толстый, франкский король и император 142
 Келлахан из Кашела, ирландский король 98
 Кирилл св. 46, 56, 64, 65, 164, 190
 Кнут Великий, король Дании 85, 111, 112, 114, 115, 118, 120, 159, 173, 211, 226, 251, 252
 Кнут Святой, король Дании 116, 121
 Коломан, король Венгрии 40
 Константин IV Погонат, византийский император 22, 59
 Константин VII Багрянородный, византийский император 24, 29, 187, 275
 Крум, болгарский хан 23, 194, 195
 Кубрат, болгарский хан 22, 25, 190
 Курсан, венгерский король 30, 274
 Ладислав, король Венгрии 40
 Лев III, папа Римский 131
 Лев IV, папа Римский 132
 Лев V Армянин, византийский император 23
 Лев VI, византийский император 30, 78
 Лейв Эйрикссон 113
 Лемерль II. 187
 Листа, епископ Кутанса 213
 Лопез Р. С. 178
 Лот Ф. 180
 Людевит, хорватский вожь 61
 Людовик II, франкский император 131, 132, 150
 Людовик III, король франков 142
 Людовик IV Заморский, король франков 107, 148, 243, 263
 Людовик Благочестивый, франкский император 14, 61, 139, 148, 150, 218
 Людовик Германский, король восточных франков 31, 95
 Людовик Святой, король Франции 17
 Лютге Ф. 191
 Маврикий, византийский император 55

- Магнус Голоногий, король Норвегии 116, 154, 210
- Магнус Добрый, король Норвегии 118
- Магнус Исправитель Законов, король Норвегии 154
- Магнус, святой 162
- Магальберт, епископ Буржский 213
- Майель, святой 136
- Маламир, болгарский хан 23
- Мартин, святой 127, 171, 216
- Матюэдуа, бретонский граф 214
- Мейцен А. 191
- Мешко I, польский князь 68–70
- Михаил III, византийский император 24, 64
- Моймир, моравский князь 27, 64
- Мориут, ирландский поэт 227
- Мюссе Л. 174
- Никифор I, византийский император 23
- Никифор II Фока, византийский император 25, 134
- Николай I, папа 24, 151
- Нил, святой 134
- Олаф Куаран, король Дублина 110, 160
- Олаф Трюгвасон, король Норвегии 118, 119
- Олаф Шетконунг, король Швеции 121
- Олаф, святой, король Норвегии 99, 111, 118, 119, 161, 212, 246, 263
- Олег, русский князь 75, 185, 268
- Ольга, русская княгиня 79, 161, 268
- Омуртаг, болгарский хан 33, 194
- Осгод Клапа, вождь викингов 210
- Осмунд, епископ-миссионер
- Острогорский Г. 59, 187
- Оттон Великий, император 34, 37, 38, 41, 66, 68, 70, 119, 136
- Оттон II, император 71, 134
- Оттон III, император 39, 40, 70
- Пасхалий II 121
- Персиан, болгарский хан 23, 194, 195
- Петр, болгарский царь 25
- Пилигрим, епископ Пассау 39
- Пипин Короткий, король франков 128
- Пипин, король Аквитании 213
- Пиренн А. 18
- Плантагенеты, династия 99, 116
- Платель Н. 238
- Поппо, миссионер 119
- Пренту А. 255
- Пржемысловичи, чешская династия 66
- Прокопий Кесарийский, историк 48
- Пьетро II Орссоло, дож Венеции 62
- Пясты, польская династия 68, 70
- Рабан Мавр, писатель 219
- Рагнар Кожаные штаны, датский вождь 106, 172
- Рауль, король франков 150
- Ричард I, герцог Нормандии 107, 257, 258, 262
- Ричард II, герцог Нормандии 141, 228
- Роберт Сильный, франкский граф 141, 150, 213
- Рогвольд, русский князь 75
- Роланд 135, 148
- Роллон, герцог Нормандии 104, 106, 115, 124, 160, 161, 172, 208, 214, 256, 258, 259–261
- Ромуальд, святой 39
- Ростислав, моравский князь 27, 64, 65
- Рюрик, викинг 75, 106
- Рюриковичи, русская династия 75, 76, 102, 158
- Саломон, бретонский король 149
- Само, славянский король 63
- Самуил, болгарский царь 25, 64
- Свен Вилобородый, король Дании 110, 111, 112, 120, 211, 251
- Свен Эстридсен, король Дании 115, 120, 121
- Сверкер, король Швеции 122

- Святополк, князь моравский 34, 65
Святослав, русский князь 27, 77,
78, 79, 185
Сигурд Крестоносец, король Норве-
гии 116
Сигурд, миссионер 118
Симеон, болгарский царь 24, 25, 30,
63, 195
Сигтрюг Щетинобородый, король
Дублина 110, 160
Славниковчи, чешская династия 66
Снорри Стурлусон, историк 256
Сойер П. 249, 250, 251
Стендер-Петерсен А. 265
Стенкиль, король Швеции 122
Стентон Ф. М. 249, 255
Стефан, святой, король Венгрии 39,
40, 66, 274, 278
Стиганд, архиепископ Кентерберий-
ский 107
Тарик ибн Зийад 126, 129
Теодорих, король франков 82
Тервел, болгарский хар 23
Томислав, хорватский король 62
Томсен В. 265
Тостиг, англ.-датский вождь 114
Тургейс (Торгильс), викинг 97, 159
Фаллмерайер 186
Фасоли Дж. 170
Феофил, византийский император
150
Фогель В. 169, 170
Фотий, патриарх 78
Фротарий, епископ Бордоский 213
Фурнье Г. 172
Хакон Добрый, король Норвегии
118
Харальд Прекрасноволосый, король
Норвегии 85, 117, 198, 204
Хакон IV, король Норвегии 154
Харальд Синезубый, король Дании
110, 119, 120, 225
Харальд Суровый, король Норве-
гии 77, 114, 115, 116, 119, 210
211, 223
Хастингс, вождь викингов 172, 220
Хемминг, король Дании
Хигелак, датский король 82, 85
Оман Г. Г. 254
Чеслав, сербский правитель 63
Чаранис 188
Шетелиг Х. 172, 174
Шлезингер В. 193
Эббои, архиепископ Реймский
Эгиль Скаллаграмсон, викинг 211
Эд, граф Шартра 263
Эдмонд, английский король 107
Эдуард Исповедник, английский ко-
роль 112, 114, 115, 156, 210, 249
Эдуард Старший 94, 149, 249
Эйрик Кровавая Секира, король
Норвегии 117
Эйрик Рыжий 113, 198
Элла, король Нортумбрии 93
Энан (А. де) 170, 241
Эриспоэ, бретонский король 149
Эрманфريد, епископ Бове 213
Эскил, миссионер 162
Этельред II Нерешительный, ан-
глийский король 94, 111, 112,
170, 249
Юстин I, византийский император
47
Юстиниан I, император 20, 54, 164
Юстиниан II византийский импера-
тор 56, 57, 178, 179, 182
Ярослав Мудрый, русский князь
77, 80, 115

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- авары 19, 22, 27, 32, 35, 53, 55, 164
Австрия 37, 40, 51
Аггерсборг, датский лагерь
Агрополи, сарацинская база 133, 134
Аквитания 99, 127, 140, 144, 271
Албания 58
Альгарв (Португалия) 271
Альгесирас (Испания) 271
Альпы 12, 33, 37, 48, 51, 131, 135, 136, 139, 143, 278
Америка, см. Винланд 92, 162, 201
Амьен 236
Англия 15, 16, 18, 91–95, 103–109, 111, 112, 114–116, 118, 120, 121, 123, 124, 147, 152, 154, 156, 160, 162, 163, 170, 175, 208–210, 212, 214, 215, 220, 221, 224, 225, 227, 228, 232, 236, 240, 244–254, 259, 260, 262–264
Анжер 149, 237
Апеннины 135, 275
Апулия 32, 55, 102, 133, 241
арабы, см. сарацины 11–13, 30, 126, 129
Арль 127, 135
Армах (Ирландия) 97, 98
Астурия, 113, 126, 271
Аугсбург 33, 37, 38, 277
Бавария 32, 37, 38, 39, 53, 64, 192, 275, 278
Багдад 102, 272
Байё 16, 95, 107, 115, 149, 204, 214, 260, 261, 264
Балеары, острова 130
Балканы 13, 20, 22, 31, 38, 42, 43, 47, 48, 49, 53, 54, 57–62, 78, 183, 185, 186, 188, 189, 195
Баллон 149
Бари 131, 132, 133, 135
Беневенто 21, 131, 132
Берген (Норвегия) 119
Бердаа (Иран) 272
Бессен 15, 16
Бирка (Швеция) 85, 108, 109, 226, 231
Бове 95
Богемия 38, 48, 51, 53, 61, 63, 65, 66, 69, 79, 185
болгары 13, 19–25, 27, 42, 44, 46, 56, 60, 78, 194–196
Босфор 13, 92
Бранденбург 70, 71
Бремен 32, 221, 222, 223
Бреннейяр (Швеция), 226, 229
Брента 31, 32, 275
Бреслав (Вроцлав) 69
Бретань, 95, 144, 148, 150, 151, 216, 240, 262
Бристоль 99
Бронь (Бельгия) 152
Брюгге 157
Буда 278
Бургундия 31, 33, 34, 127, 140, 141, 152, 215, 216, 220, 239
Бурж 213
Вальхерен (Нидерланды) 105, 106
Валэйс (Швеция)
Вегила (Крка), далматинский остров 188
венгры 11, 12, 26–42, 44, 61, 65, 142, 144, 216
Вендель (Швеция) 108, 203
венды, название славян 153
Венеция 32, 62
Вестфол (Норвегия) 84, 203
викинги 12, 15, 17, 18, 34, 36, 81, 85–88, 91, 94, 100, 101, 111, 115,

- 123, 142, 144, 145, 149, 150, 160, 162, 197, 198, 201, 202, 204, 205, 206, 210, 218, 220, 226, 231, 235, 240, 242, 244–273
- Винланд, в Америке 113
- Винчестер 112, 247
- Владимир, город 73
- Волга 25, 26, 28, 29, 41, 50, 73, 92, 107, 185, 226, 270
- Волин (Польша) 69, 185
- Волхов 73, 75, 92, 101
- Восточная Англия, королевство 106, 244, 245, 247, 249
- вятичи, русское племя 50, 74
- Гавелберг (Германия) 70, 71
- Галисия 99
- Галлия 12, 15, 18, 31, 81, 91, 92, 93, 94, 97, 99, 109, 113, 126, 127, 128, 129, 130, 135, 137, 139, 157, 165, 209, 212, 214, 227, 233, 245
- Гаронна 95, 99, 271
- Гастингс 115, 205, 248
- Гвадалете 126
- Гебриды 91, 96, 97, 116, 154, 155, 158
- Генуя 134
- Гнездово (Россия) 77, 267
- Гнезно (Польша) 67–70
- Гокстад (Норвегия) 203
- Голштиния 70, 71, 199, 219
- Горц (на Мозеле) 36, 152, 163
- Готланд (Швеция) 204, 229
- Гран-сен-Бернар 135, 136
- Грезиводан 129, 137
- Гренландия 92, 113, 124, 162, 198, 200, 244
- Грция 54, 55, 59, 186, 189, 190, 197, 212
- Григориополис 132
- Груа, остров 99
- гузы, тюркский народ 27, 41–43
- Дакия 58, 180, 181, 182
- далматы 40, 58
- Далмация 49, 54, 55, 60, 61, 62, 132, 179, 188
- Дания 18, 82, 84–86, 92, 102, 103, 105, 106, 108–112, 115–117, 119, 120, 121, 123, 142, 144, 162, 191, 199, 200, 210, 211, 212, 218, 219, 223, 229, 234, 247, 248, 250, 251, 253, 255
- Данциг (Гданьск) 67
- датчане 82, 92, 94, 98, 102, 105, 111, 199, 210, 211, 247, 248, 252, 253, 255, 261
- «Деневи́рке», земляной вал, преграждающий Ютландский перешеек 199
- Дения (Испания) 81, 130 136
- Дерби 105, 249
- Днепр 42, 46, 52, 73, 74, 75, 78, 79, 92, 101
- Добруджа 179
- Доль 148, 214, 215
- Дореста́д (Нидерланды) 105, 108, 109, 229, 236
- Дорчестер 91
- дреговичи, русское племя 74
- Дублин 97–100, 107, 110, 158, 160
- Дубровник (Рагуза) 189
- Дунай 20–22, 25, 30, 39, 40, 41, 43, 50, 51, 53–55, 60, 78, 164, 179–182, 185, 186, 194, 195
- Дьеп 262
- Жувардель 149
- Жюмьез 215, 242
- Зальцбург 27, 32, 64
- Ивзем 223
- Иран 26, 73, 77, 78, 229
- Ирландия 91, 97–100, 109, 113, 116, 158, 159, 160, 201, 209, 210, 224, 229, 231, 252, 260, 263, 264
- Исландия 85, 88, 92, 96, 99, 100, 113, 124, 154, 160, 173, 198, 200, 212, 223, 244
- Испания 12, 13, 15, 17, 32, 68, 91, 100, 113, 124, 126–131, 135, 142, 150, 187, 201, 212, 263, 279, 281
- Истрия 47, 55, 58, 189
- истро-румыны 58
- Итиль, казарский город 26
- Йеллинг (Дания) 84, 110, 119, 225

- Йорк 98, 105, 106, 107, 109, 110,
 112, 115, 117, 160, 161, 207, 211,
 231, 245, 246, 249, 161, 263
 кавары, тюркский народ 29
 Калабрия 58, 150
 Калиш (Польша) 68
 калмыки 17
 Калоча (Венгрия) 39
 Камарг 12, 135, 137
 Кампания 133, 150
 Кан 16, 262
 Каркассон 127
 Каспийское море 20, 25, 26, 50, 77,
 80, 102, 232
 Катанс (Шотландия) 96, 155
 Кент (Англия) 210
 Кентовик (Сомма) 108, 236
 Киев 41, 42, 47–49, 70, 72–75, 77–
 79, 101, 102, 114, 124, 158, 162,
 185, 196, 244, 268, 270
 кипчаки, монгольское племя 43
 Клонмакнойс 97, 159
 Клонтарф (Ирландия) 98, 113
 Клюни 136, 152, 163
 Ко 261
 Колонна, мыс 71, 134
 Константинополь 21, 22, 24, 39, 55,
 57, 63, 78–80, 101, 102, 150, 151,
 189, 194, 196, 277
 Кордова 126, 128
 Коринф 45, 55, 59
 Корк (Ирландия) 98
 Корсика 130, 138
 Котантен 99, 149, 215, 260, 261, 264
 Краков 67, 68, 69
 кривичи, русское племя 50
 Крит 56, 131, 283
 Кружвица (Польша) 68
 куманы (половцы) 14, 19, 27, 40,
 41, 43
 Курляндия 100, 212, 269
 Кутанс 161, 214, 241
 Ладби (Дания) 204
 Лакония 56, 58
 Леополис 132
 Лерен, острова 136
 Лестер 105
 Лехфельд 37, 38, 66, 275, 277
 Лимерик (Ирландия) 97, 98, 107
 Лимож 227, 234
 Лимфьорд (Дания) 92, 116
 Линдисфарн (Англия) 91, 202
 Линкольн 105
 Лири 133, 134, 135, 150, 281
 Лиссабон 116, 271
 Ломбардия 32, 35
 Лондон 111, 112, 247
 Лотарингия 31, 37, 38, 142, 152,
 193, 238
 Луара 15, 95, 99, 109, 113, 145, 149,
 216, 239, 241, 271
 Лужица 49, 71
 Лунд (Швеция) 120, 231
 Магдебург 70
 Македония 25, 43, 46, 54, 55, 56, 60,
 179, 181, 189, 190, 195
 македо-румыны 58, 181
 Манцикерт 56
 Марокко 96, 272
 Марсель 135, 137, 282
 Мезия 22, 180, 195
 Мен (Франция) 149, 240
 Мерзбург 36, 70
 Микульчик (Моравия) 185
 милинги, славянское племя 56
 Мисына 71
 монголы 17, 19, 29, 34, 41, 43
 Мон-Сен-Мишель 215, 242, 264
 Монтрей-сюр-Мер 143
 Моравия (Великая) 27, 30, 46, 64,
 65, 66, 151, 276
 Муром 79
 Мэн 96, 97, 100, 116, 124, 154, 155,
 158, 252
 Напт 105, 106, 149, 227
 Нарбонн 126–129, 220
 нарентане, славянское племя 49, 62
 Нидарос, совр. Тронхейм (Норве-
 гия) 85, 119

- Ним 127
 Нин (Хорватия) 62
 Нитра (Словакия) 64
 Ницца 131, 137, 282
 Новалес (Пьемонт) 136, 137
 Новгород Великий 48, 72–75, 77, 101, 158, 267, 270
 Норвегия 81, 83–86, 88, 96, 97, 99, 100, 110, 111, 117–120, 123, 154, 161, 162, 198, 199, 201, 210–212, 229, 231
 Норвич
 Нордальбингия 103, 199
 Ноннебакен, датский лагерь в Оденсе, о-в Фиония
 Норик 180
 Нормандия 15, 16, 104, 105–107, 112, 145, 152–154, 156, 159, 161, 162, 214, 221, 224, 225, 228, 233, 240–244, 251–260, 262–264, 271,
 Нортумбрия 93, 114, 172, 202, 244
 Ноттингем 105
 Нуайон 95
 Нуармутье 215, 216, 227
 «Область датского права», северо-восток Англии 156, 159, 161, 244, 250, 252–255
 ободриты, славянское племя 71, 185
 Овернь 172, 215, 216
 Оденсе (Дания) 120, 121, 223
 Озсберг (Норвегия) 202, 203
 Олтения (Румыния) 180, 181
 Ополе (Оппелн), польский город 67, 185
 оногуры, тюркский народ 28, 30
 Оркнейские острова 91, 96, 106, 109, 116, 124, 154, 158, 162
 Орлеан 32, 215, 216
 Орхид (Югославия), болгарская столица 25
 Осло 84, 86, 108, 119, 203, 204
 Остмарк, Восточная марка 144
 Остров Ледники (Польша) 71
 Отен 127
 Павия 31, 32, 33, 35, 166, 283
 Палермо 132
 Паннония 11, 17, 27, 29–32, 36, 37 39, 41, 41, 58, 61, 65, 142
 Паннонхальма (Венгрия) 39
 Пантеллария 131
 Париж 95, 142, 152, 166, 235, 239
 Пелопоннес 55, 58, 59, 60, 187
 Переяславец 78
 Переяславль 73, 75
 Пехина (Испания)
 печенеги 14, 17, 19, 26, 27 40–43, 78
 Пиза (Италия)
 Питерборо (Англия) 245
 Питре 146, 214
 Плиска (Болгария) 22, 25
 Познань 68, 69, 70
 полабы, славянское племя
 половцы, см. куманы
 Полоцк 73, 75, 270
 Польша 60, 65–69, 71, 79 184, 190
 поляки 69, 183
 поляне, польское племя 67
 поляне, русское племя 48, 74
 Понца (Италия) 131
 Прага 65, 66
 Преслав (Болгария) 22, 24, 30, 194
 Преспа (Югославия) 25
 Прованс 127, 134, 135, 136, 140, 281, 282
 Пруссия 52, 69
 Псков 270
 Пуату 212, 215, 216, 240, 242
 Пуатье 127, 210, 216, 237, 279, 280
 Пьемонт 32, 135
 радимичи, русское племя 74
 ране, славянское племя 71
 Раш (Югославия) 63
 Рейн 12, 14, 37, 95, 112, 139, 144, 166
 Ренн 149, 214, 217
 Рерик (Германия) 185
 Рибс (Дания) 231
 Рим 14, 16, 69, 110, 131, 132, 133, 136, 179, 180, 222
 Рингерике (Норвегия) 225

- Роден (Швеция) 123
 Рона 12, 95, 99, 126, 128, 135
 Роскилле (Дания) 120, 121, 204
 Ростов 79
 Руан 95, 105, 106, 107, 110, 111,
 112, 118, 143, 144, 149, 161, 207,
 211, 212, 214, 227, 228, 229, 239,
 241–245, 253, 256–259, 262, 263,
 264
 Румыния 41, 179
 румыны 40, 46, 57, 182
 Руссилон 129
 Русь 25, 26, 27, 48, 65, 72–80, 114,
 161, 196, 198, 226, 229, 254, 265,
 266, 268, 269
 Рюстринген 105, 106
 саксы 66, 82, 204
 Самандар, хазарский город 26
 Санта-Северина (Калабрия), сара-
 цинская база 133, 134
 сарацины 11, 12, 19, 36, 125–138,
 143, 164
 Сардиния 130, 138
 Сатерланд 96
 Саутгемптон 111
 Свёльд, о. 118
 северяне, русское племя 48, 74
 Севилья 99, 271
 Секешфехервар (Венгрия) 39, 41
 Сена 95, 103, 109, 145, 149, 227,
 257, 259–261
 Сен-Вандрий 215, 242
 Сен-Дени 95, 227
 Сен-Клэр-сюр-Эпт 104, 256
 Сен-Мексан 215, 216
 Сен-Рикье 234
 Септимания 128, 129
 сербы 24, 48, 49, 61, 62, 63
 Силезия 48, 61, 66, 67, 185, 193
 Сисак (Хорватия) 61
 Сицилия 58, 102, 116, 130, 131, 135,
 136, 150, 272, 280
 Скарар (Швеция) 122
 Скирингсаль (Норвегия) 86, 108
 славяне 11, 17, 22, 24, 27, 40, 45–47,
 49–80, 101, 102, 183, 184, 186,
 189–193, 195, 196, 254
 Словения 275
 словенцы 61
 Смоленск 50, 73, 75, 77
 Сокур-ан-Вимё 142
 Сомбатели (Венгрия) 278
 Сомма 95
 Сопрон (Венгрия) 278
 Сплит (Далмация) 188
 Ставерен (Нидерланды) 112
 Старая Ладога 77, 101, 108, 267
 Стикластадир 118, 205, 206
 Стокгольм 86, 108, 122, 269
 Стэмфордбридж 115
 Суздаль 79
 Табаристан (Иран) 101, 272
 Тара (Ирландия) 113
 Тарент 131, 133, 150
 Тмутаракань 50, 76, 77, 185
 Толедо 13, 126, 166
 Трансильвания 30, 180, 181, 182, 183
 Треллеборг, датский лагерь 120, 173
 Труа 220, 243
 Тулон 137
 Тулуза 127
 Туне (Норвегия) 203
 Тур 127, 214, 215, 216, 243
 Турин 136
 Туркестан 109, 229, 230
 Тутракан (Болгария) 22
 Тьель (Нидерланды)
 тюрки 20–23, 25, 26, 28, 30, 38, 41,
 43, 101, 194, 195
 Тюрингия 32, 35, 47, 53, 63, 191
 Узбегистан 102
 Уотерфорд (Ирландия) 98
 Упланд (Швеция) 84, 114, 123, 197
 Упсала (Швеция) 87, 121, 18, 204,
 212
 Урнес (Норвегия) 225
 утигуры, тюркский народ 20
 Утрехт 112

- Уэксфорд (Ирландия) 98, 99
Уэльс 116, 210, 229, 252
Уэссекс, королевство 106, 117, 150, 245, 246, 248
Фарерские острова 91, 100, 124, 154, 201, 244
Фарфа (Италия) 281
Фекан 262
Фессалия 61, 181
Фессалоники 22, 55–57, 60, 65, 179, 189, 190
Филиппы (Греция) 194
Финляндия 116, 212, 229, 231
финноугры 19, 26, 28, 50, 101
Фландрия 144, 153, 157, 210, 215
Флери-сюр-Луар 152, 246
Фраксинет, сарацинская база 134, 135, 143, 151
Фрежюс 135, 137, 281
фризы 85
Фрисландия 16, 82, 103, 112, 157, 208, 212, 228
Фюркат, датский лагерь
хазары 14, 19, 20, 22, 25–27, 41, 101, 274
Хамлидж, хазарский город 26
Харц
Хасселт (Бельгия) 228
Хедсбю (Шлезвиг), порт 86, 108, 109, 191, 226, 227
Хельго (Швеция) 173, 269
Херфорд (Вестфалия) 223
Хладир (Норвегия) 85, 117
Хорватия 24, 27, 62, 151
хорваты 48, 61, 190
Хорезм 126, 272
Чернигов 73, 75
Честер 247
чехи 66, 183, 193
Чивитавеккья 131, 282
Шартр 95, 259
Швеция 81, 82, 85, 101, 102, 110, 111, 114, 117, 121, 122, 123, 162, 173, 199, 210, 212, 219, 229, 231, 269
Шетландские о-ва 91, 96, 99, 124, 154, 155, 158, 201, 252
Шлезвиг 86, 91, 92, 108
Шотландия 90, 91, 96, 158, 201, 231, 260
Эбрейль 216
эзериты, славянское племя 56
Эссекс 210
Эстергом (Венгрия) 30, 39, 41
Эстония 116
юты 82

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Дата	Скандинавы	Мусульмане	Славяне	Степные народы
525	Ок. 520: Набег датчан на Фрисландию		Ок. 520—530: Первые контакты между славянами и византийцами на Дунае	
550	574: Набег датчан на Фрисландию		548: Первый поход славян до Адриатики	570: Авары в Паннонии 578: Славяне у Коринфа
575 600			Ок. 600: Славяне осаждают Фессалоники и Салон	
625			Ок. 625—660: Само, король славян Богемии	
			626: Осада Константинополя аvarами и славянами	
650			641: Первый поход славян в Италию	
675		711: Мусульмане в Испании	Ок. 650: Первые славяне в Вифинии	680: Болгарский хан Аспарух переходит Дунай 705: Болгарский хан Тервел добивается титула кесаря

Дата	Скандинавы	Мусульмане	Славяне	Степные народы
700	Нач. VIII в.: Первые норвежские поселения на архипелагах Шотландии	718: Мусульмане в Галлии 725 (?): Мусульманский поход на Огеи		
750		732 (733): Битва при Пуатье 736-739: Карл Мартелл начинает отвоевывать Юг Галлии		
775		759: Франки возвращают себе Нарбонн 778: Поход Карла Великого в Испанию		796: Франки разрушают аварский ринг
800	Ок. 786: Первые викинги в Англии 975: Первые викинги в Ирландии 799: Первые викинги в Галлии 804: Первые контакты между датчанами и франками на суше	808: Первые набеги сарацин на Италию		808-814: Крум, хан болгар. 811: Победа болгар над императором Никифором

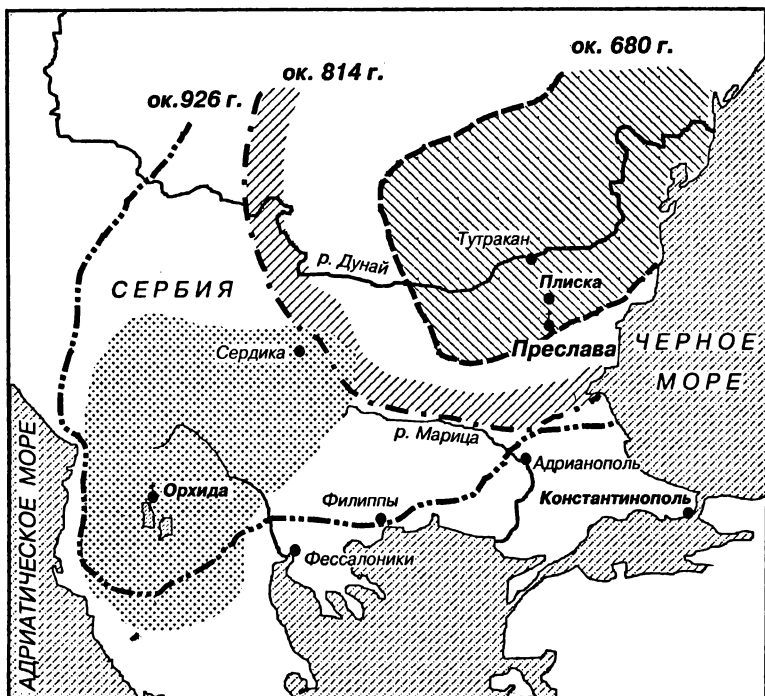
Дата	Скандинавы	Мусульмане	Славяне	Степные народы
825	826: Первое датское государство во Фрисландии	827: Начало завоевания Сицилии и Крита	818: Людевит, князь хорватов 833: Христианская церковь в Нитре (Словакия)	
	839: Первые контакты ваягов с византийцами	Ок. 838: Первые набеги сарацин на Галлию		
	841: Норвежцы в Дублине	840: Сарацины захватывают Тарент 841: Сарацины захватывают Бари		
	844: Викинги в Севилье	846: Разграбление Рима	846–869: Ростислав, князь Великой Моравии 852: Хорватское епископство в Нине	
850	851: Первая зимовка викингов 859: Первые викинги в Средиземноморье Ок. 860: Открытие Исландии. Первый поход ваяг на Византию		860: Русский поход против Византии 862–882: Кирилл и Мефодий в Моравии	

Дата	Скандинавы	Мусульмане	Славяне	Степные народы
875	<p>Ок. 865: Первые выплаты «датских денег» в Англии. Первые походы к Каспийскому морю</p> <p>876: Основание королевства в Йорке</p> <p>878: Мир между Альфредом и датчанами</p> <p>Ок. 880: Первый поход варягов на Иран</p> <p>Ок. 882: Олег в Киеве</p> <p>885–886: Осада викингами Парижа</p>	<p>871: Греки отвоевывают Бари</p> <p>880: Греки отвоевывают Тарент</p>	<p>882: Олег в Киеве</p>	<p>864: Крещение болгарского хана Бориса</p>
900	<p>902–919: Временное возвращение Дублина ирландцам</p> <p>910: Поход на Бердаа</p>	<p>Ок. 902: Захват Баларских островов</p>	<p>910–928: Томислав, король Хорватии</p>	<p>889: Вытеснение мадьяр с Украины</p> <p>895: Мадьяры в Паннонии</p> <p>899: Первый набег венгров на Италию</p> <p>907: Первый набег венгров на Германию</p>

Дата	Скандинавы	Мусульмане	Славяне	Степные народы
911:	Основание Нормандии		Договор между русскими и греками	913 Болгарский царь Симеон коронуется как «Василевс»
925	919: Викинги в Нанте 926: Последняя выплата норманнам дани в Галлии Ок. 930: Конец первого этапа набегов викингов 936: Изгнание датчан 943–945: Франки возвращают себе Руан. Начало крещения норвежцев в Ирландии	916: Иоанн X уничтожает базу сарацин на р. Лигри 932: Поход сарацин на Геную 941: Второй русский поход на Византию	915–929: Вацлав, князь Чешский 925: Сербское епископство в Расе 931: Чеслав, князь сербов	926: Создание болгарского пагриярхага
950	954: Англичане окончательно отвоевывают Йорк 966: Крещение короля Дании Харальда Синезубого		966: Крещение Мешко	Середина X в.: печенеги на Западной Украине 955: Крещение Ольги Киевской 968: Уничтожение хазарского государства

Дата	Скандинавы	Мусульмане	Славяне	Степные народы
975	Ок. 980: Возобновление активности скандинавов в Англии и Ирландии	972-973: Захват Фраксинета христианами		972: Конец первой болгарской династии Ок. 980: Самуил возродит Болгарскую империю
981	Открытие Гренландии	982: Поражение Оттона II при м. Колонна	989: Крещение Руси (св. Владимир)	
Ок. 985-1014	Свен Вилбородый — король Дании		995: Объединение Чехии	
996-1026	Ричард II, герцог Нормандии		1000: Отгон III в Гнездо	Ок. 1000: Крещение венгерского короля Вайка
Ок. 1000	Исландцы в Винланде. Крещение Исландии	1003: Набег на Лерен		1014-1019: Уничтожение первой Болгарской империи Василием II
1002: Резня в Сент-Брайс				
1014: Битва при Клонтарфе	Свен — король Англии			
1016: Кнут Великий — король Англии				
1030: Кнут Великий, правитель Норвегии				
1035: Смерть Кнута Великого				
1038: Смерть св. Стефана Венгерского				

Дата	Скандинавы	Мусульмане	Славяне	Степные народы
1050	<p>Ок. 1040: Экспедиция Ингвара в мусульманскую Азию</p> <p>1042: Эдуард Исповедник — короля Англии</p> <p>1052: Переворот Эдуарда, направленный против англо-датской партии</p> <p>1066: Харальд Суровый в Англии. Завоевание Англии нормандцами</p> <p>1070: Разгром «Области датского права» нормандцами</p>	<p>1047: Набег на Лерен</p>		<p>1049: Языческая реакция в Венгрии</p> <p>Середина XI в.: Куманы (половцы) на Украине</p> <p>Ок. 1064: Гузы на Балканах</p>

БОЛГАРЫ

Государство Аспаруха ок. 680 г.

Государство Омуртага, ок. 814 г.

Вторая Болгарская империя

Болгарская империя в своей наибольшей протяженности

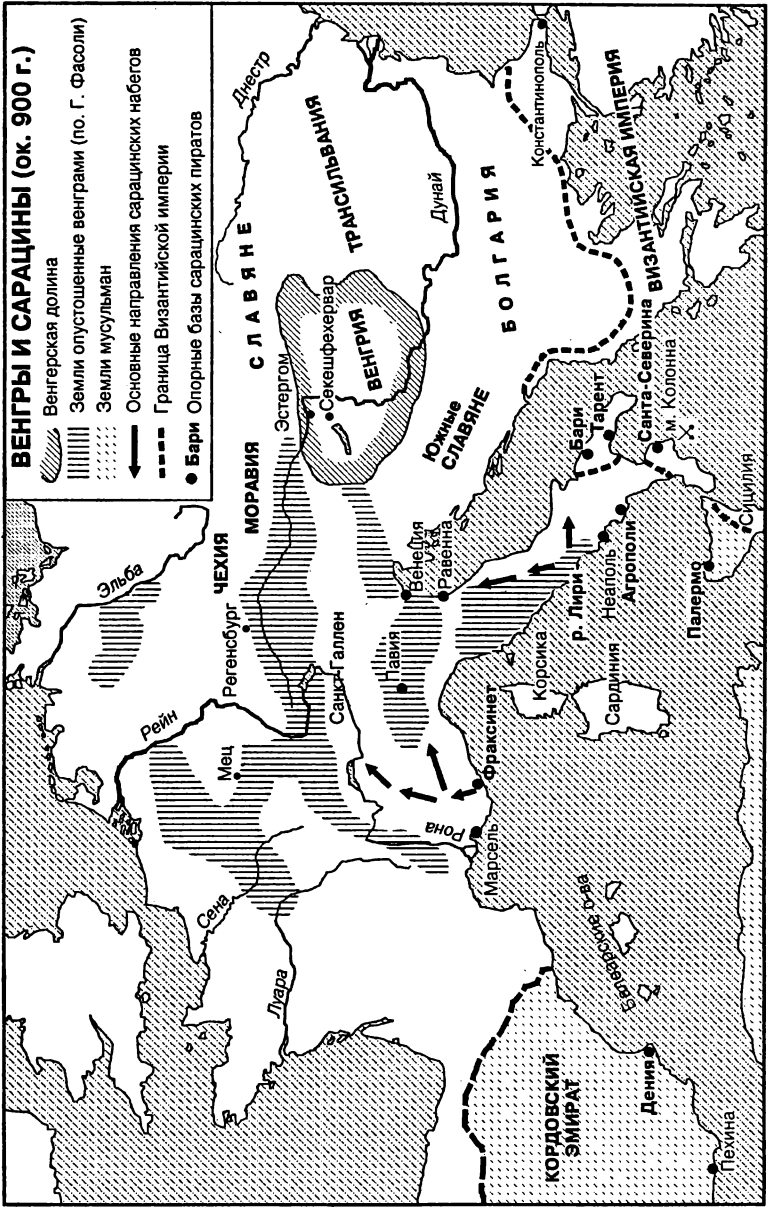
Центр Болгарского патриархата

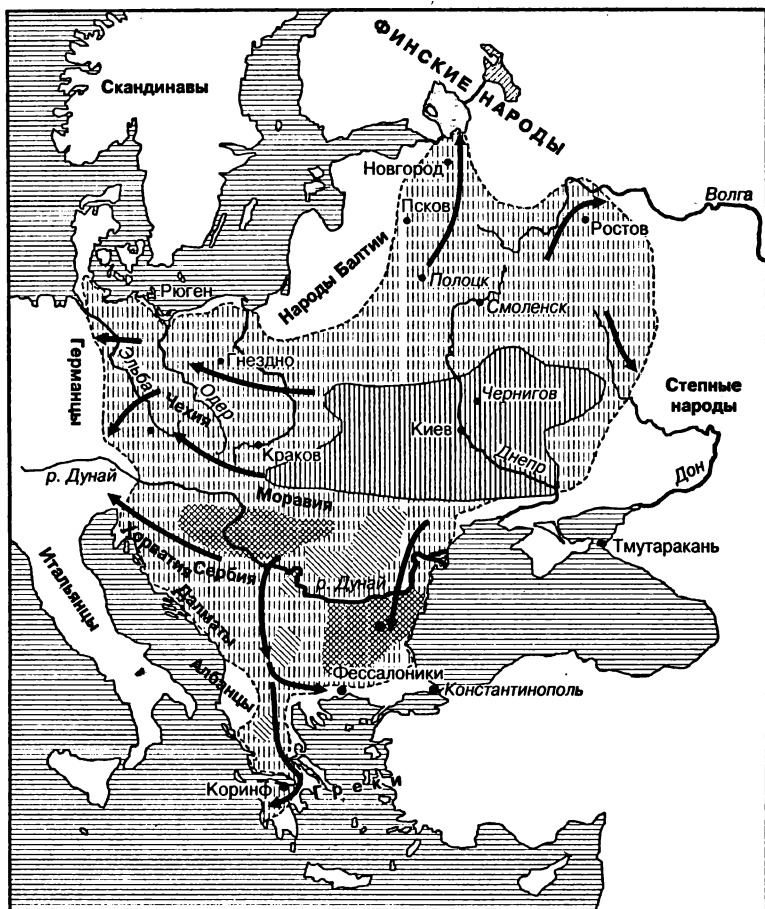

Плиска — столица

ВЕНГРЫ И САРАЦИНЫ (ок. 900 г.)

- Венгерская долина
- Земли опустошенные венграми (по Г. Фасоли)
- Земли мусульман
- Основные направления сарацинских набегов
- Граница Византийской империи
- Базы опорные базы сарацинских пиратов

ЭКСПАНСИЯ СЛАВЯН

Зона предполагаемого происхождения славян (к III в.)

Земли заселенные Венграми и Протоболгарами IX-X вв.

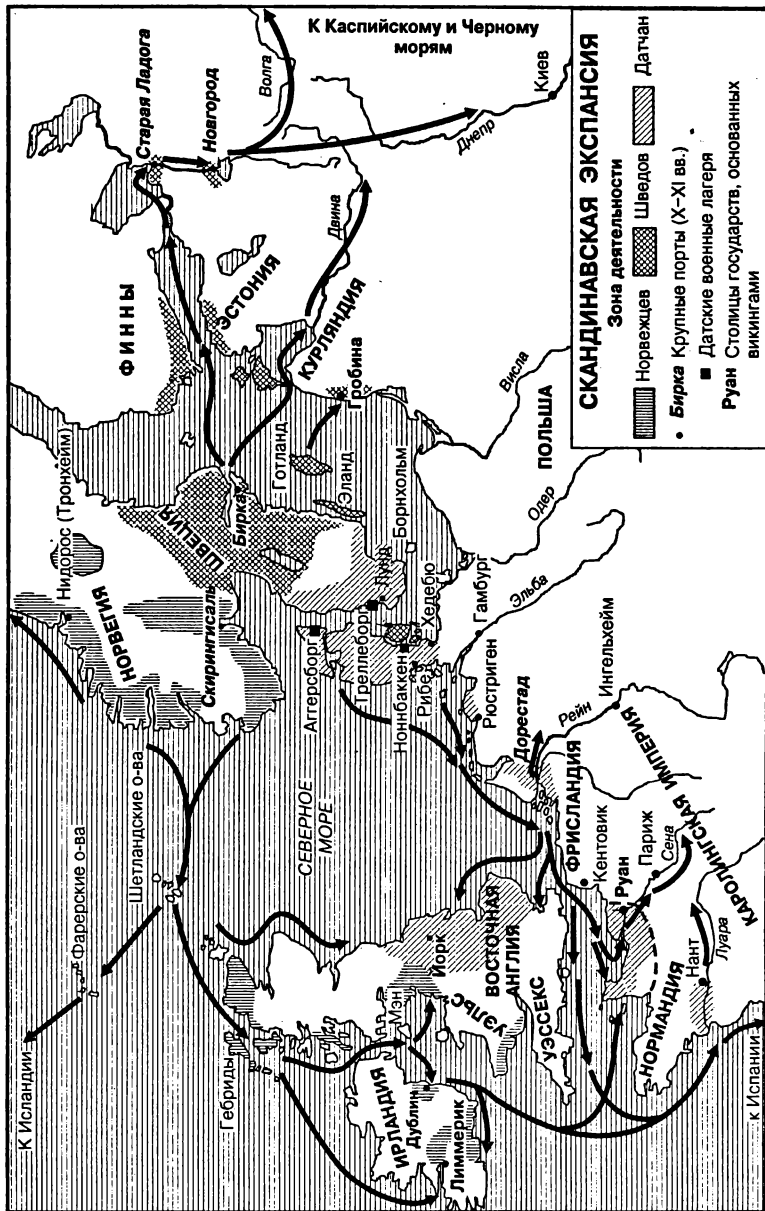

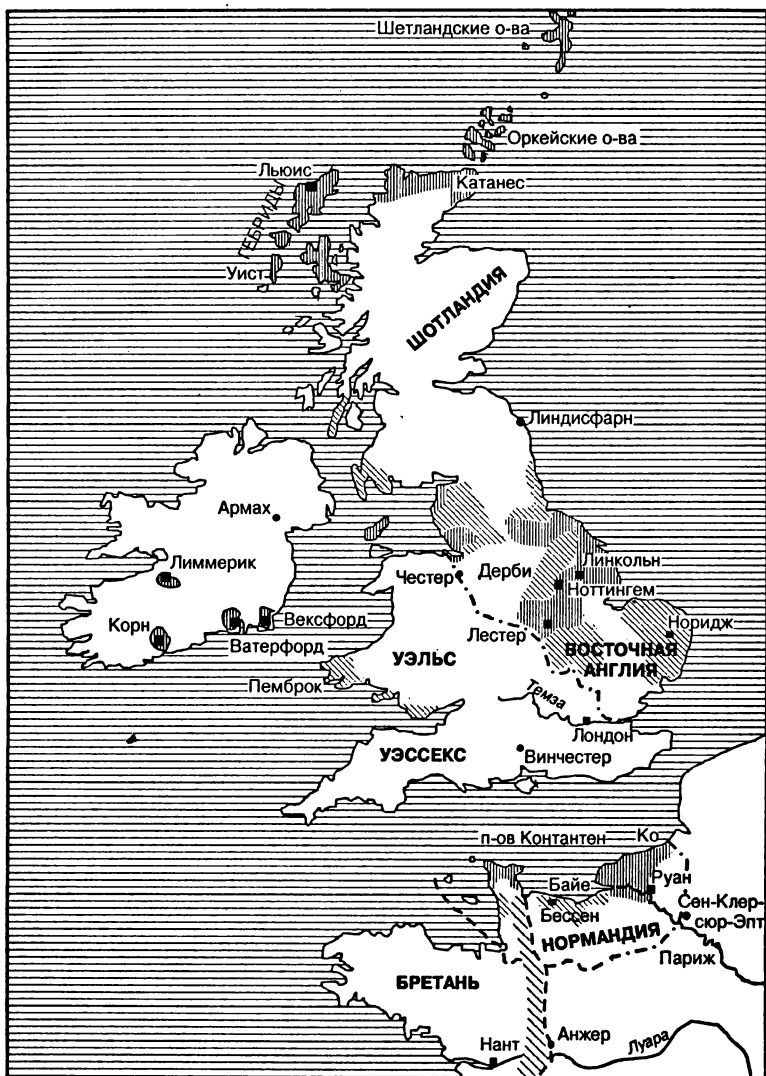
Максимальное распространение славянских языков ок 900 г.

Латинские анклавы на территории расселения славян (схематичное изображение)

Границы даны схематично, особенно на Балканском п-ве

ЗАПАД ВИКИНГОВ

Зоны наиболее плотного заселения скандинавами

Зоны слабого заселения скандинавами

Граница Бретонского королевства

■ Города с высоким процентом скандинавского населения

- - - Граница по договору (Области Датского права: 886 г. —
Нормандии: 911 г.)

- - - Нормандская граница в конце X века

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
Предисловие	8

КНИГА I НАШИ ПОЗНАНИЯ

Введение	11
Глава первая. — Степной мир в VII—XI вв.	19
Болгары и хазары	20
Венгры	27
Арьергард диких кочевников: печенег и куманы	41
Глава вторая. Расселение славян	45
Происхождение славян	45
Продвижение славян в IV—VIII вв., общие черты	47
Приход славян в Центральную и Восточную Европу	50
Славянизация Балкан	53
Зарождение славянских государств	60
Глава третья. — Скандинавы: викинги и варяги	82
Происхождение	82
Первая волна и образование государств	91
Затишье, вторая волна и ее спад	109
Зарождение скандинавских государств	117
Глава четвертая. — Сарацины	125
Великое мусульманское наступление VIII в. и его провал ..	126
Сарацинские банды в IX—XI вв.	130
Глава пятая. — Влияние завоеваний на пост-каролингский Запад	139
Завоевания IX в. и разрушение каролингского общества	139
Каролингский Запад и его соседи	148
Видоизменения западной цивилизации и вклад Сканди- навии	151
Заключение	163

КНИГА II НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предисловие. — Работа над источниками	169
Глава шестая. — Потрясения в Восточной Европе	177
Византия и варвары	177
Восточно-римский мир	179

Многообразие славянского мира	183
Вокруг балканских славян	186
Западные славяне и германо-славянские отношения	190
Болгарские проблемы	194
Глава седьмая. Викинги: общие проблемы	197
Успех одного нашествия	197
Проблемы цивилизации	218
Глава восьмая. — Викинги: локальные проблемы	245
Англо-скандинавские проблемы	245
Нормандские проблемы	255
Русские проблемы	265
Скандинавы и мусульманский мир	270
Глава девятая. — Венгерские и сарацинские проблемы	274
Вокруг венгров	274
Вокруг сарацин	279
ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ	285
ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА	289
БИБЛИОГРАФИЯ. Методы исследования и документы	299
Пояснения к библиографии	301
Список сокращений	303
Раздел I. — Опубликованные источники	304
Раздел II. — Современные работы	310
Именной указатель	328
Указатель географических названий	332
Хронологическая таблица	338
Карты	345

Научно-популярное издание

Мюссе Люсьен
Варварские нашествия на Западную Европу:
волна вторая

Главный редактор *В.В. Чубарь*
Подготовка указателей *М.С. Трофимова*
Принимающий редактор *Т.В. Антонов*
Выпускающий редактор *В.Ю. Трофимов*
Компьютерная верстка *С.В. Арефьев*
Корректор *Е.В. Верещун*

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: 235-99-06; 329-05-85
e-mail: eurasia@vmb-service.ru

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Издано при участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

Варварские нашествия на Западную Европу не раз меняли ее облик. В кровавых столкновениях рождались новые цивилизации.

В книге известного французского историка Люсьена Мюссе на основе многочисленных исторических источников подробно анализируются проникновение в VIII — X веках викингов, сарацин, славян в Европу и зарождение новых государств, окруживших варварские королевства.

Историческая библиотека

ИНН 4502016636 ООО "Меридиан-АСТ"
ИБ Мюссе Варварские нашествия на Западную Европу

Цена: 150р.00к.

9785807102119 29.08.06